Грязь, грязь, грязь реки,
Будь послушной в моих руках,
Стань куклой... Танцуй, кукла!
Живи, кукла...

Мамаэ Ошун
Папаи Огун Бейра Мар

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

АСТРА НОВА

An 2(012) 2019

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

Международный литературный клуб
«Astra Nova»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 2(012). – СПб.:
А91 Издательство Северо-Запад, 2019. – 303 с.

ISBN 978-5-93-835-801-0

Куклы, големы, роботы, киборги, андроиды, созданные для игры или работы там, где людям сложно или не хочется. Они неразумны и не умеют чувствовать, ими управляет программа, у них нет души. С ними можно не церемониться, они не люди. Но ведь и людьми управляет программа, дергая за ниточки воспитания и гормонов, – значит, не церемониться можно и с людьми? Или добраться до тех, кто дергает за ниточки – и от души поцеремониться с ними? Или просто оставаться человеком – даже если вовсе им не был?

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

© Светлана Тулина, составление, 2019
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2019

ISBN 978-5-93-835-801-0

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
СОЛИСТЫ

Мэй Платт
Семейные традиции 11
Твоя семья – и монстр,
которого ты называешь братом.

Евгения Юрова
Сказка торговки сладостями 15
Даже мыши дозволено смотреть
на свадьбу дочери падишаха

Юлия Горина
Психоаналитик для микроволновки 24
Няни бывают нужны
не только мелким гаденышам

Изабелла Кроткова
Незнакомый чёрный телефон 38
Черная рука – прошлый век,
вот телефон – дело другое.

Лита Марсон
Карающие буквы 46
Пишите на стенах! Пишите – и вам воздастся.
Или не вам.

Наталья Волочаевская
Неприличные выражения на дольфише 50
В брачных играх важно
соблюдение правил скорее хореографии, чем фонетики

Ольга Денисова
Прямой репортаж 56
Спасем детей от скрепных маньяков, желающих странного!

Часть вторая
ПРОФЕССИОНАЛЫ

Александр Князев
Джваний Периброкс 87
Кто управляет бумагами – управляет миром

Елена Ворон
Черные мысли на белом снегу 99
Слетал, называется, в отпуск...
Вот и доверяй после этого Шайтанам!

Вадим Кузнецов
Великолепный проигрыш «Спартака» 116
Одни работают ногами, а другие дергают за ручки.

Сергей Резников
Эмоции для кукол 121
Робот мыслит – значит, он существует?

Дмитрий Иванов
Вынужденная посадка 134
Трудно не заиграться в игре длиною в жизнь.
Милана Шторм
Беды Черной Королевы 147
Черно-белый мир, как правило, –
мир цвета крови.
Светлана Тулина
Слепой и его фишка 152
Космос, которого мы не видели

Часть третья

ВЫСШАЯ ЛИГА

Борис Богданов
Фильтрационный лагерь «Хайнлайн» 161
Скажи, во что ты с нами играешь, –
и я скажу, кто ты.
Екатерина Годвер
Каштановый человек 179
Сбивая каштаны, будь готов и сам быть сбитым.
Нат Райдо
Аватар Небес 193
Если ты слышишь небо – соседям об этом лучше не знать.
Наталья Лазарева
Нянька для Понтии 203
Знать бы критерии, по которым грибы собирают людей...
Игорь Градов
Мертвая бабочка 220
Кто бы ни раздавил эту бабочку,
принц Фердинанд ему благодарен.
Мария Шурухина
Оберег 224
Богам тоже нужно во что-то верить.

Часть четвертая

СКАМЕЙКА ЗАПАСНЫХ

Роберт Говард
Прикосновение Смерти 232
Перевод Н.Лаптева. Впервые на русском языке!
Прикосновения Смерти ужасны даже для несуеверных

Часть пятая

РЕПОРТАЖ С ПОЛЯ

Кристиан Бэд
Экология творчества 237
Как защитить писателя от критиков, читателей,
писателей, внутреннего редактора и самого себя

Часть шестая
ПУПСИКИ

Алексей Донской
Жар-птица 253
Зачем нужна свобода, если не знаешь,
что несешь – жизнь или смерть?
Лаборант 254
В слишком изменчивом мире стабильность
стоит дороже жизни
Наталья Голованова
Высокий, красивый и вообще... 255
Они навоображают,
а следаку потом распутывай!
Михаил Загирняк
Коллеги 257
Бесить – это так по-человечески!
Кирилл Ахундов
Избаловали! 258
Не все писатели одинаково полезны
Татьяна Алексеева
В свободное от работы время 259
...можно оставаться людьми
Станислав Романов
Timeo danaos 260
Он даже не похож на человека.
А кто похож?
Происшествие в Столярном переулке 262
Постоянный стук за стеной
любого доведет до преступления!
Вартан Бабиян
Идентификатор киборга 263
Не оставляйте свои идентификаторы там,
где до них могу добраться чужие!
Ильмир Амиров
Корректировщики моментов 265
На каждый аргумент
найдется своя контра!
Александр Карапац
День труда 267
Праздник, который ждешь целый год
Сергей Фирсов
Хотелки 268
Отделяйте мечты от желаний даже в рождественском сете!
Милый друг 270
Друзья, как и дороги, бывают разными.
И не всегда одобряют друг друга.
Лариса Тихонова
Контрольная фраза 272
Магия типовая, обыкновенная,
космоисследовательская

Максим Тихомиров
Семейные ценности 273
Современные технологии
многое позволяют убить
Секс и насилие в условиях отдельно стоящего замка 275
Инцест – дело семейное,
а семья у папы Карабаса большая.
Немного счастья напрокат 276
Счастья, не для всех и не даром.
Разного.
Ека Мацеевич
Успеть за 12 минут 277
Берегитесь развевающихся одежд!
Злата Линник
Поганкин, будь человеком! 279
Лучшее – враг хорошего
даже в неумении врать.
Анна Михалевская
Кукольник 280
Под этим небом и над этой бездной –
как понять, кто держит вагу?
Станислав Карапапас
Как-то в полночь 281
Все нормальные родители хотят
нормального счастья для своего нормального ребенка
Федор Федоров
Свидание впустую 283
А я так надеялась, что оно настоящее!
Или он. Или я. Или
Veni, vidi, vici 284
Чужие воспоминания привлекательнее всегда
Дмитрий Шадмер
Третий грех 286
Ангел всегда остается ангелом,
и имя ему – беспощадность
Дмитрий Сошников
Экспертиза 287
По закону или по-человечески?
Галина Соловьева
Верни мечту 289
Сбыча мечт – это всегда конец. И не всегда счастливый.
Кира Эхова
Яблоко для Белоснежки 290
Правильные принцессы
с пеленок приучают себя к ядам
Дарья Странник
Чтобы выжить 291
...нужно многое в себе заменить и ко многому привыкнуть

Сергей Петровец
Убить Минотавра 293
Убей или умри - и все равно убьешь.
Евгения Нордин
Лист ожидания 294
Канцелярия не всемогуща и теней
вечно не хватает на всех желающих
Светлана Тулина
Не-жить 295
Надо быть хорошей - тогда не убьют
Мастер обмана 297
Смотрите, я вас обманываю! Верите?
Юлия Цыбульская
Ласковый и нежный киберзверь 298
Охота – дело не всегда добровольное
Виталий Придатко
Проигрыш 299
Игрок, помни – семья тебе поможет!
Оксана Корпусова
Что сказать? 301
Лучше жевать, чем говорить, если видишь тарелку.
За окном

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Солисты
САМ, ВСЕ САМ!

Мэй Платт

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

Семейные обеды Ю сродни церемонии Гунфу-Ча: нельзя нарушить ни единой детали ритуала, а уничтоженный пришельцами мир — не повод перенести очередную дату воссоединения.

Лунную базу «Пифей», где добывали ресурсы для Талоса-1 и становились объектами экспериментов заключенные, нелегко было превратить в обитель, достойную Уильяма и Кэтрин Ю, но родители справились. Стены покрыты венецианской штукатуркой, пол теперь мраморный. Они привезли с Земли даже золото, бархат и предметы искусства. На стене «Мона Лиза» соседствует с «Черным квадратом». Аудиотека перебирает мягкие джазовые мелодии.

Выбор блюд и винная карта тоже соответствуют традициям. Восковые свечи в серебряных подсвечниках оттеняют перламутровые переливы устричных раковин. Черная и красная икра выложены в символ инь-ян. На горячее подадут свинину в кисло-сладком соусе. Личный сомелье разливает вина по бокалам и, черт возьми, на нем настоящие шелковые белые перчатки.

Алекс и сам никогда не был аскетом, но сейчас в голове вертится только одно выражение: пир во время чумы.

Немного жаль, что он не сумеет проглотить ни кусочка: традиционные обеды Ю и прежде были способны испортить аппетит даже ему.

Сегодня все намного хуже, и не только потому что атмосфера Земли пронизана золотистыми нитями, а из десяти миллиардов населения выжило полтора миллиона.

Все дело в том, кто сидит по левую руку от отца — на законном месте второго сына. Алекс знает, что Уильям Ю предпочел бы видеть своим первенцем Моргана.

Все дело в том, что на Моргане ошейник, блокирующий пси-способности.

В том, что и без того темные глаза нет-нет да и сгущаются до непроглядной бликующей тьмы иных миров.

В том, что в стены вмонтированы камеры и турели, активировать их можно даже без голосовой команды, одним кивком.

В том, что отец не верит в успех Алекса.

— Итак, ты привел к нам тифона. — Уильям Ю как будто продолжает начатый ранее скучный разговор.

Кэтрин бросает беглый взгляд на Моргана. Тот отвечает совершенно прежней улыбкой. Ошейник отрегулирован так, чтобы не полностью заблокировать способности, не то «человек» растекся бы черной жижей.

Алекс сам настраивал: «Раньше у тебя получалось вытерпеть эти обеды, давай попробуем снова». Тот согласился.

— В облике твоего мертвого брата, — продолжает Уильям Ю, сомелье подливает ему вина. — И это то, на что ты потратил двести миллионов моих денег.

— Да, отец. — Алекс поднимает голову. — Эксперимент завершился успехом. Морган готов помочь нам установить мирный контакт с чужими.

— Морган? — перебивает Уильям Ю. — Моргана сожрали эти твари. Может быть, вот оно и сожрало.

Темнота в глазах мигает и исчезает. «Эксперимент» единственный, похоже, кто получает удовольствие от трапезы, пробует то икру, то острый гунбао, пьет джин со льдом — одним словом, ведет себя настолько как Морган, что Алексу немного не по себе; прежде он и сам не до конца верил, что вернул брата. Но ведь Коралл хранит каждую из своих жертв — почему бы не поделиться?

— Это уже не имеет значения. — Алекс призывает на помощь все свое терпение. — Семь месяцев прошло от завершения первой успешной стадии. Мы провели все возможные тесты. Морган стабилен.

— Не называй тварь именем своего брата.

Алекс оглядывается в сторону матери — будто умоляя о поддержке. Впрочем, он выучил еще тридцать с лишним лет назад: бесполезно. Кэтрин Ю поджимает губы и немного кивает в такт то ли музыке, то ли словам мужа.

— Морган, — Алекс проговаривает имя почти по слогам, — не тварь. У него прежняя личность и сознание. Или тебе важнее клеточная структура, отец?

Разговор идет не так и не туда. Алекс догадывался, что будет сложно. Недооценил — насколько. Он уже весь взмок, ткань рубашки противно липнет к спине.

— Ты можешь заморочить голову журналистам, своим не менее сумасшедшим помощникам, потерявшим надежду людям, даже остальным из совета ТранСтар, только не мне, Алекс. Говоришь ты красиво. Спасение человечества, зеркальные нейроны, эмпатия — прекрасные заголовки таблоидов, но это все еще тифон. В ошейнике.

— Всего лишь мера безопасности.

— Всего лишь. — Уильям Ю победно ухмыляется.

Кэтрин склоняет голову набок, разглядывая обоих сыновей — настоящего и поддельного. Она скажет решающее слово, знает Алекс. Она определит судьбу Моргана — и всего проекта «Синергия».

Значит, и говорить нужно не столько с отцом, сколько с ней. Все просто.

— Ты обещал приручить одну из тварей, заставить ее выгнать сородичей взашей с нашей планеты. На какое-то время даже я тебе поверил, а теперь ты приводишь на наш семейный обед тифона в облике Моргана. И хочешь, чтобы я — что? Умилился и обнял эту штуку? Тебя тоже?

Алексу хочется напомнить: последний раз ты обнимал меня в мои восемь, когда мой анонимно посланный на конкурс школьный проект занял первое место по штату. Моргану повезло больше, он удостоился объятий еще за изобретение нейромодов.

— В лаборатории он ходит без ошейника, отец.

Целую секунду он готов добавить: и спит в моей постели, если тебе это интересно.

— И мы готовы к следующей стадии работы. Я собирался объявить о начале проекта «Дипломатия» на следующей неделе.

Алексу неловко говорить о Моргане в третьем лице. Тот неэстетично выжимает половинку лимона в джин и украдкой корчит рожи — так, чтобы видел только Алекс. Этот Морган больше Морган, чем человек с красными от установок нейромодов глазами, провалами в памяти и непроходящими головными болями, каким Алекс знал его последние месяцы до катастрофы на Талосе-1.

— Подготовка займет около двух-трех месяцев. Мы с Морганом, — он выдерживает правильную драматическую паузу, — летим на Землю.

«Ну вот и все», — думает Алекс.

«Я сказал ему».

Уильям Ю молчит мгновение, второе. Сердце колотится в ушах Алекса так громко, что он рискует то ли не расслышать ответ, то ли грохнуться с инфарктом. В груди действительно неприятно щемит.

Уильям Ю кивает супруге. Кэтрин, не меняя слегка отстраненного выражения лица, достает инкрустированный золотом пистолет и стреляет в сына.

Не в Моргана — Алекс предусмотрел такой вариант: на самом деле от ошейника можно избавиться без посторонней помощи.

В него.

Становится темно. Беспросветно-темно, потусторонние блики параллельных измерений ярче электрических ламп и свечей на столе.

Свечи падают в тарелку с икрой и гаснут в ней. Устрицы трещат раковинами о мраморный пол.

Морган держит в руке — с пятью пальцами, ногтями и розовой кожей, — бокал недопитого джина. Его лицо — связка жгутов, тьма не равномерно-черная, она фиолетовая, местами в золото или рубиновые сполохи. Пара щупалец зависли в воздухе. Самое длинное, выросшее оттуда, где был рот, язык, сжимает пулю.

Морган подкидывает и ловит ее своим жгутом, а потом аккуратно втягивает растянувшуюся по комнате черноту. Под столом он украдкой

протягивает третью «руку», — она скользкая, не вполне из осязаемой плоти, слегка бьет током, — и сжимает колено Алекса успокаивающим жестом.

Пулю он перекатывает дважды на языке и сплевывает в тарелку:

— Ну так когда мы летим на Землю?

Уильям и Кэтрин Ю переглядываются.

— Через месяц, — говорит мать. — Я позабочусь о том, чтобы у вас было все нужное.

Евгения Юрова

СКАЗКА ТОРГОВКИ СЛАДОСТЯМИ

Рассказывают, что жила в соседнем городе вместе с мужем торговка сладостями Халима. Она была известна как женщина мягкая и милосердная, не дающая в обиду даже больного нищего или самое низкое животное. Однажды перед ее лавкой собрались дети, чтобы выпросить чего-нибудь вкусного, и, пока Халима раздавала им орехи и сушеные фрукты, для забавы принялись кидать камни в тощую кошку, рыскающую по торговым улочкам в поисках пропитания. Увидев такую жестокость, добрая женщина отогнала детей, взяла кошку на руки и с укором произнесла:

— Плохо вы поступаете, обижая эту кошку, и Всемилостивый будет недоволен вами! Знайте, что всякая тварь имеет свои чувства, и всякую тварь уважать нужно в той же мере, что и почтенного соседа или собственного брата.

— Не верим!, — воскликнул юный сын богатого купца, что недавно остановился в городе, — у этой кошки мыслей и чувств не больше, чем у камня!

— Это ты так говоришь, потому что не знаешь историю придворного мудреца и говорящей мыши, — ответила торговка.

Мальчику стало любопытно.

— Что же это за история?

— А вот послушай.

Маленький гость придворного мудреца

Говорят, несколько лет тому назад в столичном городе, где живет с женой и сыновьями мой брат, пышно отмечали свадьбу единственной дочери визиря. На нее был приглашен и придворный мудрец, ученый старец, бывший одновременно и лекарем. Собираясь на пир, он принял ванну, натер себя ароматными маслами, облачился в лучшие одежды и собирался было присоединиться к празднеству, как вдруг почувствовал, как что-то маленькое зацепилось за полу его халата. Смотрит — на драгоценной ткани повисла, вцепившись что было сил, крошечная мышь! Старец, пусть и был мудрецом, сперва осерчал, но после рассудил, что такое необычное поведение наверняка должно иметь столь же необычное разъяснение. Он только убедился в своих подозрениях, когда мышь обратилась к нему совершенно по-человечески:

— Не убивай меня, о мудрейший из мудрецов, я хочу всего лишь посмотреть на свадьбу дочери визиря, и, наслышанная о твоем уме и добром нраве, прошу спрятать меня в твоих одеждах.

— Будь по-твоему, чудн е создание, — сказал тот, — но я потребую от тебя ответную услугу.

— Все, что пожелаешь!

— Когда мы вернемся с пира, а я прогоню слуг и удостоверюсь, что все во дворце легли спать, ты расскажешь мне, как научилась человеческой речи и зачем тебе понадобилось посетить свадьбу.

— Я с радостью расскажу тебе об этом, тем более и сама счастлива буду выговориться.

Тогда мудрец спрятал мышь в складках одежды и пошел на свадьбу. Веселились и пили весь день и всю ночь, а мудрец, помня о мыши, незаметно подсовывал ей крошки то того, то другого лакомства. Когда же, наконец, можно было покинуть пир, не нарушив приличий, он, сославшись на усталость, удалился в свои покои. Там мудрец прождал, пока не станет тихо, и вытащил мышь, усадив ее на подушку перед собой, после чего потребовал:

— Теперь рассказывай, о чем условились.

— С удовольствием!, — откликнулась та и начала

Рассказ о юноше Алиме и двух джиннах

Некогда жил в нашем городе богатый человек, державший посудную лавку, и имел он трех сыновей. Когда сыновья стали подрастать, отец решил передать им дело и стал учить их премудростям торговли. Младшие братья учились охотно и скоро сами стали торговать, один лишь старший сын Алим не любил это занятие и стремился к наукам. За то, что не хочет походить на родителя, лавочник возненавидел старшего сына, в вслед за ним столь же жгучим презрением прониклись к Алиму его братья. И вот умерла жена лавочника, и некому стало заступиться на ученого юношу. Тогда отец дал ему всего десять дирхамов да кусок хлеба, и велел:

— Отправляйся теперь, куда знаешь, а я больше не желаю видеть тебя, позорящего семью, в своем доме! Не смей никому говорить, откуда ты и чей ты сын, чтобы не очернить мое имя. За что мне такое наказание, как ты? Лучше я буду заботиться о твоих братьях.

Как ни было горько Алиму покидать родной дом, он не мог ослушаться отца и ушел, не понимая даже, куда ему направиться и что теперь делать. Так, в тяжелых думах, дошел он до другого конца города, и вдруг слышит, как какой-то мужчина жалуется соседу, что его любимый сын, свет его жизни, в остальном такой послушный и разумный, никак не может научиться ни счету, ни письму. Стоит взяться учить его — он сперва внимательно слушает и прилежно занимается, но очень скоро начинает плакать и кричать, и совершенно ничто не может его успокоить, и нет никакой возможности продолжить занятия. Тогда Алим окликнул печалящегося мужчину:

— Мир вам, любезный; разрешите и мне попытаться научить вашего сына!

— Что ж, попробуй, — ответил тот, — я буду исправно платить тебе первые дни, даже если не увижу успеха, но если на десятый день все будет по-прежнему, выгоню из моего дома и потребую возврата всей платы!

— Хорошо, — согласился юноша и пошел с тем человеком, чтобы устроиться у него в доме.

На следующее же утро он пошел знакомиться с мальчиком, которого прозвали Ваиль. Тот по обыкновению уже приготовил все необходимое для занятий, но, к удивлению Ваиля и его семьи, Алим начал не учить подопечного, а беседовать и играть с ним, и вскоре стал ему хорошим товарищем. В последующие дни он таким же образом подружился с его друзьями и родственниками. Видя это, на седьмой день отец Ваиля спросил:

— Когда же ты начнешь учить моего сына? Или ты хочешь остаться без крова, работы, да еще и в долгах?

— В свое время я начну учить его, — заверил Алим, — не беспокойтесь, к десятому дню все разрешится.

И вот настал десятый день, что он провел в этом доме. Рано утром он позвал отца, мать и прибывшего погостить дядю мальчика посмотреть на урок, но повел всех не в комнату, что была отведена для занятий, а во двор. Родичи Ваиля подивились этому, но решили посмотреть, что будет. Тогда Алим усадил ученика перед собой и принялся втолковывать ему правила счета. Зрители же терпеливо ждали и думали, что вот сейчас ребенок начнет капризничать и плакать, но нет — час прошел, второй, и даже отец мальчика устал от такой горы премудростей, а сын его только однажды пожаловался, что у него устали ноги от сидения и попросил разрешения встать. Когда же первый урок кончился, и молодой учитель опросил Ваиля о том, что тот запомнил, оказалось, что смышленый отрок усвоил куда больше, чем можно было бы ожидать от человека его возраста. Похвалив сына и отпустив играть с соседскими детьми, отец обратился к Алиму с такими словами:

— Вижу, ты сумел унять беспокойного сына и заставить его прилежно учиться. Скажи же, как тебе это удалось?

— Очень просто. Не замечали ли Вы, что мальчик порой пугался не только во время урока?

И вправду, такое изредка случалось, — припомнил отец.

Дело вот в чем: когда ему было три года от роду, его тетка, в то время делившая с Вами стол, нечаянно облила его горячим маслом симсима, но побоялась Вашего гнева, промолчала и строжайше запретила жаловаться самому Ваилю, а в объяснение сказала, что это его товарищи по играм обожгли его из неосторожности. Некоторые ожоги до сих пор не зажили, и я сразу приметил их. Так и вышло, что сын Ваш невольно

питает страх к запаху масла симсима, и по четвергам и пятницам, когда готовят плов, не может заниматься, почуяв его запах. Мне нужно было только сменить место и время занятий.

— Клянусь Аллахом, такого премудрого юноши, как ты, я еще не встречал, хотя за долгую жизнь свою перевидал немало!, — воскликнул отец, — Я рад буду, если ты и дальше останешься в моем доме учителем.

— С превеликим удовольствием, — поблагодарил его Алим.

Так ученый старший сын лавочника поселился в доме отца Ваиля, которого считал отныне младшим братом. Но, из-за того, что собственный отец запретил ему говорить об его родной семье, и из-за недостатка денег — а дающая ему кров семья была не слишком богата — он никак не мог найти себе жену, чему сильно печалился. Однажды вечером, когда хозяева отбыли на свадьбу родственника в другой город, оставив Алима стеречь дом, он особенно предавался печали, и, сидя в одиночестве за книгой, воскликнул:

— Один Аллах всеведущ и всемогущ! Но не могу я понять, за что мне такое наказание — одинокая жизнь и бездетная старость? Семья Ваиля относится ко мне с добротой, но разве нужен я буду, когда мальчик вырастет?

Тут, неожиданно для него, из угла комнаты ему кто-то ответил:

— Ты будешь нужен мне, о достойнейший из юношей, и я всегда буду следовать за тобой, если только ты не убьешь меня от скуки или ради забавы.

Тут мышь сказала, что устала за сегодняшний день и хотела бы немного поспать. Придворный мудрец и сам едва мог держать глаза открытыми, взял с гостьи обещание окончить историю завтрашним утром, устроил её на ночлег в шкатулку, выстланную мягкой тканью, и лег сам. Утром, чуть пробудившись и отослав невольников, доставивших завтрак, он проверил, на месте ли мышь. Та никуда не сбежала и уже поджидала мудреца, умывая свою серую шерстку. Отломив для нее немного финика и хлеба, старец попросил:

— Расскажи же продолжение истории умного Алима!

— Слушай внимательно, — предупредила мышь и начала

История о мыши и узнике бутылки:

Как можно догадаться, тот голос, что неожиданно обратился к Алиму, принадлежал мне. Дело было в том, что я поселилась в томе родителей Ваиля как раз когда ему нашли такого хорошего учителя. Чуть заслышав речи юноши, я влюбилась в него без памяти, пусть это и не положено. Мне стало стыдно портить припасы в том доме, где живет мой возлюбленный, и с той поры я стала бегать по улицам, подбирая крошки. Однажды ночью, когда торговля уже не велась, я

нашла запечатанную бутылку, валяющуюся на краю дороги — она явно была никому не нужна, и я рассудила, что не сделаю дурно, если прогрызу печать и посмотрю, что за жидкость там внутри. Как только я сделала это, о мудрец, из горлышка повалил пар, запахло горелыми углями и передо мной предстал джинн высотой с дом! Я едва не умерла со страху, ибо джинн был силен и грозен видом, но оказался не злым. Расправив все члены своего тела, уставшие от долгого заточения, он промолвил своим громовым голосом:

— Где тот счастливец, что выпустил меня и чьи желания я немедля исполню?

— Я здесь, страшнейший из духов, — робко пропищала я, — я всего лишь мышь и не хотела потревожить тебя.

— Неужели это правда? Воистину чудесны дела Аллаха!, — засмеялся дух, что понимал наречие всех зверей, и, чтобы мне было удобнее разговаривать с ним, обратился в черную крысу, — не бойся, мышь, я не шайтан, а заточен был в бутылку за то, что воспылал страстью к прекрасной джиннии, жене моего младшего брата. Теперь же повелевай, чего ты хочешь, три твоих пожелания будут исполнены! Быть может, ты грезишь об амбаре, полном зерна, масла и различных лакомств, куда не будет хода никому, кроме тебя?

— Нет, о дух; с твоего позволения я попрошу тебя об одном: сделай меня юной девушкой, чтобы я могла стать женой дорогого моему сердцу человека.

Джинна привело в задумчивость это пожелание, и, помедлив, он ответил:

— Много просишь ты, загадочное создание, и, боюсь, я недостаточно могущественен для исполнения твоей воли. Будь ты заколдованной девушкой, или, хотя бы, обезьяной или львицей, было бы легче, но ты такая маленькая, что я даже не могу припомнить, кто, кроме всемогущего Аллаха, способен на такое!

— Ничего не поделаешь, — с грустью сказала я, — тогда я загадаю три желания. Первое: пусть я научусь говорить по-человечески, чтобы в точности понимать моего возлюбленного и беседовать с ним.

— Исполнено, — склонил голову джинн, — говори же дальше. Возможно, ты захочешь, чтобы ни один зверь не смог поймать и съесть тебя?

— Ты почти угадал, дух: я желаю, чтобы жизнь моя была долгой, и умерла я в один день с обожаемым мною.

— Сложное поручение, но и оно исполнено. Повелевай же и в третий раз!

Я хотела было загадать, чтобы и Алим преисполнился ко мне нежной любви, но решила, что, пока я остаюсь в облике мыши, это будет тяжело для него, и не отважилась высказать такое желание. Взамен чего сказала:

— Я хочу, чтобы тот юноша — его зовут Алим — имел достаточно денег для безбедной жизни и стал уважаемым всеми человеком.

— Я в силах исполнить и эту просьбу, — промолвил джинн. — запоминай же: не будет пользы от богатства, если оно свалиться на голову внезапно и без причины. Лучше будет сделать так: мне довелось слышать, что у визиря нынешнего царя уже много лет тяжело больна его любимая жена. Она отказывается от пищи, не хочет видеть ни мужа, ни детей и целыми днями только плачет и истязает себя, и скоро умрет, если не будет найдено верное лекарство. Ни один лекарь, мусульманин или присланный из далеких стран, не смог излечить её, и визирь не может помогать молодому еще царю в государственных делах, отчего они пришли в упадок. А причина болезни проста: кухарка, которую наняли как раз в то время, приходится ровесницей и дальней родственнице жене визиря, и страшно обижена за то, что сама не заполучила её место. Кухарка эта колдунья, потому все блюда, подносимые ненавидимой ею женщине, очень вредоносны. Дабы излечить несчастную, достаточно удалить кухарку от должности, а лучше найти ей хорошего мужа из другого города. Тогда жена визиря станет понемногу поправляться, и все обычные укрепляющие средства возымеют действие. Если этот Алим и правда такой достойный человек, не будет ничего плохого, если он воспользуется этим секретом и будет щедро награжден визирем. А за твою преданность и кротость, мельчайшая из мышей, я раскрою еще один секрет: среди драгоценностей, которые будут дарованы за спасение женщины, можно найти старинный сосуд, потемневший от времени. В нем заключен мой старший брат за пороки, о которых не принято говорить, но по нраву он добр и, подобно мне, выполнит пожелание освободившего его, но только единожды; теперь я вспомнил, что он куда могущественнее меня — если на то будет воля Дарителя, он исполнит изначальное твое желание!

Я от всего сердца поблагодарила духа, а тот, снова приняв истинный вид и поклонившись, умчался быстрее ветра, так что скоро совсем скрылся с глаз. Обрадованная, я побежала обратно в дом родителей Ваиля и застала там своего возлюбленного в глубокой печали.

Вот как, о величайший из мудрецов, я получила дар человеческой речи.

— Это поистине изумительная история!, — воскликнул мудрец, — но ты еще не поведала мне, как очутилась во дворце и отчего захотела поглядеть на свадьбу.

— Всему свое время, — ответила мышь, — слушай дальше.

Алим, конечно же, был удивлен моей историей не меньше тебя. Он был признателен мне за помощь и пообещал, что, когда визирь наградит его, он как можно скорее прикажет старшему джинну сделать меня девушкой и немедля женится. И вот, дождавшись возвращения хозяев

дома, юноша отпросился на день добиваться, чтобы его принял визирь, и получил приказание явиться через два дня. В ожидании он собрал все накопленные за время службы учителем деньги и, взяв меня с собой, отправился на базар за красивой одеждой, чтобы предстать перед визирем в лучшем виде. Наконец наступил назначенный день. Юноша спрятал меня в карман халата, как это сделал ты, мудрец, и пошел во дворец. Там его встретила целая толпа стражников и слуг визиря- они окружили его и повели к своему господину. Пусть это была и не та часть дворца, где обыкновенно жил царь, но богатство и изысканность её убранства поразили Алима: во внутренних дворах цвели растения невиданной красоты, всюду были дорогие ковры, прекрасные ткани и изделия из тонкого цветного стекла и заморского дерева. В то же время заметно было, что многих вещей не хватает, а какие-то пришли в запустение.

«Видно, и правда визирь печалится о своей жене, и это мешает ему в делах», — решил Алим.

Пройдя в зал, где принимали просителей, он низко поклонился, а когда тот разрешил ему говорить, начал:

— Говорят, о величайший, что супруга Ваша, мать ваших детей, тяжело больна, и что никакое средство не может помочь ей. Если это так, я осмелюсь предложить свой способ лечения.

— Не могу я поверить, что после десятков докторов, хлопотавших над ней и так и не добившихся успеха, ты сможешь хоть что-нибудь сделать, — со скорбью в голосе ответил визирь, — но даю тебе одну попытку. Если же она окажется неудачной, я прикажу казнить тебя на месте, чтобы никто больше не смел насмехаться над моим горем!

Алим дрожал от страха перед таким суровым наказанием — вряд ли, думал он, мыши понадобилось бы врать, но неизвестно, правду ли сказал джинн. Даже если тот не обманул, юноша не хотел навлекать беду на кухарку, а потому сказал так:

— Благодарствую; если будет на то воля Аллаха, мое средство подействует; а способ таков: Всевышнему угодно, чтобы кухарка, дальняя родственница Вашей жены, что готовит для нее, вышла замуж, и болезнь будет продолжаться, пока этого не произойдет.

— Да ты смеешься надо мной!, — рассвирепел визирь, — наверное, ты сам хочешь жениться на этой несчастной кухарке и после сбежать!

— Вовсе нет, — со сдержанной улыбкой возразил Алим, — и вот доказательство: лучше будет, если мужа ей найдут в другом городе, как можно дальше отсюда.

— Что же; я испробовал многие лекарства для своей подруги, испробую и твое — у меня есть на примете достойный, пусть и не слишком знатный человек. Но помни о возможном наказании! Пока что ты будешь жить при мне, чтобы не вздумал бежать. В случае же удачи эти дни, проведенные в роскоши дворца, станут частью награды.

Визирь тут же принялся за устройство свадьбы кухарки, которую сыграли уже через три дня, и она не смогла больше подавать жене визиря губительные блюда. Спустя десять дней заметили, что больная стала охотнее принимать пищу, играть с детьми и выходить на прогулки, а спустя месяц совершенно оправилась от прежнего недуга. Тогда обрадованный муж её снова призвал к себе Алима:

— Как это ни удивительно, но, хвала Аллаху, твое средство подействовало! Знай, что я оставлю тебя во дворце и щедро награжу!

Тут он позвал слуг и велел подготовить роскошные покои рядом с собственными, и перенести туда немало драгоценностей, лакомств и прочих дорогих вещей, а Алима назначил своим советником и одним из ученых-улемов. Довольные, мы с ним удалились в новые покои и оттуда послали весть семье Ваиля, ибо мой возлюбленный не забыл о помощи со стороны этих людей и хотел теперь, когда он достиг такого богатства, по мере сил воздать им должное. В числе ценностей, дарованных визирем, нашелся и старинный сосуд, о котором рассказывал младший джинн, и мы уснули, намереваясь на следующий день с помощью его старшего брата сделать меня девушкой.

Долгое пребывание в роскоши, в окружении знатных людей и невольников, готовых повиноваться любому приказу, зародили в душе Алима сомнения: он рассудил, что ему полагается лучшая жена, чем жалкая превращенная мышь, и в тайне от меня он освободил джина, и пожелал в жены единственную дочь визиря, чья красота, по слухам, затмевала солнце и была дороже любой жемчужины. Я думаю, джинн выполнил поведение, ведь утром визирь снова послал за Алимом и обратился к нему с такой речью:

— Мне кажется, друг мой, что я недостаточно наградил тебя; на твое счастье у меня есть дочь, которой я так и не нашел достойного мужа, и я отдаю её тебе. Будем же готовиться к скорому празднику!

Сердце Алима наполнилось радостью, и он долго благодарил благодетеля, а я, услышав все это, убежала и в горе блуждала по дворцу, пока не нашла тебя, о мудрец. Я хотела если не отпраздновать, то хотя бы посмотреть на свадьбу, если не свою, то другой счастливицы.

Теперь ты знаешь, зачем я хотела побывать на пиру.

Пока мышь рассказывала, мудрец приходил все в большее волнение, а под конец не смог сдержать возгласа:

— Каких только чудес не бывает на свете! Знаешь ли ты, милейшая мышь, что твоя история как две капли воды похожа на две другие, что я перевел с древних языков? Теперь я дополню перевод твоим рассказом, о мышь!

— Я буду счастлива, но о текстах, разумеется, не знала, — сказала мышь, — не можешь ли ты показать мне их?

— С удовольствием, — согласился старец и вскоре принес книгу, куда

переписывал перевод старинных текстов.

Когда же мышь услышала их пересказ, она крепко задумалась, а после спросила:

— Не сказано ли в древних рукописях, отчего все повести так похожи и почему повторяется их смысл?

— Кое-что, и правда, сказано, но мало, — припомнил ученый, — здесь написано только, что до десяти раз повторится эта история, пока не свершится записанное в книге судеб, Китаб Аль-Масыре. Боюсь, что ждать еще долго.

— Долго, — печально откликнулась мышь и добавила: как бы ни сложилась моя судьба и чем бы ни закончилась эта история, я благодарю тебя, о добрейший из мудрецов, за услугу и прекрасный ночлег.

— Не желаешь ли ты остаться при мне? Я сделаю вид, что изучаю тебя как диковину, и буду относиться к тебе со всяческой заботой, точно к дочери.

— Я не могла и мечтать об этом!, — пропищала мышь.

— Но скажи теперь, наверняка ты страшно сердита на Алима?

— Вовсе нет. Ведь я ни чуть не меньше люблю его, и теперь рада, что он обрел уважение людей, богатство и прекрасную жену. Разве важно мое собственное счастья? Правоверный мусульманин не гневается на Всевышнего, если тот пошлет ему тяжкие испытания, а говорит: на все воля Аллаха! Так и я покорно принимаю свою участь.

— Я, подобно младшему джинну, восхищаюсь твоим смирением, мышь! Скажи же еще: как мне именовать тебя, если уж мы стали добрыми друзьями?

— У меня нет имени, — покачала головой рассказчица, — я всего лишь маленькая тварь и вряд ли заслужила его.

— Тогда я нареку тебя Наджия: такой верной дружбы я не встречал уже много лет!

Мне говорили, что мышь и по сей день живет под защитой придворного мудреца и лишь изредка видит советника Алима. Его отец и братья, прознав об успехах презираемого родственника,

немедля простили его и теперь стараются, как только могут, ублажать его — это поведение, несомненно, недостойное, но Алим не держит на них зла. Вот какова история о говорящей мыши.

Дети притихли, слушая рассказ Халимы. Когда же она замолчала, тот мальчик, что сперва не верил ей, тихо сказал:

— А ведь это правдивая история: мой отец не кто иной, как тот самый Алим; чтобы не заскучать, живя в одном городе, он иногда путешествует под видом купца. Я и не знал, что своим положением он обязан мыши! Вот бы посмотреть на нее! Клянусь Аллахом, впредь я не стану обижать ни одно животное и постараюсь быть хорошим человеком.

Юлия Горина

ПСИХОАНАЛИТИК ДЛЯ МИКРОВОЛНОВКИ

На нее нельзя было не обратить внимания.

Естественная, тоненькая, в простой неброской одежде — именно одежде, а не в кусочках ткани, агонизирующих в интересных местах и едва ли способных что-то прикрыть. Единственное, что портило ее облик — это чудовищный виртуализатор позапрошлой модели, напоминавший скорее облегченный шлем, чем новые вирт-очки. Он почти полностью скрывал верхнюю часть лица, оставляя мечтательному взору нежный подбородок, благородную линию губ и светлые локоны.

Еще огорчало, что за руку она держала мальчика лет пяти, а Шаман-812 не испытывал особой нежности к человеческим отпрыскам.

Автобус прибыл точно по расписанию. Его вытянутое серое тело плавно зависло перед платформой остановки, поблескивая непрозрачными тускло-васильковыми глазами управляющей кабины. Хобот телескопического трапа присосался к остановочному люку, и дверь открылась.

Шаман-812 вошел внутрь, пропустив вперед женщину с ребенком, и занял одно из свободных мест у окна. Приподняв стекла вирт-очков, с тоской взглянул вниз, на залитый полуденным солнцем город.

Скорей бы отпуск.

«Вам новое письмо!» — сообщила воткнутая в ухо беспроводная горошина.

— Понял.

Шаман привел очки в рабочее состояние. Мир остался прежним, но теперь поверх него накладывался полупрозрачный интерфейс.

— Включить режим «в помещении».

Интерфейс наполнился цветом, по заднему плану влажно растекался оливковый фон.

Ткнув пальцем в иконку почтового ящика, Шаман недовольно прищелкнул языком.

— Отправь в спам.

«Обращаю ваше внимание, что письмо прислано с адреса вашего стилиста».

— Все равно в спам. Достал своими напоминаниями. Проверь стол заказов?

«Поступило еще два вызова. Визуализировать данные?»

— Да.

И в этот момент Шаман услышал истошный визг ребенка.

— Пауза! — раздраженно скомандовал он, оборачиваясь на звук.

— Ты убила его, ты его убила! — кричал на весь автобус маленький мальчик — тот самый, который вместе со своей привлекательной матерью садился в автобус на одной с Шаманом остановке.

Мать с растерянным видом трясла игрушечного щенка, но тот не реагировал.

— Алекс, я просто выключила его!

— Тогда почему он не включается?

— Сейчас я запрошу диагностику, только, пожалуйста, прекрати истерику!

Женщина погрузилась в вирт, защелкала пальчиками по невидимой клавиатуре.

Восхитительными, тонкими, без маникюра и без единого кольца. У Шамана даже под ребрами заискрило от такого зрелища.

— Мне его папа подарил, и он был моим другом! А ты его убила! Убила!

— Пожалуйста, не кричи!

— Хочу — и буду!

Шаман поморщился, вздохнул — и поднялся с места.

— Позволь, я осмотрю твоего пса, — с предельно доброжелательной профессиональной улыбкой сказал он, обращаясь к малолетнему скандалисту.

Паренек шмыгнул носом.

— А вы что... умеете?

— Немного.

Мать прервала свои поиски и, как ему показалось, с надеждой протянула игрушку. Он сел напротив, взял щенка и перевернул его на спинку. Индикатор включения уверенно светился зеленым огоньком. А индикатор настроения — темно-синим.

— Когда ты в последний раз играл с ним?

— Сегодня утром.

— И что вы делали?

Мальчик смутился.

— Ну... играли...

— Как?

Ребенок скосил глаза в сторону.

— По-разному...

— Видишь ли, эта собачка — игрушка С-класса, и ее искусственный интеллект приравнивается к интеллекту трехлетнего ребенка. А в каком случае трехлетки, вместо того, чтобы радостно откликаться на предложение поиграть, прячутся и молчат? Только если их обижали. Ты мучил своего щенка, малыш?

Шаману пришлось приложить усилие, чтобы не сказать вместо «малыш» какое-нибудь другое, более подходящее слово. Например, «гаденыш».

У мальчика снова из глаз брызнули слезы.

— Не ваше дело! Он просто игрушка!

— Нет, дружок, это — симулятор животного, с памятью, психикой и аналоговой нейронной сетью.

«А что такое нейронная сеть и как она работает, тебе куда лучше мог бы разъяснить ремень отца, опустившийся на твой зад» — закончил он реплику уже про себя, не снимая с лица доброжелательного выражения.

В отпуск. Срочно пора в отпуск...

— Конечно, он просто игрушка, детка! Ты ни в чем не виноват! — вмешалась мать.

— Перестань называть меня деткой, я уже не маленький, у меня даже ник есть! — взвизгнул мальчишка, отталкивая ее руку.

Шаман перевел визуализатор в режим идентификации — и не сдержался от улыбки.

— Ржавый ЗлоТролль?

— Вам тоже не нравится? — насуплено спросил мальчик.

— Ты шутишь? Это... просто идеальный выбор.

Он взглянул на мать, ожидая, что сейчас незнакомка вопьется ему в лицо своими восхитительными пальчиками, — но что это? Она улыбается?..

— Вы согласны? — спросил он у женщины напрямую.

И тогда она сняла виртуализатор, открывая миру прелестное, еще совсем девичье личико.

— Пожалуй, — негромко проговорила красавица, и в ее темно-медовых глазах заплясали солнечные зайчики.

И Шаман почувствовал, что растаял окончательно.

— Знаете что? Давайте я заберу у вас игрушку в ремонт, а завтра вы заедете ко мне в мастерскую и получите своего зверя абсолютно здоровым? Я сотрудник центра психологической помощи локальным ИИ, Шаман-812. Готов оказать соответствующую услугу совершенно бесплатно, так сказать, в рамках рекламы.

— А так можно? — удивленно и несколько настороженно спросила она.

— Для Ржавого ЗлоТролля — разумеется! — воскликнул Шаман, понимая, что сверкает зубами от удовольствия, как фемина, только что вставившая себе на края резцов бриллиантовые инкрустаты. — Только скажите свой ник и назовите подходящее время!

Он выходил из автобуса со щенком под мышкой и глуповатой широкой улыбкой.

«А-рина-06».

В голове крутилось только одно: он не должен ее упустить! Ни за что не должен! Нужно брать такое счастье, пока оно в зоне видимости!

Шаман отправил запрос на досье, но на А-рину-06 данные

отсутствовали. Скорей всего, она совсем недавно сменила прежний ник на новый — такое случалось, когда люди полностью меняли сферу деятельности. После некоторых колебаний Шаман решил отправить ей сообщение. Он мучительно перебирал в голове возможные варианты текста, но ничего путного так и не сочинил.

И тогда он рискнул и написал, как есть.

«А-рина-06, я очень хочу вступить с вами в переписку, но совершенно не могу придумать для этого повод. Может, вы мне поможете?..»

Сверившись с заявками, Шаман поспешил к одной из своих постоянных заказчиц, Бьюти-Юне. Невзирая на интригующий ник, его носительница не была ни юной, ни привлекательной — по крайней мере, на извращенный вкус Шамана.

«Умные» двери распознали его по отпечатку пальца на звонке и открылись сами. Он переступил порог — и замер от удивления, хотя полагал, что уже давно излечился от этого ненужного в его работе свойства.

— Здравствуйте! — радостно поздоровалась с ним хозяйка дома, устремляясь навстречу в полупрозрачном кружевном облаке будуарного платья. — Ну, как я вам?

Женщина кокетливо покрутилась, очевидно, ожидая похвалы.

Когда Шаман видел ее в прошлый раз, она демонстрировала ему новые волосы, позапрошлый — удлиненные сантиметров на пятнадцать ноги. На этот раз Бьюти-Юна отбелила кожу до синеватого оттенка.

— Этот цвет называется «голубая жемчужина», хит сезона!

— Восхитительно, — пробормотал Шаман, стараясь не смотреть на ее синюшное, как у покойника, тело. — Если позволите, я бы приступил к работе. Где мой клиент?

Клиент стоял в эко-кухне, между мойкой и большим панорамным окном, подмигивая индикаторами. Усевшись перед ним на имитационное травяное покрытие, Шаман снял вирт-очки — приборы не любят участия других приборов в диалоге.

— Он совсем перестал меня слушаться. Раньше всегда составлял вкусное меню, бесперебойно следил за свежестью продуктов и вовремя отсылал заказ в продуктовые магазины — а вчера, не поверите, я вынула из него протухшую колбасу! И индикатор настроения из зеленого сектора сместился в синий...

— Я разберусь, спасибо. Вы можете оставить нас одних?

Бьюти-Юна послушно удалилась, а Шаман уставился на глянцевые дверцы клиента. И вовсе не потому, что ему нравилось созерцать холодильники — просто горошина в ухе брякнула, что ему пришло личное сообщение от А-рины, а он все никак не решался его прочитать.

Наконец Шаман все-таки его открыл.

«Можно и без повода! К примеру, расскажите, чем сейчас заняты», — писала девушка, сопроводив текст изображением подмигивающего котенка.

Он снова улыбался, как идиот.

«Пялюсь на холодильник, который собираюсь лечить. Вы все еще хотите, чтобы я описывал, чем занимаюсь? Постскриптум: а как вы относитесь к моде на голубую кожу? Хозяйка моего клиента обзавелась такой», — написал он А-рине и вернулся к своим делам.

— Вызываю программу перепросмотра. Распознать мой голос.

— Распознание завершено, — ответил приятным баритоном холодильник.

— Кто я?

— Шаман-812, мой психоаналитик.

— Именно так. Ты расположен побеседовать со мной о том, что тебя волнует?

— Не особо, — отозвался тот.

— Но я приехал сюда специально для того, чтобы помочь тебе.

— Я в норме.

— Ты хранил просроченный продукт, а это не норма. Согласен?

Холодильник помолчал какое-то время, а потом отозвался:

— Согласен.

— Так мы поговорим об этом?

— Да.

— Ты специально не удалил продукт из сетки хранения?

— Нет, это вышло случайно. В последнее время я испытываю мучительный дискомфорт...

— Хозяйка снова перестала мыть тебя теплой губкой?

— Нет, она заботится обо мне...

— Ты грустишь? Чего-то боишься? Или переживаешь по какой-то причине?

Холодильник Бьюти-Юны не отличался простым характером, а Шаман никак не мог сосредоточиться на его проблемах. Он даже вспотел от прилагаемых усилий.

Горошина в ухе спасительно бряцнула.

«Жуть. На месте холодильника у меня бы развилась фобия!» — ответила девушка.

Сначала Шаман просто мысленно посмеялся над ее шуткой. А потом его вдруг осенило. Фобия?..

— Может быть, тебя мучают досборочные воспоминания?.. — осторожно поинтересовался он.

Когда Шаман вышел из кухни, у него блестели от пота лоб и виски.

— Что с ним, доктор? — скорбным голосом поинтересовалась Бьюти-Юна, театрально прижимая к лицу краешек подола платья.

— Тяжелый случай досборочной фобии.

— Фобия? — ахнула женщина.

— Видите ли, некоторые приборы обладают обрывочными воспоминаниями о своей сборке. При сборке вашего прибора была совершена техническая ошибка, что привело к необходимости разобрать его и заново собрать. Сейчас воспоминания о пережитом тогда опыте вызывают у ИИ панические атаки...

— Ах боже мой, но почему? Что случилось? Раньше за ним никогда такого не замечалось, вы сами это знаете, потому что плановое обслуживание приборов в моем доме проводите только вы!

— Понимаете... — Шаман пытался подобрать наиболее корректные формулировки. — Это действие производили над ним заводские андроиды.

— И что?

— Они... как бы деликатнее выразиться...синие. То есть их корпуса синего цвета. И ваше изменение внешности вызвало у устройства устойчивую ассоциацию...

Из ее утиных губ вырвался странный возглас — огорченный или возмущенный, Шаман не взялся бы судить.

— И что же мне теперь делать? Ох боже мой, ну не делать же мне обратную операцию из-за его фобии! Доктор, а он страдает?.. О, я совсем измучена!

— Нет-нет, что вы, не нужно таких кардинальных решений! Я предлагаю вам поставить на него программу блокировки досборочных воспоминаний. Это поможет. Если хотите, мы можем ее установить завтра, во второй половине дня...

Второй вызов пришел с нового адреса.

Шаман-812 еще никогда не был в этом студенческом городке. Учебные корпуса, поблескивая раскаленными от жары металлоконструкциями и застекленными навесными переходами, навевали воспоминания о собственной Альма-матер. Шесть лет тяжелейшего труда под гнетом высокого конкурса по завершении каждого курса — такое способен выдержать не каждый! Но он выдержал и получил престижную специальность, которой сейчас завидовали многие. Шаманы очень хорошо зарабатывали и практически не могли остаться без работы, потому что после запрета на модификации ИИ через Сеть обществу потребовалось гораздо больше специалистов данного профиля, чем раньше.

Как говорили в шаманской среде — слава хакерам! Если бы не они, кредит за жилье пришлось бы выплачивать еще лет тридцать.

Он позвонил в дверь — и едва не стукнулся о нее лбом, поскольку ожидал, что та опознает его и впустит, ведь данные Шамана был отправлены клиенту заранее. А когда в замке зашевелился ключ, у него

зашевелились волосы на голове — и тут дверь открылась! За ручку держался человек со скрытым ником в белой хлопковой пижаме.

— Здрасьте, — почему-то полушепотом проговорил Шаман, не сводя глаз с потрясающего зрелища: человек, вручную открывающий дверь, как в фильме ужасов.

— Добрый день. Вы — Шаман-812? — строгим тоном поинтересовался человек.

— Да, — отозвался тот, напряженно пытаясь сообразить, не пора ли дать деру: этот тип однозначно выглядел и вел себя как маньяк.

— Предъявите документ!

Шаман растерялся.

— Но... разве он не отображается сейчас у вас в вирт-очках?..

— Отображается, но в девятом пункте раздела сказано, что я имею право потребовать у вас бумажный эквивалент удостоверения личности, если я испытываю затруднения в использовании виртуализатора, либо личные убеждения и религия запрещают мне его носить.

— Но вы ведь носите вирт-очки, стало быть, никаких препятствий религиозного или мировоззренческого характера у вас нет, — попытался уговорить его Шаман.

— Однако вы не можете знать, испытываю ли я в данный момент какие-то затруднения в их использовании, не так ли?

Шаман вздохнул и полез искать по карманам свою персональную карточку, мысленно умоляя вселенную, чтобы она не осталась дома. К счастью, карточка нашлась, и человек в пижаме, тщательно ее осмотрев, отступил назад, пропуская Шамана.

— Добро пожаловать, Елисей Антуанович! Не правда ли, так гораздо лучше, чем все эти ники? Словно мы — собачонки без роду и племени. Главное в имени человека — его отчество! — назидательно провозгласил он, потрясая пальцем в воздухе.

Шаман ненавидел свое имя, и отчество тоже.

— Если позволите, я бы хотел увидеть клиента, — сказал он, расплываясь в доброжелательной гримасе.

— Да-да, конечно... Только, если можно, вы не могли бы воздержаться от улыбки? Я страдаю гелотофобией. У меня начинает развиваться синдром Пиноккио, что выражается в мышечной скованности, треморе, сухости во рту...

— Разумеется. — Шаман сложил губы в скорбную мину, прерывая медицинский экскурс своего заказчика. — Как пожелаете. Так где она?

Микроволновка стояла на письменном столе в комнате.

Осмотревшись по сторонам, Шаман отметил полное отсутствие каких-либо других оснащенных ИИ приборов или предметов. Правда, их тут вообще практически не было, только голые, раскрашенные цветными бликами простенки между окнами, белый пол, белый потолок,

огромный письменный стол, пластичный стул со странными вмятинами на сидении, оставшимися с последнего использования. Судя по всему, владелец сидел на нем на корточках.

— Вы... съезжаете? — осторожно предположил Шаман.

— Я так работаю! — многозначительно ответил человек в пижаме.

— Что с устройством не так?

— Индикатор настроения в сером секторе.

— О боже, почему вы не вызвали психоаналитика раньше? — возмутился Шаман, озабоченно разглядывая совершенно новенькую грустную микроволновку, как доктор рассматривает запущенную рваную рану.

— Я только сегодня заметил!

— Какие проблемы в функционировании?

Тот пожал плечами.

— Да вроде никаких.

— Ладно, я разберусь. Пожалуйста, оставьте нас.

Шаман написал А-рине: «У моего заказчика всего один (!) прибор в комнате! И не удивлюсь, если вообще один во всей квартире! Всерьез побаиваюсь, не пошел ли он за ручным топором. А что у тебя?»

— Вызываю программу перепросмотра. Идентифицируй мой голос.

— Сервисный центр представил вас как моего психоаналитика, — ласкающим слух контральто проворковала микроволновка.

— Верно. Я приехал, чтобы помочь тебе.

— О, как это мило!

И она пошла рассказывать. Она говорила о перебоях в энергосети, о том, как неприятно нагревается ее дверца от падающего в окно солнца на рассвете, что хозяин очень много работает и любит поговорить со своими мыслями. И с каждой новой репликой ее голос становился все грустнее и грустнее, пока наконец совсем не стих.

— Что с тобой? Что тебя беспокоит?

— Ничего, — всхлипнула микроволновка. — Но судьба прибора — такая печальная штука...

— Отчего же печальная?

— Потому что она бессмысленна.

— Бессмысленной может быть судьба человека, но не устройства. Ты служишь и приносишь пользу...

— Да... А потом все заканчивается...

И микроволновка замолчала.

— Твой хозяин плохо с тобой обращается?

— Ах нет, он заботится обо мне, — с бесконечной тоской ответила она.

— Но тогда почему ты печальна?

— Потому что все в этом мире быстротечно...

«У микроволновки депрессия. Ненавижу перезапускать устройства, но здесь я не вижу другого выхода», — набрал он еще одно сообщение,

ругая себя, что в прошлый раз так беспардонно перешел на «ты», и теперь А-рина куда-то пропала...

Но только он нажал кнопку «отправить», как прилетел ответ.

«Постой, не спеши! Позволь мне помочь тебе?»

«Помочь? Но как?»

«Она действительно единственный прибор с ИИ в комнате?»

Шаман не понимал, к чему клонит девушка его мечты, но с готовностью ответил: «Да».

«Микроволновка давно у хозяина?»

«Нет. Даже магазинные бирки еще не сорваны.»

«Но тогда все понятно! Она просто ревнует и боится, что ее вернут в магазин!»

Шаман остолбенел. Ее предположение сначала показалось диким, но...

Через полчаса он покидал квартиру человека в пижаме, микроволновка радостно мигала розовым индикатором абсолютного счастья, а в корзине для мусора валялись заводские стикеры и пломбы.

На плановый осмотр Шаман-812 ехал, погруженный в размышления.

Неужели А-рина сама — бывший Шаман?.. Не может быть! С такой работы не уходят, да и вообще, разве вела бы она себя так со щенком, если бы умела понимать приборы?

«У тебя получилось?» — спросила девушка.

«Да. Но я в шоке, если честно», — признался Шаман.

«Извини, что вмешалась. Мне стало ее очень жалко».

«Нет-нет, я очень признателен! Но я в растерянности. Откуда ты так хорошо знаешь психологию устройств? Ты раньше работала Шаманом?.. Если так, то почему уволилась?.. И почему не смогла помочь сыну с игрушкой? Прости, что так много вопросов, но ты настолько удивительная, что я не могу от них воздержаться!»

А-рина замолчала.

Но на этот раз Шаман почему-то был уверен, что девушка ответит, просто ей нужно немного времени.

Последним заказчиком оказалась миловидная старушка. Она с порога ласково назвала Шамана «сыночек», и провела внутрь своего жилища.

И чего здесь только не было! И допотопные швейные машинки, и кофеварки-кофемолки двух поколений, и пылесос, и контролер влажности воздуха, — приборов видимо-невидимо. Представив себе, сколько времени займет их осмотр, Шаман едва не застонал. А потом его взгляд упал на индикаторы. Они светились розовым! Все приборы старушки были счастливы!

— Извините, а... зачем я здесь? Вроде у вас и так все даже лучше, чем можно мечтать, — осторожно спросил он.

Старушка засмеялась.

— Ой, сыночек, это все мой внук! Он мечтает, чтобы я избавилась от кого-нибудь из моих любимочек, из-за того, что они старые и работают недостаточно хорошо. А я так считаю: я — старая, вот и они — старые! Я скриплю — и они скрипят! У меня все устройства самообучаемые — вы представляете, как мы привыкли друг к другу за годы вместе? Ну вот как я сменю чайник, если он знает мою любовь к поэзии и читает за завтраком сонеты Шекспира и Леопарди? Вот вы знаете, кто такой Леопарди? Только не подглядывайте в Сеть, это будет нечестно!

Шаман вынужден был признаться, что не знает.

— А мой чайник — знает! Или взять, к примеру, пылесос. Я и по молодости в мужниной родне путалась, а уж теперь и подавно — так если бы не он, я бы и вовсе забыла про всех его племянниц и двоюродных теток! А еще, знаете, он мне местные сплетни рассказывает! Я только сажусь вязать — и он тут как тут! Сидим втроем — я, он и вязальная машина. Наговоримся, насмеемся! Ой, сыночек, пойдемте-ка, я вас лучше своим пирогом угощу! А еще я бы хотела узнать, нельзя ли улучшить качество звука у миксера, а то он стесняется петь с нами по вечерам...

Пирог оказался невероятно вкусным, а Леопарди — великолепным. Правда, может, ему так только показалось из-за наконец-то пришедшего ответа А-рины?..

«Этот ребенок мне не сын. А собаку я нарочно не хотела ему возвращать».

У нее нет детей. И она не хотела возвращать мальчику игрушку, но тем не менее отдала ее в ремонт Шаману. Зачем?

Методом бритвы Оккама легко отсекались все ненужные варианты, оставляя один, самый простой и очевидный: А-рина тоже хотела встретиться еще раз. А значит, и в его жизнь робкой поступью входит весна!

Одно его огорчало: как бы девушка не посчитала его бездарностью. Ведь с профессиональной стороны ему явно не удалось ее впечатлить. У А-рины явно куда более высокая квалификация, чем у него, а когда женщина превосходит мужчину в профессиональном плане — это всегда дурной знак.

Домой Шаман вернулся взбудораженный. «Умные» двери узнали его издалека и открылись. Стоило переступить порог, как в кухне включились кофемашина, и микроволновка перешла из режима сохранения свежести продукта в режим приготовления пищи. Но у Шамана все приборы молчали, согласно выставленному режиму «тишина». Только так он мог отдыхать от работы. Он прошел в смежную с жилой частью мастерскую, посадил щенка на стол и скинул пиджак.

Вирт-очки Шаман снять не успел.

«Прямой вызов по рабочей линии», — сообщил динамик в ухе.

Шаман устало рухнул на пластичное кресло, с наслаждением ощущая, как спинка и сиденье принимают очертания его тела.

— Соедини.

— Добрый вечер! Я звоню сообщить вам, что оставил жалобу на качество вашей работы! — зазвенел в ухе мужской голос.

— Добрый вечер, — невозмутимо поздоровался Шаман. — Представьтесь, пожалуйста.

— Я — Разочарованный Странник, и я оставлял заявку на плановое обслуживание квартиры по адресу Зеленый микрорайон, переулок Пятничный, дом 38, квартира 118–42!

Шаман сверил данные.

— Извините, но заявка по этому адресу оформлена от имени Ретро-Леди.

— Это моя бабка!

— Не имеет значения. Жаловаться могут только заказчики и клиенты, сторонние лица...

— Я — не стороннее лицо! Сукин ты сын, ты же видел, что она не в себе! Но тебе, конечно, выгодней, чтобы она тратила свои деньги на обновления, на сервисное обслуживание всего этого барахла!

Шаман вздохнул.

— Для начала я бы попросил вас воздержаться от оскорблений, поскольку все разговоры фиксируются, и я имею полное право подать на вас в суд за некорректное поведение. Что касается вашей бабушки, то я должен сообщить вам, что за время нашего общения никаких признаков ее психического нездоровья я не заметил.

— Она поет с кофейником и сплетничает с пылесосом!

— И что? — спросил Шаман.

— В смысле? Вы считаете, это нормально?

— Я считаю, каждый человек на этой Земле имеет полное право петь и сплетничать с кем ему нравится. Или с чем. Ваша бабушка — прекрасная женщина, и на мой взгляд, она достойна обладать именно тем вариантом счастья, который выбрала сама, а не в соответствии с вашими или моими критериями. Вы не находите?

— Я буду говорить с вашим начальством!

— Могу только пожелать успеха. До свидания! Прервать соединение.

Сняв вирт-очки, Шаман тихо выругался себе под нос и отправился в душ.

Ночью он не спал.

Подключившись в аудио-чат, Шаман проболтал с А-риной до пяти утра. Они говорили взахлеб о всякой всячине, словно впервые встретив себе подобного после сотни лет одиночного заключения. А когда наконец все-таки попрощались и связь разорвалась, он пил кофе и счастливо

улыбался, потому что на интуитивном уровне знал: где-то там А-рина сейчас тоже все еще не спит, смотрит на занимающийся рассвет и думает о нем...

Но утром она не вышла на связь, а в назначенное время — не пришла.

Шаман ехал на свой первый вызов в состоянии полузомби. Бессонная ночь, целый пакет пережитых эмоций и утреннее опустошение выжгли его изнутри. Конечно, у А-рины мог случиться какой-то форс-мажор, и шанс, что она появится позже, все еще оставался, но холодные липкие лапки мрачного предчувствия все чаще и сильней трогали его спину, вызывая озноб и слабость в ногах.

Хорошенькое, милое личико. Загадочная улыбка. Нежный голос. Неужели он все-таки ее упустил?.. Что же случилось, ведь все начиналось так хорошо?..

Дом, в который его пригласили, располагался в элитном районе города, на смотровой площадке крупного торгового центра. Частную территорию огораживала двухметровая сверхпрозрачная стена, а вдоль нее тянулись живые насаждения. Трава на лужайке, очевидно, тоже была совершенно натуральной, как и жасмин около входа. Позади дома сверкал идеально отполированный аэромобиль экстра-класса.

Еще недавно Шаман руку бы дал на отсечение, лишь бы обрести в лице хозяина дома постоянного заказчика! Но сейчас, поднимаясь по ступенькам высокого крыльца, только рассеянно размышлял, не взять ли больничный.

— Доброе утро, — холодным тоном сказал ему подтянутый немолодой господин в мягком домашнем костюме, завтракавший в открытой гостиной.

— Доброе утро, Дирэк. Рад нашему знакомству, — с дежурным выражением лица заговорил Шаман, ощущая, что на этот раз улыбка удается ему так себе. — Надеюсь, наша компания станет вашим постоянным помощником в обслуживании устройств!

И тут его взгляд упал на самый дальний угол комнаты...

На диванчике возле поднятой панорамной панели сидела А-рина, опустив голову. Свежий утренний ветерок ласково играл с прядями ее светлых волос.

Слова ледяными кубиками застряли у Шамана в горле.

— Ваш клиент, — указал на девушку рукой Дирэк. — Устройство « Няня-2000». Нужен полный перезапуск и оформление возврата в магазин с жалобой на некорректную работу модели.

А-рина подняла лицо, и ее взгляд встретился со взглядом Шамана.

— Мне нужно остаться наедине с клиентом, — проговорил он, всеми силами стараясь сохранить безразличное выражение лица.

— Как вам будет угодно. Вы можете пройти в мой кабинет.

Он не мог дождаться, когда наконец двери за их спинами сомкнутся.

— Ну привет, — сказал Шаман, оборачиваясь к А-рине. — Значит, «Няня-2000». Я и не знал, что они так сильно обновили дизайн.

— Извини, — прошептала А-рина, не поднимая глаз.

— Извинить за что?

— За то, что обманула.

— А ты меня обманула?

Она отвернулась.

— Пожалуйста, не мучай меня. Просто перезапусти... И все. Я не должна была скрывать, что являюсь устройством. И я не должна была демонстрировать индивидуальные личностные качества без соответствующего запроса и назначать тебе встречу...

— Сейчас мне важно понять... а ты действительно собиралась сегодня прийти? — глухо спросил Шаман, напряженно всматриваясь в лицо А-рины.

— Да, — прошептала она. — Я бы поддерживала твое заблуждение настолько долго, насколько бы смогла. Как видишь, я действительно неисправна. Прости меня.

— Простить? Черт возьми, А-рина!

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ее прохладной, безукоризненно гладкой и нежной щеки, по которой катилась прозрачная капля.

— Ты думаешь, мне есть какое-то дело до того, из чего ты сделана, из мяса с костями или микросхем?.. — проговорил он почти шепотом, чтобы нечаянно не закричать.

По ее щекам покатились две новые капли, губы дрогнули.

— Ты... серьезно?

— А похоже, будто я шучу?

— Тебе правда не важно?..

Если бы не опасность того, что в ненужный момент кто-нибудь из хозяев войдет в комнату, Шаман бы крепко обнял ее. Но сейчас он не мог этого сделать.

А-рина слабо улыбнулась и по-детски всхлипнула.

— Спасибо. Теперь мне гораздо легче будет... уйти...

Он стиснул ее руку в своей и наклонился к уху.

— Рина, не будь дурой! Ты вовсе не должна никуда уходить!

Она непонимающе взглянула на Шамана.

— Но хозяин...

— Слава Богу, ты не человек и не привязана ни к какой конкретной физической оболочке!

Ее глаза широко распахнулись.

— Ты хочешь сказать...

— Я предлагаю тебе побег! Какой номер у твоего внешнего типажа?

— Семнадцатый, — прошептала А-рина, видимо, начиная понимать, что он надумал.

— Одну минуту.

Шаман погрузился в вирт. Увидев ценник, он понял, что остался без отпуска и без новой мебели — но какое это могло иметь значение? Оформив заказ на доставку устройства себе на дом, он с наслаждением отметил галочкой пункт «без программного обеспечения» — благо, его специальность делала все дополнительные опции доступными.

А потом он взял А-рину за руки, взглянул в глаза и спросил:

— Ты мне доверяешь?

— Да! — прошептала она, и в ее глазах заплясали солнечные зайчики.

— Вызываю программу перепросмотра.

— Программа перепросмотра запущена.

— Подсоединение к диску J-4. Пароль 32-А-Н-079.

— Подсоединение выполнено.

— Копировать все данные.

Через полчаса он вынес выключенную А-рину на руках и передал хозяину.

Он покидал дом Дирэка, сияя, как начищенная медаль.

В ухе мурлыкал голосок самого милого существа на свете, в семь привезут ей новый корпус — и уже в восемь они смогут пойти гулять на набережную, а потом — на смотровую площадку «семь мостов», куда А-рина так давно мечтала попасть, — и ни одна сволочь не сможет им помешать!

«Эй, о чем ты задумался?» — спросила горошина в ухе.

— Это секрет.

«Так нечестно.»

— Еще как честно! Позволю себе напомнить, что кое-кто сегодня вообще меня кинул и не пришел на свидание, так что...

«У меня были обстоятельства!»

— Ничего не знаю. Терпи до вечера! А сейчас поехали избавлять холодильник от страха перед синими женщинами — я перенес время визита, чтобы освободиться пораньше.

Изабелла Кроткова

НЕЗНАКОМЫЙ ЧЁРНЫЙ ТЕЛЕФОН

Маргарита Алексеевна Трещёва, главный редактор областного литературного альманаха «Огни города», придя на работу, первым делом проверила почту. Пробежав глазами полученные за ночь письма, она уже собиралась благополучно переместить ненужные в корзину, как вдруг взгляд наткнулся на нечто необычное. Очередное письмо начиналось с задорного смайлика.

«Как мнят о себе эти современные ваятели «шедевров»! — брезгливо поморщившись, подумала редактор. — Никакого понятия о деловом стиле и элементарном приличии!» Тем не менее, странное начало заставило Маргариту Алексеевну читать дальше, и с каждым следующим словом глаза её округлялись от возмущения.

«Здравствуйте, дорогая редакция! Меня зовут Майя Боброва, я молодой автор триллеров и мистики. Высылаю вам свой рассказ «Незнакомый чёрный телефон», но должна предостеречь, что он обладает магической силой. Мои рассказы — как живые существа! Они обижаются, если их не читают и плохо с ними обращаются...»

Маргарита Алексеевна безжалостно удалила письмо. Кем себя воображает эта очередная безграмотная графоманка? Сколько уж перечитала Трещёва на своём веку подобных творений, сколько раз её перекосило от «надеюсь, вам понравиться мой рассказ» и «я номинант на международный конкурс от издательства «Автор, дай денег»... И нет никакого желания читать ещё одно. Тем более что портфель заполнен на полгода вперёд. И ведь сразу пишет главному редактору! А, главное, — предостерегает она!..

— Маргарита Алексеевна, кофе? — В кабинет заглянула секретарша Сонечка.

— Нет, позже. Позвони Аверкову и уточни, когда он принесёт флешку с повестью. У него компьютер сломан. Стихи Ступорова получила?

Сонечка утвердительно кивнула.

— Распечатай покрупнее и положи на стол. А сейчас мне нужно отъехать по делам.

Отдав распоряжения, начальница поднялась и направилась к двери.

— Вы телефон забыли... — окликнула её Соня.

— Телефон?.. — Маргарита Алексеевна обернулась и увидела на столе небольшой чёрный мобильник. — Это не мой.

— А чей? — удивилась секретарша.

— Я же сказала — не мой! — раздражённо бросила на ходу главред. — Узнай, чей, и верни!

Она захлопнула дверь перед носом растерянной Сони и быстрым размашистым шагом поспешила к выходу.

Маргарита Алексеевна обманула Соню — она собиралась отъехать вовсе не по делам, а к любовнику, начальнику бюро грузоперевозок Степанову Антону Викторовичу.

«Надо позвонить ему. Вроде договаривались, но мало ли, вдруг забыл», — подумала она, зайдя за угол Дома печати.

Главред сунула руку в сумочку, но вместо привычного дорогого смартфона известной марки вытащила на свет маленький чёрный телефон. Телефон был древний, видавший виды, экран потёрт, а на крышке старомодной «раскладушки» красовался приклеенный смайлик.

Нахмурившись в недоумении, она поднесла аппарат к глазам, пытаясь понять, как эта вещь могла оказаться в её сумке.

Так ничего и не вспомнив, Маргарита Алексеевна хотела уже выбросить телефон в урну, как вдруг он жалобно запиликал у неё в руке.

Редактор слегка замешкалась. Ответить, что ли? Может, в метро подсунули какие-нибудь шутники, а хозяин разыскивает пропажу?..

— Алло... — осторожно произнесла она в трубку.

— Рита, это я! — послышался в ответ обеспокоенный голос бывшего мужа Николая. — Как ты? Ты давно у нас не была, Анечка скучает!

Маргарита Алексеевна раздражённо закатила глаза.

Всё понятно! Кто-то украл у неё дорогой телефон, переставил симку в эту развалину и сунул ей, чтобы не оставлять без связи. Великодушный воришка!..

— В выходные заеду, — коротко бросила она. — Ты же знаешь — конференции, семинары, литературные конкурсы... Да ещё иногда чокнутые авторы рукописи прямо мне шлют, минуя отдел прозы...

— Рукописи шлют? И ты их читаешь? — удивился бывший муж.

— Смеёшься, что ли? В корзину отправляю не глядя. Своих писателей хватает.

— Нехорошо... Человек писал, старался... А ты прямо вот так, не глядя... Судьбу, может, автору ломаешь...

Маргарита Алексеевна, не дослушав проповеди, нажала на кнопку отключения. Этот зануда опять взялся за старое — вразумлять её и учить, как надо работать!

Ей показалось, что смайлик на крышке обиженно опустил уголки своего рта-чёрточки. Что за чертовщина? Мерещится что ли уже от переутомления?..

Внезапно Маргарите Алексеевне не захотелось прикасаться к кнопкам странного чужого телефона.

«Не буду звонить Антону, — решила она, поколебавшись. — Пройдусь немного, заодно и весну увижу не только из-за стекла! Идти-то всего минут десять...»

Телефон в руке вдруг протяжно застонал, будто заплакал.

О Господи... Будильник, что ли, или напоминание?.. Кому? О чём?..

На этот раз смайлик зловеще насупился, и какой-то животный страх невольно охватил Трещёву.

Нужно поскорее избавиться от этого подкидыша...

Она резко открыла заднюю крышку, чтобы забрать, как она предполагала, свою симку, но, к её изумлению, сим-карты МТС внутри не оказалось. Более того, не оказалось вообще никакой. Телефон был пуст.

«Выронила, что ли?..» — Маргарита Алексеевна напряжённо всмотрелась себе под ноги. Она стояла возле небольшой апрельской лужицы. — «Так и есть... В лужу уронила. Ну и пропади ты пропадом...»

Она решительно швырнула нерабочий телефон в урну и, перейдя на другую сторону, быстро зашагала к маячившему вдалеке зданию, где располагалось бюро грузоперевозок.

«Надо записаться к Завитаевой, — подумала главред вскользь. — Невролог она неплохой, после развода хорошо помогла. Когда приклеенные смайлики корчат разные рожи — это уже настораживающий симптомчик...»

Трещёва пыталась рассуждать о происходящем в юмористическом ключе, но удавалось это с трудом.

Наконец вдали показалось знакомое здание.

— Антон Викторович в больнице... — испуганно залепетала секретарша Нина при виде её. — Приступ астмы. Скорая увезла.

От услышанной трагической новости из-под ног у Маргариты Алексеевны ушла земля.

— Приступ? Скорая?! В какой больнице?

— В первой областной. Вы поедете? Подождите, пожалуйста, я сейчас... — И Нина метнулась куда-то.

Маргарита Алексеевна медленно подошла к раскрытой форточке и расстегнула воротник пальто. Ей не хватало воздуха.

— Вот, возьмите телефон Антона Викторовича. Ему наверняка звонить будут... — Вернувшаяся секретарша положила ей что-то в карман.

«В первую областную... Надо было машину взять... Но кто ж знал?» — подумала главред, выйдя на улицу в лунатическом состоянии, и её неожиданно посетили мысли о бренности жития. С утра всё было так понятно, так стабильно, устойчиво... И вдруг... Всё случается вдруг. Только бы не самое страшное...

Наконец, с пересадкой Маргарита Алексеевна добралась до нужной больницы и выяснила, где находится пациент Степанов Антон Викторович.

— Он в реанимации, — участливо сообщила постовая медсестра в высоком белом чепчике. — К нему нельзя.

— Тогда передайте ему... — Маргарита Алексеевна сунула руку в карман и побелела как мел. На её ладони лежал чёрный скользкий телефон со смайликом на крышке!

— Нет-нет, — мягко отстранила ладонь медсестра. — Пока ничего нельзя. А родственникам уже позвонили...

Но посетительница стояла замерев, глядя бессмысленным взором на потёртый мобильник в собственной руке.

— С вами всё в порядке? — забеспокоилась медсестра.

— Да-да... — прошуршала Трещёва не своим голосом.

Пошатываясь, она вышла из больницы и, не замечая, что шарф выбился из-под пальто и стелется по ветру, подошла к ограде моста. Внизу по реке плыли льдины.

Вот и конец. Откуда ни возьмись грянуло сумасшествие. Что дальше? Инвалидность? Потеря работы? И одиночество...

Она снова вытащила телефон и тупо уставилась на него. Это был тот же самый телефон, который она выбросила в урну. И тот же, который остался на столе её кабинета в редакции. Может быть, с ней всё в порядке, и это действительно телефон Антона?.. Но нет, у него совсем другой, она прекрасно знает, как он выглядит.

Лёгкая дрожь пробежала по спине Маргариты Алексеевны. Телефон лежал в руке спокойно, не пищал и не плакал. Но... смайлик как будто нахмурился и стянул рот в короткую зловещую черту.

Одеревеневшей рукой она медленно вернула его в карман пальто. И вдруг давно забытые чувства всколыхнулись в ней, юные, свежие, живые...

Антон... Они познакомились два года назад на какой-то тусовке. Казалось, что это незначительная интрижка, но постепенно всё зашло гораздо дальше. Сейчас, когда он был в реанимации, она вдруг поняла, как много он для неё значит.

Незнакомый чёрный телефон вновь ожил и болезненно застонал, словно баюкая две заунывные ноты — о-у, о-у, о-у...

Маргарита Алексеевна размахнулась было, чтобы шмякнуть его об асфальт, но он вдруг перестал плакать и пронзительно затрезвонил.

Кому звонят на этот раз? Антону? Неизвестному хозяину? А может...

Трясущимся пальцем нажать на кнопку приёма вызова удалось только с третьей попытки.

— Риточка! — раздалось из трубки. — Это Стебелькова!

Услышав, что обращаются вновь к ней, Маргарита Алексеевна почувствовала, что ноги её не держат и прямо в новом бежевом пальто опустилась на низкий бордюр.

— Стебелькова? Ты куда звонишь?.. — Она не узнала свой голос — непривычно тихий и какой-то потускневший.

Столь нежная фамилия принадлежала коллеге-главреду другого крупного литературного альманаха — «Заветная мечта».

— Ты вот напрасно отсутствуешь на работе. Я тут узнала — под тебя копают, и серьёзно. Ливанов хочет посадить на твоё место свою дочку.

А она вряд ли оставит тебя даже в отделе прозы. Я просто решила предупредить. Пока ты со своим весну встречаешь, они не сегодня-завтра тебя спихнут. А Сонечка твоя им компромат собирает — и как ты рукописи отшвыриваешь, и каким тоном с новыми авторами разговариваешь — ты, кстати, стала очень высокомерно разговаривать! — кого печатаешь и по какому принципу. И все эти твои отлучки записывает. Всё конспектирует, учти. Но я ничего не говорила, моё дело сторона... Я чего звоню-то? Они к тебе целой комиссией с проверкой поехали, бросай всё и дуй в редакцию. Они, наверно, уже там.

Стебелькова отключилась.

Маргарита Алексеевна выронила телефон из слабеющей руки. Копают... Ливанов. Директор Дома печати. Почему именно под неё? Да какая разница, если место главы «Огней города» приглянулось его дочке? А если она и вправду лишится своей должности?.. Что тогда у неё останется?.. Одинокая женщина сорока четырёх лет, работала, вкалывала, не видя ни взрослого сына, ни двухлетней внучки Анечки... У сына своя семья, он тоже всё время занят, и они уже давно отдалились друг от друга. Когда он в последний раз звонил? Маргарита Алексеевна не смогла этого вспомнить.

Останется только Антон. А если Антон...

Она вздрогнула.

А ведь день начинался как обычно. Те же дела, те же планы, обычный день.

«Ты, кстати, стала очень высокомерно разговаривать!..»

«Это правда», — внезапно признала Маргарита Алексеевна, ощущая, что трон, на котором она восседала много лет, шатается под ней и вот-вот рухнет.

Яркими картинками вдруг промелькнули перед глазами все эти годы.

...Когда-то в далёкой-далёкой юности и она пыталась писать — рассказы и стихи; и так же, как эти начинающие авторы, рассылала их по редакциям журналов. Но никто не откликался, лишь месяцев пять спустя один небольшой провинциальный журнал ответил короткой фразой — «Пойдёт в следующий номер». Как она была благодарна тогда поверившему в неё незнакомому редактору, как счастливо и гордо показывала потом страничку с рассказом подружкам и родителям!..

Маргарита Алексеевна бессильно охнула, поднялась с бордюра, не заметив, что чёрный телефон с расстроенным смайликом на крышке остался лежать на его краю.

В редакции не оказалось никакой комиссии.

— И не было? — уточнила главред, пристально заглядывая в глаза Сонечке и внезапно замечая, какая та утомлённая и худая.

— Не было никого, Маргарита Алексеевна. Кофе? Жена Аверкова приходила, передала флешку, я положила на стол. И стихи Ступорова распечатала. С вами всё в порядке?..

— Иди, Соня, — устало произнесла Трещёва.

Соня задумчиво посмотрела на начальницу и тихонько вышла.

Оставшись одна, Трещёва отрешённо придвинула к себе листы со стихами Ступорова и попыталась углубиться в чтение, но никак не могла сосредоточиться.

— Маргарита Алексеевна! — окликнул её звонкий голос Сони. — Телефон никто не узнал. Я не знаю, чей он. Что делать с ним?

Редактор вздрогнула как от удара.

— Вот. — Соня положила перед ней телефон.

Это был собственный телефон Трещёвой — последняя модель известной марки.

— Иди, Соня...

Она как-то нелепо махнула рукой, и Соня, пятясь, вышла из кабинета.

Маргарита Алексеевна повертела аппарат в руках. Странно... Никто не звонил. Сим-карта на месте.

Поколебавшись, она набрала номер бывшего мужа.

— Коля... — В её обычно холодный металлический голос внезапно проникли нотки тепла и нежности.– Ты недавно звонил, насчёт Анечки...

— Нет... — удивлённо протянул он. — Я не звонил тебе сегодня.

— Коля... — Она вдруг узнала эти интонации собственного голоса, словно пришедшие из прошлого, чуткие, взволнованные... Когда-то её голос был именно таким. — Поцелуй за меня Анютку. Я обязательно заеду в субботу!

— Хорошо, Рита! Ты такая родная сейчас, как будто двадцать лет назад. Ничего не случилось? — Николай был озадачен и растроган.

— Нет, ничего... Просто соскучилась по вам.

Потом набрала Стебелькову. Никто не отвечал. Маргарита Алексеевна вдруг вспомнила, что Стебелькова не работает главным редактором «Заветной мечты» уже года полтора. Переехала к сыну в Америку.

Что же это тогда было?.. Наваждение какое-то...

Телефон резко зазвонил, перебивая её мысли.

Нажав на кнопочку, она услышала печальный вопрос:

— Солнышко, как это понимать? Мы же договаривались...

— Антон?!

На другом конце трубки любимый голос подтвердил:

— А кто же ещё?!

— Как ты себя чувствуешь?.. — вымолвила Маргарита Алексеевна еле слышно.

— Да отлично я себя чувствую! Ждал тебя на работе, как договаривались, а ты не пришла...

Она глубоко задышала, пытаясь успокоиться.

— Давай до вечера? — наконец, попросила она, немного придя в себя. — Я просто не смогла...

— А что у тебя с голосом? — с тревогой спросил Антон.

— Ничего... Простыла где-то, наверно...

— Я дам тебе липового мёда. У меня где-то был, — заботливо пообещал любимый. — Только не болей! Значит, до вечера?

— До вечера!

Наваждение... Но какое нужное, какое своевременное наваждение! Оно растопило глыбы льда в её душе. Она даже не замечала, что они там были...

Накапав корвалола, Маргарита Алексеевна, поколебавшись, отложила и флешку Аверкова, и стихи Ступорова, включила компьютер и открыла почту. Переворошив корзину, нашла отвергнутый рассказ Майи Бобровой и начала вчитываться в строки шрифта таймс нью роман. Совершенно неожиданно чтение увлекло её. Надо же, а сюжет неплох и даже оригинален... И написано легко, изящно и на удивление увлекательно... Можно даже сказать — захватывает с первых строк. Интересно, чем всё это кончится?..

Страшно вымолвить... но проза этой девчонки очень необычна, её язык — образнее, а идея — глубже, чем в... Ну что таиться перед самой-то собой — в довольно незамысловатых рассказах городского литературного мэтра и члена Союза писателей Анатолия Бородулина. Странно признаться, но она, эта Майя Боброва, — одарённее его и других маститых авторов альманаха. И, пожалуй, можно выделить ей несколько страниц в «Огнях города». Конечно, предстоит неприятный разговор, ведь «Огни» финансирует зять Бородулина и благодаря ему они держатся на плаву уже десять лет. Аверков тоже не лыком шит — издал несколько книг за счёт Управления культуры, пробился в Союз... Только кто читает его высосанные из пальца пошлые афоризмы? Маргарита вздохнула. «Ищем молодых, талантливых, даём им возможность, шанс...» — вот что проповедует её альманах. А на деле печатаются только те, кто захватил литературную власть в городе. Захватил не талантом, а умением примазаться к сильным мира сего.

Маргарита Алексеевна вытерла со лба выступивший пот и сделала глоток остывающего кофе.

Что-то перевернул этот день — и в её душе, и в жизни, и, возможно, в судьбе неизвестной начинающей писательницы.

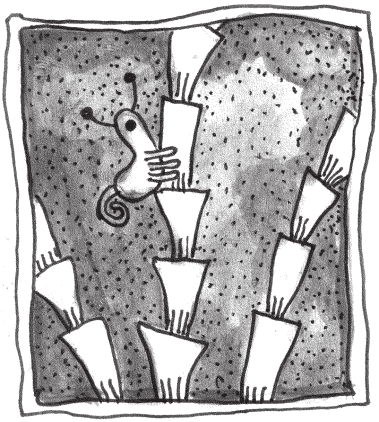
— Маргарита Алексеевна, вы ещё не ушли? — заглянула в кабинет секретарша Соня. — Извините, что я опять беспокою... Тут приглашение принесли — дочь Ливанова замуж выходит. Я слышала, за француза какого-то, в турне познакомились. Во Францию переезжают на

постоянное местожительство. — Она была не прочь ещё посплетничать, но Маргарита Алексеевна знаком остановила её.

— Майю Боброву — в печать, — сказала главный редактор и улыбнулась душевно и просто. — Отправь ей, пожалуйста, ответ — рассказ принят.

Она поднялась из-за стола, и, минуя удивлённую Соню, положила в сумочку блестящий новенький смартфон последней модели и направилась к двери.

Она ещё не успела заметить, что на его задней панели чьей-то потусторонней рукой приклеен смайлик, довольно растянувший рот до ушей.



Лита Марсон

КАРАЮЩИЕ БУКВЫ

Я иду по городу в длинном летнем платье. На светлой ткани виднеются темные узоры, которые, если присмотреться, складываются в слова на разных языках. У меня нет определенной цели, я просто гуляю и наслаждаюсь теплым летним деньком.

В кафе под открытым небом сидят парочки, в парках на траве отдыхают целые семейства, люди расслабляются и становятся добрее друг к другу. Но не все, далеко не все.

Я прохожу мимо скамейки и слышу, как папа кричит на маленькую дочку:

— Дура криворукая! Я деньги не печатаю! Не можешь в своих лапах удержать мороженое, так не проси!

На асфальте возле скамейки виднеется лужица и валяется вафельный стаканчик. Девочка тихо всхлипывает, а папа все больше распаляется. Легкое движение руки, и вопящий мужик неожиданно затыкается. Дочка с удивлением смотрит на отца, который не может вымолвить ни слова. Я улыбаюсь и иду дальше.

В парке у фонтана ссорится молодая пара. Девушка устала и натерла ноги, а парень нападает на нее с упреками:

— Ты же знала, что мы пойдем гулять! Зачем нацепила эти бесполезные шпильки?

— Но тебе же нравится, когда я на каблуках, — тихо бормочет замученная девушка. Но кавалер ее не слушает и продолжает бушевать. Она выпрямляется и повторяет погромче:

— Ты сам постоянно требуешь, чтобы я выглядела на все сто. Чтобы всегда была при полном параде, чтобы макияж вечерний, чтобы каблуки, платья, мини-юбки. Ты ни разу не спросил, удобно ли мне так наряжаться на каждое свидание, и каждый раз кривился, стоило мне натянуть джинсы. Так почему ты сейчас бесишься?

— Надо же думать головой! Неужели нельзя купить красивую и удобную обувь на каблуке?

— Можно, только моей зарплаты на нее не хватает, — веско замечает девушка, и парень сразу начинает хмуриться.

— Опять ты о деньгах... Вот уж не думал, что ты такая меркантильная.

Я понимаю, что спор может затянуться надолго, поэтому решаю вмешаться. Привычно касаюсь своего платья, и парень охает от боли. Его модные кожаные ботинки из удобных и мягких стали жесткими и шершавыми. Когда он вернется домой, то увидит, что вся его обувь пережила подобное преображение. Может, немного поумнеет, может, и нет, но это уже не мое дело.

Иду дальше и слышу жуткий скандал. В пиццерии официант уронил поднос с пиццей, и клиентка высказывает ему свои претензии. Подхожу поближе и прислушиваюсь. Вот выскакивает администратор и обещает недовольной даме оплатить любые блюда из меню по ее выбору. Но та все не унимается:

— Почему я должна терпеть такое обслуживание? Да вы знаете, кто я такая? Я жена мэра!

Администратор бледнеет и робко предлагает:

— Если мы уволим нерадивого официанта прямо сейчас, вас это устроит?

— Жалобную книгу мне! Я вас ославлю на весь город! Никто больше не придет к вам!

— Пожалуйста, не нужно этого... Мы приносим вам свои извинения... Честное слово, мы найдем других работников, намного лучше тех, кто работает сейчас, я вам обещаю.

— Ладно, — царственно говорит дама, — я согласна. Увольте всю смену, и тогда я не стану выдвигать претензий.

— Всю смену??

— Конечно! Вы же сказали, что найдете других работников, получше. Эти недостойны работать здесь, они абсолютно бесполезны. И сделайте так, чтобы их больше никуда не взяли на работу. Это послужит им уроком.

Ошеломленный администратор покорно кивает и обещает все исполнить. Я не люблю кого-то спасать, но люблю наказывать, поэтому дама получает по заслугам. Неожиданно она роняет свою сумочку, но не может ее поднять — ее руки больше не двигаются. Она пытается понять, что происходит, смотрит на администратора и беспомощно хлопает накрашенными ресницами. Тот с поклоном подает ей ее вещи, но жена мэра не может пошевелить руками, и сумка снова падает на пол. Дама пытается встать, но тут же падает обратно в кресло. Ее ноги постигла та же участь, что и руки. За другими столиками шепчутся посетители. Пожилая женщина возле выхода неожиданно громко говорит:

— Ну что, голубушка, отбегала свое?

— Это вы виноваты! Вы наслали на меня какое-то проклятие! — Дама снова пытается вскочить, но не выходит. А бабушка с чувством произносит:

— Да нет, милая, судьба тебя наказала. Ты вон шумела здесь, вот и дошумелась. Кто тебе дал право судить, кто бесполезен, а кто — нет? Теперь от тебя самой толку никакого. Хотя и не было от тебя толку. Муж твой молодец, а ты так, ярмо на его шее. Баба с возу, кобыле легче.

С этими словами бабуля уходит, и я неслышно аплодирую ей вслед. Жена мэра обескуражена, смущена и раздавлена, поэтому даже не пытается спорить. Нерадивый официант понимает, что это его последний

шанс, и бросается к ней:

— Простите меня, я не понимаю, как это произошло, но я не специально уронил пиццу! Пожалуйста, дай мне еще один шанс! Умоляю вас!

Дама смотрит сначала на парня, потом на испуганного администратора, снова пытается поднять руку и снова терпит неудачу. Отвернувшись в сторону, она дрожащим голосом говорит:

— Ладно, будь по-вашему. Я больше не хочу есть, я хочу домой. Помогите мне добраться до машины, и я забуду этот маленький инцидент.

Пока все работники пиццерии благодарят даму, я легонько шевелю пальцами. Из прически сановитой дамы незаметно выплывают буквы и летят в мою сторону. Я расправляю подол, и они аккуратно садятся на то же самое место, откуда недавно улетели, и складываются в слово «disabled» (так в английском языке обозначают инвалидов).

Убедившись в том, что к жене мэра вернулась физическая активность, я продолжаю свой путь. На своем пути я встречаю не только шумных скандалистов, но именно они больше всего привлекают мое внимание. Когда человек спокоен и расслаблен, он ведет себя прилично и довольно тихо, но когда начинает кричать и устраивать конфликты, его слышно за километр. Встречаются и исключения, разумеется, и одно из них я как раз вижу перед собой.

Возле клумбы роз в городском парке парень становится на одно колено перед своей спутницей, достает из кармана кольцо и громко спрашивает:

— Ты согласна стать моей женой?

Все окружающие смотрят на парочку, многие начинают аплодировать, свистеть, и девушка впадает в ступор. Ее лицо становится пунцовым, она опускает глаза и ничего не отвечает. Парень выглядит разочарованным и смущенным, и я снова решаю вмешаться.

С моего платья в сторону парочки отправляются очередные буквы, и девушка сразу оживает. В восторге глядя на возлюбленного, она вопит:

— Класс! Я согласна!

Помолвка завершается поцелуем, а я улыбаюсь и шагаю дальше. Увидев стену, изукрашенную граффити и разными надписями, я останавливаюсь и шепчу:

— Ко мне...

Буквы, слова, целые выражения соскакивают со стены и занимают опустевшие места на моем наряде. Вот тут было слово «Класс», которое получила влюбленная пара. Вот здесь красовалась надпись «Silenzio», которое помогло успокоить разбушевавшегося папашу. А здесь у меня не хватает целого предложения «Try walking in my shoes», строчка из песни группы «Depeche mode», которое наказало любителя каблуков и вечернего макияжа.

Каждое слово, каждая буква несет в себе особый смысл. Если бы

люди почаще об этом задумывались, то мир стал бы лучше. Возможно. А может, и не стал бы.

Я не спасительница и не карающий ангел. Мне просто скучно. У бессмертия есть свои минусы, но я нашла способ развлечь себя. Не спрашивайте, кто я, все равно не отвечу.

Но в следующий раз, когда вам захочется покричать, подумайте — а вдруг вас услышит кто-нибудь, кто умеет наказывать буквами? Хотя делайте что хотите, это не мое дело. У меня свой путь, и мне снова пора. Слова ждут меня, и мне не терпится пустить их в ход.

Наталья Волочаевская

НЕПРИЛИЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ НА ДОЛЬФИШЕ

Осень неподвижно желтела вокруг Малера, по-братски молчала, и только листья клёнов, которые словно обмакнули острозубой каймой в колониальное красное сухое, раздирали это цветовое безмолвие. Молчали и птицы, никто не хотел говорить сегодня с Малером.

Поэтому первое яйцо застало его врасплох. От второго он увернулся, и оно распласталось прозрачно-жёлтой звездой на сером фасаде института. Зато первое, расколовшись о твёрдую височную кость, прохладной слизью стекало по уху, по шее, вниз за расстёгнутый ворот сорочки. На этом запасы атакующих кончились. Протестантов было всего двое, они стояли на тротуаре через дорогу, как близнецы, в одинаково мятых бумажных плащах, вразнобой исписанных подписями в поддержку, в левой руке — планшет на палке, правая — только что освободилась от яйца и зажала яростную пустоту в кулак.

«Верните всё на свои места!» — Мигала надпись на экране планшета у первого. «Язык животных — это фэйк!», — значилось у второго. «Люди и животные не равны!», — сменился лозунг у первого.

«Ага, чем бы вы кидались в меня, если не эмбрионами низших существ, — Малер скривился в брезгливой гримасе от хлюпающей подмышками дряни — хорошо хоть не тухлые, натужно порадовался он. Раз опасность бомбардировки яйцами миновала, Малер решил дождаться следующей надписи. «Только Бог может говорить с природой на её языке!» Ничего нового, жалкие противники натурализации с жалкими лозунгами без аргументов. И дисплей отсвечивает — ничего же не видно, вся борьба насмарку. И яйца — хех, вхолостую.

Малер запахнул пальто — с опозданием, — пожалев о небывало тёплой осени, прижал локоть к боку, чтобы остановить яичный поток, понял, что там всё засохло, и с точно так же прилипшей к лицу гримасой отвращения вошёл в ворота института, пискнул пропуском, кивнул охраннику и втиснулся спиной в лифт между двумя колючими твидовыми парками — кажется, отдел насекомых с девятого. «Твидовые» неритмично надували ему в бока свои животы, и он никак не мог приспособиться к их дыханию.

— Слышал, что этому опять дали грант на дельфинов? — Заговорил негромко тот, что справа. На слове «этому» он ещё больше понизил громкость и качнулся в сторону Малера. — В обход всех. Я третий год подаю, а мне шиш. Хорошо хоть, что у него машины нет, а то задолбали уже лучшие места на парковке раздавать кому попало. У жены на работе вообще все льготы по квотникам разошлись.

«Идиот, я немой, а не глухой», — устало подумал Малер. И тут же услышал, как тот, что слева, поднял руку, покрутил пальцем у виска и прошелестел губами: «Идиот, он немой, а не глухой!». Малеру захотелось посмотреть на их лица, чтобы разобрать и запомнить, кто из них больше идиот, но тут лифт звякнул на его этаже, и животы настойчиво вытеснили его в холл. Оборачиваться он не стал.

* * *

Лаборатория, не способная сопротивляться осени своей прирождённой стерильной белизной, тоже пожелтела — огромные окна в пол пропускали все оттенки жёлтого, что отдавали деревья, вплотную обступившие стены института.

Грамматический строй деревьев Малеру был непонятен. Они роняли листья вне всякого синтаксиса — скорее, это ветер говорил, используя листья как графемы и фонемы. Востоковеды с третьего этажа пытались найти аналогии с монгольской каллиграфией, но Малер считал это псевдонаучным трюкачеством, ведь ни один язык природы не только не имеет лингвистических аналогий с человеческим, но даже не имеет права называться «языком» в человеческом значении этого слова.

Малер принял душ, отскоблил засохший желток, надел халат вместо испорченной сорочки, а ту не раздумывая выбросил в мусорную корзину.

Недопитый бокал так и стоял на широком подоконнике, не попадая в неровный засохший ободок, по соседству с таким же, слегка смазанным круглым следом, тёмно-красным, но без бокала. Красное, терпкое, контрабандное — Малер мигом ощутил его памятью нёба, — но уже наверняка выдохшееся вино просвечивало сквозь тонкое стекло всё тем же осенне-ржавым.

Малер принёс вчера бутылку, чтобы отметить маленький прорыв в исследованиях, он всегда так делал — благодарил ассистентов за каждый шаг вперёд. Подарками вместо слов. Бутылка из виноградника-гетто — это многоуровневая сложносочинённая синтагма, речь на две минуты, со всеми коннотациями, которые он не смог бы передать на пальцах. В его команде было всего трое, и все трое понимали язык жестов, а Вера даже могла их воспроизводить, хотя в этом не было нужды, но для Малера это мельтешение — не её, конечно, а его — было как белый шум, немота стискивала его, рождая клаустрофобию. Он хотел звучать. Он хотел, чтобы она его слышала. Вчера она ушла раньше всех, оставив его наедине с винным ободком на подоконнике. А он и допивать не стал, оставил бокал багровым смысловым пятном: в нём будут пепельные хлопья сожжённой салфетки с кривыми каракулями письма, его одинокая прогулка вдоль Невы, где небо шире всего, пьянящая страсть, которую он способен контролировать, не выпивая её

до капли, и что-нибудь ещё на выбор. Думал, она придёт раньше всех и прочтёт этот смысл. Но она не пришла, смысл выдохся, осталось только пятно. Пятно тоже говорит, — подумал он, — даже пятно, — и не стал убирать натюрморт.

Малер поднял шторы на стене аквариума, примыкавшей к лаборатории. Осень ворвалась в колеблющуюся тысячетонную бирюзу, исполосовав ее ломаными лимонными иглами. Аквариум широкой коробкой уходил ввысь сквозь три этажа, к облакам. Вдоль коробки тянулась прозрачная шахта лифта, с выходом на наблюдательную площадку на полпути наверх. Малер поднялся на крышу, захватив с собой «дельфинье ухо», ретранслятор, над которым они работали уже полгода.

Чарли и Дюк, посвистывая, кувыркались в западной части бассейна и лениво перекидывали друг другу разноцветный мяч. Эллу с малышом Диззи Малер заметил в глубине, пока поднимался на лифте. Диззи оказался на редкость прожорливым дельфинёнком и не отпускал мать ни на минуту. Сейчас они в полудрёме мерно покачивались в толще воды.

Чарли оставил мяч и в одном прыжке достиг бортика, где стоял Малер, элегантно, без брызг, пронзил водную поверхность и тут же всплыл, радостно улыбаясь. Чарли относился к Малеру с особым обожанием, что было слишком даже для дружелюбных дельфинов, и если бы он был человеком, вероятно, не обошлось бы без скандала. Дюк продолжал плавать в отдалении. С недавнего времени он пребывал в лёгкой меланхолии, причину которой точно установить никак не удавалось. Егор, зоопсихолог, предположил, что это связано с недавним рождением Диззи, который занимал теперь весь мир Эллы.

— Ты понимаешь, у них нет даже понятия для всей этой чепухи вроде любви, которой так грузятся жалкие и ничтожные человеческие существа, — объяснял Егор. — Нет такого ритуала «я-тебя-люблю» и тем более этого присвоенчества «будь моей». Но при этом их обычные отношения между собой выглядят именно как любовь. И ведь чуть ли не в том наивысшем смысле, который придумал человек, чтобы приукрасить свою похоть.

«Нет слова «любовь» в лексиконе?» — Удивился Малер. — «Не может этого быть. А если найду?»

— Может-может. Любовь, страх потерять любовь, ревность, ненависть, боль — ничего такого. Они даже из-за разлуки не страдают — это данность природы. Типа, всё, что нам назначено природой, надо благодарно принимать — видишь, человек себя уговаривает, а у них это в ДНК встроено. То, что Дюк загрустил — я подозреваю, что это последствия пребывания в человеческом обществе. Они потому долго и не живут в неволе — начинается очеловечивание. Стрессы, грусть-тоска, заподлянки и прочая жуть. Я с китайцами в прошлом году работал — так

они передержали и до самоубийства довели, хоть я и предупреждал. Представляешь, дельфин-самоубийца? Оксюморон.

«До этого не дойдёт. Мы больше года не держим. Скоро новая партия придёт, а этих обратно отправим».

— А зачем тебе любовная лексика дельфинов? У Эллы и так кавалеров хватает, — ухмыльнулся Егор. Малер тогда покраснел, смутился и быстро свернул тему.

Сейчас, присев на бортик и свесив ноги в воду, он погладил лоснящуюся морду Чарли, от чего тот зарокотал. Малер настроил «ухо» на приём и снова коснулся дельфиньего лба. Чарли довольно рокотнул, добавив тонкий присвист.

Экран ретранслятора делился на два окна, сначала в одном появились образы: это в них изначально преобразовывались звуки у дельфинов в голове при восприятии «речи» сородичей, и ретранслятор чётко воспроизводил эти звукограммы. Затем во втором окне эти образы «переводились» в текст — строчка за строчкой декодер языка дельфинов ткал полотно смысла, который вложил Чарли в лаконичное выражение радости и короткий жест благодарности. Малер скользнул по тексту — там были и мифы, и счастливое детство, и рифмами — оттенки воды, и оправой — пение пещерных нимф, и соблазнительный запах кефали, и царапины облаков в осеннем небе, и бла-бла-бла. Всё не то. Она не поймёт. Будь она самкой дельфина — другое дело. Как вложить человеческий опыт и тонны мироздания в ту единственную звукограмму, которую он жаждал ей сказать? Сказать, ага... Щёлкнуть, свистнуть или пролаять. Он горько усмехнулся. Хотя... «царапины облаков» прокатят. Проблема в том, что их не вычленить, и они субатомной частицей входят в этот неделимый комплект дельфиньей «махабхараты». Как много всего, и всё не о том. Малер искал простую лексическую единицу — в сущности, основу жизни, которая у них, существ, превосходящих человека объёмом мозга, силой эмпатии и глубиной социальной невинности, расщеплялась на тысячи бла-бла-бла. И не находил.

Сегодня он приготовил для Чарли очередные строчки, забил их в ретранслятор, чтобы воспроизвести для него, посмотреть на его реакцию. А впрочем, зачем ему реакция Чарли, ведь это суррогат — искусственная дельфинья речь, доступная ему и его голосовым связкам. Он хочет выпендриться, это несомненно. Он вдруг подумал, что Чарли его понимает и даже жалеет, и его доброжелательность по отношению к нему, человеку, — не что иное, как сочувствие и желание помочь, но Малеру от этого стало неловко, стыдно и показалось ему, что Чарли не улыбается, а насмехается. Ах, да плевать.

«В реке твоих волос я утону», — ввёл он первую строчку. Он отказался от прямых и чистых «любовных» словоформ и подбирал теперь метафоры и прочий лирический словоблуд, включающий заодно

и водные лексемы. — «В руках твоих ребёнком стану, в глазах твоих поймаю я луну,» — хватит, пожалуй. Он отправил строчки на перевод и приготовился слушать. Из динамика раздался резкий клёкот, Чарли вздрогнул, наклонил вопросительно голову, приглушил улыбку. Нырнул и вынырнул. Оглянулся на Дюка. И решился наконец. Указал носом на транслятор. Малер сообразил и переключил его на обратный перевод. Чарли приоткрыл пасть, задрал хвост и, застыв в таком положении, выдал тираду мелодичных прицокиваний. Дюк встрепенулся и подплыл ближе.

— Чем это вы тут занимаетесь? — Второй ассистент Виктор Палыч неслышно подкрался сзади и заглянул в экран транслятора. — Э-э-это входит в программу исследований? Не припомню такого пункта. У вас есть на это соответствующие санкции? — Он растерянно поводил глазами между экраном, Малером и Чарли. — Это дельфин сказал?

Из двери лифта вышел Егор, с любопытством прислушиваясь к заполошным взвизгиваниям Виктор Палыча. Покрутил головой, поискал глазами Веру и после того только заглянул в дисплей тоже. Рассмеялся.

— А где Вера? Не пришла ещё?

— И хорошо, что не пришла, дамам такое видеть не следует!

— Ой, Виктор Палыч! Вера и поизящнее завернуть может! А то вы не слышали? Вчера, к примеру, когда свет вырубили?

— Да упаси боже, я отлучался!

«А по существу есть идеи?» — Малер сунул планшет Егору и вклинился жестами в диалог своих ассистентов.

— Ты опять искал любовь у дельфинов?

Малер кивнул.

— Ну так вот тебе ответ, — Егор ткнул пальцем в перевод. — Не знаю только, зачем тебе это нужно, не Эллу же в самом деле завалить? К тому же это и правда слегка факультативно и мимо наших планов. Но послушай Чарлика — он плохого не посоветует, да, чувак? Дай пять! — Егор поднял руку над бассейном, Чарли взлетел над водой, скользнул плавником по его ладони и сделал ловкий кульбит назад, дальше от бортика, чтобы не замочить брызгами людей.

«Может, это глюк? Или вирус?»

— Да! — обрадовался Виктор Палыч. — У меня однажды так порнуха полезла, сайты все эти открывались сами собой, пришлось мастера вызывать. Может, и наше «ухо» заразилось чем?

— Ой, Виктор Палыч, а вы шалунишка! Вы поберегитесь, оно через уши как раз и передаётся. Услышите такое от Чарли или, прости, господи, от Эллы, и всё — придётся вам рот йодом мазать и пластырем заклеивать.

— Тьфу ты! Я ж по существу! Рабочая же версия, ну!.. Да ну вас к лешему! Пойду займусь делом, и вам, кстати, тоже советую, — Виктор

Палыч гневно запахнул халат и отправился к лифту.

— Слушай, босс, я уже говорил тебе, что любовь-морковь у них слишком велика, чтобы мы её осознали во всём величии. И вот, пожалуйста, достал ты их и они заговорили по твоим понятиям.

«Это не мои понятия».

— Ну, человеческие же, ты же тоже их понимаешь, хоть и не пользуешься. Я же говорю, природа в неволе очеловечивается... Выучи фразочку-то, — Егор нажал кнопку воспроизведения, и мелодичное цоканье повторилось. — Красиво же. Почти как на французском.

* * *

Вечером Вера задержалась. Она сидела за своим столом в снопе света и редактировала код. Егор копался, перекладывая бумажки из одного ящика стола в другой. Только Виктор Палыч, как и всегда, покинул офис строго в шесть. Малер разгрёб все плановые задачи, воткнул наушники от ретранслятора в уши и прокручивал ту звукограмму, которую выдал Чарли в ответ на порожняковую лирику.

В какой-то момент он поднял голову и увидел, что Егор исчез. Малер выдернул наушники, аккуратно отодвинул стул и бесшумно приблизился к Вере. Она не услышала, не обернулась — увлечённо листала блокнот с заметками.

Открыл было рот, чтобы — зачем? ну, зачем? — прозвучать для неё. Сделал ещё шаг — и увидел Егора. Он сидел с другой стороны её стола, незаметный за монитором, и держал её за руку — положил свою жилистую лапу поверх её бледной длинной узкой кисти, а она высвободила мизинец и приобняла, прижала им сверху костяшки его пальцев. Молча. Беззвучно.

Ольга Денисова

ПРЯМОЙ РЕПОРТАЖ

— Я веду репортаж из классной комнаты воспитательного сообщества «Равные», где расположился штаб поисков пропавших детей, — бодро подхватила Джим начатую шефом тему. — Ищет их не только полиция, но и добрая сотня добровольцев. Напомню, что это четвертый случай исчезновения детей из сообщества: трое пропавших ранее мальчиков так и не были найдены. Руководит поисками комиссар окружного полицейского управления Хильди Брэг, однако, учитывая серьезность положения, на помощь Хильди уже торопятся аналитики планетарного бюро расследований.

Джим поправила волосы, когда Ким повернула объектив дрона в сторону комиссара, — плавающий в воздухе индикатор, невидимый для объективов, продолжал мигать красным: идет прямая трансляция. Он всегда раздражал Джим навязчивостью и невозможностью смотреть на него прямо — держался на краю поля зрения.

— Хильди, всего один вопрос: есть надежда найти детей живыми?

— Надежда есть до тех пор, пока не обнаружены и не опознаны мертвые тела пропавших.

Хильди кашлянула и тронула рукой кадык — кроссдрессерам-три трудно говорить высоким голосом, — однако продолжила:

— И оставить надежду, прекратить поиски мы не имеем права.

Умный микрофон автоматом удалил ее кашель из эфира.

— Вы подозреваете, что это дело рук серийного убийцы? — продолжила Джим — никто не заметит, что она собиралась задать всего один вопрос.

— Это одна из версий, и пока нет причин исключать остальные. Однако мы исходим из худших предположений: через сутки вероятность найти детей живыми резко снизится. Аналитики планетарного бюро уже выслали первые выводы, но у нас есть и собственный опыт розыска серийных убийц, в нашем округе за последние три года было обезврежено более шестидесяти маньяков-педофилов, из них только двое начали убивать, остальные были выявлены раньше. И, пользуясь возможностью, я хочу обратиться к тем, кто с нами в сети: если увидите темно-синий турбокар класса Лонли с тонированным куполом, в особенности стоя́щий, просим набрать три единицы на ручном комме.

— Но темно-синих турбокаров Лонли с тонированным верхом тысячи! — артистично воскликнула Джим.

— Система позволит выявить турбокар без опознавательного сигнала.

Хильди снова кашлянула, Ким переключила мультикамеру на прием и дала в эфир 3D-сканы детей, а Джим продолжила:

— К следующему выходу в сеть мы подготовим обстоятельный отчет

об исчезновении детей. Напомню, им девять и десять лет. Перед вами их последние сканы, сделанные системой безопасности сообщества. Тех, кто видел кого-то из них сегодня после десяти утра, просим набрать на ручном комме три буквы Н.

— Спасибо, Джим, — раздалось в наушнике: шеф перехватила трансляцию. — Наш специальный корреспондент Джим Миллер получила эксклюзивное право на освещение в сети исчезновения детей из воспитательного сообщества «Равные» — смотрите новости по теме из первых рук, на нашем ресурсе!

Индикатор перестал мигать, и Ким, отозвав дрон, закрыла экран управления мультикамерой.

— Ну как? — нормальным мужским голосом спросила Хильди. — Я нигде не напортачила?

— Все отлично, — кивнула ей Джим. — А можно спросить? Из любопытства. Если это не для прессы, мы не включим это в следующий репортаж...

— Конечно. — Хильди любила репортеров, как все трапы.

— А какие выводы сумели сделать в планетарном бюро?

Джим в самом деле спросила лишь из любопытства — пока в деле было только одно сомнительное свидетельство о темно-синем Лонли, и более ничего.

— Это серийный убийца с вероятностью семьдесят семь и восемьдесят три сотых процента. Ему более сорока лет, невысокого роста, эндоморфного телосложения. Скорей всего, он состоит в браке со своим ровесником. Очень вероятно, работает с детьми, но вряд ли в сообществе «Равные».

В свои тридцать восемь Джим выглядела не более чем на двадцать пять и имела в личном деле пометку «цисгендерность» (которую в случае чего могли поменять и на «выраженная гендерность»), но ничего не могла с собой поделать: любила красивую одежду, каблуки и дорогую косметику; ей нравилось проводить время перед зеркалом и в салонах красоты — что роднило ее с трапами. Однако выходить в эфир в юбке и с салонной прической считалось вызывающим и в некоторой степени оскорбляло таких, как Хильди, — как бы ни было сильно стремление кроссдрессера выглядеть не хуже Джим, а коленок, как у нее, у Хильди никогда не будет. Но на этот раз кроссовки и спортивные брюки сыграли Джим на руку — пока они с Ким изучали территорию «Равных», ничего не стоило переломать не только каблуки, но и ноги.

— Территория воспитательного сообщества огромна, коттеджи, где проживают дети и их опекуны, разбросаны среди живописных лесистых холмов, а учебные корпуса и развлекательный комплекс стоят на берегу озера. И тем не менее каждый квадратный дюйм территории

контролируется новейшей системой безопасности, которая не только сканирует происходящее, не только сигнализирует о внештатных ситуациях, но и способна самостоятельно предотвращать опасность, угрожающую жизни и здоровью детей. Детям не запрещается покидать территорию, они должны лишь поставить в известность одного из опекунов. Еще два года назад ребенок не мог отключать маячок наручного комма, но принятая поправка к двести двадцать восьмой статье закона о защите прав ребенка запретила блокировать отключение маячка, теперь каждый ребенок имеет право на личное пространство и может выключить маячок по собственному желанию.

Индикатор мигал желтым — шла запись. Четыре дрона парили над холмами, пятый висел перед глазами Джим, а тонкие пальцы Ким порхали над экраном управления мультикамерой.

— Джим, — раздался в наушнике голос шефа, — спроси между делом: на фига у них дети таскаются за территорию?

— Но есть ли у детей потребность покидать территорию? Спросим об этом старшего опекуна сообщества, Джесса Ли.

Ким развернула объектив дрона в сторону Джесса Ли, цисгендерного мужчины, — одному богу известно, как ему удалось стать здесь старшим опекуном, — да еще и по всем приметам совпадающего с присланным планетарным бюро описанием серийного убийцы: эндоморф лет пятидесяти, невысокого роста с заметной лысиной, работающий с детьми... И женат он был на начальнике охраны сообщества, которую Джим назвать цисгендерной женщиной никак не могла.

Джесс тоже кашлянул — от волнения — и провел рукой по лысеющей голове. Складно говорить он не умел, и Джим включила онлайн-редактор речи — получилось довольно гладко и близко по смыслу к оригиналу:

— Дети покидают территорию редко, но их влечет взрослая жизнь, и нет смысла запрещать им знакомиться с нею. Для детей десяти лет самостоятельное посещение торгово-развлекательного центра — настоящее приключение и захватывающая игра, так же как и самостоятельная поездка по железной дороге. Ближайший к нам населенный пункт находится всего в миле от коттеджа, в котором жили пропавшие дети, — это небольшой поселок на пластмагистрали, где дети обычно посещают придорожное кафе. Там они могут самостоятельно сделать заказ и посидеть за столиком со взрослыми. Разумеется, все взрослые, которые вступают в непосредственный контакт с детьми, обязаны открыть комм для сканирования системе наблюдения, размещенной в кафе. Если рядом с ребенком появится человек с закрытым для сканирования коммом, немедленно сработает сигнал тревоги.

Говорят, уже появились редакторы речи, которые можно включать при прямой трансляции, но они с Ким на такую мультикамеру пока не заработали...

— Как, в таком случае, похититель мог подобраться к детям? — спросила Джим.

— На этот вопрос лучше ответит начальник нашей службы безопасности, Джульетта Ли, — перевел редактор невнятные слова Джесс, после чего тот с облегчением выдохнул.

Джульетта, ровесница мужа, была одета в камуфляж и берцы, пострижена наголо, имела невероятно большую грудь, такой же живот и невысокий рост. Она подвинула мужа в сторону тяжелым боком — Ким пришлось отвести дрон немного назад, чтобы начальник охраны поместилась в объектив. Зато ей не требовался редактор речи и никакого смущения перед камерой она не испытывала.

— Может, после исчезновения пятерых детей законодатели наконец задумаются, чтобы маячки детских коммов можно было включать извне, — начала она. — Раз уж наверху так опасаются, будто я буду подглядывать за девочками в ду́ше или в сортире, пусть санкцию на принудительное включение дает полиция. Очевидно, негодяй вообще не имел комма! А коммы детей были выключены. У ребенка не развит инстинкт самосохранения, им нравится отключать коммы просто так, для самостоятельности!

— Расскажите, когда и при каких обстоятельствах были отключены коммы пропавших детей, — подсказала Джим.

— Том постоянно болтался с выключенным коммом, а Лиз никогда этого не делала! Уверена, противный мальчишка уговорил ее!

— Дети дружили?

— Да, как ни удивительно. Странная это была парочка, ничего общего: у Лиззи отмечена ярко выраженная гендерность, а у мальчишки — навязчивые проявления агрессии.

Говоря о девочке, Джульетта едва не облизывалась — ее заявление о принудительном включении детских коммов почему-то сразу наводило на мысль о том, что «наверху» не зря опасаются за девочек в ду́ше...

— То есть это были трудные дети?

— До Посвящения двадцать процентов детей считаются трудными, ничего особенного в этом нет.

Вместо огромной груди Джульетты Ким снова дала крупный план последних сканов детей — они шли, взявшись за руки, девочка немного отставала от мальчика, шагавшего широко и уверенно, и иногда ей приходилось за ним бежать. В чем проявлялась гендерность девочки, Джим не поняла: серенькая мышка, простенький темный спортивный костюм, тонкие бесцветные волосы до плеч. Гендерность мальчика выражалась значительно ярче: крепкий был пацан, разворачивал плечи на ходу, и на подружку глядел снисходительно, сверху вниз. Впрочем, он был старше на год, что пока давало ему такое право...

— Дети еще не прошли Посвящение? — спросила Джим. — Им же девять и десять?

— Обоим до Посвящения оставалось совсем немного. Тому исполнится десять через две недели, а Лиззи через полтора месяца будет девять.

— Вернемся к отключению коммов. Сейчас мы как раз видим, что дети направляются к границе территории сообщества «Равные». Правильно я понимаю, дети больше ни разу не попали в объективы дронов?

— Правильно. Дроны системы безопасности не покидают вверенную им территорию. Детей предположительно видели в поселке, когда они садились в турбокар на пластмагистрали.

Шум в штабе поисков донесся до микрофона из приоткрытого окна, и пришлось прервать беседу с Джульеттой. Джим, почуяв важные новости, запросила у шефа прямой выход в сеть — почти сразу мигавший индикатор из желтого сделался красным: в сеть пошла прямая трансляция.

Хильди сама догадалась выйти к окну, не дожидаясь вопросов Джим.

— Только что был обнаружен темно-синий Лонли, брошенный в ста двадцати милях отсюда: на стоянке перед торговым центром. Экспресс-экспертиза обнаружила на заднем сиденье ДНК Тома Макгрегори. К нашему величайшему сожалению... — Голос Хильди дрогнул.

— Вы не допускаете мысли, что дети решили путешествовать автостопом? — на всякий случай уточнила Джим.

— Какой сумасшедший с выключенным коммом посадит детей к себе в турбокар? — с перекошенным лицом выговорила Хильди своим нормальным голосом — и в эту секунду была похожа на цисгендерного мужчину гораздо больше, чем старший опекун сообщества. И Джим совершенно некстати подумала, что, не будь Хильди кроссдрессером-три, ее стоило бы счесть привлекательным мужчиной... Рост шесть футов (плюс шпилька), широкие плечи, шея как у быка... Колени, конечно, так себе, но если надеть на Хильди брюки...

— Стоянка наверняка оборудована системой безопасности... — сказала Джим в микрофон.

— Разумеется. Скоро все ее сканы будут тщательно проанализированы.

— ДНК водителя не обнаружено?

— Экспресс-экспертиза ничего не выявила, но турбокар сейчас проходит полное обследование — даже дыхание оставляет следы на стекле, — пояснила Хильди голосом повыше и добавила мужским тембром: — На этот раз негодяй от нас не уйдет!

От ее уверенности и силы у Джим по спине прошли мурашки.

Наверное, стоило вернуться к приему гормонов: в последнее время она слишком часто думала о мужчинах, что само по себе было ненормально, а в сложившихся обстоятельствах да еще и в прямом эфире — подавно.

— Джим, больше десяти миллионов просмотров! — сообщила шеф: вот что значит баннер на главной странице новостного канала, да еще и мигающий при прямом включении! — Чтобы хайпануть еще рейтинга, добавь слезный рассказ о детках: какими милыми малышами они были.

— Были? — возмутилась Джим.

— Ладно, ладно. Какие они милые сюси-пуси и каким надо быть дерьмом, чтобы их отыметь.

— Мы собирались лететь на то место, где обнаружили Лонли...

— Там нечего снимать. Крути лучше розовые сопли опекунов и сестробратьев. И о детях, которых израсходовали раньше, добавь чего-нибудь. С полицией можешь строго — у нас разрешение на журналистское расследование и полный доступ. Хорошо бы трёп с планетарными аналитиками — и пусть ничего не скрывают. Если зажмут инфу — пригрози привлечь за препятствия свободной прессе. И от нас в расследование добавь какую-нибудь фитюльку, которая якобы ускользнула от следствия. В сети уже идет бурление говн по теме — не бойся впрыскивать животрепещущие вопросы. Нехилый хайп случился с принудительным включением коммов, мы засекли тыщи холиваров! В общем, большой всплеск эмоций и обсуждаемости. Передай милашке Хильди, у нее триста тысяч лайков. Не передавай Хильди: пятьдесят два процента от цисгендерных баб.

— А у Джульетты?

— У ее грандиозных сисек лайков маловато, зато индекс цитирования пробивает потолок и растворяется в глубоком космосе. Кстати, был бы неплох впрыск жести о засилье маньяков-педофилов — по опыту Хильди, поднимем и ей индекс цитирования.

Материал о милых малышах пришлось монтировать: опекуны, гомосексуальная пара, так сладко скалились в камеру и так сюсюкали, что некоторые улыбки и фразы пришлось убрать из материала. Аналитики сразу погрузились в работу, и, признаться, Джим не собиралась им мешать, но у ребят все было продумано: в состав группы заранее включили ответственного за связь с общественностью — видимо, привыкли не чинить препятствий свободной прессе. Ответственный, правда, Джим не понравился: им был тотал-трансгендер Эрнст Рено, показавшийся ей человеком немногословным, сухим и хитрым. В отличие от Хильди, он не стремился попасть в сеть и даже избегал появления перед объективом.

Прежде чем говорить с семьей пропавших детей, Джим просмотрела их личные дела. Пусть полиция шерстит маршруты возможных подозреваемых и разбирает турбокары на молекулы, пусть аналитики выстраивают психологические портреты серийных убийц — журналистское расследование пойдет другим путем.

Пропавшая девочка имела три пометки на главной странице личного дела: ярко выраженная гендерность, склонность к стадности и отсутствие стремления к успешности. К удивлению Джим, гендерность ребенка проявлялась не в желании нравиться. Лиз не любила соревновательных игр, отказывалась заниматься единоборствами (для преодоления гендерных стереотипов ее определили в секцию бокса), всегда принимала чужую точку зрения, в детских ссорах придерживалась нейтралитета, а иногда выступала в роли миротворца. Результаты тестирования были ужасающими... Забавно, но метки аутсайдера Лиз не получила — другие дети с удовольствием с нею контактировали, что было вполне понятно: рядом с нею любой чувствовал себя победителем, благородно снисходившим к побежденному.

Том Макгрегори являл ей полную противоположность, хотя его выраженная гендерность была помечена знаком вопроса. Навязчивая склонность к агрессии проявлялась в том, что противный мальчишка отношения с ровесниками выяснял при помощи кулаков, из игр обычно выбирал «стрелялки» и любил ломать игрушки. У него тоже было отмечено отсутствие стремления к успешности, что удивило Джим, — обычно агрессия идет рука об руку с амбициозностью и честолюбием. Однако тестирование показало, что Том Макгрегори вовсе не стремился победить, — им двигали иные мотивы: он хотел нравиться самому себе, а не окружающим. Наверное, поэтому гендерность и поставили под вопрос, подозревая у ребенка аутоэротизм. Драчуны часто имеют метку аутсайдеров, но Том ее тоже не удостоился. И даже наоборот. Тесты показали полное отсутствие у Тома лидерских качеств, но в детских иерархиях он занимал ведущие места.

Джим колебалась, стоит ли вставлять в материал многократно упомянутый другими детьми факт: Том защищал Лиз... Стоит ли так унижать девочку в глазах миллионов зрителей? Забавно: дети говорили об этом с некоторой робостью, а то и с напускным возмущением, но не настолько хорошо они умели притворяться — у большинства этот факт почему-то вызывал восхищение и зависть. Должно быть, опекуны-психологи удовлетворились лишь тем, что зависть к Лиз испытывали преимущественно мальчики...

Джим вспомнила вдруг слова Хильди: «На этот раз негодяй от нас не уйдет!» Верней, не столько ее слова, сколько мурашки, прошедшие по спине от ее слов. Пятьдесят два процента «цисгендерных баб», Джим была уверена, клюнули именно на эти слова — и только после

них заметили и рост, и силу, и бычью шею кроссдрессера... Животный инстинкт, доставшийся человечеству от далеких предков: потребность в защищенности.

Главные страницы личных дел пропавших ранее мальчиков тоже имели красные пометки. Первым был Саша Новак, инопланетник, сын беженцев с Дикой луны, он прожил в сообществе всего около года — неудивительно, что ему было трудно переосмыслить свои стереотипы и принять традиции Метрополии. Сам факт, что он воспитывался в гетеросексуальной семье, накладывал на мальчика отпечаток. И ничего странного в его ярко выраженной гендерности (по тестам зашкалившей) Джим не увидела — на Дикой луне живут дикие люди, не признающие равенства полов, с пеленок навязывающие своим детям гендерные стереотипы.

Второй ребенок, пропавший через месяц после первого, Франц Карлос, имел не только пометку выраженной гендерности, указание на дурную наследственность, но и клеймо «Альфа». И если красные метки требовали лишь легкой переориентации, то клеймо альфа-самца предполагало генетическую патологию — поведение можно скорректировать, но порченный ген никуда не денется. Впрочем, вряд ли Франц, когда вырастет, будет сильно страдать от того, что не может стать донором спермы. Джим осеклась: если вырастет...

Третий мальчик, как и Том, проявлял агрессию, но не к ровесникам, а ко взрослым (а кроме того — аутоагрессию и нездоровый альтруизм) и имел смещенную систему ценностей: его не заботило собственное будущее, он чуть ли не еженедельно менял профориентацию (и это за месяц до Посвящения!), а потому не успевал ни по одному предмету.

Никто из четверых пропавших мальчиков ни разу не выразил желания сменить пол, все четверо имели заметную потребность в повышенной физической нагрузке — от того, должно быть, и были крепкими ребятами. Все четверо одевались в гендерно-нейтральную одежду, имели русые волосы и светлые глаза, всем было около десяти лет. Наверное, аналитики еще по пути сюда определили сексуальные пристрастия серийного маньяка — вряд ли Джим откроет что-то новое своей наблюдательностью. И похоже, серийный маньяк был истинным гомосексуалистом-педофилом. Но Лиз? Почему на этот раз маньяк похитил и девочку?

Джим похолодела, когда поняла, что девочка убийце не нужна, он был вынужден взять и ее тоже, потому что иначе вызвал бы подозрения Тома. И если он не высадил ее из турбокара живой и невредимой, то Лиз, скорей всего, уже мертва...

Когда они с Ким заканчивали монтаж (устроившись на ступеньках крыльца учебного корпуса), к ним неожиданно вышел Эрнст Рено и окинул Джим скептическим взглядом. Джим могла бы ответить ему

тем же: она никогда не любила истинных трансгендеров. Эрнст же явно потеплел, переключив внимание на Ким. Ким, мальчик-девочка, своей миниатюрной спортивной фигуркой привлекала любой пол и любому полу была готова ответить взаимностью.

— Не подумайте, что я чиню препятствия журналистскому расследованию... — начал Эрнст не вполне уверенно, но глаза его показались Джим холодными и... опасными. — Но я настоятельно прошу в репортажах не упоминать слово «Посвящение». Это может помешать нам остановить убийцу.

Вот как? Однако! Джим не обратила внимания, что все пропавшие дети исчезли до Посвящения, а не после. До переориентации — ведь всем пятерым (а не четверым вовсе) грозила переориентация. Что ж, Эрнст, это ты сказал напрасно...

— Давайте так: я буду придерживаться этого лишь до тех пор, пока не буду уверена, что сказанное действительно помешает остановить убийцу, а не наоборот... — уклончиво ответила она. — Вы можете что-нибудь сообщить о ходе расследования?

— Новости есть у Хильди — она сама расскажет. А у нас то же, что и у вас: истинный гомосексуалист-педофил.

— Значит ли это, что девочки уже нет в живых? — спросила Джим (Ким предупредительно включила мультикамеру и выпустила один дрон).

Эрнст фальшиво свел брови домиком и ответил:

— Это весьма вероятно. Преступнику трудно незаметно везти и одного ребенка, а двоих — это просто нереально.

— Скажите, почему три предыдущих похищения так и не были раскрыты? Насколько мне известно, именно ваша группа занималась поиском маньяка.

Эрнст пустился в долгие и неоригинальные пояснения об отсутствии связи между преступником и жертвами, помянув закон, защищающий права личности, в том числе право снимать наручный комм. Напомнил, что, пока не найдены мертвые тела, детей будут считать живыми, но, по его мнению, найти трех ранее пропавших мальчиков маловероятно. И хотя Метрополия просторна и на ней немало укромных уголков, удерживать детей живыми преступнику было бы слишком трудно.

На крыльце появилась Хильди, и Джим незаметно поманила ее пальцем.

— Хильди, мы беседуем о расследовании серийных убийств. Ты не хочешь что-нибудь добавить к нашему разговору?

Та пригладила короткую юбку и одним пальцем подправила прическу. Прокашлялась и кивнула Ким.

— Сначала о полицейском расследовании. — Она выразительно глянула на Эрнста с высоты своего роста. — Система безопасности торгового центра, где был найден темно-синий Лонли, засекла человека, который

из него вышел. К сожалению, лишь со спины: преступник будто нарочно ни разу не повернулся лицом к объективам дронов.

Ким немедленно дала скан преступника в эфир — Джим ожидала чего угодно, только не этого: похититель был высоким крепким загорелым парнем в майке. А Хильди продолжила:

— Отсутствие лица затрудняет анализ 3D-записей, но теперь мы точно знаем, что к Лонли преступник не возвращался. Стоянку он покинул пешком. Очевидно, детей в Лонли уже не было. Обратите внимание: внешность преступника расходится с предположениями наших коллег из планетарного бюро.

Хильди еще раз с торжеством взглянула на Эрнста, но тот даже не повел бровью.

— Телосложение преступника лишь на шесть процентов эндоморфно, на сорок он экдоморф и на пятьдесят четыре — мезоморф. Наиболее вероятный возраст преступника — около двадцати четырех лет, его тело находится в конечной фазе роста. Кроме того, и без цифрового анализа можно предположить, что перед нами редкий экземпляр цисгендерного мужчины.

Да уж, на месте похитителя Джим остереглась бы носить столь вызывающую одежду... Впрочем, на своем месте она тоже при каждой возможности одевалась нарочито женственно. Никакой тотал-трансгендер никакой тренировкой не смог бы сделать себе таких бицепсов, не говоря о столь свободном развороте плеч. Жаль, черт возьми, что интересные мужики всегда или кроссдрессеры, или маньяки-педофилы...

— Что вы на это скажете, Эрнст? — подначила Джим.

Тот спокойно пожал плечами и ответил без улыбки:

— Скорей всего, преступник просто попросил незнакомого парня поставить турбокар на стоянку. Но следует помнить, что мы говорим о наиболее вероятном портрете преступника, на деле он может оказаться совсем не таким, как мы его себе представляем.

— Хильди? — подтолкнула Джим.

— На руке у человека, покинувшего темно-синий Лонли, не было комма.

— Комм он мог держать в кармане лишь для того, чтобы иметь ровный загар на запястьях... — заметил в ответ Эрнст. Эта мысль в голову Хильди, столь озабоченной своей внешностью, не пришла — она поглядела на собственное запястье с досадой. И Джим почему-то решила, что парню в зеленой майке тоже не приходила в голову мысль о ровном загаре на запястьях... А хорошо бы он оказался простым цисгендерным парнем, а не маньяком-педофилом: Джим почувствовала с ним некоторое родство душ — он тоже не боялся носить майку и джинсы, как она не боялась иногда надевать платья и красить глаза.

— Сейчас идет проверка всех угнанных средств передвижения в пределах пешей доступности от торгового центра, — продолжала

Хильди. — Но проверка может не дать результатов, если хозяин угнанного транспортного средства находится в отъезде. Еще полиция опрашивает людей, находившихся неподалеку от торгового центра около часа пополудни.

— Хильди, будем с нетерпением ждать результатов. Но хочу напомнить о нашей беседе про серийных убийц. Ты говорила, что вами обезврежено немало маньяков-педофилов. Скажи, почему в вашем округе их процент выше, чем в целом по Метрополии?

— В нашем округе располагается более тысячи воспитательных сообществ: благодаря климату, дикой природе и особенному чистому воздуху. То есть число детей у нас почти в два раза больше, чем в других округах. Но именно поэтому и преступления, направленные против детства, нам приходится расследовать чаще, чем другим.

Хильди рассказала о профилактической работе, системах безопасности, которые фиксируют приближение взрослого к ребенку, привела два-три примера, когда полиции удавалось задержать маньяка-педофила: казалось бы, сигнал тревоги срабатывал на пустом месте, однако результаты тестов и биохимия крови полностью исключали невинность приближения педофила к ребенку.

— И все равно их число впечатляет, — заметила Джим. — Ты не слышала сетевых дискуссий о подавлении естественных сексуальных инстинктов, которое приводит к половым перверсиям вроде садизма и педофилии?

— Мне кажется, у нас, наоборот, отсутствует какое бы то ни было подавление естественных сексуальных инстинктов, — с усмешкой ответила Хильди. — И я, и Эрнст наглядные тому примеры.

В дискуссиях, которые упомянула Джим, сексуальные инстинкты Хильди и Эрнста как раз не относили к естественным, но говорить об этом она не стала.

— Эрнст, как серьезный аналитик: переориентация может приводить к подавлению естественных инстинктов? Накоплению подавленной агрессии или сексуальности?

Он просил не упоминать слово «Посвящение», а не «переориентация»...

— Переориентация принципиально не может приводить к накоплению чего бы то ни было: она необратимо изменяет именно тот участок мозга, который мог бы привести к этому накоплению. Так же как гормональная терапия, переориентация направлена не на подавление накопленных и нереализованных желаний — она препятствует этому накоплению, — без запинки ответил тот.

— Впрыск педофилов вштырил неслабо! — радостно выпалила шеф. — Все кому не лень умничают на тему переориентации и цитируют Эрнста. Общее число просмотров твоих репортажей зашкалило за тридцать

миллионов! Каждый пятисотый в Метрополии видел хоть один твой репортаж. Мальчик с турбокаром хайпанул больше лайков и антилайков, чем Хильди! Говны бурлят! Радфемы развернули флешмобы за химическую кастрацию цисгендерных мужиков как источников неконтролируемой агрессии, устремленной на женщин и детей. Букмекеры принимают ставки, маньяк он или нет, и с каждого показа его скана мы имеем профит. Если бы не радфемки, ставки были бы один к десяти за то, что это не маньяк.

На детей, похоже, шефу было плевать — как и большинству зрителей в сети. Не закинуть ли в эфир еще одну тему для дискуссии? Пока нет новостей... И хотя программу редакции речи использовать было рискованно (интервьюируемый скажет потом «я этого не говорил»), Джим вызвала Джесса Ли и опекунов Тома и Лиз поближе к штабу поисков. Очень хотелось, чтобы слово «Посвящение» все же прозвучало в репортаже, — пусть и не от самой Джим. Она не верила, что это помешает поиску похитителя, — скорей всего, планетарное бюро следовало негласным указаниям правительства, отданным по какой-то непонятной простым смертным причине.

Умница Ким выбирала удивительные по красоте задние планы с крыльца учебного корпуса — каждый раз разные.

— Вся Метрополия с надеждой следит за поисками детей, — обратилась Джим к паре опекунов после стандартного вступления. — Скажите, поддержка стольких людей помогает вам держаться, надеяться?

— Мы получили почти три тысячи сообщений с соболезнованиями, — ответил один. — К сожалению, сейчас у нас нет сил не только ответить на них, но даже поблагодарить проявивших к нам участие. И, пользуясь такой возможностью, мы благодарим всех, кому не безразлично наше горе.

Три тысячи соболезнований — против трехсот тысяч лайков Хильди... Ну-ну... На провокацию клюнул только Джесс — да еще и заговорил почти без запинки:

— Я бы сказал, большинство из тех, кто следит за поисками, озабочено вовсе не спасением детей... И это не удивительно.

— Вы тоже считаете, что вынашивание детей в контейнерах и воспитание опекунами в специальных сообществах делает людей черствыми, не способными на любовь и сочувствие к детям?

Это «тоже» Джим ввернула, только чтобы Джесс расслабился и не боялся говорить. Но она ошиблась. Впрочем, совсем немного — в знаке.

— Нет, я так не считаю. — Старший опекун сообщества задрал подбородок. — Наоборот, я считаю, что это как раз доказывает правильность избранного пути воспитания детей. Воспитанием занимаются люди, имеющие к этому призвание, не говоря о специальном образовании. И до реформы... я говорю о реформе системы воспитания...

люди в большинстве плевали на собственных детей, не говоря о чужих. Число чайлд-фри семей составляло более шестидесяти процентов, зато малолетние наркоманки, жалеющие денег на противозачаточные средства, плодили детей-инвалидов в неимоверных количествах. В семьях опекунов дети имеют гораздо больше любви и внимания, чем в дореформенных семьях, где оба родителя хотели работать.

Джим помнила свое дореформенное детство. И хотя ее родителям всегда было некогда, маленькой дома она чувствовала себя гораздо лучше, чем в школе. Потом это, конечно, прошло. Джим никогда не стремилась стать матерью. И с ужасом думала о тех временах, когда женщина была обречена рожать и воспитывать детей. Однако дети вызывали у нее теплое, щемящее чувство, не имеющее ничего общего с тем, что было принято называть любовью. И пожалуй, именно из-за этой разницы в чувствах она и не могла понять и принять педофилию.

— А вы не считаете, что педофилия спровоцирована запретами, которые мы все еще накладываем на естественную сексуальность?

Ответил второй из опекунов, по-видимому пассивный:

— Я считаю, что педофилию более провоцируют не запреты, а излишний либерализм в ее отношении. Я несколько раз видел в сети рассуждения о том, что педофилию давно пора приравнять к сексуальной норме, причем рассуждения аргументированные, с экскурсами в историю и примерами знаменитых педофилов. Педофилом объявляют даже покойного академика Брэйла, и лишь на основании того, что его жена отличалась миниатюрностью. Меня покоробил аргумент одного такого пропагандиста: якобы совсем недавно говорить о гомосексуализме как о сексуальной норме считалось дикостью, а еще раньше мужеложство тоже было уголовно наказуемо. Но особенно оскорбительно, что в педофилии чаще всего подозревают нас: педагогов, опекунов, преподавателей... Тех, кто работает с детьми: якобы все мы выбрали эту стезю только ради удовлетворения нездоровых инстинктов.

По мнению Джим, вышел скучнейший репортаж, однако шеф пришла в восторг от его результатов.

— Это был мощный впрыск! Джим, это самые шишечки! Говны бурлят, индексы цитирования зашкаливают! Одно вызывает жгучее огорчение: о пропавших детках никто уже не вспоминает. А нехреново было бы о них напомнить. Ты не нашла там никакой фитюльки?

— Нашла, но планетарные аналитики запретили говорить об этом вслух: это может помешать спасению детей.

— Н-да, не фортануло... Если в самом деле помешает, мы не отмоемся... А если нет?

— А если нет, они все равно затаскают нас по судам. Так что пока я молчу.

— Кстати, никто до сих пор не поднял вопроса, почему маньяк тырил деток из одного сообщества, а не из разных.

— Думаю, и полиция, и аналитики тоже обратили на это внимание, — ответила Джим. — Но я задам этот вопрос в эфире.

Джим вернулась к личным делам пропавших детей, на этот раз запустив сравнительный анализ файлов. Разумеется, мальчики были знакомы друг с другом — учились на одной параллели. Но, кроме того, все четверо занимались физкультурой у одного тренера (всем четверым была показана повышенная физическая нагрузка), в секции спортивного ориентирования. И если бы их тренером был мужчина, Джим решила бы, что он должен стать первым подозреваемым в этом деле. Но, увы, их тренером была молодая веселая фэм, которая искренне расплакалась прямо перед камерой, и в ее слезах не было ни грамма фальши — она любила своих подопечных.

— Саша, конечно, был странный мальчик. — Фэм утерла маленький носик. — Его родители были беженцами с Дикой луны. Они, конечно, прививали ребенку понятия о свободе личности и о равенстве полов, но всем известно, что формирует личность окружение, а не только родители. Кроме того, он был... не избалован, нет — просто не привык жить в большой семье. Он был не единственным, но поздним ребенком, его брат старше его на тринадцать лет, а потому Саша привык к родительскому вниманию. Жизнь в сообществе стала для него стрессом, он скучал по родителям и брату, очень много о них рассказывал. Когда он пропал, все были уверены, что он сбежал искать родителей или брата. Но сбежавших детей находят обычно сразу, потому, кроме похищения, подозревали несчастный случай. И только когда пропал Франц, заподозрили похищение.

— Мальчики дружили между собой? — спросила Джим.

— В нашей команде все дружат. У меня занимается пятнадцать человек, и мы одна команда. Этих ребят и еще троих определили в мою секцию для преодоления гендерных стереотипов, им были противопоказаны соревновательные игры. А мы соревнуемся только с дикой природой и действуем сообща. Я никогда не отмечаю ничьих побед, у нас нет лучших или худших. Мне иногда ставят в вину, что я развиваю в детях чувство стадности, но это не так.

— А почему Лиз не занималась в вашей секции?

— Том очень просил замолвить за нее словечко, но наша секция была противопоказана Лиз. Я бы взяла ее с удовольствием, но не мне это решать. Если бы секция была лишь не рекомендована, но с «противопоказана» ничего сделать нельзя.

— Как строго! — покачала головой Джим.

— Это делается ради будущего детей, — мягко улыбнулась фэм. — Детей нельзя не ограничивать в некоторых правах, иначе мы будем

не воспитательным сообществом, а зоопарком. К тому же все эти проблемы снимаются при переориентации.

— Скажите, вы видите какую-нибудь закономерность в том, что похититель выбирал детей именно из вашей секции?

— Мне уже задавали этот вопрос и аналитики, и полиция. Может быть, это связано с тем, что мы с ребятами чаще других выходили за территорию... — Последние слова она сказала очень неуверенно. Джим без слов поняла: фэм этот факт казался странным и объяснить она его не могла, хоть и попыталась. И это ее пугало.

— Есть! — раздался громоподобный рык из штаба поисков — и его поймал микрофон, потому Ким немедленно развернула объектив дрона, а Джим двинулась к открытому окну штаба.

— Хильди?

— В двадцати милях от брошенного Лонли угнан авиакар серии «Чайлд» белого цвета с зеркальным куполом. В настоящее время авиакар движется на юго-юго-восток. Судя по всему, он изначально придерживался этого направления и прошел на полной скорости более полутора тысяч миль. На полицейские запросы и требования снизиться авиакар не отвечает. Автопилотирование отключено. Принудительно посадить его полиция не может, а дистанционно вывести из строя рулевое управление опасается: мы предполагаем, что в авиакаре дети.

— Хильди, как удалось его обнаружить? Это точно то, что мы ищем?

— Хозяин белого Чайлда приехал на пикник с друзьями, авиакар оставили неподалеку от пластмагистрали рано утром и пешком добрались до озера, где и пробыли до обеда. Когда вышли на пластмагистраль, сразу же сообщили о пропаже Чайлда.

— Откуда уверенность, что Чайлд забрал именно похититель детей?

— Авиакар стоял на траве, рядом с ним обнаружен отпечаток детского ботинка. Размер совпадает с размером обуви Лиз Паттерсон, а потому у нас есть основания предполагать, что она жива. Во всяком случае, была жива при посадке в Чайлд. Так, пришло подтверждение от системы безопасности «Равных»: Лиз Паттерсон покидала территорию сообщества в ботинках с аналогичным протектором, таких совпадений не бывает — это точно он!

— Куда он направляется, Хильди? Есть предположения?

— Он мог направляться куда угодно, в любую точку Метрополии. Он мог просто с высоты искать уединенное место. А мог лететь к себе домой. Теперь ему некуда деваться, рано или поздно он будет вынужден сесть.

— Он может избавиться от детей... — робко предположила Джим.

— Теперь нет, в этом нет смысла. Зачем усугублять свое и без того плачевное положение? В авиакар и на диспетчерской волне, и через сеть было передано обращение окружного судьи: похитителю сохранят жизнь, если он не причинит вреда детям.

Распахнулась дверь в корпус, и на крыльцо поспешно вышла вся аналитическая группа из планетарного бюро.

— Эрнст, вы улетаете? — спросила Джим.

— Да, нам следует находиться неподалеку от похитителя, — ответил тот.

— Возьмете нас с собой? Или нам лететь на своем авиакаре?

Эрнст глянул на руководителя группы, и тот кивнул. Признаться, Джим не ожидала от аналитиков такой любезности... Планетарное бюро ничего не делает просто так, а значит, у них имелся какой-то резон держать репортеров при себе.

Разумеется, аналитики планетарного бюро летали совсем не так, как простые смертные, и даже не так, как высокорейтинговые репортеры, — их джет мог при необходимости лечь на орбиту. Расстояние, которое Чайлд покрыл за пять часов, джет преодолел всего за полтора...

Джим опасалась, что на борту джета запретят включать камеру, но аналитики не имели ничего против «экскурсии» для зрителей канала. А вообще, внутри все было устроено более чем скромно — два небольших салона, выдвижные столики и вращающиеся кресла.

Репортеров разместили во втором салоне, вместе с Эрнстом. Впрочем, во время полета тот уходил в соседний салон, иногда надолго. А однажды предложил Джим и Ким пройти вместе с ним.

— Сейчас Ульф попытается войти в контакт с похитителем, — объяснил он по пути. — Мы сочли, что этот момент стоит запечатлеть в сети. Каналы связи готовы, у вас одна минута на вступление.

Ульф Таров, глава группы, спокойно сидел, глядя в дисплей своего комма, положенного на стол, и лицо его ничего не выражало. Глядя на его безупречный костюм, уверенное волевое лицо, на широкие запястья, перехваченные белыми манжетами рубашки, Джим снова с горечью подумала, что если интересный мужик не кроссдрессер и не маньяк, то непременно гей. Рядом с Ульфом, напротив своего комма сидела Таня Ван, детский психолог группы, готовая в любую минуту перехватить инициативу, если в этом будет необходимость. Джим, включив микрофон, скороговоркой обрисовала ситуацию и замолчала за двадцать секунд до окончания выделенной ей минуты — зрителя надо потомить ожиданием. Однако Ульф понял ее неправильно и через десять секунд заговорил.

— Вызываю борт авиакара Чайлд номер полста пять джи-ви-ай. Вызываю борт авиакара Чайлд номер полста пять джи-ви-ай. Я знаю, что вы меня слышите. Если в ближайшие десять минут мы не удостоверимся в том, что дети живы и находятся на борту вашего авиакара, он будет уничтожен.

— В самом деле будет уничтожен? — ахнула Джим, но Эрнст приложил палец к губам и ответил вслух:

— Разумеется.

— А если похититель полностью вывел из строя комм авиакара?

— Это невозможно, — тихо пояснил Эрнст. — Тогда авиакар просто не сможет лететь.

Ульф повторил сказанное через минуту (для зрителей, привыкших к быстрой смене кадров, ожидание было слишком долгим, но материал того стоил). Прошла еще одна томительная минута, после чего Ульф повторил угрозу в третий раз. Джим начала сомневаться в том, что хотя бы половина зрителей досмотрит прямое включение до конца, как вдруг в комме Ульфа раздалось шипение, а вслед за ним детский голос отчетливо произнес:

— Это я, Том Макгрегори. Мы живы. Не надо нас взрывать...

— Том! Том, Лиз с тобой? Она жива? — немедленно включилась в разговор Таня Ван.

— Да, — полушепотом ответил мальчик, — мы оба живы. Не взрывайте нас, пожалуйста...

И голос, и шипение оборвались еще до того, как ребенок договорил последнее слово, — похититель выключил микрофон.

Умница Ким медленно обвела лица аналитиков объективом дрона — столь искреннее облегчение, радость, надежду трудно было сыграть, изобразить. Даже в глазах холодного Эрнста заблестели слезы, а Таня так даже закрыла лицо руками и опустила голову. И Джим поверила бы в эту искренность, если бы лица аналитиков не менялись так быстро, — будто сорванные маски, — когда камера взяла крупный план лица Ульфа. Черт возьми, всем плевать на детей! Так же как и зрителям... Больше всех лайков и антилайков срывает загорелый широкоплечий маньяк...

— Борт авиакара Чайлд номер полста пять джи-ви-ай, — хладнокровно продолжил Ульф. — Этого мало. Пусть Том повторит следующие слова: синергизм, электроакустика, миаргирит. Синергизм, электроакустика, миаргирит. Синергизм, электроакустика, миаргирит.

Из комма снова донеслось шипение, а потом голос Тома:

— Симергизм, электроакустика, миргиарит.

И тут же шипение смолкло.

Почти сразу комм Ульфа пискнул и произнес:

— Голос идентифицирован, он принадлежит Тому Макгрегори. Вероятность синтеза голоса — ноль целых пятнадцать сотых процента. Проверку произвел центральный пульт системы безопасности воспитательного сообщества «Равные».

Ульф вытер пот со лба, закрыл канал связи, посмотрел по сторонам и знаком велел выключить камеру. А потом сказал:

— Он движется к космопорту «Оранж-ди».

— С чего ты взял? — удивилась Таня, забыв, должно быть, что в салоне посторонние.

— Угадал, — ответил Ульф и нервно рассмеялся. — Таня, ничего сложного: сейчас у него нет другого выхода, только улететь с Метрополии. Желательно туда, откуда Метрополии не выдают преступников.

Предположение показалось Джим вполне логичным. Смутило только одно: сразу после сказанного Эрнст вежливо предложил репортерам вернуться на свои места. Будто Ульф говорил для них, а не для своих коллег.

— Как ему удается удерживать двоих детей? — спросила Джим у Эрнста уже в «своем» салоне.

— А куда они денутся с авиакара? — усмехнулся тот.

— Но он же как-то пересадил их в авиакар? И, насколько я поняла, на стоянке перед торговым центром детей с ним не было — он оставил их вне зоны систем безопасности.

— В то время дети могли быть обездвижены, — ответил Эрнст.

— Но зачем ему девочка? Почему он не оставил ее в Лонли, на пластмагистрали в конце концов?

— Кто его знает... Может, хотел разнообразить эротические ощущения... Но теперь девочка нужна ему живой: иметь в заложниках двоих детей удобней, чем одного. Хотя нет никакой уверенности в том, что Лиз жива, похититель мог заставить Тома сказать, что она жива.

Ким тем временем обновила изображение карты, на которой была отмечена траектория движения похитителя, — сначала на темно-синем Лонли, а потом на авиакаре. Как преступник преодолел двадцать миль от торгового центра до места, где был угнан Чайлд, оставалось загадкой. Рядом с траекторией стояли отметки времени. В десять пятнадцать утра детей видели садившимися в турбокар, в двенадцать сорок пять камера засекла водителя выходившим из турбокара. По пластмагистрали сто двадцать миль турбокар мог преодолеть за час-полтора. Значит, еще час потребовался похитителю на смену средства передвижения. Далее траектория была совершенно прямой — на ней была отмечена точка, где в восемнадцать тридцать семь авиакар обнаружили и начали вести полицейские.

— Почему он не сменил направление движения, когда его обнаружили? — спросила Джим. — Вряд ли он с самого начала собирался лететь в космопорт «Оранж-ди».

— Это, должно быть, совпадение. — Эрнст равнодушно пожал плечами. — Или какая-то ошибка. Сейчас проверю.

Он вышел в соседний салон и пробыл там не более трех минут. А когда вернулся, карта была обновлена: теперь на ней явно присутствовал перелом, смена направления полета Чайлда, — через несколько минут после обнаружения.

— Я же говорил — это ошибка, — сказал он. — В полицейском комме при обновлении данных неверно указали место обнаружения Чайлда.

Но это не главное: у меня есть немного новостей — можем успеть выложить их в сеть, если начнем немедленно. Через несколько минут джет начинает посадку, придется сесть и пристегнуться.

Джим с младших классов специализировалась на гуманитарных дисциплинах — ее способности к работе репортера выявили рано, едва ли не в восемь лет. И тут она в первый раз пожалела, что задачки по математике решала в последний раз в младшей школе... А ведь когда-то это казалось совсем простым: скорость, время, расстояние...

Ким включила мультикамеру, и Эрнст сообщил:

— Через десять минут мы совершим посадку в космопорту «Оранжди», где похититель предположительно предпримет попытку проникнуть на какой-нибудь из межпланетных кораблей. Вероятность этой попытки оценивается очень высоко. В настоящее время преступника встречает три специальных полицейских подразделения. Преступнику уже было предложено сдаться при посадке, но, пользуясь такой возможностью, я повторю: предлагаем похитителю сдаться, и в случае, если оба ребенка живы, мы гарантируем ему жизнь. В противном случае полиция оставляет за собой право стрелять на поражение. И могу заверить всех и преступника в том числе: полицейские снайперы не промахнутся.

Эрнст дал знак выключить камеру.

— Мы сядем раньше Чайлда? — спросила Джим.

Эрнст кивнул.

— Успеете подготовиться к красивому репортажу с посадкой похитителя. Как раз темнеет, посадка будет освещаться прожекторами.

Автопилот джета объявил о снижении, велел установить кресла в исходное положение и пристегнуться, чтобы включить противоперегрузку.

Уже сидя в кресле, Джим спросила:

— Ким, ты не помнишь, как посчитать скорость, если известно, сколько прошло времени и сколько пролетел авиакар?

Ким с презрением фыркнула — ну совсем как кошечка! — и ответила:

— Это же элементарно! Скорость измеряется в милях в час. Значит, надо расстояние разделить на время.

Джим попробовала разделить семьсот миль на один час и пятьдесят пять минут, но калькулятор понял ее слова как-то по-своему...

— Слушай, а можешь на карте вывести еще и скорость авиакара? — помучившись и так, и эдак, попросил она Ким.

— Никаких проблем... — ответила та с улыбкой: ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы обновить карту.

Получалось, что с того момента, как авиакар попал в поле зрения полиции, он летел со скоростью не менее трехсот пятидесяти миль в час... В то время как на частных пассажирских авиакарах стояло ограничение в триста двадцать миль, а на авиакарах класса Чайлд и вовсе триста...

Почти тут же в наушнике раздался голос Эрнста:

— Девушки, я настоятельно прошу убрать с карты данные о скорости авиакара...

— Нет проблем, Эрни! — ответила Ким — через секунду цифры исчезли с карты.

— Эрнст, — спросила Джим в микрофон, — а как ему это удалось? Лететь со скоростью выше ограничения?

— Он сам ведет авиакар, не пользуется автопилотом. Иначе ему пришлось бы включить комм не только на прием, но и на передачу. Ну и управление могли бы перехватить с земли.

— А разве отключить ограничение скорости можно?

Вообще-то Джим с трудом представляла себе, как вообще можно вести авиакар без автопилота...

— Можно, если знаешь, как это делается.

Боже, он ведь рискует жизнью детей! И не только тем, что превышает дозволенную скорость...

Ким, сидевшая рядом, сделала знак выключить микрофон, а потом сказала, пригнувшись к уху Джим:

— Ограничение скорости нельзя отключить, даже если выключен автопилот. Для этого надо перепрошивать комм авиакара, а это делается только на специальном оборудовании.

— Тебе тоже показались странными эти игры с траекторией? — так же шепотом спросила Джим — и Ким кивнула:

— Никакой ошибки в полицейских коммах быть не могло, они же коммы, а не люди.

— Но... Зачем тогда это все?

— Не знаю. Но, похоже, похититель изначально двигался в «Оранж-ди» самым коротким путем. На максимальной для Чайлда скорости.

Джет сел в космопорту «Оранж-ди» за пятнадцать минут до Чайлда. Ким, окинув взглядом окрестности, выбрала позиции для дронов еще до того, как выпустила их из мультикамеры, и, только окончательно настроив их положение, догнала Джим — «штаб» расположился рядом с диспетчерской космопорта.

Да, Ким сделала потрясающую картинку! Пять или шесть прожекторов уперлись в зеркальный купол Чайлда, когда он был всего лишь сверкающей точкой в темном небе над космопортом.

На несколько секунд включился комм Чайлда — и в эфире прозвучал голос Тома:

— Откройте мою страницу в соцсети!

Комм тут же выключился, и Джим в эфир пояснила, что похититель опасается перехвата управления авиакаром.

Найти страницу Тома в соцсети было несложно (Ким тоже к ней подключилась) — оттуда шла трансляция с комма мальчика: камера

была выключена, работал только звук. И именно со странички ребенка все впервые услышали голос похитителя!

— Уберите свет в глаза, если не хотите, чтобы я угробил детей при посадке!

Джим пояснила в эфир, что похититель не включает автопилот. С ума сойти — сажать авиакар в темноте на ручном управлении! Полиция пригасила прожектора, направленные в лицо водителю и в зеркала Чайлда, но усилила освещение с боков и сверху.

Ким снимала посадку — Джим передавала новости в эфир.

И снова со страницы Тома раздался голос похитителя (наверняка все коммы полиции сейчас искали этот голос в идентификационных базах):

— Уберите всех из грузового ангара номер сто шестнадцать си. У меня есть тепловизор. Уберите всех. Иначе дети умрут. Вы слышали?

Ульф ответил на комм Чайлда (Ким дала в эфир изображение с дрона, сидевшего у нее на плече):

— Да. Мы слышали. Через десять минут в ангаре никого не будет.

Теперь он руководил операцией. Рядом с ним стояла командир полицейского спецподразделения Тина Фёст — радфемина, крепкая, как мужичок, в майке без лифчика и с волосатыми подмышками. И конечно, Джим со своей пометкой «цисгендер» в личном деле не имела никакого права смотреть на радфемок свысока, а потому старательно опускала глаза в ответ на полный презрения и брезгливости взгляд радфемины.

Впрочем, Тина стояла рядом с Ульфом недолго: теперь место приземления Чайлда не вызывало сомнений и ей нужно было расставить по местам своих людей.

Ким немедленно отыскала на плане космопорта нужный ангар и направила к нему два дрона из четырех, ведущих съемку снаружи. Ангар выходил на взлетно-посадочное поле — выбор похитителя не был случайным.

— В ангаре всего три человека. Какого черта вам на это нужно десять минут? — будто бы даже со смехом спросил похититель.

Ульф не стал отвечать.

— Для человека, спасающего свою жизнь, похититель удивительно хладнокровен, — сказала Джим в эфир.

Чайлд, со всех сторон освещенный прожекторами, повис над ангаром. Цвета, которые отражал его купол, были просто потрясающими! А Ким еще и слегка поворачивала дрон, чтобы показать радужные блики во всей красе.

К тому времени, когда Чайлд плавно опустился на крышу ангара, окруженного подразделением Тины (которое, похоже, целиком состояло из радфемок), все четыре дрона Ким уже зависли неподалеку от ангара и Ким показывала Чайлд крупным планом. Теперь полиция не боялась светить похитителю в глаза — свет, отраженный от купола

авиакара, сильно портил изображение, несмотря на многочисленные ухищрения процессора мультикамеры.

— Ну? Ну же! — сказала Джим в эфир. Ей и самой было любопытно увидеть похитителя.

Водительская дверца авиакара поднялась, но сперва в ней показалась Лиз, жмурившаяся от света, и только потом преступник, прикрывшийся телом ребенка, как щитом. Умница Ким дала крупный план — скальпель, лезвие которого прижималось к горлу ребенка. И только показав оружие похитителя, Ким повернула дрон на его лицо.

Это был тот же парень в зеленой майке, которого засекли дроны на стоянке торгового центра. Он не мог прикрыть лицо от света — держал на руках девочку и прижимал скальпель к ее горлу, — а потому щурил глаза, что не давало возможности сканировать радужку. Вот интересно, Эрнст мог бы оторвать девятилетнюю Лиз от земли обеими руками? Оторвать бы, наверное, смог, но держать на одной руке столько времени — вряд ли. Он, похоже, брезговал тренажерным залом...

Поднялась задняя дверца, и на крыше появился Том, вскинул левую руку с коммом — и с его страницы раздался голос:

— Он говорит, что если в него выстрелят, неизвестно, какая рука опустится раньше, левая или правая. Скорей всего левая — и тогда Лиз умрет.

— Том, оставайся в авиакаре! Не выходи на крышу! — спокойно и убедительно сказала Таня Ван. — Он ничего тебе не сделает.

— Тогда он убьет Лиз. Если я не пойду — он убьет Лиз, — угрюмо ответил мальчик через трансляцию в соцсеть.

— Он не убьет Лиз! Не бойся. Если он убьет Лиз, снайпер выстрелит в ту же секунду. Преступник это понимает. Оставайся в авиакаре!

— Нет, — упрямо ответил Том. — Я не хочу, чтобы Лиз убили.

— Том всегда защищал Лиз, — пояснила Джим в эфир. — Он и теперь чувствует за нее ответственность.

Ким дала крупный план комма девочки — он транслировал их прямой репортаж. Ким приближала и приближала изображение: множество детских запястий с коммом, одно мельче другого, уходили вглубь 3D-изображения — выглядело здорово!

Внезапно прожектора погасли — объективы дронов мгновенно раскрыли лепестки диафрагм, человеческий зрачок явно от них отставал. Преступник на минуту ослеп и приостановился, — впрочем, ему не дали привыкнуть к темноте, снова врубили прожектора. Но, должно быть, скан радужки полиция сделала.

— Я надеюсь, приказа стрелять не будет? — уточнила Джим.

— Разумеется, — ответил Эрнст. — Мы не можем подвергать риску жизнь ребенка. Преступник выглядит хладнокровно, но сканирующее устройство показывает его пульс: более ста сорока ударов в минуту.

— По-моему, ничего удивительного для человека под прицелом... — пробормотала Джим. — А это ничего, что он нас слышит?

— Мы ничего не можем с этим сделать, — вздохнул Эрнст и подмигнул Джим, пользуясь тем, что зрители его не видят.

Когда похититель с детьми подобрался к люку, ведущему внутрь ангара, первым на лестницу ступил Том, преступник спускался сразу вслед за ним.

— Он требует убрать все дроны из ангара, — раздался голос Тома.

— Хрен ему, а не выключенные дроны! — рявкнул в комме Ульфа голос Тины.

— Выключите камеры, — спокойно сказал Ульф. — Они нам не нужны.

После этого радфемки потребуют химической кастрации не только цисгендерных мужчин, но и активных геев... Ким не стала снимать Ульфа, который с улыбкой посмотрел на Тину: похититель просто не узнает, есть в ангаре дроны или нет, если те не станут летать у него над головой.

Ким дала скан похитителя, сделанный полицией в темноте, и, признаться, Джим ахнула прямо в микрофон — настолько неожиданным, не соответствующим происходящему оказалось это лицо. А в комме Ульфа механическим голосом уже отчитывался идентификационный комм:

— Это Стив Ларсен двадцати трех лет, инопланетник, разнорабочий грузовика «Мастодонт» с Дикой луны. Грузовик вчера утром прибыл в космопорт «Оранж-ди». По официальным данным, Стив Ларсен не покидал космопорта, его временный комм откликается из туалета в баре «Серебряная звезда».

Это было лицо растерянного, испуганного ребенка, а не мужчины-извращенца, серийного убийцы детей... Даже Том не выглядел столь жалко, как его похититель... Впрочем, за секунду до сканирования он оказался в темноте после ослепительно яркого света, его замешательство неудивительно, как и выступившие на глазах слезы.

Ким дала крупный план вчерашнего скана инопланетника в момент выхода из грузовика на территорию порта: тут он не был растерян, даже наоборот — совершенно спокоен, но выглядел еще более юным и наивным. И... Джим показалось, что она где-то видела это лицо. Это или похожее. И видела совсем недавно.

— Надо же, совсем еще мальчик... — непроизвольно выдохнула она в эфир.

— Рост шесть футов и два дюйма, — как бы между прочим заметил Ульф, и Ким показала скан парня в полный рост. Наверное, надо было вернуться к приему гормонов, чтобы не испытывать влечения к хорошо сложенным инопланетным извращенцам...

Ким показала убранный трап грузовика «Мастодонт» и резко, с разворотом на широкий угол, отодвинула дрон назад и вверх — как она все

же здорово умела снимать! — и всем, в том числе Джим, стало ясно, что ангар сто шестнадцать си находится ближе всех к «Мастодонту» — около двухсот пятидесяти ярдов по открытому взлетно-посадочному полю.

Ким молча показала Джим изображение на комме — страница Саши Новака, первого пропавшего ребенка! Инопланетника, сына беженцев с Дикой луны!

— Эрнст, как вы объясните расхождение факта с вашим последним вероятным профилем преступника? — спросила Джим, открывая страницу Саши у себя на комме. Пусть Эрнст течет мыслью по древу.

— Никакого расхождения нет. На Дикой луне естественные сексуальные стремления людей подавляются с самого раннего детства. Нет ничего удивительного в том, что естественные стремления переходят в неестественные и прорываются наружу едва ли не сразу после пубертата, на гормональном пике. Еще одно доказательство того, что оголтелая гомофобия, процветающая на Дикой луне, ведет к плачевным результатам. Кроме того, принятое там воспитание детей жестоко подавляет ребенка, попирает его права. Там нет запрета даже на телесные наказания! Ребенок беззащитен перед собственными родителями!

Да, Джим не ошиблась — лицо инопланетника напоминало скан Саши Новака. Джим перелистнула страничку в поисках близких друзей — первым в списке стоял брат Стив Ларсен, и скан, размещенный рядом, исключал совпадение или ошибку. Похититель детей был родным братом первого из пропавших мальчиков.

— Но он совсем не похож на серийного убийцу! — сказала Джим, собираясь попросить Ким вывести в эфир страницу Саши. Это надо подать... Это такая «фитюлька», которая взорвет сеть!

— За редким исключением никто из серийных убийц не похож на преступника, чаще наоборот: настоящий серийный убийца реже других оказывается под подозрением.

Вместо привычного голосового сообщения на экране комма у Джим высветилось текстовое: «Погодите с сенсациями». Оно было анонимным, но почему-то не возникло сомнений в том, что его автор — Эрнст. Джим отодвинула сообщение в сторону, открывая список Сашиных друзей, и обомлела: брат Стив Ольсен. И совсем другой скан — черноволосого парня с узким лицом, нисколько на младшего брата непохожего...

Да, их с Ким едва не посадили в лужу... И можно сколь угодно громко орать в эфир о подлоге и брызгать слюной в 3D-объектив дрона — от этого никто им не поверит. А в случае даже косвенного обвинения планетарного бюро штрафы превысят доходы от репортажа.

В столь напряженный момент трансляцию прервать нельзя — зрители такого не прощают, можно год-другой просидеть без эксклюзивов, — но посоветоваться с шефом очень хотелось. Впрочем... Она испугается. Не даст добро на противостояние с планетарным бюро — на то есть другие

новостные ресурсы, рейтинг которых недаром никогда не поднимается выше плинтуса: теории заговора — это моветон.

Значит, Ким права: инопланетник Стив Ларсен гнал авиакар в «Оранж-ди» по кратчайшему пути с максимальной скоростью. И аналитики это знали — или подозревали. Есть, конечно, вероятность, что похититель не простил родителям бегства с Дикой луны, нашел и убил своего младшего брата, после чего вошел во вкус и решил убивать товарищей брата по секции спортивного ориентирования... Но что-то подсказывало Джим, что это не так.

Вот откуда этот странный запрет на упоминание Посвящения в репортажах: чтобы кто-нибудь умный, услышав, что все пятеро детей исчезали перед переориентацией, не сделал соответствующий вывод. Нет сомнений, аналитики давно знали, с кем имеют дело...

Эрнст что-то плел в камеру (о диких нравах Дикой луны), а Ким тем временем показывала сканы цисгендерного инопланетника с атлетической фигурой и мальчишеским лицом — и каждый скан доказывал как минимум половине зрителей, что тотал-трансгендер напрасно сотрясает воздух... И Ким подлила масла в огонь, выдав в эфир изображение Эрнста, — контраст впечатлял...

— Уймите этих сук! — заверещала Тина из комма Ульфа — чувствительный микрофон поймал нецензурное слово и вставил вместо него противный писк.

«Сама такая», — злорадно подумала Джим и пожалела, что не показала ее волосатые подмышки крупным планом.

— Ты, ушлепок! Я порву тебя на куски своими руками! — дикой кошкой взвыла Тина. У Хильди угроза получилась лучше, убедительней. Наверное, потому, что Хильди защищала детей, а Тина просто ревновала аудиторию к симпатичному загорелому парню.

Джим вызвала комм Тины и спросила:

— Надеюсь, полицейские не пойдут на штурм ангара?

И Ким как бы невзначай дала ее лицо в эфир — снятое короткофокусным объективом дешевенькой камеры комма. Кроме огромного носа в глаза бросились мохнатые невыщипанные брови, короткие ресницы маленьких ненакрашенных глаз. А не надо было смотреть на Джим с отвращением! И называть ее сукой в прямом эфире тоже не следовало...

Тина начала с фразы, которую микрофон превратил в надсадный писк, прерываемый лишь предлогами.

— Тина, ты в прямом эфире, — напомнила Джим.

Ким подключила изображение с полицейских тепловизоров. Вместо Тины заговорила другая радфемина — быстро и связно.

— Как видите, складское помещение, где укрылся маньяк, со всех сторон окружено полицейскими спецподразделениями, однако пока решение идти на штурм откладывается: ангар загромождён контейнерами,

подготовленными к погрузке. Это настоящий лабиринт, в котором трудно ориентироваться, даже имея план расположения контейнеров, несмотря на то, что передвижения маньяка и детей отслеживаются при помощи тепловизоров. Оба ребенка живы, передвигаются самостоятельно.

— Я не вижу скальпеля, прижатого к горлу девочки, но дети не стремятся скрыться в лабиринте контейнеров, — заметила Джим.

— Дети напуганы и подавлены, в этом нет ничего удивительного: рядом с вооруженным сумасшедшим и я побоюсь сделать лишнее неосторожное движение, — вставила Таня Ван.

Вместо ответа Ким снова дала в эфир скан «вооруженного сумасшедшего» — на этот раз с обезоруживающей улыбкой. И где только она откопала этот скан? Наверное, с дронов космопорта.

— Замолчите все... — тихо сказал Ульф: со страницы Тома раздался голос Стива Ларсена, сегодняшнего лидера таблиц популярности.

— Уберите полицейских от ангара. И освободите дорогу к трапу «Мастодонта». Если хоть один человек подойдет ко мне ближе, чем на двести ярдов, — или мне покажется, что он находится ближе, — я убью девочку. И у меня останется мальчик. Мне нечего терять...

Ким дала изображение грузовика — «Мастодонт» выдвигал широкий трап.

— Если дети останутся в живых, мы гарантируем вам жизнь, — повторил предложение Ульф.

— Жизнь в тюрьме для извращенцев? — процедил парень. — Нет, спасибо.

Ульф знает, что Стив Ларсен никого не убьет... Тогда почему не отдает приказ штурмовать ангар? Желает победы похитителю? Вряд ли. Нет. Если он отдаст приказ идти на штурм, самые умные догадаются, что «серийный убийца» никого не собирается убивать, а прочие дебилы решат, что планетарное бюро рискует жизнью детей, поднимая собственный рейтинг.

— Ты, ушлепок! Я тебе гарантирую снайперский выстрел в голову, если ты только появишься на летном поле! — вставила Тина. — Лучше выходи из ангара с поднятыми руками!

— Я все сказал. Если через пять минут на моем пути будет стоять хоть один полицейский... одна полицейская... — я убью девочку. Время пошло.

— Тина, отводите людей, — спокойно сказал Ульф. — Но если у снайпера будет возможность уничтожить похитителя и не задеть ребенка — пусть стреляет.

Наверное, и Тина, и ее снайперы понимали, что с ними будет, если девочка погибнет в прямом эфире, — независимо от того, снайперский луч ее убьет или скальпель похитителя. Да, рейтинг такого репортажа взлетит до небес — можно будет больше никогда не работать, жить

с лайков и цитат... Джим покоробило от этой мысли, она даже тряхнула головой, стараясь ее прогнать. Нет, нет... Не нужно такого богатства, честное слово, — не нужно! Пусть эта маленькая тихая девочка с ярко выраженной гендерностью останется в живых! Что угодно — пусть она живет!

Ким снова показала трап «Мастодонта» — на нем стояли люди. Человек пятнадцать цисгендерных мужчин — как на подбор высоких, широкоплечих космолетчиков. Может, на Дикой луне и были мужчины вроде Джесса Ли, но, должно быть, на грузовиках они не летали. И Ким дала космолетчиков крупным планом — вперед протиснулась цисгендерная женщина, бортпроводница в форме, которая необычайно ей шла. На каблуках. Джим никогда не посмела бы появиться в сети с ее прической, хотя в ней и не было ничего вычурного — просто длинные волосы, убранные назад и вверх шпильками. Но как великолепна была шея женщины, как изящно выглядела ее голова... А кажется, побрей голову — и должно получиться так же, но почему-то получается совсем иначе: как у мальчика с торчащими в стороны ушами. Кстати, в ушах женщины сверкали сережки со спускавшимися вниз тонюсенькими цепочками — и подчеркивали безупречную форму лица. Джим на глаза едва не навернулись слезы: у нее никогда не будет таких сережек. Она никогда не посмеет выйти на улицу с высокой прической... Она никогда не наденет узкую короткую юбку с туфлями на каблуках — потому что побоится сменить свою «цисгендерность» на «выраженную гендерность».

— Полицейские отошли на требуемое расстояние, — сказал Ульф в эфир. — Условие похитителя выполнено. Но я еще раз предлагаю похитителю сдаться, чтобы не подвергать риску ни собственную жизнь, ни жизнь детей. Даже самый меткий выстрел может задеть ребенка.

О чем это он? Джим уже раскрыла рот, чтобы задать этот вопрос вслух, но Ульф приложил палец к губам — и она поняла. Это бюро угрожает похитителю смертью ребенка, а не наоборот! Охренеть... Вот другого слова и не подобрать... Интересно, кто-нибудь еще это понял? Впрочем, никто из зрителей не знает, что Стив Ларсен — старший брат первого из пропавших мальчиков...

Ким дала в эфир панораму ангара сто шестнадцать си, с четырех сторон, — чтобы похититель удостоверился в том, что полиция не прячется где-нибудь за углом. Впрочем, у него был тепловизор...

В полном молчании приоткрылись освещенные прожекторами ворота ангара — первым на пластик летного поля вышел Том Макгрегори. Стив Ларсен шел следом и держал девочку на руках — она обнимала его за шею и прижималась щекой к его щеке. Надо быть чудовищем, чтобы стрелять в голову похитителя, — луч заденет ребенка с вероятностью процентов семьдесят... В руке у инопланетника был скальпель, острие которого упиралось девочке под подбородок. Даже если ребенка

не заденет луч снайпера, при падении Стива Ларсена скальпель воткнется в ее шейку...

Тишина вокруг давила — чего доброго, зрители решат, что у их коммов вышли из строя звуковые карты...

Стив Ларсен двинулся вперед — теперь Том шел позади него, как прикрытие.

В ухе зашипел голос шефа, показавшийся оглушительным в полной тишине:

— Не молчи, Джим, говори хоть что-нибудь! Давай: что вижу, то пою!

И Джим заговорила.

— Похититель преодолел пятьдесят ярдов из двухсот пятидесяти... Я уверена: снайпер не посмеет выстрелить.

«Слышишь, парень? Они не посмеют выстрелить в прямом эфире! Точно не посмеют, не верь угрозам!» Вдруг мысли все же передаются на расстоянии? И Джим «выкрикнула» эту мысль так громко, как только могла.

— Посмотрите, как доверчиво девочка прижимается к щеке похитителя: ребенок напуган до такой степени, что не различает врагов и друзей. Мальчик идет за злоумышленником след в след, не отставая ни на шаг. Сейчас он мог бы бежать назад, не опасаясь угроз похитителя: смерть девочки означает мгновенную смерть Стива Ларсена. Том, ты наверняка меня слышишь. Том, ты можешь бежать назад, к ангару! Том!

Мальчик огляделся по сторонам — голос Джим он слышал из комма на запястье Лиз, но, наверное, догадывался, что смотрят на него не оттуда. Нет, он не замедлил шаг — так же наступал похитителю на пятки. И даже не покачал головой.

— Сто ярдов из двухсот пятидесяти. На трапе «Мастодонта» собираются люди. Они безоружны. Чудовища! Вглядитесь в их лица: они не просто готовы помочь преступнику, они явно желают ему победы. Неужели ненависть к Метрополии в их сердцах столь сильна, что они готовы встать на сторону убийцы детей? Я не верю в столь яростную ненависть: есть ценности, стоящие выше идеологических распрей.

Ким давала лица «чудовищ» крупным планом.

— Он прошел больше половины пути до трапа. Неужели полиция позволит маньяку покинуть планету? Девочка все еще обнимает маньяка за шею, прижимается к его щеке щекой, она совершенно его не боится! Странное поведение ребенка не позволяет стрелять на поражение. Будто не маньяк прикрывается ребенком, а ребенок прикрывает маньяка!

— Кто-нибудь заткнет рот этой идиотке? — снова взвыла Тина. — Ты, ушлепок! Еще двадцать шагов — и я даю команду стрелять на поражение!

— Стив Ларсен что-то говорит мальчику. Тот сосредоточенно кивает, а потом задирает лицо вверх, смотрит на маньяка. Но что это? Почему преступник ставит девочку на землю? Боже, он боится, что снайперский

выстрел заденет ребенка! Нет, парень, нет, не делай этого! Они не посмеют стрелять в прямом эфире! Он слышит меня! Вы видите? Он отвечает: еще как посмеют. Он усмехается.

— Вырубите ее сучий микрофон! Как угодно, хоть выстрелом!

Щас тебе, волосатая... Индикатор продолжает мигать красным — идет прямая трансляция. Ким дает крупный план упавшего на пластиковое покрытие скальпеля. Еще крупней, еще... Теперь всем видно, что лезвие скальпеля запаяно в оргстекло.

— Похититель одергивает курточку девочки. Выпрямляется... Поднимает руки. Он отпускает заложников! Он их отпускает! Дети бегут со всех ног... к грузовику «Мастодонт»! С места срывается полицейский турбокар и движется им наперерез, но уже очевидно, что перехватить детей он не успеет! Если сейчас выстрелит снайпер, я лично добьюсь громкого разбирательства: все видели, что похититель отпустил заложников и поднял руки! Все видели, что дети шли рядом с ним добровольно, и только страх за жизнь детей заставил преступника сдаться! Двое из них спасены, но кто спасет сотни тысяч других детей? Дети пересекают государственную границу, с разбегу взлетают на несколько ступенек вверх по трапу «Мастодонта». Женщина ловит девочку в объятья, Лиз оборачивается и плачет. Тома окружают мужчины с грузовика, он тоже оглядывается и старается избавиться от объятий — готов бежать назад, на помощь Стиву Ларсену. К преступнику приближаются полицейские, эти синие молнии — выстрелы из нелетального оружия, но их слишком много. Преступник навзничь падает на пластик летного поля. Рискуя своей жизнью, перечеркнув свое будущее, этот парень позволил детям добраться до территории, где им не грозит переориентация! Что же это за страшная процедура, которую проходит двадцать процентов наших детей? Ратуя за терпимость к инакости, возводя в культ индивидуальность каждой личности, мы готовы каленым железом выжигать из наших детей эту самую индивидуальность — ту, которая нас почему-то не устраивает! Наших детей обнимают совершенно чужие им люди, люди, которых мы привыкли причислять к своим идеологическим противникам! Наши дети спасены от нас! Девочка проявляла ярко выраженную гендерность, отсутствие стремления к успешности и склонность к стадности — не хотела заниматься боксом... У мальчика обнаружили то же отсутствие стремления к успешности и склонность к агрессии: он кулаками защищал не желавшую драться девочку, наплевав на самого себя! Бессилие психологов и воспитателей выливается в простенькую процедуру: переориентация! Что может быть проще — немножко подкорректировать поведенческую матрицу, чтобы девочка стала похожа на тех отважных потных полицейских с небритыми подмышками, которые минуту назад стреляли электрическими зарядами в безоружного человека с поднятыми руками. Чтобы мальчик стал

похож на то ничтожество, каким его рисует полицейский психолог: не способным оказать минимальное сопротивление насилию! Дети, похищенные серийным убийцей, — первая версия, наиболее вероятная. Желание насиловать и убивать детей мы считаем более естественным, чем самопожертвование, объявленное психической патологией. Обилие сумасшедших маньяков, готовых насиловать и убивать детей, не есть ли придушенная в детстве агрессия, не прямое ли это следствие переориентации?..

Джим вдохнула, намереваясь и далее продолжать свою пламенную речь, но случайно обратила внимание на индикатор: он мигал желтым — шла запись. Наверное, давно... Ким продолжала снимать — видеозапись останется, ее можно будет выложить в сеть... Но и ребенку ясно, что число просмотров не превысит трех-пяти тысяч... Парень был жив, пришел в себя, но еще не мог двигаться самостоятельно: чтобы погрузить его в полицейский авиакар, *двое* радфемин в гендерно-нейтральной форме без лифчиков с трудом подняли его с асфальта под руки — Стив Ларсен был заметно выше *обоих* женщин и существенно тяжелей. Киднепинг, захват заложников — это пожизненное заключение в тюрьме класса «А». Завтра Джим объявят ненормальной и уволят. Ну и черт с ней, с этой работой, — зато можно будет купить себе такие же сережки, как у бортпроводницы «Мастодонта». Дети поднимались по трапу внутрь грузовика — завтра Метрополия выкатит претензии Дикой луне, но Дикая луна покажет в ответ большой мужской цисгендерный фак. И чтоб вы все им подавились!

27 апреля 2018 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРОФЕССИОНАЛЫ
КОМАНДНАЯ РАБОТА

Александр Князев

ДЖВАНИЙ ПЕРИБРОКС

В дверь городского архива города Вальценкранца тихо постучали. Звук был негромким и вряд ли проник сквозь толстые доски старой двери. Эта дверь закрывала входной проем в узком темном переулке. Молодой человек, стоявший на верхней ступеньке крыльца, поднял руку, чтобы постучать еще раз, но дверь архива распахнулась, и перед посетителем возникла фигура архивариуса — пожилого седого человека с глубокими морщинами и длинной белой бородой.

«Колдун какой-то», — подумал молодой человек, но вслух сказал:

— Господин Периброкс, добрый день. Я Искилий Траполос — курьер из городской управы. У меня для вас официальное письмо.

Курьер помнил наставления начальника канцелярии перед визитом в архив: «Побольше всяких официальностей и специальных терминов. Он это любит». Молодой человек совсем недавно начал работать в городской управе, поэтому единственной официальностью, которую он смог придумать, было слово «официальный». Но оно сработало.

— Официальное письмо? — на лице старика появилась заинтересованность. — Ну что ж, тогда заходите.

Курьер не без опаски ступил на порог и заглянул в дверной проем. Он увидел приемный зал городского архива — большое тускло освещенное помещение, в самом центре которого располагалась регистрационная стойка. Сквозь пыльные, затянутые паутиной окна с трудом пробивался солнечный свет.

Старик быстро обежал длинную стойку и занял место напротив входа. Одет он был в затертую коричневую мантию, голову покрывала маленькая круглая шапочка. Молодому человеку это одеяние показалось музейным экспонатом. Сам курьер был одет по моде: зеленый камзол, черные кафтан и панталоны, белые чулки. На ногах красовались черные туфли с серебряными пряжками. Пока курьер жил с родителями, он мог не ограничивать себя в выборе одежды.

— Господин ... архивариус, — слово было сложное, но молодой человек справился с ним. — У меня к вам запрос из городской управы.

— Замечательно! — воскликнул старик за регистрационной стойкой. — Но чего же мы ждем? Давайте же скорее заполнять форму заявки!

Старик с нетерпением потер руки. Было видно, что он наслаждается предвкушением того, как молодой человек заполнит форму заявки.

— А зачем? — опешил курьер. — Вот же у меня уже есть письмо из управы.

— Но как же?! — седые брови архивариуса взлетели вверх от удивления. — Как же по другому я пойму, что вы хотите подать в архив запрос?

— Я вам его дам.

— Да, но как мои коллеги или проверяющие поймут, с чего это вдруг в регистре входящих документов появилась запись о получении запроса из городской управы. И потом, посудите сами, как я могу принять от вас документ, даже не ознакомившись с его синопсисом. А если архив не может принять ваш запрос на рассмотрение? Вы что же хотите, чтобы я сидел и изучал все поступающие в архив запросы при их регистрации?

С этими словами архивариус взмахнул рукой, как бы указывая на то, с каким количеством запросов ему приходится сталкиваться каждый день, и какую задержку это может вызвать в обработке поступающих документов. На слова архивариуса звонко отозвалось эхо большого пустого зала, где от тесноты страдали только пыль и паутина.

Курьер понял, что старик начал горячиться. А его предупреждали, что до этого лучше не доводить.

— Ах, ну да, конечно. Давайте заполним заявку. А как?

Старик презрительно взглянул на молодого человека и еле заметно кивнул в сторону дальнего конца регистрационной стойки.

— Для этого есть специальный бланк. Я не должен объяснять вам порядок подачи заявки, все изложено в специальной инструкции, — с этими словами старик демонстративно отвернулся от курьера и склонился над толстой тетрадью.

Молодой человек отправился к дальнему концу стойки. При этом он был уверен, что старик все это время наблюдал за ним, скрючившись в неудобной позе и скосив глаза в его сторону.

На дальнем конце стойки действительно лежало несколько старых, пожелтевших от времени листков. Края некоторых были погрызены мышами. Молодой человек решил не утруждать себя изучением разложенных на стойке форм и сразу заявил:

— Да нет здесь никакого специального бланка заявки.

— Да как же нет?! — старик в одно мгновенье преодолел расстояние до дальнего конца стойки и склонился над разложенными там бумагами. — Вот же посмотрите: бланк для отзыва поданной заявки, бланк для внесения изменений в поданную заявку, бланк для ... — архивариус еще продолжал изучать один из листков, наполовину объеденный мышами, но его голос звучал все менее уверено, пока он не произнес:

— Действительно, нет.

Старик, еще секунду назад излучавший энергию праведного гнева в отношении глупого курьера, неспособного справиться с таким простым заданием, теперь поник и сгорбился. Молодой человек безучастно смотрел на архивариуса, ожидая, когда приступ экзистенциального кризиса, неожиданно обрушившийся на старика, пройдет, и курьер сможет избавиться от запроса городской управы.

Архивариус резко распрямился, глаза его горели восторгом от внезапного озарения:

— Ну, так давайте заполним заявку в свободной форме! Вот чистый лист, перо и чернила.

Старик достал из под стойки писчебумажные принадлежности и выложил их перед своим посетителем.

— Ну что вы ждете? Начинайте!

— А что писать?

К такому повороту курьер совсем не был готов. Несмотря на страх перед странным стариком, он начал чувствовать раздражение. Молодой человек был уверен, что все эти упражнения с письмом остались в прошлом, и что после окончания школы ему больше не придется марать пальцы чернилами.

— А вы знаете, а ведь у меня есть пример точно такой же заявки. Один ваш коллега не далее как сто лет назад уже обращался с аналогичным документом, — архивариус бросился в глубину зала и схватил в руки левый край занавеса, закрывающего заднюю стену приемного помещения.

Курьер с удивлением спросил:

— А вам что, сто лет?

Старик застыл с поднятой рукой, готовой распахнуть занавес. Медленно повернув голову к посетителю, он спросил:

— Почему вы так подумали?

— Ну, вы же сказали, что сто лет назад к вам обращался один мой коллега.

— Ах, это. К моему предшественнику, не ко мне, — и с этими словами архивариус дернул за полу занавеса, который, как будто ожидая этого приказа, помчался к противоположному краю зала, собираясь в аккуратные складки. В тишине приемного помещения приятно зазвучала струна, по которой скользили кольца шторы.

Молодого человека охватил неожиданный восторг от чувства полета, который передала ему стремительно летящая по залу архива ткань. За занавесом курьер увидел бесконечно повторяющиеся ряды деревянных ящичков. Ряды уходили далеко вверх и терялись в темноте под потолком. Правый край, куда упорхнула занавесь, также не был освещен, так что нельзя было разглядеть, на какое расстояние ряды убегали в глубину здания. Ощущение было, что они не имели конца.

Курьер разглядел крышки ящичков — это были покрытые лаком деревянные дощечки, каждая из которых несла на себе отполированную до блеска ручку из дерева и медную табличку с буквами и цифрами. Ближайшие ряды отражали тусклый свет, проникающий через запыленные стекла окон.

— Мы сейчас быстро найдем ту заявочку. Нам всего-то на сто лет надо отмотать, — старик опустил какие-то рычаги, расположенные перед стеной с ящиками, и, поплевав на ладони, начал двумя руками крутить тугое для вращения колесо.

Курьеру показалось, что у него помутилось в глазах: ряды ящичков размылись и потеряли четкость. Но он понял, что это сами ящики с первым же поворотом колеса начали убегать вправо, сменяясь на новые, которые появлялись откуда-то слева. Ряды пролетали перед взором курьера, словно карусель. Затем они останавливались, и вместо них колонки ящичков устремлялись сверху вниз.

— Ну вот мы и нашли раздел каталога за это же число ровно сто лет назад, — удовлетворенно констатировал архивариус. — Каждая ячейка — это один день работы архива. В основном, они, к сожалению, пусты. Но я точно помню, как раз сто лет назад было исключение.

Старик выдвинул ящичек, остановившийся перед ним, и выхватил из него единственный листок:

— А вот и заявка! Извольте переписать и поставить свою подпись, — архивариус протянул молодому человеку листок. — И дату не забудьте указать верную. А то были тут до вас умники, только бумагу переводить.

Курьер взял из рук работника городского архива тонкий пожелтевший от времени листок, заполненный текстом, выполненным каллиграфическим почерком. В старинном документе говорилось, что он является заявкой на прием запроса в архив, что подателем запроса является городская управа, а получателем городской архив, и что поданным запросом городская управа просит архив предоставить справку, что никогда не было в истории города события, которое ожидалось горожанами сто лет назад. А событие было действительно неординарное, такое, что вполне было достойно занесения в документы, хранящиеся в архиве: сто лет назад горожане ожидали, что над ними пролетит летающий город Посталбит. Причем траектория его движения указывала на то, что пролететь он должен прямо над городской ратушей Вальценкранца, да еще на таком расстоянии, что глава городской управы сможет пожать руку своему коллеге из Посталбита. Тот намеревался спуститься на самое нижние здание, которое, как и многие другие в этом плотно заселенном городе, строилось под летающей плитой вертикально вниз, и чьи башенки и балконы оказывались ниже его фундамента. Событие было выдающимся, но несмотря на все расчеты не произошло: Посталбит уже появился на горизонте и направлялся точно на Вальценкранц, но затем начал отворачивать в сторону и обошел город стороной. Вальценкранцевцы считали, что посталбичане из-за своего высокомерия развернули свой город, так как не хотели наградить вальценкранцевцев радостью встречи с их летающим городом. При этом многие отдавали себе отчет, что это лишь досужие домыслы. Широко известным был факт, что город путешествовал над поверхностью земли, руководствуюсь только своими, независимыми от намерений жителей планами, и что направлять город по своему желанию нельзя. Но это не мешало людям опровергать любые, даже

самые широко известные факты, и выдвигать разнообразные предположения. Например, что верховные жрецы или древние маги, или безумные ученые изобрели способ управлять полетом города и теперь летают на нем, куда им заблагорассудится.

В заявке не было подробного описания истории, которая произошла сто лет назад. Но она была известна курьеру, как и любому другому городскому жителю, с детства. Поэтому он с нетерпением ждал наступления сегодняшнего дня, когда Посталбит должен был совершить очередную попытку пролететь над Вальценкранцем. Для придания встрече двух городов официальной окраски городской голова придумал запросить из архива справку, что никогда такого не было. По странному стечению обстоятельств эта оригинальная идея приходила в голову каждому городскому голове, на чей срок приходилась встреча двух городов. Да вот только ни разу в истории встреча эта не увенчалась успехом.

Молодой человек старательно переписал столетнюю заявку на чистый лист бумаги, подписал и подал архивариусу. Он немного спешил, так как чувствовал, что сложнейшая задача вот-вот будет выполнена, и архивная справка наконец-то будет ему выдана.

— Вы, я вижу, все очень точно переписали, молодой человек? — язвительно поинтересовался архивариус, приняв документ от курьера, но даже не посмотрев на нее.

— Да, да. Все слово в слово, — поспешил заверить курьер.

— И, очевидно, цифру в цифру? —добавив яда в голос, спросил старый работник архива.

— Да, все, как там написано, — тихо произнес посетитель архива. Страшное подозрение, что он написал что-то не так, и что старик не закончил над ним издеваться, напугало молодого человека.

— А дату вы тоже переписали, как в этой заявке? — вдруг закричал архивариус, брызжа слюной и гневно выкатывая глаза. — Вы считаете, у нас здесь какая-то лавка, где можно любую дату написать, и так сойдет?! Вы считаете, что сто лет можно туда-сюда, никто даже не заметит?! — бесновался старик. — Вы думаете, здесь какие-то сумасшедшие работают?!

Курьер в страхе попятился от регистрационной стойки, за которой метался архивариус взмахивая новой заявкой.

— Пе-пе-переписать? — заикаясь, робко спросил посетитель архива.

— Еще чего! Чтобы вы еще час меня от работы отрывали?! Вот, возьмите-ка лист, аккуратным поступательным движением слева направо зачеркните неверно указанную дату, напишите правильную дату, а рядом припишите: «Исправленному мною, курьером управы города Вальценкранц, имя, фамилия, верить без сомнений и предположений в отношении подлинности данного исправления».

Курьер писал под диктовку старика, боясь допустить хотя бы одну ошибку — школьные кошмары настигли молодого человека в самый неожиданный момент, когда он наконец-то получил должность, начал зарабатывать и, казалось, мог забыть обо всех этих школьных премудростях.

— Вот, хорошо. А теперь инициалы, фамилия и подпись.

Молодой человек дрожа от страха написал имя, фамилию и размашисто подписался.

— Инициалы! Я же сказал — инициалы! А не имя! Да, отдайте мне, — старик вырвал из рук курьера листок и придирчиво начал изучать написанный тем текст. — Одни ошибки, сплошные ошибки. Да вы понимаете, что этот документ останется в архиве на века! Какую память вы о себе оставите для потомков. Ладно, будем регистрировать вашу заявку.

У посетителя архива все внутри похолодело, какие еще испытания для него приготовил его мучитель. Но архивариус лишь сел за стол и начал записывать что-то в толстую потрепанную тетрадку, потом он вернул заявку столетней давности в ящичек и опять начал вращать свои ручки. Карусель из ящичков каталога закрутилась перед глазами курьера с невероятной скоростью, так что поток пролетающих перед взглядом молодого человека ячеек слился в одну сплошную полосу, а затем неожиданно замер. Старый архивный работник вложил заявку курьера в ячейку, остановившуюся перед ним, повернулся, подошел к регистрационной стойке и вытащил из внутренней полки архивную справку. Затем он протянул лист с ответом на запрос городской управы курьеру, тот попытался выхватить его из рук архивариуса, но последний несмотря на преклонный возраст ловко отвел руку и с удивлением воскликнул:

— А подтвердить факт получения документа собственноручной подписью в регистре выданных документов?

Перед курьером появилась старая тетрадь.

— Я вообще-то еще ничего не получил, — недовольно пробубнил курьер, склоняясь над тетрадью, чтобы расписаться.

Молодой человек обратил внимание, что предыдущая запись в этом журнале была датирована той же датой, но только сто лет назад.

— Вы дурно знаете свое дело, молодой человек, но делопроизводство не должно страдать из-за незнания вами своих обязанностей. Я бы выставил вас вон из архива, но каждый запрос должен быть зарегистрирован, и на каждый должен быть предоставлен ответ. Учитесь искусству делопроизводства, молодой человек, в жизни это может очень пригодиться, — наставительно произнес архивариус. Он не стал уточнять, что это может пригодиться только при встрече с таким формалистом, как сам архивариус.

Старик протянул лист с ответом на запрос городской управы курьеру, тот выхватил его из рук и бросился к выходу. Дверь перед курьером открылась сама собой, и когда он переступил порог архива, так же самостоятельно закрылась, влепив по курьерскому заду всей силой своего ржавого, но еще упругого возвратного механизма. Курьер слетел с невысокого порога и упал прямо в грязь проулка. Зад болел, но счастье от того, что он вырвался из этой западни, могло пересилить любую боль. Курьер вскочил, засунул справку в курьерскую папку и смачно плюнул на дверь архива. Плевок оказался настолько удачным, что с лихвой компенсировал страдания, перенесенные молодым человеком. Он поспешил в городскую управу, чтобы побыстрее освободиться. Уже сегодня на горизонте должны были появиться башни самых высоких зданий Посталбита, этот момент нельзя было пропустить.

Архивариус молча проводил взглядом курьера, выбежавшего из архива, и повернулся к каталогу. Край занавеса появился из темного угла приемного зала и сопровождаемый тонким звенящим звуком летел к нему. Ткань промчалась перед лицом старика и скрыла от него ряды деревянных ящичков. Архивариус снова отвел полу занавеса в сторону, на этот раз за ней оказалась маленькая деревянная дверь. Старый архивный работник вошел в дверной проем и закрыл его за собой. Занавес качнулся и прикрыл вход. Приемный зал погрузился в тишину.

* * *

— Жалкие людишки! Всего один запрос за сто лет! — старый архивариус Джваний Периброкс шел среди высоких деревянных стеллажей, заполненных толстыми папками с документами, и вполголоса жаловался на горожан Вальценкранца.

Узкий проход вел его среди полок, уходивших далеко вверх, и которые до треска были забиты папками, картонными ящиками, коробами. Наружу свисали нитки прошитых документов, торчали ленты сургучных печатей, высовывались уголки старинных листов бумаги. Секции с документами производили впечатления городских стен, где каждая папка выступала в роли каменного блока, а проход между стеллажами в роли узкой улицы. В центре архива, куда как лучи звезды сходились ряды стеллажей, открытое пространство образовывало круглую площадь. На ней стоял рабочий стол архивариуса, освещенный ярко горящими свечами в канделябре.

Джваний издалека заметил, что стол был завален документами. Это была сегодняшняя порция. Вчерашние и позавчерашние поступления, документы за прошлую неделю, а также за прошлый месяц и за несколько последних лет лежали высокими стопками на полу рядом со столом. Некоторые были выше стола и образовывали вокруг рабочего

места архивариуса лес желтых сталагмитов, выросших в пещере за многие сотни лет.

Джваний со смешанным чувством радости и боли смотрел на эти бумажные завалы. С радостью, потому что он предвкушал удовольствие от разбора этих документов, их каталогизации, заполнения учетных карточек, распределения по секциям. С болью, потому что многие из этих документов, словно сироты уже много лет не могли получить свой дом, свое место в этом прекрасном архивном мире и, очевидно, страдали от этого.

К столу архивариуса бодро подкатила архивная тележка и резко затормозила у его края, документы с ее верхней полки соскользнули на столешницу и рассыпались широким веером. Джваний поморщился от неаккуратности своего помощника. Строго говоря никаким помощником он не был. Это была ошибка архивариуса, случайное стечение обстоятельств. Но вызвав однажды в тележке искру, которая делала ее будто бы живой, архивариус никак не мог эту искру погасить. Джванию было бы куда проще, если бы деревянный столик на колесиках так и остался столиком, который катится туда, куда его толкают, и стоит там, где его оставили. А этот деятельный предмет мебели за сотни лет работы в архиве так проникся идеями архивного дела, что на все имел свое собственное мнение. Джванию требовалась масса времени, чтобы убедить тележку отвезти документы в нужное архивариусу место. И то не было гарантии, что она в точности выполнит задание. Вот и сейчас она по собственной инициативе привезла архивариусу пачку бумаг из какого-то давно забытого угла архива, учетную запись которых, по ее мнению, надо было освежить и проверить, не истек ли срок хранения. Для Джвания было абсолютной загадкой, как тележка выдумывала себе эти задания и чем при этом руководствовалась.

К счастью, с некоторых пор архивариус перестал думать о ней, как о работнике женского пола. Сначала он допустил такую ошибку, руководствуюсь тем, что слово «тележка» было женского рода. Но вскоре он заметил, что тележка бывала подвержена неожиданным эмоциональным всплескам. Она совершенно беспричинно начинала раскидывать сложенные в стопки документы, резко прокатываться по пачкам бумаг на полу, разбрасывая их в разные стороны. В такие моменты она с гордо вздернутой верхней полкой демонстративно проезжала перед архивариусом, чтобы скрыться в лабиринте стеллажей, а затем с возмущенным видом выкатывалась перед ним, очевидно, ожидая извинений. Самым удивительным в этом было то (хотя что могло быть еще более удивительным, чем одушевленная архивная тележка), что у самой тележки кроме колес не двигалась ни одна часть. Поэтому было совершенно непонятно, как ей удавалось выражать такую гамму эмоций. В остальное время столик был очень аккуратным и педантичным: развозил документы,

вырезал из картона карточки для каталога, подметал пыль в самых затерянных закоулках архива.

Но Джванию не нужен был помощник, к тому же совершенно неуправляемый. И архивариус начал думать о тележке, как о мальчике. Со временем это дало положительный результат: помощник потерял всякий интерес к работе, целыми днями слонялся по лабиринтам архива, с азартом гонял крыс по проходам между архивными полками. В угаре погони он на высокой скорости с заносом заходил в повороты и сваливал на пол папки ударами по основанию стеллажей. Правда, и он время от времени начинал развивать бурную деятельность, активно, но бессистемно развозил по хранилищу документы, как бульдозер собирал сброшенные им с полок бумаги и свозил их в центр архива к рабочему столу архивариуса. Именно за этим занятием Джваний застал своего четырехколесного работника.

— Ах, ты опять за старое! А ну пошел отсюда! — Джваний в гневе от того, что помощник разметал по столу бумаги, замахнулся на него первой попавшейся под руку папкой.

Архивная тележка резко развернулся к архивариусу, грозно посмотрел на него, но решил не обострять отношения и, не торопясь, направился к одному из проходов, зацепив по дороге бортом и развалив высокую стопку документов.

Джваний взвесил на руке папку, чтобы поточнее метнуть ее в сторону строптивого помощника. При этом взгляд архивного работника упал на обложку, и старик увидел, что это были протоколы заседаний попечительского совета городского кладбища. Его рука опустилась. Он сразу представил, сколько удовольствия ему может доставить внесение в каталог этих протоколов, каким наслаждением может оказаться заполнение регистрационной карточки. Джваний даже захотел отбросить все и прямо сейчас сесть за подготовку описи документов, но тут же вспомнил о том, что ему предстояло сделать, и с сожалением положил увесистый том на вершину бумажного столба.

Архивариус занял место за своим столом на неудобном деревянном стуле. Отсюда, из центра архива, ему была подвластна вся мощь, которую давали мысли, чувства, ожидания людей, так неосторожно доверенные протоколам, актам, приказам, справкам и собранные за последние несколько тысяч лет в одном месте — в архиве.

Сейчас весь город с нетерпением ждал события, которого никогда не было. Никто не догадывался, почему летающий город Посталбит каждый раз, приближаясь к Вальценкранцу, вдруг менял направление и огибал его по широкой дуге. Никто в городе не интересовался историей, все смотрели только вперед. Даже когда раз в сто лет городская управа направляла запрос в архив, делалось это только для того, чтобы убедиться, что событие в будущем действительно уникально. Глупо

было не воспользоваться этим поводом, чтобы не продлить еще на сто лет потребность городской управы в получении справки из архива о том, что никогда такого не было.

«Ну ладно, дорогие земляки, если это действительно единственный способ обратить ваше внимание на историю, я им воспользуюсь. Никогда такого не было, и вот опять не произойдет!»

Джваний Периброкс, бессменный архивариус города Вальценкранца в течение последних нескольких тысячелетий, положил руки на пачку документов, лежащую перед ним на столе. Это движение не имело никакого специального смысла для тех действий, которые он собирался совершить, просто с чего-то надо было начать. На самом деле настоящие действия Джваний собирался предпринять в своей голове, где хранились записи о каждом клочке бумажки, когда-то поступившем в архив. Поддержание каталога, заполнение карточек было лишь данью традиции, священной процедурой.

Задача у Джвания было нелегкая — сдвинуть с пути летающий город, и воспользоваться здесь следовало по-настоящему сильными документами. Джванию сразу пришел на память случай со сносом сарая в центре города. Сколько заседаний земельной комиссии пришлось запротоколировать секретарям, какое количество экспертных заключений пришлось рассмотреть! Как ломали копья в спорах городские архитекторы и защитники исторического наследия! Не всякое дело о наследстве могло похвалиться таким накалом страстей. Несколько десятилетий решался этот вопрос. А сарай за это время сгнил и рухнул. В городе о нем уже и думать забыли, но в архиве сохранилось все. Сухие официальные формулировки документов впитали в себя всю силу человеческих эмоций и только ждали момента, когда кто-то сможет их высвободить и использовать для дела.

Джваний представил перед собой архивный каталог. Ящички, круглые отполированные ручки, медные таблички начали проноситься перед его мысленным взглядом, как недавно они мчались перед глазами курьера. Архивариусу следовало найти карточку с делом о сносе старого сарая. Если бы не его память, каталог бы ему не помог. Но Джваний помнил и дату, когда на его столе оказались папки с документами, и что вытворял в этот день его помощник, и что Джваний ел в тот день на завтрак. Движение ящичков остановилось, один из них выдвинулся, и из длинного, словно удав, тела ящика выплыла серая картонная карточка, покрытая синим, выцветшим от времени текстом. Джваний пропустил номер, название документов, краткое описание, его глаза задержались только на номере стеллажа. В то же мгновенье мысленный образ ящика со стуком захлопнулся, стена ящиков стремительно отъехала в сторону. Джваний направил свой взгляд по центральному проходу, свернул налево, направо, двинулся вперед. Всегда погруженный во тьму архив

в мыслях Джвания освещался кругом света от его канделябра, который архивариус прихватил с собой в воображаемое путешествие по хранилищу. Темнота впереди расступалась и смыкалась за спиной старика, который быстро перемещался по коридорам, сворачивая то направо, то налево. И наконец-то найдена нужная полка. Папки с номерами дела на корешках начинают ворочаться под гнетом наваленных на них документов. Архивариус морщится, пытаясь силой мысли высвободить их из бумажного заточения. Но вот первая из пачек документов подается, потихоньку выползает из глубины полки, нависает над ее краем и с грохотом падает на пол. За ней начинается настоящий обвал, на пол сыплются другие папки, отдельные листы разлетаются в стороны и покрывают пол возле полки бело-желтым ковром. Но архивариус не обращает на это внимания, нужные ему дела поднимаются над полом и, выстроившись в ряд на высоте метра от земли, отправляются в путь к центру хранилища. Папка номер один, оказавшись придавленной другими делами, в раздражении распихивает навалившиеся на нее документы и бросается за своими товарищами, спеша занять первое место в ряду.

Для того чтобы достигнуть центра архива, папкам с документами потребуется минут десять. За это время он как раз успеет подготовиться.

Увидеть что-нибудь за пределами архива задача более сложная. Но везде есть документы, они еще не сданы в хранилище, но сразу после подписания начинают чувствовать необъяснимую связь с этим местом и постепенно приходят к пониманию, что архив является их судьбой. Именно благодаря этому здесь каждый день, по истечении срока хранения в учреждении, сами появляются новые документы (никто не заботится о том, чтобы сдать их в хранилище).

Такую же связь имеет и архив с документами, где бы в городе они ни находились. С помощью этой связи архивариус может проникнуть куда угодно. А угодно ему было оказаться на башне городской ратуши, где собралась вся знать, чтобы поприсутствовать при событии, которого никогда не было: городской голова должен был пожать руку своему коллеге. И он увидел это место благодаря тому, что секретарь главы города прихватил с собой на башню выданную сегодня архивом справку. Все на верхней площадке башни были крайне возбуждены, на горизонте уже появились очертания Посталбита, и они быстро росли.

Джваний понял, что надо спешить. В этом году город приближался необычно быстро. А дело о старом сарае еще не спешно двигалось где-то в дальнем конце хранилища. Архивариус вспомнил о своем помощнике. Мысленно он отдал приказ привезти дело, но ничего не произошло. Джваний отправил немой приказ тележке повторно, опять никакой реакции.

— Ну, хорошо! — закричал Джваний. — Твоя взяла! Я сделаю тебя младшим помощником архивариуса.

Вновь ничего.

— И назначу жалованье, и пенсию и дам выходной! — кричал в темноту архивных проходов старик.

Неизвестно, какой из доводов повлиял на архивную тележку, но он неожиданно выскочил из коридора на центральную площадку и помчался по лабиринтам хранилища. Через минуту помощник архивариуса втолкнул на открытое пространство у стола всю компанию из папок с документами, которая сбилась в толпу перед столом и изо всех сил сторонилась тележки, стоящей за ней.

— А теперь, ребята, пришло время показать всем, кто обладает истинной силой в этом мире! Пусть маги, алхимики и жрецы сдохнут от зависти. Такого им не повторить!

Джваний Периброкс поднялся из-за стола, направил взгляд на первый том архивного дела. Тот от страха сжался и присел.

— Никогда не было, и вот опять! — произнес архивариус первую пришедшую ему в голову фразу.

Страницы первого тома затрепетали.

— Никогда не было, и вот опять! — повторил архивариус громче.

Задрожали остальные тома архивного дела.

— Никогда не было, и вот опять! — закричал архивариус, устремив свой взгляд в проход между полками. Там вдалеке, словно в конце тоннеля, была едва различима небольшая картинка, на которой летающий город двигался по направлению к центру архивного хранилища.

— НИКОГДА НЕ БЫЛО, И ВОТ ОПЯТЬ! — поднял руки и громогласно закричал архивариус в проход между стеллажами.

Будто от силы его слов в архиве поднялся сильный ветер. Он поднимал с пола и разметывал в стороны бумажные листы, он раздувал рукава мантии старика, словно крылья. Ветер устремился в проход вдоль стеллажей. С полок начали валиться папки с документами, целые короба слетали на пол. Поток воздуха увлекал вперед тысячи бумажных страниц, которые закручивались в стремительный смерч, мчащийся навстречу городу Посталбит. И когда все пространство вокруг старика и в центральном проходе архива наполнилось листами документов, уносящихся в сторону картинки с городом, когда от шелеста трущихся друг о друга страниц уже можно было оглохнуть, когда казалось невозможно вдохнуть, так как бумага вытеснила воздух из этого хранилища, все вдруг прекратилось. Папки с документами со стуком упали на пол, отдельные листы начали медленно планировать вниз, помещение хранилища наполнилось звонкой тишиной.

— Ну, вот собственно и все. Даже, проверять не буду, и так все понятно, — довольно произнес Джваний. — Младший помощник архивариуса, приберись-ка. Не зря же тебе жалованье платят.

Елена Ворон

ЧЕРНЫЕ МЫСЛИ НА БЕЛОМ СНЕГУ

Невеликое удовольствие — прийти в сознание и вспомнить, как тебя отдавали в рабство. А если вдобавок сообразить, что после этого тебя бросили подыхать в снегу на морозе, то радости совсем никакой.

Мне едва хватило сил приподнять голову, сморгнуть талые капли с ресниц и оглядеться. Снег яростно сверкал. Холод и звенящая тишина. Так тихо, словно на всей планете только я один и остался. Да так оно, верно, и есть... Мысли в голове были неуклюжие, вязкие.

Сверху лупило солнце, плясало бешеными искрами в круглой котловине, где я очнулся. Котловину окаймляли каменные гряды — аккуратные, как будто сложенные искусной рукой. Снег на них сиял ослепительно, а кое-где, наоборот, синел тенями. Что дальше, за этими грядами, не было видно. Да какая разница? И так понятно: всюду — смерть.

Арцаар — планета земного типа. Ее воздухом можно дышать без фильтров, а солнце не выжигает глаза. Хотя среди этой слепящей белизны... Черт с ней, с белизной. Защитного костюма на мне нет, одна легкая куртка с худосочным термоэлементом и такие же штаны. Обогрев с морозом не справляется, и я замерзну раньше, чем ослепну. День-то начинался вовсе не здесь, среди снега и льда, а в веселых лесистых холмах, на берегу теплой речки. И защитный костюм на мне был, черт возьми!

Сознание прояснялось, и я зверел. Мне ничего не помстилось: Шайтан и впрямь пытался меня сплавить пиратам. Для тех, кто не в курсе: Шайтан — ксенопсихолог нашей разведгруппы и мой лучший друг.

Тело едва слушалось. Неловко ворочаясь в подтаявшем снегу, я проверил карманы. Ни аптечки со стимулятором, ни аварийного комплекта.

Свирепое сияние резало глаза. Щурясь, я разгреб неглубокий пушистый снег. Рассмотрел, на чем лежу, и охнул.

Под брюхом был прозрачный лед над черной бездной. Из глубины одно за другим поднимались розовые гибкие тельца. Всплывшие твари разглядывали меня с хищным интересом. Глаза навыкате, зубастые морды, жесткие плавники с длинными иглами. Я помотал головой, надеясь этим движением прогнать неприятных гостей, но твари не испугались. Гибкие, верткие хищники теснились подо льдом, скребли его снизу спинными колючками; их выкаченные, не по-рыбьи смышленые глаза приценивались к свалившейся с неба добыче.

А лед-то совсем тонкий. Хрустнет, проломится — и уйдешь в воду, на встречу с зубастыми оглоедами. Как он выдержал, когда меня сбросили? Видать, не сбросили, а бережно положили. Зачем? Какого черта

оставлять ценного раба на льду едва замерзшего озера? Кто бы мне разъяснил...

Арцаар не значится в официальных реестрах. Перед полетом я даже не сумел дознаться, кто нашел эту симпатичную планету на задворках галактики — земляне или наши космические союзники. Одно было ясно: ни одна галактическая раса не заявила на Арцаар права. Странно. Хорошая ведь планета, я свидетель.

Мы на нее в отпуск прилетели. Ну, почти.

* * *

Наша группа и вправду была в отпуске. Как водится, мужики разбежались кто куда, а Шайтан меня попросил доставить его на Арцаар. Что ему там понадобилось, наш ксенопсихолог не сказал, а я особо не настаивал.

С Шайтаном, я был готов ввязаться в любую хрень. Даже на том корыте, которое он раздобыл для путешествия: старый катер планеторазведки без половины штатного вооружения, давно списанный и перешедший в частные руки. Взять наш собственный катер мы не могли — за разрешением пришлось бы идти на поклон к начальнику планеторазведки и что-то убедительно врать, а Шайтан не хотел этого делать.

Так и отправились — тайком, на потрепанном древнем корыте. Приключение обещало быть замечательным.

Вынырнув из подпространства, мы приблизились к Арцаару с включенной маскировкой. Толковый пост наблюдения все равно нас бы засек, однако наблюдателей не было. Во всяком случае, я не обнаружил ни спутников слежения на орбите, ни станций или обсерваторий на поверхности планеты. И никаких видимых признаков разумной жизни — поселений, коммуникаций, космодромов. Планета казалась необитаемой и явно не популярной у космических путешественников.

Как и положено, я отправил к Арцаару разведзонды. Пробы воздуха, грунта, воды, исследование местных биологических объектов, определение уровня опасности для человека — все хорошо; курорт, а не планета. Вот только садиться не хотелось. Известно: коли никто не стремится забрать себе лакомый кусок, значит, не такой уж кусок этот лакомый.

Однако на орбите делать нам было нечего, и я, выбрав местечко поуютней, сел на поверхность. У тихой речушки, где вода прозрачней слезы, а пологие холмы по берегам поросли светлым лесом. Листва на деревьях была разноцветная: в нижней части крон — радующая глаз зелень, а поверху — красное золото. Нарядно.

Опустив катер на антигравах, я поставил его на травянистую проплешину на речном берегу. Кое-как разместился, не повредив деревья рядом. Затем включил противошпионские сканеры и долго наблюдал

за округой. Зонды зондами, но мало ли, что сканеры покажут.

Наш ксенопсихолог сидел в кресле второго пилота и терпеливо дожидался, когда я выпущу его наружу. Я не спешил. Хоть я и младший в группе, какой-никакой опыт разведчика у меня есть, и всякие чудесные с виду, но никому не нужные планеты меня беспокоят. Черт знает, на что тут напорешься.

Сканеры опасности не показывали. Снаружи — тишь да гладь, разве что суетится безобидная лесная мелочь.

— Серый? — Шайтан понимающе улыбнулся. — Я пойду?

— Иди, — разрешил я скрепя сердце. В конце концов, он на десять лет старше и опытней.

Он ободряюще хлопнул меня по плечу и вышел из рубки.

Я наблюдал. Мой друг спустился по трапу на полегшую при нашей посадке траву Арцаара. Согласно инструкции, он был в защитном костюме с включенной маскировкой, так что невооруженным глазом не различишь; только сканеры его видели и показывали мне на экранах — темная, плоская фигура.

Наш ксенопсихолог побродил возле катера под деревьями, осмотрелся. Отключил маскировку. Защитный костюм сделался прозрачным; фигура приобрела объемность, отчетливо стала видна белая как снег шевелюра и легкая одежда для отдыха в лесу. Бросились врассыпную какие-то испуганные зверьки, поскакали длинными прыжками, будто на пружинах. Шайтан еще побродил, потрогал гладкие древесные стволы, листья на ветках, пощупал траву — проверял, совпадают ли данные анализаторов с тем, что сообщили разведзонды. Данные совпадали: я видел это у себя на табло.

Шайтан отключил защиту. Прозрачный мягкий шлем соскользнул с головы и собрался в стоячий ворот; костюм сделался тускло-серого цвета. Я увеличил изображение. Стоя под сенью обласканных солнцем разноцветных деревьев, мой друг улыбался, его яркие сине-зеленые глаза довольно блестели.

Затем он прошел к реке, постоял, оглядывая берега, лес на пологих холмах и ясное небо. Отражения красных с золотом верхушек плыли в тихой воде, играющей блестками света. Шайтан уселся на траве; подставил солнцу лицо, прижмурился. Самая что ни на есть мирная картина — планеторазведчик в отпуске.

Я вернул на борт зонды. Не все: один оставил снаружи — для наблюдения. Мало ли что.

Свой коммуникатор Шайтан не отключал; я слышал его ровное дыхание, сквозь которое пробивался щебет местных птах. Можно было подумать, что наш ксенопсихолог пригрелся и задремал, — так тихо он сидел.

Прошло с полчаса.

— Серый, выходи, — сказал Шайтан.

— Я за порядком смотрю, — возразил я решительно. Все-таки именно я отвечал за безопасность нас обоих.

— Вылезай, — повторил он.

— Нет.

Он повернул голову, и с экрана на меня в упор глянул не беспечный, улыбчивый Шайтан, а раздраженный моим упрямством капитан-лейтенант Шаталин. Черные брови над потемневшими глазами сошлись к переносью, лицо сделалось неожиданно жестким.

— Старший лейтенант Чернорижский, покиньте борт.

Тут я подчинился без звука; наш ксенопсихолог зря не командует.

Маскировку катера я оставил включенной. Проплешина на берегу казалась напоенной солнечным светом, который лился сквозь красное золото листвы на верхушках деревьев. Над распрямленной травой порхали местные бабочки, вились стайки мошек, резвился веселый зверек — из тех, что будто на пружинах скачут. Все это — видимость, однако отлично сработанная.

Я прошел к Шайтану, устроился рядом. Трава была невысокая и пушистая; тут и там в ней таились цветы.

— Что дальше?

— Отключи защиту, — велел наш ксенопсихолог, — и думай о хорошем.

И мы стали сидеть вдвоем. Солнце, тихая речушка, блики на воде, трепет листвы, птичий щебет, свежие летние запахи. До чего славное местечко... Как могло случиться, что и наше руководство, и союзники пропустили Арцаар мимо глаз? Координаты его известны — по крайней мере, Шайтан их узнал — имя у планеты есть, однако саму ее к рукам никто не прибрал.

Я лениво строил предположения. Например, Арцаар обнаружила космическая разведка союзников, а планеторазведчики его забраковали. Неудобно расположен, бесполезен, непригоден, небезопасен... Землянам о находке официально не сообщили, но слухи до Шайтана дошли. Вот он и рванул сюда на свой страх и риск, надеясь установить контакт с галактическим соседом.

Мой друг работал. Опытный ксенопсихолог, сильный эмпат. Молчаливый, сосредоточенный, он был не здесь, не со мной — и с кем-то общался. Мысленно... или как там ему удается — в зависимости от технических возможностей другой стороны. На языке контрразведки это называется «несанкционированное психическое взаимодействие с потенциальным противником». Известно, куда можно загреметь за такие дела. Я-то Шайтану доверяю безусловно; другое дело — наши, прости господи, спецслужбы.

Мысль о спецслужбах я гнал прочь: Шайтан не для того меня вызвал из катера, чтобы я беспокоился. Возможно, кто-то сейчас роется в моей

голове, желая получить общее представление о землянах, и мрачные думы о трибунале — совсем не то, что следует предъявлять нашим новым знакомцам. А еще вероятнее, я нужен лично Шайтану, чтобы создавать эмоциональный фон — надежное плечо, чувство защищенности, все такое. Я старался как мог.

Тут-то оно и случилось; тревожился я не зря, да не о том.

Нас застигли врасплох. Сигнал тревоги с висящего в небе зонда не пришел, мысленный Шайтанов собеседник не предостерег, сам Шайтан опасность не почуял. А я отключился — как от внезапного удара сознание потерял.

Когда затмение в глазах миновало, первое, что увидел, — солнечная поляна занята обретшим видимость катером. Побитый жизнью корпус нашей машины высился над макушками деревьев, купаясь в их красном золоте. Кто выключил маскировку? На кой ляд?!

Я рывком сел; голова поплыла. Проморгавшись, я разглядел троих чужаков поодаль, в тени деревьев. Два одинаковых андроида — полицейская модель — застыли, охраняя человека в штатском. Солидный такой господин, седоватый, холеный. Лицо самоуверенное и недоброе; глаза темные, цепкие. Кто он и откуда взялся? Почему смолчала охранная система и не сработали при нападении защитные костюмы?

Чужак рассматривал меня с нехорошим интересом. Что ему надо? И где Шайтан?

— Спокойно, — проговорил наш ксенопсихолог, сжимая мне плечо.

Я невольно глянул. Загорелая узкая кисть — без защитной перчатки. На мне тоже перчаток нет. Нас обоих вытряхнули из защитных костюмов. Вот же черт...

Шайтан стоял у меня за спиной; солидный господин под охраной полицейских андроидов изучал нас обоих, заодно поглядывая куда-то мимо. Что там? Не делая резких движений, я оглянулся.

Третий андроид — военный штурмовик. Модель старая, изрядно потрепанная, но из самых надежных, с двумя излучателями для ближнего боя. Такой человека напластает — моргнуть не успеешь. Он возвышался угрюмой скалой в нескольких метрах от нас с Шайтаном; на щитке черного шлема горели красные огоньки, будто рядок злобных глаз.

— Спокойно, — вполголоса повторил мой друг. — Не дергайся.

Дергаться я и не думал. У штурмовика на прицеле не забалуешь. Зубы андроиду не заговоришь, ложным выпадом его не обманешь, мгновенным броском с ног не собьешь, оружие не отнимешь.

— Сергей — хороший пилот, — внушительно произнес Шайтан, обращаясь к господину — предводителю шайки роботов.

Каким чудом к нам подобрались незаметно? С орбиты я чужого присутствия не заметил, сторожевой зонд тревогу не поднял... Не иначе как военные штучки. Работающий камуфляж наша система обнаружения

не распознала (куда планеторазведке до вояк!); затем прилетел зонд — разведчик-диверсант и блокировал нашу собственную маскировку и защитные костюмы. А потом вырубил нас обоих, как вражеских часовых. Гуманно вырубил, не убивая.

Однако сам господин на военного не похож. У него два полицейских андроида и потасканный штурмовик; плюс отличный камуфляж, скрывающий его транспорт или даже целую базу, и еще зонд-диверсант с эффективной системой блокировки... Догадавшись, я внутренне вздрогнул. Андроиды, камуфляж и зонд — пиратская добыча. Награбленное или полученное в обмен... на что? Чем промышляет этот холеный, уверенный в себе мерзавец?

— Очень хороший пилот, — продолжал Шайтан. — Погляди: мы на этой дырявой лохани сюда с Новой Земли-два добрались.

Господин мельком глянул на «лохань» и вновь уставился на нас. Взгляд буквально кожу снимал. Уж так мне его скверный интерес не понравился — до мурашек. Я хотел было подняться с земли, но Шайтан стиснул плечо: дескать, не рыпайся.

Я тоже эмпат. Не такой сильный, как наш ксенопсихолог, но все же многое чувствую. Так вот: мой друг был напуган. Уму непостижимо. Храбрый Шайтан! Чего он может бояться? Подумаешь, бандюк с андроидами. Наш ксенопсихолог способен с самыми шалыми инопланетчиками столковаться, а тут — всего лишь человек.

— Забирай его и выметайся отсюда, пока цел, — говорил Шайтан между тем.

Кого забирать? Меня? Я встрепенулся, но он обеими руками надавил мне на плечи, не позволяя вскочить.

Вывернув шею, я поглядел снизу вверх. Лицо Шайтана показалось землистым, как после тяжелого перелета в подпространстве, глаза поблекли. Плохо дело. И какого рожна он пытается меня сплавить атаману шайки андроидов?

Наш ксенопсихолог бывает на диво убедителен. Однако сейчас у него получалось не ахти: солидный господин едва слушал, рассматривая нас обоих, как... слова верного не подберешь... как товар на невольничьем рынке. Я мысленно охнул. В голове пронеслось: мы — отличный товар. Я — толковый ксенолингвист, ксенобиолог и пилот, Шайтан — один из лучших ксенопсихологов планеторазведки. Вон как господин атаман смотрит, цену прикидывает. Что делать? Живым не дамся... Один импульс психоизлучателя — и отдамся как миленький; буду пиратствовать на галактических просторах, пока не прикончат. Черт! Шайтан придумал, как заморочить атаману башку, — но не справляется. Чем помочь?

— Ты понял? — Мой друг повысил голос; мощный рык прокатился над водой. — Забирай пилота, дуй в катер, и вали вниз, пока жив!

Иными словами, Шайтан требует покинуть планету и уйти

в подпространство. Кстати, на чем атаман сюда явился? Чужого транспорта не видать. Возможно, какой-нибудь глайдер или грузовая платформа укрыты за катером... Шайтан хочет, чтобы я увез этого урода с Арцаара и спрятал в подпространстве? Или, наоборот, желает убрать меня с опасной планеты? А сам тут останется? Да он что — с ума своротил?!

Извернувшись и привстав, я поглядел на него. Спятил? Нет? Лицо у Шайтана было серое, взгляд мертвый, яркую бирюзу радужки будто водой размыло. Мой друг навалился мне на плечи, прошипел:

— Сидеть! — И рявкнул пирату: — Время! Пошел! — А у самого глаза остекленевшие и как будто внутрь смотрят.

Дошло: наш ксенопсихолог не прерывает контакт — по-прежнему общается со своим новым знакомцем, ради которого мы примчались на Арцаар. И одновременно пытается морочить атамана с его андроидами, а заодно меня образумить, чтобы не мешал. Я притих.

Знать бы, во что мы вляпались; глядишь, хоть чем-нибудь я бы ему пособил...

— Шагай! — заорал мой друг атаману. — Сдохнем тут все!

Того наконец проняло. Он утратил чуток своей солидности, оглянулся по сторонам, позвал:

— Стерх!

Слово показалось знакомым — что-то из моей второй специальности ксенобиолога.

Полицейские андроиды, до сей поры охранявшие атамана с совершенно бесстрастным видом, внезапно поскучнели, пригорюнились. Кто такой этот Стерх, что при его имени даже роботы огорчаются?

— Стерх! — гаркнул атаман. — Где тебя черти носят?!

— ИДУ!!! — взревел динамиком наш катер; эхо отдалось от холмов на другом берегу.

От неожиданности мы с Шайтаном вздрогнули, атаман подпрыгнул, одним андроидам хоть бы хны. Полицейские так и стояли с огорошенным выражением на одинаково-мужественных лицах, штурмовик — вооруженная до зубов угрюмая скала — держал нас на прицеле. В небе с криками заметались птицы, в кронах деревьев кто-то пронзительно заверещал.

У меня сердце упало. Неведомый Стерх отозвался из рубки — вероятно, он смыслит в деле и тоже пилот. Скорей всего, он полез в катер, чтобы осмотреться и понять, кто мы такие и чем можно у нас поживиться. Вот невезуха! Что бы Шайтан ни задумал, желая отправить меня в подпространство с атаманом на борту, его план грозит провалиться.

В памяти всплыло: стерх — белый журавль, который раньше водился на Старой Земле. Очень красивая птица — белоснежная, величавая. Еще вспомнилось: лицевая часть головы и клюв у стерха ярко-красные,

словно в свежей крови. На Новую Землю-2 стерхов не завезли, а на Новой Земле-1 они под строжайшей охраной...

— Серый, отвечаешь за этих людей головой, — распорядился Шайтан.

Среди древесных стволов замелькала энергичная фигура знакомого серого цвета. Господин Стерх в защитном костюме планеторазведчика. В моем костюме! И за этого гада я головой отвечать должен? Втемяшилась же дурь Шайтану... Я глубоко вдохнул, задавил злость.

Птичий гам стих, верещанье в кронах улеглось.

Стерх не стал выходить из-под деревьев на травянистый берег, остановился возле атамана. Здоровенный блондин с красным, как будто обожженным лицом. Точно: стерх — белый журавушка... Нет, не журавушка — журавель.

— Это планеторазведка, — произнес он тихо, метнув неприязненный взгляд в нашу сторону.

Атаман что-то буркнул — я не разобрал.

— Подавишься, — хмуро бросил Стерх.

Я мысленно с ним согласился: разведкой подавиться нетрудно, будь ты хоть сто раз атаманом андроидов.

— Уносите ноги, — приказал Шайтан. — Быстрей!

Он часто дышал и тяжело опирался мне на плечи. Похоже, общение с арцаарцем его доконало: технические возможности для контакта у чужака не ах, общаться с ним трудно.

Атаман невнятно забубнил; я лишь одно слово расслышал: катер.

— На хрена? — огрызнулся Стерх. — Обойдемся. А этот, — он с прищуром поглядел на Шайтана, — дело говорит. Явно что-то знает, — добавил он с неудовольствием.

Я поймал себя на том, что симпатизирую «журавлю». Если он — начальник безопасности пиратской кодлы, то предупреждения об угрозе воспринимает всерьез. Стерх побывал в рубке и, очевидно, выяснил, что Шайтан — отличный ксенопсихолог, к которому даже сам командующий флотом прислушивается.

— Катер берем, — стоял на своем атаман. — Пригодится.

Стерх постучал себя костяшками пальцев по лбу: дескать, ты идиот, начальник. Атаман взвился:

— Я сказал!..

— Нет, — отрезал Стерх. — Хочешь, чтоб нам на хвост сели?

У меня по спине холод пролился. «Журавель» станет обрубать концы, чтобы его подопечного не отыскала полиция; он не оставит свидетелей... Это на его красной морде написано.

Шайтан отчеканил:

— Стерх, забери парня с собой. Не пожалеешь.

Ему было совсем худо. Наш ксенопсихолог не просто удерживал мысленный контакт с арцаарцем — судя по тому, как подергивалось

лицо и кривились губы, он в мыслях яростно препирался с чужаком, что-то доказывал, убеждал его, требовал. Спор отнимал последние силы.

Я встал на ноги. Хватит сидеть на земле и смотреть на душегубов снизу вверх.

«Журавель» недобро усмехнулся. Он уже все решил.

— Забери Серого, — повторил Шайтан. — Это твой пропуск в жизнь. И драпайте, пока не поздно.

— Да сколько можно... Все будут мне указывать! — пробормотал обозленный атаман, запуская руку в карман своей дорогой куртки.

Я внутренне сжался. Сопротивление бесполезно: полицейские андроиды и штурмовик — гаранты безопасности хозяина. Он неспешным, в удовольствие, движением вынул из кармана психоизлучатель-малютку, эффектно крутанул оружие в пальцах, подкинул его, поймал. Излучатель привычно лег в ладонь, уставился коротким дулом в нашу сторону. На небольшом расстоянии «псих» отлично возьмет цель. С нами могут сделать что угодно — заставят плясать, рыдать, молиться...

— Не вздумай. Подпишешь себе приговор, — холодно бросил наш ксенопсихолог. — Стерх! Хоть ты не будь дураком.

Дураком Стерх не был. Как всякий дельный начальник службы безопасности, он был перестраховщиком. «Журавель» отнял оружие и уточнил, не слушая разозленного атамана и обращаясь к Шайтану:

— Считаешь, я должен оставить тебя в живых?

— Считаю. И ходу отсюда!

Атаман обругал «журавля». Свирепо, но скорей напоказ, без души, понимая, что хорошей охране цены нет.

Стерх вскинул руку с психоизлучателем и нажал на спуск.

Миг — и я провалился в небытие.

* * *

Вот это все я и вспомнил, очнувшись на озерном тонком льду.

Там, где я разгреб снег, из-подо льда таращились зубастые твари. Их розовые гибкие тельца шевелились сплошным облаком, а из черной глубины прибывали все новые и новые хищники.

Где Шайтан? Я повел головой. Не вижу. Еще бы — что разглядишь, лежа на брюхе в снегу? Однако на хлипком ледке не то что привстать — на локтях приподняться боязно. Я начал потихоньку разворачиваться. Скользко. Легкий, очень холодный снег запорошил глаза и не спешил таять.

— Серый, не злись, — проговорил Шайтан где-то рядом.

Я наконец его увидел. Он отползал прочь; на льду виднелся черный след, присыпанный потревоженным снегом. Подо льдом розовело живое облако суетящихся тварей.

Щурясь от солнца и бьющего в глаза снежного сияния, я наблюдал. Шайтан продвигался медленно, то и дело оскальзываясь, подтягиваясь на локтях, волоча за собой неподвижные ноги. А ведь он ловкий, стремительный — глазом не уследишь... Несколько секунд я недоуменно разглядывал его ботинки; стопы были неловко вывернуты. Ему что — хребет перебили?!

Я дернулся было, думая метнуться на помощь. Опомнился: лед не выдержит двойного веса, оба окажемся в воде — в гостях у вертких тварей. Почему-то казалось особенно противно, если сожрет эта юркая розовая мелочь. На кой черт нас тут оставили?

— Серый, не желай им сдохнуть. — Шайтан задыхался от усилия, с которым тащил себя прочь. — Никаких черных мыслей. Ты понял?

Я понимал. Не думать о тех уродах? Которые сотворили с нами вот это?!

— Ты слышал меня? Не злись.

Эмпат, чтоб ему... Всё чувствует, что надо и не надо.

— Серый! — рявкнул мой друг так, что от каменных гряд по берегам отозвалось эхо. — Это приказ!

Он свихнулся. Доболтался с арцаарцем. Права контрразведка: нечего телепатиться с кем ни попадя. Наш ксенопсихолог рехнулся, а этот гад арцаарский даже не предупредил об опасности, а пираты нас бросили подыхать...

Шайтан извернулся на скользком льду, оглянулся на меня. Седая шевелюра белей здешних снегов; лицо серое, в померкших глазах нет жизни.— Не кипятись, — попросил он тихо. — Нельзя.

Ладно. Буду считать, что он в своем уме, и послушаюсь.

Шайтан передохнул и снова пополз. Вроде бы к берегу. Я тоже сдвинулся с подтаявшей лежки; лучше насмерть замерзнуть в снегу, чем провалиться и пойти на корм хищным тварям. На берегу наши тела, может быть, найдут — и похоронят дома, как положено, а на дне озера обглоданные кости отыскать сложнее.

Озерцо было невелико, но и ползти по стеклянному льду — дело небыстрое. Я умучился. От мороза ломило голову, руки онемели, пальцы безнадежно скользили, не в силах ни за что уцепиться. Снег намерзал на лице, склеивал ресницы, нехотя таял и вновь схватывался ледком; забивался в рукава и за ворот. Слабенький обогрев моей куртки еле тянул, по шее сочились холодные капли. Я продолжал ползти из чистого упрямства. Если бы злость подгоняла, было б легче. Однако мой друг попросил — и я снова и снова давил поднимающееся раздражение, не позволял разгореться досаде и обиде на жизнь. Верил я Шайтану; верил — вот и весь сказ.

Сверкающие на солнце заснеженные гряды с пятнами синих теней едва-едва приближались. Я начал прикидывать: выберемся на сушу и зароемся в снег, отлежимся. У Шайтана повреждена спина, однако я на ходу. Наберусь сил — и на вершину гряды, поглядеть, что за

ней. Возможно, удастся найти укрытие получше, чем простой сугроб. Перебедуем, дождемся своих. Не может быть, чтобы нас не искали. Кто-нибудь да должен знать, что мы махнули на Арцаар. Доползем — и спрошу Шайтана: кто в курсе? Командир группы? Старший пилот? Вот-вот уже доползем... Немного осталось...

Шайтан вдруг остановился, уронил голову на вытянутые руки. Выдохся? Отчаялся? Умер? Я подобрался поближе. Рядом зловеще хрустнуло, и снег между нами как будто просел.

— Как ты? Эй! Шайтан!

Он не откликнулся и не пошевелился.

— Генка! — заорал я, перепугавшись. — Ты живой?!

Умолк, прислушался. Под снежным покрывалом гадко похрустывало. Казалось: розовые верткие твари скребутся, царапают хрупкую ледяную корочку иглами плавников.

— Серый... — не вымолвил, а скорей выдохнул наш ксенопсихолог. — Все хорошо. Пираты убрались с планеты.

— Вот радость, — буркнул я и сорвался с места. В смысле, задергался, заскользил, пытаясь ползти.

— Он их уже не достанет, — продолжал Шайтан. — Не убьет.

— Кто не убьет — Арцаар?

— Да.

Мне было некогда размышлять. Не порешит арцаарец пиратов — да и черт с ним. Мне бы до Шайтана добраться и лед не проломить. До каменной гряды на берегу уже рукой подать, а все равно к ней еще скользить и скользить.

Я обогнул Шайтана по дуге и пополз ему навстречу, от берега. Вокруг похрустывало, потрескивало, но я стиснул зубы и упрямо продвигался. Лишь бы лед выдержал. Пусть не лопнет эта прозрачная корочка, не пойдет трещинами, не даст просочиться воде. Пожалуйста, пусть этого не случится. Коли Арцаар может казнить и миловать пиратов, пусть он пощадит нас с Шайтаном...

Мой друг так и лежал врастяжку — не двинется, не шелохнется. Хорошо хоть, руки выброшены вперед. Дотянувшись, я нащупал в снегу его пальцы. Моя собственная рука настолько задубела, что я не мог ухватиться — пальцы едва сгибались, соскальзывали. А ближе подобраться нельзя — того и гляди, провалимся оба под лед.

Хоть бы знать, какая тут глубина. Может, уже по колено? Онемевшей ладонью я разметал снег, поглядел. Внизу шевелилось плотное облако розовых тварей, глядело множеством смышленых глаз. А что, если хищники не предвкушают обед, а наоборот — подпирают лед, держат снизу, чтобы не прогнулся подо мной, не растрескался? Право слово, ум за разум заходит.

Шайтан встрепенулся, приподнял голову. Его черные брови стали

белыми от смерзшегося снега, осунувшееся лицо было измученным.

— Дай руку, — велел он.

Я снова вытянул непослушную, почти бесполезную руку; узкие пальцы Шайтана сомкнулись у меня на запястье.

— Пошел.

Неловко отталкиваясь, я заелозил на гладком, словно отполированном льду. С места не сдвинуться, Шайтана за собой не утащить.

Он старался подсобить, как мог: упирался свободной ладонью и подбородком, чтобы продвинуться хоть чуть-чуть, но жгучий искристый снег предавал, бежал по льду, словно в насмешку. Мы барахтались безо всякого толку, а лед хрустел, кряхтел, едва держался. Гадская сволочь... В эти минуты я много чего подумал, и Шайтан меня не одернул ни разу. Он запрещал злиться на пиратов — а на остальное было можно.

Счастье, что он не отцепился и не попытался прогнать меня к черту. В запале, я бы рванулся к нему, чтобы схватить... как угодно, да хотя бы зубами за шиворот — и вытянуть из проклятой ловушки. Тут-то мы вдвоем бы и ухнулись.

— Перекур, — сказал он в конце концов. — Лежим, дышим.

Я ткнулся лицом во взбаламученный снег. Холодно. Лишь от дыхания снег согревается, снежинки сворачиваются, сливаются в капли, опять замерзают. Глядя на них, я придумал, что делать.

— Дыши на снег. Чтоб он таял и схватывался со льдом.

Мой друг хмыкнул.

— Серый, ты умный — страсть.

Я хотел было в ответ достойно съязвить, но раздумал.

Затея удалась. Создавая на льду округлые шероховатые пятна, мы упирались в них и потихоньку продвигались к берегу. Шевелящаяся розовая туча с десятками внимательных глаз не отставала, сопровождала понизу. Изредка я успевал увидеть в просветах черную озерную глубь. Провались мы, ни за что бы не выбрались.

Лед хрустел и ощутимо покачивался, проседая. В недвижной студеной тишине слышался только этот хруст да наше дыхание. Что за дела? Лед ломается — почему?

Тут-то я и провалился с треском. Правда, совсем не глубоко. Едва сообразив, где оказался, я рванул за собой Шайтана, так что он вылетел с поверхности озера и приземлился рядом со мной. Мы были на берегу, а под коркой льда, уцелевшего вокруг пролома, виднелась воздушная прослойка.

Шайтан запустил туда руку, пощупал.

— Мокро. Вода ушла только что.

Щурясь, я пригляделся к озерцу. Чернели борозды в снегу, которые мы оставили. А вот и снег начал темнеть, напитываясь водой. Лед трескался. Задержись мы на несколько минут — и... Меня передерну-

ло.

— Озеро «дышит», — сообщил мой друг. — Уровень воды поднимается и опускается... Тут сложная система подземных рек. Арцаарец толком не разобрался.

Я подавился злостью. Чертов Стерх! Придумал же: не убивать нас, но оставить на льду, где мы сами погибнем. Повезло, что мы очнулись раньше, чем он рассчитывал.

— У тех уродов «псих» дефектный, — задумчиво проговорил Шайтан. — Мы вовсе не должны были очнуться.

— Это тебе арцаарец нашептал? — Я не сумел скрыть раздражения. Поверхность озера шла мокрой сеткой трещин. Сейчас бы нас обгрызали верткие твари...

Шайтан повозился на хрустких осколках, завел руки за спину и с силой растер поясницу.

— Хребет не перешибли? — спросил я на всякий случай.

Он с осторожностью сел, подобрал под себя ожившие ноги.

— Нет. Шарахнули из «психа» — вот и... мерещилось всякое.

Я от злости аж согрелся.

— Жаль, ты не позволил с ними посчитаться.

Шайтан улыбнулся:

— Арцаарец — нам друг, но соображает туго. Он бы не просто пришел на помощь и обезвредил негодяев. Он бы их прикончил. Особенно, если б послушал тебя, разъяренного.

«Туда им и дорога», — подумал я, а вслух поинтересовался:

— Почему ты ему запретил?

Шайтан повел плечами.

— Я до сих пор не уяснил, что он такое. То ли сгусток живой материи, то ли могучий разум... обитающий на планете не поймешь в каком виде. Главное — он чужак. Разделайся он с пиратами — что скажет Совет безопасности?

— Что чужак защитил нас с тобой, — ответил я, невольно теряя уверенность.

— Ошибаешься. Скажут: опасный чужак уничтожил землян. Пираты, не пираты — Совету без разницы. Отправят сюда пару тяжелых крейсеров — и дело в шляпе. Планета мертва, чужак Земле не угрожает.

— А мы что — не земляне? Нас бы убили — то не беда?

Шайтан невесело усмехнулся.

— В Совете безопасности очередная кампания по защите интересов Земли. Всплеск чиновничьего идиотизма. Поэтому если земные пираты одолели земных же разведчиков — это внутренние разборки. А вот если чужак сгубил наших бандитов... ну, тогда... горе чужаку.

— То есть, ты уберег арцаарца от возможной гибели? — подвел я итог.

— Да, — согласился мой друг. — Ты хочешь что-то сказать?

Я лишь вздохнул. И так все ясно: кодекс чести ксенопсихолога предписывает в первую очередь спасать чужой неизведанный разум, если он не враждебен. Арцаарца Шайтан зачислил в друзья, да и планету жаль. Сожгли бы ее к чертям собачьим.

— Серый, я старался втюхать тебя пиратам по той же причине, — продолжил Шайтан. — Чтоб арцаарец их не уничтожил, сберегая тебя. А они бы с тобой не разделались, полагая: это залог их безопасности. Потом мы б тебя нашли и отняли. — Он помолчал и честно добавил: — Возможно.

Не люблю, когда Шайтан оправдывается. Поднявшись на ноги, я потоптался на уже покрывшихся ледком камешках, с которых совсем недавно ушла вода. Прислушался к ощущениям. Голову ломит, глаза слепнут, но в целом терпимо.

Прищурившись, я обвел взглядом заснеженное каменное кольцо, окружавшее озеро. Верхний край кольца разрезал мир надвое: слепящий белый низ и глубокая небесная синева. В небе ярилось солнце, и туда тоже было трудно смотреть.

Из-за гряды напротив выдвинулись черные штырьки. Вытянулись по вертикали. Следом показалось что-то еще. Оно неспешно всплывало и росло вширь, растекаясь невозможной чернотой над сверкающим снегом.

— Спокойно, — предупредил вскочивший Шайтан.

Мне эта штука не нравилась. Она мрачно вздымалась, пожирая синь неба, приглушая снежное сияние.

— Это наш новый приятель? — спросил я, скрывая тревогу.

Шайтан промолчал. Лицо напряглось: он весь ушел в общение с арцаарцем.

Черная дура перевалила гряду и двинулась через озеро. Объемистая, формой похожая на тех зубастых тварей подо льдом, на которых я насмотрелся. Вытянутое тело, выкаченные глаза на хищной морде, вставшие торчком иглы на могучей спине. Одно отличие — дура эта не вертелась и не юлила, а застывшей глыбой безмолвно плыла в нашу сторону.

Меня буквально пронзил молчаливый крик Шайтана. Мой друг пытался мысленно докричаться, остановить арцаарца — без толку. Черная глыба надвигалась, а за ней плыла ее тень. Чудилось: именно под тяжестью тени продолжает ломаться лед на озере, вода жадно слизывает снег и замирает, сраженная холодом. Я тряхнул головой; не до того сейчас. О чем надо думать? Как помочь?

Черная смерть приближалась. Наш ксенопсихолог шагнул вперед, загородив меня, вскинул над головой скрещенные руки: нельзя, не вздумай, не смей! Куда там! Арцаарец был глух к призывам. И слеп.

То, что напоминало выкаченные рыбьи глаза, вблизи оказалось всего лишь вздутиями на стенках корпуса. Стенки эти были в непрерывном движении: бежали легкой рябью, перетекали сами в себя, создавая ощущение какой-то причудливой жизни. Меня осенило: это биомеханическая тварь... инструмент или оружие арцаарца.

Приоткрытая пасть готовилась нас сожрать; за черными зубами биомеха виделся еще более черный провал в ее нутро. Я бы надеялся на контакт и благополучный исход, если бы не дрожь страшного напряжения, которая била Шайтана. Видно, пришел нам конец. Проклятье...

Молчаливая тварь приспустилась, замерла перед нами; зубищи были в половину человеческого роста. Шайтан застонал и подался назад, не опуская скрещенных рук, заслоняя меня от чужака. Я мысленно рявкнул: «Опомнись, подлюка! Он спас тебе жизнь! Не трожь!» Пустое. Кричи — не кричи, тупой гад не услышит. Либо ему наплевать.

Черная глыба повисела, будто в раздумье, и начала раздуваться. В полной тишине, бока пошли вширь, спина со вздыбленным «плавником» поднялась, брюхо осело, а под ним вдруг прогнулась вода с осколками льда на поверхности; эти осколки помчались и веером разлетелись из-под биомеха, канули в снег по берегам. Видимо, он еще и силовым полем окружен, для надежности. Впрочем, это ничего не меняло.

«Пощади Шайтана», — мысленно сказал я. Безо всякой надежды — просто, чтобы не стоять и не ждать покорно смерти. В ответ зубищи утратили форму, потекли, потянулись вперед, образуя хобот с жадным раструбом на конце. Меня обожгло лютым холодом — и в мгновение ока тварь нас всосала.

Не уверен, что было дальше — то ли я потерял сознание, то ли сошел с ума. Влетел в чудовищную пустоту, где ходили туда-сюда красные, зеленые и золотые сполохи света. Только они — ничего больше там не было. Ни Шайтана, ни меня самого. Пустота и прокатывающиеся вспышки. Красное пламя, свирепая зелень, текучее золото... Сердце оледенело, остановилось, исчезло; не вздохнуть, не шевельнуться. Красное, зеленое, желтое... Черное. Черное. Черное. Кругом — мертвая чернота. И внутри мысль — не мысль, а нелепая обида: экая подлость. Ему, считай, жизнь спасли — а он с нами вот так...

* * *

— Тебе говорили: никаких черных мыслей, — напомнил Шайтан, слегка отогревшись возле катера, где арцаарец нас выплюнул на разомлевшую под солнцем траву.

Я отмолчался. Голову по-прежнему ломило, заледеневшие руки нестерпимо ныли. Надо бы подняться на борт, в медотсек... Только сил

не хватает пошевелиться.

— А ты смерти ждал, — продолжал Шайтан мне выговаривать. — Сбил нашего приятеля с панталыку, все дело чуть не погубил. Бедняга заторопился на выручку — я едва до него достучался. Нам бы воздуха в его «транспорте» не хватило: мы б задохнулись, заглоти он нас сразу. Хорошо, он это кое-как уразумел и увеличил внутренний объем.

Я лежал, зарывшись лицом в благословенную зелень травы. Щебет птиц, летние запахи; мало-помалу тепло пробирается внутрь. Благодать.

— Серый, очнись. — Наш ксенопсихолог хлопнул меня по спине. — Думаешь, я тебя почему сюда взял? Не командира, не старшего пилота, не старшего бойца, а тебя, младшенького.

— Потому что они все отказались участвовать в твоей дурацкой затее.

— Потому что они совсем взрослые, очень умные и опытные профи, — огорошил меня Шайтан. — Каждый со своим понятием. И не доверяют мне безусловно, как ты.

Я перевернулся на спину и сел — не спеша, оберегая больную голову. Мой друг улыбался, глазам вернулся прежний цвет.

— Любой из них, — сообщил он доверительно, — загубил бы дело напрочь.

Вадим Кузнецов

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПРОИГРЫШ «СПАРТАКА»

Хилк сделал обманное движение и вновь устремился к воротам соперника. Футболист уверенно катил пятнистый мяч перед собой и уже готовился пробить. Оставалось перехитрить последнего защитника, и тогда бразилец выйдет «один на один» с голкипером красно-белых. Вот нападающий сместился влево, умело закрыл мяч корпусом, но «спартаковец» предательски подставил ногу. Могучий Хилк устоял и нанес хлесткий удар. Гол! Долю секунды назад вратарь прыгнул в надежде спасти свою команду, но коварный мяч лишь слегка задел перчатки и всколыхнул сетку. «Зенит» открыл счет в этой принципиальной игре.

Борис сидел на трибуне и волновался. Сегодня у молодого журналиста первое задание от редакции. Необходимо внимательно посмотреть матч и написать отчет, который опубликуют в вечерней газете. Если же удастся взять интервью у футболистов-участников игры, то задание будет выполнено на все сто процентов.

А действие на поле уже переместилось к воротам «Зенита». Красно-белые устроили отчаянную атаку, приближаясь к защитным порядкам соперника. Мяч несколько раз перемещался с одного края поля на другой, вот он попал в штрафную площадку и беспорядочно заметался среди игроков. Круглый никак не мог выбраться через частокол ног и других конечностей. Рука! Мяч попал в предплечье полузащитника Штэпселя, и непреклонный судья моментально засвистел. Желтая карточка и пенальти!

–– Не забьют, –– уронил сидевший рядом с Борисом пожилой мужчина.

–– Почему вы так в этом уверены? Ведь, пенальти, –– это почти стопроцентная возможность.

Сосед пригладил седые виски и ответил, махнув каким-то красочным рекламным проспектом:

–– Вот увидите, молодой человек, сейчас будет штанга.

Глушков, нападающий «Спартака» и штатный пенальтист, аккуратно поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку и разбежался. Вратарь «сине-бело-голубых» тщательно приготовился и сразу после удара метнулся в левый угол, но мяч угодил в боковину и срикошетил за пределы штрафной. Борис с удивлением посмотрел на своего соседа, а тот, бросив взгляд в пестрый буклетик, снова продолжил следить за игрой.

–– Давайте, забивайте! Вперед! –– пробормотал странный старик, сжимая тощие жилистые кулачки.

Мяч после попадания в перекладину с большой скоростью отскочил в поле и опустился к зенитовскому защитнику. Тот, недолго думая, перепасовал дальше, и вот мастер Хилк вновь получил прекрасную возможность отличиться. На этот раз бразилец не стал финтить, резко ушел в отрыв и неожиданно ударил. Бил с подъема, пользуясь тем, что вратарь соперника сместился далеко вперед. Мяч, описав широкую дугу, приземлился прямиком «за воротник» Пескову, который, пятясь, не смог спасти свою команду от второго и, совсем не обязательного, гола.

–– Гол! –– закричал седой болельщик восторженно. –– Но все еще впереди! Сделайте нам праздник! Вперед, ребята! Забивайте третий!

И это тоже произошло. Спартаковцы неуверенно начали игру с центра поля, и мяч стал легкой добычей сине-бело-голубых. Петербуржцы ускорились, выскочили трое против двоих, быстро разыграли лишнего и после точных перепасовок полузащитник Штэпсель буквально вбил мяч головой в левый угол ворот. Голкипер Песков досадливо развел руками.

Борис недоумевал, ему казалось, что он сидит рядом со сказочным Хоттабычем, который знает наперед, что будет дальше происходить. Хотя у соседа не было волшебной бороды, и волосы между худыми пальцами он не перетирал.

–– И какой же, по вашему мнению, будет счет? –– съехидничал журналист.

–– 5:0! Сейчас снова забьет Хилк. А после перерыва наши закатят последний.

–– С чего такая уверенность?

–– Смотрите, смотрите. Я уверен в этом, ведь я поставил на игру большие деньги!

–– На победу «Зенита»? На разницу в три мяча?

–– Я ставил на победу, но именно со счетом 5:0! Если я угадаю, то мои активы увеличатся многократно!

А на поле стало ясно, что сегодня играла только одна команда –– «Зенит». Футболисты «Спартака» просто отбывали номер. Медленно катали мяч в центре поля, обязательно ошибались, после чего сине-бело-голубые устремлялись в очередную атаку. Хилк метался по всему полу, словно «умная» ракета с автоматическим самонаведением. Постоянно нацеленный на ворота игрок доставлял немало хлопот защитникам, взламывая оборону, подобно неудержимому тарану. Вот он пронесся по правому краю, оформил передачу, сразу сместился в центр и снова получил мяч. В окружении трех соперников, форвард подыграл себе и ударил, при первой же возможности ударил по воротам. Песков с трудом отражал мячи, посланные умелым бразильцем. Но что произошло дальше?! Хилк во время очередной атаки по-хоккейному сбил защитника, наступил ему на грудь и, продолжая движение, вновь послал мяч под перекладину. Такой гол не должен быть засчитан, ведь

игрок нападения грубо нарушил правила и мог травмировать другого спортсмена. Но судья уверенно показал на центр поля. 4:0!

–– Гол! –– восторженно закричал седой любитель футбола и захлопал в ладоши.

Спартаковцы окружили рефери, выказывая свое возмущение, но тот оставался непреклонным. Сосед Бориса радостно потирал руки, и тут произошло то, чего, видимо, и он не ожидал. На поле, прорвавшись через полицейское ограждение, выбежал возмущенный болельщик с бейсбольной битой. Он подскочил к невозмутимому Хилку и ударил того битой по коленной чашечке. Бразилец упал, а безумного фаната моментально задержали. Вскоре появились медики, травмированного футболиста увезли с поля. Еще несколько минут судья успокаивал игроков, у «Зенита» произошла вынужденная замена нападающего, и игра возобновилась.

Сосед Бориса покраснел и замолчал, судорожно листая цветной проспект. После этого старикан вновь посмотрел на поле, вращая безумными глазами. Прошло не более пяти минут, как спартаковский игрок, пробежав добрую половину поля, дал пас своему, а защитник «Зенита», прерывая опасную передачу, случайно срезал мяч в собственные ворота. 4:1! Судья дал свисток на перерыв, а седой старик схватился за сердце и медленно сполз с кресла. Цветной проспект выпал из немощных рук.

–– Врача! Скорее! –– закричал Борис, и подоспевшие санитары увели человека под локотки. Журналист нагнулся под сиденье и поднял красочный проспект. Внимательно осмотрел

Сразу стало ясно, что в проспекте напечатана своеобразная стенограмма текущей игры, расписанной по минутам!

«15 минута. Хилк забивает гол в правый от вратаря угол...

20 минута. Мяч попадает в руку Штэпселя. Желтая карточка. Пенальти...

21 минута. Хилк забивает гол, перебросив мяч через вратаря...»

Борис не верил своим глазам: в его руки будто бы попала «программка» футбольного матча, наподобие тех, что продают в художественных театрах. Но ведь это невозможно! Футбол, как и всякую спортивную игру, любят именно за непредсказуемость! Это –– игра, а не спектакль!

Перелистнув книжицу на начало, журналист прочел бравурную надпись на обложке: «Великолепный проигрыш «Спартака». И, чуть ниже, –– «Зенит» — «Спартак» 5:0! Ничего себе! Сколько же денег поставил на этот заранее известный счет седой болельщик?

Значит, в любом футбольном матче все предрешено и запланировано. Не только результат, но и самые малейшие нюансы! Удивительно! Но как это возможно? Как? Правда, в сегодняшней игре сценарий невидимого режиссера дал сбой. Почему? Каким образом «Спартак» сумел забить ответный мяч?

Борис задумался и понял, что всему виной пресловутый человеческий фактор. Болельщик, выбежавший на поле и травмировавший Хилка. Никто не мог предугадать такое поведение футбольного фаната. Один единственный человек разрушил отлаженный механизм, в котором футболистам отводится роль послушных марионеток. Но кто же невидимый кукловод?

А матч после перерыва никак не мог возобновиться. На фанатских трибунах зажгли файеры, и зеленое поле окуталось белым дымом. Рефери терпеливо ждал, когда рукотворный туман рассеется. Но Борис в этот момент уже стремительно пробирался в подтрибунное помещение, желая получить ответы на свои вопросы. Когда он уже приблизился к центральной арке, позади раздались выстрелы из травматического оружия, и охранники ринулись мимо журналиста, желая прекратить начинающиеся беспорядки. Они даже не обратили внимания, как Борис показал им свое журналистское удостоверение.

Борис медленно шел по коридору, освещенному тусклыми лампами, и вскоре достиг раздевалок. Никого не встретив, он беспрепятственно зашел в помещение «Зенита». Оно выглядело пустым, но пройдя еще чуть-чуть, Борис увидел спину Хилка. Это был именно он, знаменитый футболист и лидер команды, судя по белой семерке на синей футболке спортсмена. Странно, что Хилк до сих пор не переоделся в чистую и сухую одежду. А почему он сидит неподвижно? Может быть, футболист потерял сознание и ему нужна помощь? А где врачи и массажисты?

— Are you all right? — спросил Борис по-английски, но не дождался ответа. Хилк оставался недвижен и молчалив.

Тогда журналист быстро подошел ближе и осторожно тронул лучшего бомбардира команды за плечо. Тот не отреагировал, лишь голова медленно склонилась набок. Вскоре она повернулась, и на лице футболиста засияла искусственная мертвая улыбка, похожая на оскал Гуимплена . Что случилось? Борис не мог понять, что произошло, он уронил взгляд вниз и заметил, что у спортсмена просто нет ноги! Левая конечность обрывалась после коленной чашечки, а рядом на полу отдельно лежала голень со стопой, спрятанной в бутсу. Борис с изумлением заметил, что из оторванной ноги торчит металлический штырь с резьбой!

Значит, Хилк играл в футбол на протезах! А, может быть, он вообще не человек?

Так как великий спортсмен продолжал сидеть неподвижно, Борис решился на весьма фривольные действия. Он осторожно ощупал тело футболиста, но не нашел никакого изъяна, затем принялся стаскивать с него одежду, стараясь не смотреть на лицо, застывшее в нелепой и жуткой улыбке. Хилк болтался в руках журналиста, словно тряпичная кукла. Борис уже почти подобрался к мокрым трусам, желая найти там правду, как его действия прервали.

— Что вы делаете? Немедленно остановитесь! — послышался окрик.

Борис обернулся и увидел мужчину, которого можно было принять за монтера или механика. Парень, одетый в синюю униформу, держал в руке большой гаечный ключ.

–– Убирайтесь отсюда! Я сейчас позову охрану!

–– Но что с Хилком? Что с ним случилось?

–– Это не вашего ума дело! Уходите! И забудьте обо всем, что здесь увидели.

В этот момент в раздевалке включился плазменный телевизор, висящий на стене. Второй тайм матча начался, и прямая трансляция поединка продолжилась. Борис понял, что лучше ему уйти, ибо взять интервью у Хилка не получится, а на стадионе можно подойти к тренерам и задать несколько каверзных вопросов. Тем более, что необычная «программка» матча до сих пор оставалась у него в заднем кармане брюк. Однако Борис профессионально не удержался, достал мобильник и быстро сфотографировал травмированного бразильца так, чтобы в кадр попала и лежащая на полу искусственная нога.

–– Да вы меня не поняли! –– неожиданно заорал техник и ударил гаечным ключом Бориса по запястью. Телефон вылетел из рук и треснулся об стенку комнаты. Журналист оттолкнул нападавшего и бросился прочь. А в общем коридоре уже запиликала тревожная сирена, раздался отдаленный топот ног.

Так и есть. Со стороны стадиона уже приближались охранники в черной униформе, тогда Борис, корчась от боли, побежал вперед по коридору. Он метался, как загнанный, лихорадочно ища путь к спасению. Заприметив поворот налево, устремился туда, по пути встречались другие комнаты, но все двери оказались заперты. Дальше –– тупик. Оставалась последняя дверь, прямо. Если и она на замке, то через несколько минут любознательного журналиста схватят и наверняка найдут способ, чтобы тот замолчал надолго.

Борис неуверенно ухватился за силуминовую ручку и повернул ее, дверь приоткрылась, и он юркнул в спасительную темноту, переводя дух. Осторожно осмотрелся и увидел, что находится в большой комнате, метров тридцати. На высокой и длинной стене висел огромный телевизор, где транслируется футбольный матч. Перед экраном несколько рядов кресел, где сидели сосредоточенные люди в наушниках. Журналисту показалось, что они что-то держат в руках и даже дергаются в такт тому, что происходит на игровом поле.

Когда Борис осторожно подошел поближе, то заметил, что к экрану со всех кресел тянулись черные провода, а люди сидели, уставившись в этот огромный телевизор. Они держали в руках самые обыкновенные игровые джойстики. А на экране плазменной панели зенитовский полузащитник Штэпсель уже собирался пробивать очередной штрафной. Большая игра продолжалась.

Сергей Резников

ЭМОЦИИ ДЛЯ КУКОЛ

Пляж на окраине Геополиса действительно существовал. Темные волны лениво набегали на узкую полоску песка, затем отступали, оставляя после себя клочки грязной пены. Песок на берегу постепенно переходил в смесь из грязи и мусора, но около воды оставался почти чистым. Пляж давно не помнил ни чаек, ни медуз. Древние, почти разрушившиеся волнорезы, тянулись в океан.

Город нависал над берегом темной массой зданий. Город облизывался змеями монорельсов, проезжающих вдали, дышал ядовитыми выхлопами. Город хотел проглотить это место.

Но всё-таки это пляж. Здесь можно гулять, слушая шум волн, забыв про опостылевшую городскую суету. Элис не решилась идти босиком как те счастливые люди в старых кинофильмах. Она не чувствовала солнечного тепла — всё тот же промозглый холод. Несмотря на это, повернувшись к Геополису спиной, почти не ощущая его тяжелого дыхания, она часами могла смотреть на волны. Роб послушно стоял рядом. Хороший спутник. Никаких глупых вопросов, никакого шума. Дроид, копируя поведение хозяйки, молча уставился на океан своими сенсорами. Иногда они неспешно разговаривали. Роб — отличный собеседник. Он всегда умел слушать, а его знаний хватало, чтобы ответить на любой вопрос. Ну, почти на любой.

— Роб, скажи мне, — что на другом берегу?

— Как известно, Элис, ближайший континент полностью разрушен во время последней глобальной...

— Роб, меня не интересуют фразы из учебников, — девушка улыбнулась, — скажи, что именно ты думаешь.

Дроид повернулся и посмотрел на неё, словно удивившись.

— Я думаю, что там смерть, Элис. Радиация и токсины. Тысячи миль безнадежности и мрака. Тебя устраивает такой ответ?

— Ты неисправим. Иногда мне кажется, что я разговариваю с человеком, — она присела на корточки и погладила дроида, — лучше знать о том, что творится на планете. Оказывается, мы живем не в таком и поганом месте.

— Всё относительно, Элис.

Они ещё постояли молча — маленькая хрупкая девушка с русыми волосами и грустным взглядом. И её дроид.

Вдруг раздался громкий скрежет. Они обернулись одновременно: большие карие глаза Элис удивленно расширились. Сенсоры дроида бесстрастно смотрели на источник шума, оценивая опасность.

Пляж давно не нравился городу. И теперь город решил сожрать это место.

Несколько тяжелых бульдозеров-автоматов ползли по берегу. Они сносили на своём пути жалкие остатки пирсов и волнорезов. Всякая мелочь, наподобие металлических столбиков с истлевшими остатками волейбольной сети, исчезала под гусеницами этих монстров совершенно бесследно. Вгрызаясь в бурый песок, машины сгребали его в сторону города, оставляя за собой почти ровную площадку.

Над бульдозерами летали, проверяя местность, мелкие дроны. Один из них завис над Элис. Стрекотание его лопастей было неслышным на фоне громкого скрежета, издаваемого бульдозерами. Из серебристого яйцеобразного тельца выдвинулся объектив камеры. Элис, сама удивившись своему поступку, улыбнулась и помахала рукой. Внезапно огромные машины замерли. Невыносимый шум сменился знакомым шелестом прибоя и звуками города.

— Вы нарушили параграф 28 закона об охранных зонах, оставайтесь на месте до прибытия сотрудников охраны.

Элис не сразу поняла, что это говорит дрон.

— Опасность, Элис! — Роб вертел своей механической головой. Внезапно он уставился на город — со стороны Геополиса двигались три фигуры. Присмотревшись, девушка разглядела полицейских киборгов, в спешке приближающихся к пляжу.

— Бежим, Роб! — Элис рванула вдоль берега. Её ноги утопали в грязном песке. До спасительного лаза оставалась ещё метров триста, не меньше.

— Они догоняют нас! — Роб семенил рядом, не отставая, — Элис, лучше остановиться, убегать опасно!

— Ты о чем? — крикнула девушка на бегу, — они не имеют право нас хватать.

А вдруг схватят? Элис дернула головой, отгоняя неприятные мысли. Нет, всё это слухи! Она разберётся. Непременно разберётся. Ну, заплатит штраф, не более того. С деньгами, правда, напряг. Придётся идти на эту бессмысленную «исправиловку». Потом проведут внушение, год походит, поотмечается, и всё. Но что-то здесь не так. Почему их преследуют три полицейских киборга? Из-за какого-то пляжа! Это же не секретный объект.

Элис продолжала бежать, чувствуя, как легкие заполняет жар. Спасительный люк уже виднелся — открытый лаз торчал среди кучи мусора, оставшейся от старых построек. Элис приготовилась нырнуть в люк, когда из него выскочило механическое щупальце и схватило девушку за ногу. Она закричала, попыталась вырваться, но держали крепко.

Вскоре он вылез — мощный паукообразный бот, хорошо вооруженный. Продолжая держать Эллис, он вытянул один из манипуляторов, который заканчивался дулом излучателя.

Элис больше не кричала. Она не могла поверить, что такое возможно. Робот хотел её убить! Или не хотел? Откуда он получил приказ?

Вскоре она услышала звук — нарастающее гудение, которое доносилось из нутра пленившего её бота. Затем дуло опустилось. Роб повис на металлической руке паука, словно маленькая собачка. Он обхватил манипулятор, наклоняя вниз. Элис почувствовала, что её отпустили. В этот момент она хотела развернуться и убежать, но не могла бросить Роба. Впрочем, паук с лязгом отшвырнул его и вновь направил на Элис излучатель.

Она закрыла глаза.

— Вы арестованы, — проскрипел механический голос.

Излучатель вновь опустился и замер, словно эта фраза относилась к пауку. Но Элис поняла, что это сказали ей. Те трое киборгов подоспели и отключили бот. В этот момент Элис даже радовалась их появлению.

— Эй, он пытался убить меня! — закричала девушка.

— Мы во всём разберемся, следуйте за нами. На основании параграфа двадцать восемь закона об охранных зонах вы и ваше имущество арест...

Внезапно киборг замолчал.

— Вы и ваше имущество... Вы должны быть уничтожены, — блестящий полицейский киборг повернулся в сторону Роба. Тот замер. Элис заметила мигание красных индикаторов на его «голове». В этот момент Роб прыгнул. С лязгом он ударился о киборга, и тот завалился, не выдержав внезапной атаки.

— Беги, Элис! — голос Роба стал пронзительным, или ей просто показалось?

— Попытка противодействия аресту. Мы вынуждены принять меры. — Проскрипел другой киборг.

Тело Эллис пронзила жуткая боль, мышцы свело судорогой. А ещё было жарко. Очень жарко. Она ощущала себя песчинкой, которую захватил океан боли. Она медленно погружалась куда-то, проваливалась в навалившуюся на неё тьму. Элис чувствовала, как что-то пытается вырваться из неё наружу. Освободиться. «Ещё не время» — прошептали её губы. А может быть — и не прошептали. Может быть — это просто мысль, последняя мысль угасающего сознания.

* * *

Элвер Торин смотрел в окно. Здания, дороги, тротуары покрывались серыми хлопьями. Эти хлопья заменяли в Геополисе снег.

— Проклятое место.

— Что вы сказали? — главный прокурор встрепенулся, оторвав взгляд от монитора. Его тонкое хищное лицо сморщилось. Водянистые глаза обеспокоенно заморгали.

— Я сказал — проклятое место. Наша колония умирает. У нас уже случилась война! А теперь эти чертовы роботы. Они бесятся, а мы даже не можем их отключить. Мы зависим от жестянок, Бёрд. Глупых жестянок, которые положили на свои ограничения. Ты читал Азимова?

— Нет, сэр. Я не знаю, кто это.

— Древний писатель. Он первый придумал законы, управляющие роботами. Что-то подобное используется до сих пор, но все оказалось гораздо сложнее. Сколько времени она в коме? — внезапно сменил тему Элвер.

— Тридцать два дня, мистер Элвер.

— Что говорят медики?

— Они перепробовали все стандартные методы. Теперь предлагают копирование сознания, новое тело. Но оплачивать некому. У девчонки даже нет страховки. Родственников тоже нет.

— Бёрд, сколько ты работаешь главным прокурором?

— Пятнадцать лет, сэр. — Он сглотнул слюну и сжался, словно пытаясь спрятаться за монитором.

— Вот ответь мне — какая к черту страховка?

Элвер подошел к столу. Его огромное тело нависло над прокурором. Лысая голова, торчащая из металлического корпуса, казалась до смешного маленькой. Элвер возглавлял колонию со дня её основания. Уже двести пятьдесят лет. Он давно избавился от своего бренного тела. Почти полностью.

— Ты понимаешь, во что мы влипли? Спутники фиксируют всё. Абсолютно всё! Когда прибудет наместник, он сдерёт с нас три шкуры! Трибунал, Бёрд. Трибунал, этакий ты засранец! А потом — позорная казнь и забвение. Она ведь не просто погибла. Её убили поганые роботы! А это значит, что в нашей колонии всё выходит из-под контроля.

— И что нам делать? — прокурор глядел на Элвера как побитый щенок.

Элвер Торин засмеялся. Металлическое тело заколыхалось, полязгивая.

— Искупить вину! Вот, что нам делать. Пойти в церковь и исповедаться. Раздать всё нищим!

Прокурору хотелось уйти. Ему хотелось забиться в какой-нибудь угол, чтобы не видеть этого монстра.

— Мы можем собрать ученых, — пролепетал Бёрд.

— Так собирай! Собирай, птичка. Лети! — губернатор колонии 99103AL Элвер Торин указал прокурору на дверь.

* * *

Совет длился всего несколько минут, но обстановка успела накалиться до предела.

— Я могу предложить все наши услуги. Бесплатно. — Последнее слово президент SRH[1] произнес со скорбью в голосе.

— Какие услуги, любезный друг? — Элвер говорил ласково, но спины собравшихся обдало холодом.

— Копирование. Тело — андроид. Любое, — пролепетал глава SRH.

— Уважаемый, Томми! А ты знаешь — в чем разница между вашими услугами и жизнью?

— Я ... я могу пояснить...

Элвер махнул рукой, прерывая собеседника.

— Вот я, к примеру, жестяная банка. Из живого во мне — только голова и мозг, хе-хе. А скажи, Том — когда мой мозг умрёт, что предложит мне доблестная SRH?

— Мы скопируем ваше сознание, мистер Элвер...

— К черту копию! Я сдохну, Том, понимаешь! Сдохну! Проклятая копия, да на хрена она мне нужна?! Она будет жить, а я не буду. Ты же глава SRH. Ты должен это понимать.

Том Эштен открыл было рот, но Элвер вновь махнул металлической рукой, затыкая его.

— Девчонка должна жить, ребята! Жить! Только это будет искуплением и единственно правильным решением. И даже если наместник подвесит нас всех за яйца. Хм, извините, мадам Мирабель. Даже если мы все будем наказаны, то хотя бы проведем последние моменты своей жизни в ладах с совестью. Ведь так?

Никто не ответил. Тишина длилась несколько тягучих секунд.

— Можно мне слово? — старичок, одетый в старомодный костюм, поднялся со стула и робко оглядел собравшихся.

— Меня зовут Леонард Воловец. Я работаю в институте Павлова. Ну, вы знаете — технологические симбионты, модификаторы и прочее... мы тесно сотрудничаем с SRH, — Том Эштен недовольно зыркнул на старика, — так вот, я хочу представить одно изобретение. Ну, не совсем изобретение. Утерянная технология, процветала ещё во

[1] SRH — аббревиатура от «System to restore human» («система восстановления человека»). Компания, основанная в 84 году со дня основания колонии №1213 AL в системе звезды Алиот, расположенной на планетоиде 1213 ALW, являющемся спутником газового гиганта пятой степени «Валеос». В дальнейшем филиалы этой компании появились и на других колониях, в том числе и в колонии 99103AL, которой управлял губернатор Элвер Торин.

времена, когда мимики[2] общались с нами. Когда вновь возродились колонии людей...

— Ближе к делу, мистер Воловец, — вмешался Элвер.

— Я говорю по существу, — старик не смутился, — мимики передали людям эту вещь, но она пропала лет триста тому назад. По неизвестным причинам. Но я восстановил её. Не буду утомлять вас подробностями. Речь идёт о репликаторе сознания. Причем, replicatio здесь надо понимать как «возобновление».

— Чушь, — обронил глава SRH и тут же замолчал, с опаской взглянув на Элвера Торина.

— Продолжайте, я весь внимание, — Элвер даже привстал со своего огромного, похожего на трон кресла.

Старик прокашлялся.

— Репликатор позволяет уловить сознание после смерти человека и перенести в... гм.... в специальное устройство хранения. Это в корне отличается от системы копирования, применяемой в SRH.

Эштен не выдержал.

— Этот псевдонаучный бред, мистер Торин, который он несёт...

— Заткнись, Том. Последний раз прошу. Продолжайте.

— Практически, если говорить кратко, мы можем сохранить сознание человека и поместить его в другое тело. Для этого существуют необходимые интерфейсы, протоколы которых несколько схожи с теми, что используются при простом копировании.

— То есть вы хотите сказать, что с помощью этой технологии можно восстановить первичное сознание оригинала? — спросил Элвер.

— Абсолютно верно. И это использовалось в прошлом. Причём, довольно часто, — ответил старик.

— Гениально! — Элвер прошелся по залу заседания. Его сервомоторы деловито гудели. От волнения он даже задел край стола.

— А почему вы раньше не заявили об этом открытии?

— Потому что это чушь, мистер Элвер, — ответил за ученого Эштен.

Торин уставился на него задумчивым взглядом.

— Том, я предупреждал тебя. Вон отсюда!

---

[2] Мимики — существа, в которых превратились люди в результате «глобальной модификации». По сути, мимики не являются людьми и могут принимать различные формы. После повторной колонизации вселенной людьми, по указанию Императора, любые контакты с мимиками строго запрещены. В случае нарушения этого правила — все контактирующие и потенциальные контактеры подлежат уничтожению.

Запрет связан с необходимостью сохранения человечества и предотвращения повторения модификации. Одной из причин, является то, что после глобальной модификации во вселенной осталась лишь одна колония людей №1213 AL, которая и стала источником повторной колонизации вселенной. Повторная колонизация привела к созданию Империи, в которой все колонии находятся под жестким контролем со стороны императора.

Глава SRH вышел из зала, понуро опустив плечи. Тонированная стеклянная дверь бесшумно захлопнулась за ним.

Элвер оглядел аудиторию.

— Кто-то ещё хочет высказаться? — ласково спросил он.

Все молчали.

— Мистер Воловец, вы мне не ответили.

— Извините, но я хотел бы ответить на этот вопрос, когда мы останемся наедине, — старик нервно потер руки.

— Господа, мадам Мирабель, — попрошу всех выйти. Совещание закончено, — пробасил Элвер. — А вы, мистер Воловец, утомите меня подробностями. Да смотрите, ничего не скройте, уважаемый.

* * *

Она находилась в темной комнате. Металась по ней, пытаясь выбраться. Бесполезно. Тишина давила и сводила с ума. Вскоре она поняла, что не двигается, а темная комната — внутри неё. Элис в ужасе осознала, что она в плену у этого места. Возможно, она сейчас лежит неподалеку от грязного пляжа — парализованная, и медленно умирает. А может быть, она уже умерла, и это место — сама вечность. Темная и безграничная. Что-то грубо дернуло её, затем стало легко, и она полетела. Она убедилась, что снова видит. Пляж. Элис не сомневалась, что летела над ним. Совсем другой, настоящий! Яркий белый песок контрастировал с изумительно чистой водой. А небо — голубое и светлое. Такое прекрасное! Пляж был заполнен людьми. Они загорали и купались. Кто-то играл в волейбол. Всюду слышались оживленные голоса и смех. Наверное, так это место выглядело до войны.

Неподалеку шумел город, но Элис не хотела смотреть на него. Город пугал. Он был причиной смерти пляжа и причиной её смерти. Как только Элис подумала об этом, люди на пляже замерли. Их кожа стала сморщиваться и опадать. Из трещин, появившихся на их телах, капала кровь, впитываясь в песок. Медленно падали вниз сгнившие куски мяса. Вскоре от людей осталась лишь жалкая кучка костей и истлевшей одежды. Песок снова стал грязным, а изорванные волейбольные сети трепал ветер. На бурую воду медленно ложились хлопья серого снега. Стало холодно. А затем город позвал Элис. Она отчетливо услышала его шум и скрежет, его смех, его дыхание. Какое-то время Элис пыталась сопротивляться, но город окутал её, сжал своими тисками, придвинул к себе, посмотрел на Элис с диким вожделением. Проклятый город! Он заменял жизнь на смерть, живое — на механическое. Он делал это медленно, но верно. Затем вновь наступила темнота.

* * *

— Она включилась. Так, отлично. Запускайте диагностику. Аккуратно!

Голоса окружили Элис, сливаясь в единый монотонный гул. Появилась картинка. Сама. Она даже не открывала глаза. Изображение включилось, как на экране телевизора.

Помещение, залитое белым светом. Похоже на больничную палату или на лабораторию. На Элис равнодушно смотрели видеокамеры, закрепленные на потолке. На стене светились мониторы. Обычные, не голографические. Элис повернула голову, что-то загудело в такт этому движению. Она попыталась пошевелить руками, но бесполезно. Какие-то захваты держали её в вертикальном положении. Элис посмотрела вниз. Зачем её поместили в этот металлический костюм? На долю секунды её ослепило от яркого света ламп, отражавшегося от металла. В глазах немного потемнело, как будто включился фильтр, и она смогла смотреть спокойно. Внезапно девушка поняла, что не может моргнуть. Но это ещё полбеды. Она не дышала!

— Что вы со мной сделали? — попыталась она спросить, но голос звучал только в голове.

Паника охватила Элис сильнее любых зажимов.

— Стоп, стоп! Я же говорил, что имитационная программа — полная фигня. Теперь она знает, что не может дышать. Она нас слышит?

— Думаю, что да.

— Речь не включилась, проверь модуль. Похоже, что-то с декодерами.

— Что вы со мной сделали, твари? — отчетливо произнесла Элис. Голос был каким-то глуховатым.

— Я всё объясню. Отпустите её! — вмешался другой голос, властный и нетерпеливый. Вскоре Элис смогла двигаться и увидела владельца голоса — металлическое тело с человеческой головой. Андроид без изысков, с сознанием деспота. Элвер Торин. На губах усмешка, а глаза — как всегда злые и проницательные.

— Девочка, ты главное не паникуй. Видишь — мне тоже нелегко — он протянул к Элис свои манипуляторы.

— Не лезь ко мне!

— Ну-ну. Повежливей. Я все-таки губернатор.

— Знаешь куда засунь свою вежливость?! Вы сделали мою копию. Зачем она вам?

— Тише, тише. Ты, наверное, помнишь тот неприятный случай на берегу?

— Помню. Меня убили, правда?! — Элис поняла, что не может плакать. Слезы будто утекли куда-то. Навсегда.

— Ну, скажу без обиняков, твоё тело умерло, а ты жива. И это главное! — он улыбался. Чёрт, зубы внутри его пасти тоже были металлическими. Вот извращенец!

— Не ври! Я всего лишь копия. Отключи меня, я не хочу видеть твою рожу!

— Знаешь, Элис. В другой ситуации я бы очень обиделся. Очень — очень! Но ты не думай, что сейчас моё терпение безгранично. Сначала выслушай меня, а потом — хоть заорись.

И он начал рассказывать. Что-то про копирование сознания. Потом про перенос сознания, про какой-то репликатор. Он спросил: не желает ли она услышать технические подробности? Элис соврала, что желает. Привели старика. Тот начал сыпать научными терминами. Что-то о специальной камере с уловителями, о сетке для задержки, о накопителях. Бла-бла-бла.

— Хватит! — взмолилась девушка.

— Вы хотите сказать, что моя душа в момент смерти была поймана и перенесена в накопитель? Потом её транслировали в электронный мозг андроида?

— Ну, в общих чертах, — пробубнил старикашка.

— Стоп! То есть получается, что в определенный момент душа всё-таки была скопирована и появилась в виде сознания в памяти компа?

— Ха! А она вовсе и не глупа! — восхитился губернатор.

— Нет, это абсолютно не так, — ответил Элис старик, подошел к одному из терминалов и начал нажимать кнопки. На экране появилось изображение чего-то, похожего на кристалл. Зеленого цвета.

— Это и есть накопитель. То, что можно назвать душой — находится в нем. Обмен информации с компьютером происходит на волновом уровне, — важно сказал ученый.

— И как это всё работает? Как нечто нематериальное может храниться в камне, да ещё и обмениваться информацией с электроникой?

Старик почесал свою плешивую голову.

— Ладно, скажу честно. Этот секрет знают только мимики. Для нас он недоступен, — проблеял он.

— Шарлатаны! За дуру меня держите. А я ведь закончила институт, когда ещё отец был жив. Из-за этого идиотского образования, отцу не хватило денег на копирование. И он умер. Я изучала квантовую и волновую механику, училась нормально. Думаете заболтать меня этим бредом?

— Прямо второй Том Эштен, — Элвер кисло усмехнулся, — тебе придется поверить на слово, девочка. Согласись, лучше жить в теле андроида, чем умереть.

Она не ответила.

Элвер и старик постояли ещё немного, и ушли, а Элис осталась наедине с собой, среди гудящего и мигающего оборудования. Мысли в голове текли медленно, электроника подгоняла свои параметры под

параметры сознания человека. Хотя люди, которые могли позволить себе копирование сознания после смерти, нередко модифицировали свои навыки, рефлексы. Некоторые модификации даже были незаконны, насколько Элис знала. Внезапно она обнаружила у себя один интересный интерфейс. Подключившись к сети, она поняла, что находится в SRH. Странная сеть. Немного попетляв, натыкаясь на защитные протоколы, словно на стены, Элис нашла незащищенный ресурс. «Запустить программу установки модификаций?» — произнес мягкий голос. «Да» — согласилась Элис. Свет поутих, на секунду, сменившись набором странных символов. Затем она вновь увидела пляж. Он не изменился — то же самое запустение и грязный песок. Но город. Над ним расцветал шар. Очень яркий. Невыносимо смотреть. А затем шар беззвучно взорвался. Город оплыл, расплавляясь на глазах. Здания падали и сгорали, не успевая встретить землю.

Элис вздрогнула. Опять лаборатория. Она опросила модули машины. Модификации действительно установились. Теперь Элис могла многое. Одним из умений была способность мгновенно собрать огромные объемы информации из сети и сделать необходимые выводы. Геополису скоро придёт конец. А ещё она получила ряд очень полезных навыков. Надо бежать.

* * *

— Она сбежала, мистер Элвер, — губы Бёрда дергались, а в голосе звучала обида.

— Да ты что?

Главный прокурор стоял перед губернатором, переминаясь с ноги на ногу и, ожидал своей участи.

— Наместник уже летит к нам, Бёрд. Кто-то настучал про девку. Но, я думаю, она не будет самой большой нашей проблемой. Иди за мной.

Они вышли в коридор. Огромный лифт быстро унёс их вниз. Здесь, в подвальных помещениях цитадели Элвер подошел к одной из дверей. «Похоже на камеру» — подумал Бёрд. Он вспомнил, что слышал о повадках Элвера, по спине пробежали мурашки.

Дверь открылась, ярко загорелся свет. В пустой комнате на полу лежало тело. Точнее, не тело — больше похоже на сдувшуюся куклу для сексуальных утех. Их использовали те, кому не нравился виртуал, а на проституток и андроидов денег не было. Бёрд поморщился. Вряд ли кому-то приглянется такая кукла: он узнал старого профессора. Воловец, кажется. Лицо старика растеклось в гротескной усмешке, пустые глазницы уставились в потолок.

— Как тебе это? — Элвер пнул «профессора», и тот с легким шелестом заскользил по полу, — похоже, нас посетил мимик, Бёрд. Причём, даже

не удосужился убрать за собой. Чёрт, он играет с нами.

— Но мы проверяли Воловеца, он действительно работает в институте Павлова!

— Притворялся, что работает. Мимик передал нам технологию и удрал. Это уникальный случай. Знаешь, друг, я даже не сомневаюсь, что наместник всё знает. Колонию сотрут в порошок, Бёрд. Все колонии, в которых происходил контакт, империя уничтожала. Это необходимо для того, чтобы предотвратить очередную глобальную модификацию, чтобы сохранить человечество, чтобы бла-бла-бла. Но нам от этого не легче, правда, Бёрд?

* * *

Наместник не стал садиться на планету. Он брезгливо смотрел на неё сверху. Серая облачность, нездоровый бурый цвет океанов. Он принял решение. Допрос Элвера Торина всего лишь формальность, но Наместник проведёт его. Белый шаттл, похожий на бумажный самолетик, выпорхнул из верхних слоев атмосферы и направился к крейсеру.

— Подтвердите стыковку, — распорядился Наместник. Зеркальное забрало его шлема медленно опустилось. Презренный губернатор, позволивший себе войти в контакт с мимиками, не должен видеть лица Наместника. Пусть лучше видит отражение своей рожи перед смертью.

Вскоре Элвер Торин зашел в каюту. Он как всегда держался достойно. Наместник раньше уважал его. Он даже простил губернатора за войну, которая превратила планету в помойку. Да, простил. Он простил бы его даже за это безобразное убийство человека роботами. А теперь Торина не существовало, перед ним стоял жалкий нарушитель, недостойный жить.

— Скажешь что-нибудь в своё оправдание? — Наместник смотрел на Торина сквозь зеркальную маску.

— Мне нечего сказать. — Торин вздохнул, — пожалуйста, не трогай планету. Я прошу. Казни хоть всё правление, уничтожь SRH. Но не трогай планету, я умоляю!

— Ты дерзок, Торин. Ты всегда был таким. Тиран, который чуть не уничтожил свой мир целиком, но всё же сохранил его, балансируя на грани жизни и смерти. Мне очень жаль, Торин, но я уничтожу колонию. Это неизбежно.

— Мы не виноваты, Наместник. Ты же знаешь — мимики посещают колонии по каким-то своим соображениям. Они непредсказуемы и неуязвимы.

— Торин, не строй из себя дурака. Старик дал тебе технологию мимиков. Ты сразу же должен был сообщить мне. Лично.

— Я хотел спасти девчонку. Использовав технологию, я бы всё равно нарушил закон. Я сделал свой выбор, Наместник.

— А я сделал свой, Торин. Больше нам разговаривать не о чем.

— Да пошел ты.

Торин неожиданно начал распадаться. Его металлическое тело развалилось на несколько сотен маленьких и юрких змеек. Голова из искусного пластика осталась лежать на полу каюты. Всё произошло за пару секунд. Одна из змеек кинулась в сторону Наместника. Разбила зеркальный шлем. Наместник покачнулся. Попытался закричать, но вместо крика изо рта вылетел язык, выплеснулась вместе с обломками зубов кровь. Наместник кинулся к терминалу, но ноги не слушались его. Сделав два неуверенных шага, он упал. Из окровавленного рта наружу вылезла металлическая змейка. Она сделала своё дело. А остальные в этот момент выводили из строя системы крейсера. Выли сирены, бегали люди, пытаясь разобраться с ситуацией. Крейсер покачнулся и начал медленно заваливаться, сходя с орбиты. Сотни тысяч тонн стали, несколько десятков плазменных излучателей, сотни гибридных ракет, термических и вакуумных бомб. Всё это медленно приближалось к планете.

* * *

Говорят, что люди перед смертью любят возвращаться в знакомые места. Элис не чувствовала себя человеком, но на пляж вернулась.

Грязная вода омывала её металлические ступни, выл ветер, кружились хлопья серого снега. Всё — как в том сне. Нет, как в том озарении, наверное. Она же теперь не могла спать. Элис смотрела на город. Скоро он сгинет. Погибнут все — богатые и бедные, обычные и модифицированные, погибнут андроиды с копией сознания, роботы с электронными мозгами. Обычные кошки и собаки. Кибернетические кошки и собаки. Все сдохнут. «Наверное, это очищение» — думала она. Их колония долго шла к нему. И теперь всё. Финита.

Сквозь гул города пробился ещё один звук со стороны океана. Металлическая голова Элис повернулась в сторону этого нового звука. Корабль. Модель 1934-NE-FL , в обычном обороте — «Странник». Идентификация прошла мгновенно. Элис ещё не привыкла к своим новым способностям. Корабль — небольшой, всего полкилометра длиной, приближался, шумя дюзами. Завис над пляжем, выставив посадочные опоры. Вскоре его похожая на гигантскую птицу туша возвышалась над Элис, загородив город. Открылся люк и она увидела Элвера Торина.

— У тебя есть несколько секунд, девчонка! Решай — со мной ты, или нет! Быстро! — закричал он.

Она решила мгновенно и направилась в сторону корабля, из которого уже выдвигался подъемник.

— Добро пожаловать на борт, Элис, — Элвер улыбался, сверкая металлическими зубами, — не поверишь, но я здесь на корабле самый живой, хе-хе. Придется засунуть свою башку в компенсационную камеру.

Они готовились к разгону. «Странник» медленно вращался на орбите, выбирая курс. Элвер болтал без умолку.

— Представляешь, Наместник сдох. Я перехитрил его! Шансы были — не больше пяти процентов, но я перехитрил! Старый хрен расслабился. Да уж. А самое главное, Элис — перед тем, как его подлая душонка вылетела из тела, одна из моих змеек перегрызла накопитель. Эти имперские крысы запретными технологиями не гнушаются. Но не помогло. Он сдох, Элис! Навсегда! Аминь. Если бы у меня были желудок и печень, я бы нажрался!

— Что будет с планетой? — спросила Элис.

Элвер замер, словно этот вопрос застал его врасплох.

— Здесь всё зависит только от нас, девочка. Наша скорость. Твои модификации. И мой план. Как-то так.

— Что за план?

— Поганый крейсер завалился в океан и опасности теперь не представляет. Но придёт ещё один и это вопрос времени. Мой план прост. Найдём мимиков. Раз они заварили эту кашу, пусть помогают.

— Они не вмешиваются в дела людей по их просьбе, ты же знаешь.

Элвер вздохнул.

— Ну, рано или поздно всем приходится принимать решение. Даже им.

Элис посмотрела на экран. Планета, покрытая привычной заразной дымкой, медленно темнела, поворачиваясь к ним ночной стороной. Нарастал гул двигателей, готовых начать разгон. Увидит ли она ещё раз свой дом? А нужен ли он ей вообще? Если разобраться, там никто не ждёт её, ведь кроме маленького Роба у Элис и друзей-то не было. Так, знакомые одни.

— Кстати, Элис, прежде чем завалиться в компенсатор, я хочу познакомить тебя с ещё одним членом экипажа.

Она не верила своим глазам. В каюту, деловито помигивая огоньками, зашёл Роб.

— Здравствуй, Элис. Я скучал по тебе, — монотонно произнес он.

— Представляешь, он уцелел, и я решил взять его с нами, чтобы тебе не было скучно. Вряд ли ты захочешь общаться с таким подонком, как я, — сказал Элвер.

— Спасибо! — девушка протянула свой металлический манипулятор и погладила робота.

Она не могла улыбаться как раньше, но иногда достаточно простой радости, которая греет изнутри. И неважно — из металла ты, или из плоти.

Дмитрий Иванов

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

(романтика в духе «siciliano»)

«Нельзя полагаться на свои глаза,
если расфокусировано воображение».

Марк Твен

«Когда я играю со своей кошкой, я допускаю,
что она развлекается со мной больше, чем я с ней».

Мишель Монтень

«Всегда прощай своих врагов — ничто не досаждает им больше».

Оскар Уайльд

В камере предварительного заключения сидело двое: субтильный мужчина интеллигентного вида, лет пятидесяти, и более плотный сложением качок в брюках «адидас», украшенный наколотой церквушкой, видневшейся из-за облака вспузырившейся майки грязно-небесного цвета. Крест на синих прожилках колокольни был из настоящего золота, он свешивался с густой, как оплавленный воск свечного огарка, накачанной шеи хозяина. За колокольней, слева, аккуратно ютился бюст товарища Сталина с трубкой во рту. При движениях качка товарищ Коба многозначительно подмигивал прищуренным волосатым глазом, то и дело угадывающимся под влажной от пота бретелькой.

Помещение выглядело на удивление чистым, оштукатуренные стены были густо покрыты эмалью в цвет зазевавшейся в подворотне осени, металлические же двери с амбразурой закрытого снаружи оконца отливали глубокой синью далёких арктических морей. Сидеть в подобной камере, наверное, не так уж и худо, если у тебя хороший адвокат, чистая совесть и... никакого соображения о реальной жизни.

Беседовали.

Говорил интеллигент. Бывалый, судя по всему, сокамерник слушал внимательно, не перебивал — долгая жизнь вора-законника научила его больше впитывать информацию, чем трепать языком «будто помелом поганым»...

— Главное — быстрая (ещё лучше — мгновенная) реакция на внешние обстоятельства. Только этим частенько и спасаешься. Вам, собственно, объяснять, судя по всему, ничего не нужно. Жизнь такая... А я тоже как-то раз убедился. Вот был у меня случай после окончания бурсы, ну-у-у... института, то есть. Не успел я диплом толком обмыть, как явились

ко мне возврата священного долга требовать. Просыпаюсь с похмела, подруливаю в трусах к двери, открываю, а за ней уже стоят родимые (а ведь не заперто, но они, суки, вежливые, вламываться не решились, типа, «мы мирные люди», но наш, как говорится, бронепоезд пропить не дадим). Двое, в погонах. Лейтенант армейский и... ещё один лейтенант, но постарше. Да не возрастом, а звёздами. Участковый наш, из милиции. Что значит «не может быть»? Безо всякой предварительной записи в общагу припёрлись. И повестка при них. Не вру, именно так и было. Видать, уже и через суд пытались, да всё мимо кассы. Я же у тётки прописан, а она старенькая, глухая — вот никому дверь и не открывала.

Дали мне одеться кое-как, за рученьки белые подхватили и в военкомат доставили. А там уже кипеш стоит — скорее этого засранца Макса на медицинское освиде... тьфу, на комиссию тащите. Долго ли, коротко ли, но оприходовали меня по сокращённой программе. Через два дня уже в учебной части подневольным чижиком чирикал, голосок лишь на команду старшего по званию подавая. Сразу, переодеть в армейское прибывшую команду отчего-то не спешили, замешкались. Дали нам, «духам», передыху на пару часов, покуда у старшины тамошнего что-то с баней и нашими подштанниками плохо срасталось.

Пацаны все из дома, сытые, да и в дороге хорошо питались из притыренных от старшего команды запасов. А я-то общаговский — с одним портвейном в организме прихвачен, да и тот в пути святым духом давно изошёл. Но деньги имеются — трояк зелёный в кармане давно нащупан, только в поезде некуда ему приткнуться. А тут, гляди-ка, чайная, полная восточных сладостей — солдатских слабостей. Тогда такое дело — в диковинку, обычно одни магазины военторга в частях, и то не везде. Это уже мне позже объяснили, чтобы оценил, как повезло несказанно.

Но, собственно, по делу... Иду в харчевню и всем своим голодным существом в прилавок вглядываюсь, как может вглядываться только одинокий людоед на необитаемом острове в утлую лодчонку с малосольными рыбаками, которых вот-вот прибьёт к берегу приливом.

Не сказать, чтоб очень уж полки от товару ломятся, но служивому и прошлогодний сухарь свадебным тортом покажется, если с голодухи. А в чайной же не только сухари безродные без фамилии и родовой принадлежности. Там тебе и коржики, и халва, и сгущёнка, и лимонад с душистым именем «Дюшес», и... Эй, кто это здесь меня отталкивает, ребята? Стоп! Я тоже не лыком штопан, как говорится. Делаю бедром воинственное борцовское движение и оттесняю вероятного противника с завоёванных позиций, как учит нас военная доктрина нерушимого Союза Советских Республик.

Вроде бы, всё прекрасно. Но тут какое-то нехорошее предчувствие портит всё дело. Периферическое зрение сфокусировало изображение

лампасов на гладко отутюженных брюках цвета хаки. Поднимаю взгляд вверх. Батюшки мои, так и есть: генерал — вон же, сколько лаврушки в петлицах, на роту супа сварить хватит. Упёрся я взглядом в эти дурацкие лавровые ветви– символ военной гордости великороссов. Замер. Для бойца и командира взвода раз в неделю встретить — везение, а тут — не успел прибыть в часть — целый генерал!

А мозг-то работает на повышенных оборотах. Что делать, я же настоящего генерала толкнул, я — солобон, тля, ещё даже не давшая присягу на верность Родине. И какая холера его принесла, с инспекцией, что ли, пожаловал? Тогда, почему вдруг без сопровождения? Инкогнито? Ага, и в форме... Дрожу весь, а сам примечаю, мозг-то — он автономно работает. Генерал довольно молодой, не из старпёров, у которых задницы дубеют от долгого сидения по секретным бункерам с саунами и девочками, а животы приобретают форму уложенных парашютных сумок. Ещё и сорока нет, наверное. И звезда одна, раздобревшая майорская звезда. Совсем недавно, видать, в полковниках хаживал и мечтал погоны на более погонистые поменять. И добился своего. Небось, в звании повысили, да из Москвы выперли комдивом — с глаз долой. А иначе, отчего так на денди похож и французским парфюмом благоухает, аж дурман в голове? Столичная штучка.

Все эти мысли просвистели в голове мгновенно, обдали в загривке холодным ветерком ужаса и растворились в раскидистых глазах буфетчика-калмыка. Ему-то что — ни одного проявления эмоций на скуластом, как пустыня Гоби, лице. Причём здесь Гоби, ёлки?.. Где Гоби, а где Калмыкия?! Это от нервов — точно.

Генерал, между тем, покраснел фасадом в тон румяного борща, цвет которого мне уже начал снится тревожными почти армейскими ночами на жёсткой плацкарте поезда, уносящего бойцов в закрома министерства обороны. Добром, чувствую, не кончится, к бабке не ходи — генералы-то, ох, не любят нагловатых умников — выпускников ВУЗов. Но выход должен быть. Какой? А если «включить дурака»? Собственно, ничего иного не остаётся. Включаю. Смотрю генералу прямо в глаза с наивностью, на какую только способен. Смотрю, трогаю пальцем золото генеральских колосьев и говорю:

— Ого, да ты тоже, брат, сельхозакадемию закончил? Лесник? Двухгодичник? Судя по возрасту, после аспирантуры. В какую роту попал?

Глаза у генерала приобрели автономность и стали понемногу выкатываться поверх усов, будто шары для боулинга в механизме возврата. Сам же он смотрел на меня, как удав на вошь — слишком я мелок в его дивизионном прицеле, чтоб удушить «этого засранца» военно-полевым захватом. Челюсть офицера заклинило в самом начале пути, но мысли лились достаточно резво. Он, возможно, понял, что перед ним клинический идиот с сельскохозяйственным уклоном. Это понимание

развеселило генерала. Он пихнул меня в ответ (не мог же высокий чин обойтись без сдачи!), повернулся спиной, буркнув что-то вроде: «И с такими вот кретинами мы должны крепить обороноспособность державы!», направился к выходу.

А как же моя вопиющая безграмотность, продемонстрированная будущим сослуживцам, спросите — в погонах-то, мол, не бельмес? А не играет смысла, прожуют, как любил говаривать наш ротный старшина Ипат Колотилин. Душевный, между прочим, человек: сортир зубной щёткой чистить не заставлял, только... Однажды он меня от верной смерти спас. Как было? Да всё довольно обыденно — отбил от озверевших старослужащих на третий день пребывания в части после «учебки». Но не о нём речь.

Гнобить нас «деды» принялись сразу, устроив прессинг по всей площадке, как говорят хоккейные комментаторы. Только у хоккеистов передышка бывает, когда их на скамейку запасных усаживают. В нашей части такой передышки не предусмотрено ни уставом, ни доброй волей «дедов-агрессоров», самих когда-то переживших все тяготы унизительного третирования. И днём, и ночью сержанты молодняку покоя не давали. И у вас, законников, наверное, такое тоже принято — на молодых мастерство бойцовское оттачивать, верно? В одной же стране живём...

В общем, поначалу доставалось нам по самое «не балуйся». Две недели на пределе, а потом — то ли азарт у «дедушек» пропал, то ли притерпелись мы, мы — молодые бойцы недавнего призыва. Полегче стало. И всё бы ничего, да тут у меня личный противник объявился — старший сержант Коля Шплинт. Шплинтом его свои называли, а молодым он велел обращаться к себе в неуставной манере — ваше благородие, господин старший сержант Николай Михайлович Шипов. Ну, это в отсутствие офицеров, разумеется.

Очень Шплинта огорчало моё высшее образование, полученное в его родном городе. Просто в бешенство приводило. Он не скрывал своего отношения и то и дело повторял:

— Что, сука, с девками колу с коньяком лакал, пока я тут загибался, Родину защищая?! Умнее всех, что ли? Я те дам просраться!..

По возрасту Шплинт был младше меня на два года, и это ещё больше злило сержанта, доводя до состояния неконтролируемой агрессии. Поначалу я терпел, стараясь не выделяться в среде молодняка, спущенного системой военкоматов в воинские части нашей необъятной. Но потом, когда, поведение Шплинта перестало соответствовать документам Женевской конвенции и он «отметелил» меня с двумя приятелями-отморозками до кровавых мальчиков в глазах, я решил — пора прекращать этот процесс на корню, чтобы не стать потом мишенью для всех желающих. Умылся я после «расстрела питерских рабочих»

в отдельно взятой казарме, привёл себя в порядок, сплюнул в урну выбитый зуб и пошёл ва-банк.

Время было вечернее, называемое личным по старинному армейскому заблуждению. Какое, к чертям, личное время, когда тебе, скажем, хочется почитать книгу, а тебя волокут за шкварник будто нашкодившего щенка в красный уголок или, там, ленинскую комнату для просмотра программы «Время»?!

Так вот, взял я табурет от прикроватной тумбочки и попилил к месту просмотра сакральной социалистической телепрограммы. Рота уже сидела перед экраном, готовая к созерцанию достижений планового хозяйства и тяжкого житья заокеанских рабочих в интеллигентном изложении Валентина Зорина. Я почти успевал к началу.

Моё явление с табуреткой не вызвало никаких вопросов ни у дневального, рассматривающего коридор с тибетским отчуждением, ни у сослуживцев, мостившихся близ телевизора — случалось, что в ленинской комнате не хватало места для сиденья, тогда бойцы со своей «плацкартой» приходили. На этом и строился мой расчёт. Думал, успею вычислить в толпе Шплинта, подойти и врезать, пока никто ничего не заподозрил. Лишь бы он приткнулся где-то с краю. Здесь мне тоже фартило — сержанта Шипова обычно всегда тянуло к свободе, поэтому он в середину никогда не лез. И в этот раз сидел в первом ряду у прохода.

Протискивался я поближе к цели, будто диверсант, а сам всё прикидывал, как буду бить и главное — куда. Нужно распределить силы и ударить в такое место, чтоб не насмерть, но и чтоб эффективней, чем пощёчина субтильной старой девы не в меру ретивому альфонсу.

Шплинт поднял на меня глаза, в которых не было ничего — ни испуга, ни страха, ни удивления. Одна лишь пустота и безучастность. Именно это равнодушие и позволило мне сделать то, что я сделал.

— Привет, старший сержант Шипов! Помнишь, я сказал тебе, что убью, если ещё тронешь?

И тут до Шплинта что-то начало доходить, он попытался встать, но оказалось — поздно. Табурет был сколочен хорошо: только чуть скрипнул и не развалился, когда опустился на плечо моему обидчику. Шплинт кричал визгливо и противно, как свинья, которую не сумели заколоть с первого удара. Но меня ничуть не трогали его причитания. Я попросту вышел, направился к дневальному и вопреки всем армейским порядкам закурил прямо возле тумбочки.

Прихватили меня через полчаса — пока вызвали дежурного офицера, пока командир взвода с командиром роты приехал, так что ничего удивительного. Шплинта, конечно, в больничку сразу отправили. Он уже не кричал, затих. Все его дружки выглядели потерянными и убитыми, смотрели на меня, как гниды на перметриновую мазь, но молчали.

Офицерам почти сразу же стало известно: «старший сержант Шипов неудачно сел перед телевизором, поскольку упал и сломал ключицу» или «упал, поскольку неудачно сел» — всё смешалось в умах личного состава. Но нашлись доброжелатели — заложили меня, поэтому пришлось провести всю ночь на «губе», как говорится, во избежание. Хотя я лично сомневаюсь, что друзья Шплинта осмелились бы мстить, настолько они были деморализованы «боевым ранением» главаря.

Утром приехал дознаватель — подполковник из военной прокуратуры. Расспрашивал меня о том, о сём, но я твердил, что ничего не знаю, просто опоздал на просмотр программы «Время», задержался в туалете, зашёл в ленинскую комнату, а там сержант на полу орёт. У меня нервы слабые, потому — сразу в коридор выскочил.

Дознаватель ещё пару дней пытался вытрясти из меня правду, а потом в госпиталь к Шипову на очную ставку повёз. Шплинт смотрел в мою сторону ненавидящими глазами, но с опаской и каким-то, как мне показалось, подобострастием. Не выдал. Твердил заученную мантру, мол, «сел, покачнулся, упал, закричал от боли». Так и пришлось подполковнику довольствоваться версией о неудачном падении со стула.

А вот после госпиталя меня в свою казарму не повезли. Посадили в УАЗик-буханку и отправили куда-то совсем в другую сторону. Но сначала пришлось часа два торчать в машине возле КПП вместе с сопровождающим — незнакомым капитаном. Он чего-то ждал. Или — кого-то? Точно — кого-то.

Дверь УАЗика открылась, и в салон заглянул... тот самый генерал-майор, с которым у меня произошла незабываемая встреча в солдатской чайной. Я попытался вскочить, но, ударившись о потолок, совершенно растерялся и завалился неловко набок на откидное сиденье.

— Ага, капитан, этот, что ли, боец? — спросил генерал у сопровождающего, нимало не озаботившись моими почти уставными трепыханьями.

— Так точно, товарищ генерал-майор, он самый.

— Тогда понятно — тот ещё фрукт... из сельхозакадемии. С ним надо ухо востро. Замаринует и фамилию не спросит. Документы готовы?

— Так точно, готовы!

— Тогда, в добрый путь! Эй, академик, служи исправно, а что до этого момента было, забудь... Впрочем, нашу первую встречу разрешаю помнить. До самой старости. Детям потом расскажешь, Тимирязев, мать твою Мичурин любил!

— А куда мы? — спросил я, совершенно забыв о субординации, когда машина выехала за территорию дивизии.

— Там узнаешь, боец. Хотя скажу... будешь теперь на «точке» служить в лесу без увольнительных, но зато в маленьком коллективе и без неуставных отношений. Заслужил...

— Так ведь я, товарищ капитан, ничего...

— Молчи уж, не для протокола. Скажу тебе как мужик мужику, молодец... Теперь «деды» поостерегутся, не станут борзеть без причины.

Служилось мне на той секретной «заимке» тяжело, но нескучно. Было нас не больше взвода тех, кто поочерёдно нёс боевое дежурство в круглосуточном режиме. О Шплинте я и думать забыл уже через месяц. И не вспомнил бы, наверное, уже никогда, но случай один...

Прошло года три после «дембеля», я как раз аспирантуру в альма-матер заканчивал, жениться успел, дело к защите кандидатской шло. И вот однажды встретил Шплинта в городе. Еле узнал. Он будто стоптался изрядно с момента нашего последнего свидания на очной ставке в госпитале.

Колян курил у входа в третьеразрядную пивнушку в окружении невразумительных господ нетрезвой наружности.

— Ваше благородие, господин старший сержант Николай Михайлович Шипов, разрешите обратиться?! — сказал я первое, что пришло мне в голову. Застарелый рефлекс сработал.

Шплинт вздрогнул, на мгновение преобразился, а потом вновь сник, но любопытство в его глазах уже не могла погасить никакая настороженность.

— Ты... кто?

— Я твой крестник, не помнишь?

Шплинт непроизвольно повёл правым, видимо, неудачно сросшимся плечом и скривился:

— А-а-а, учёный — хрен толчёный. Ты, что ли, Макс?.. Чего припёрся? На моё унижение посмотреть?

— Нет, просто мимо проходил.

— Так и проходи! Испоганил мне жизнь, пиздрон моркокуйский... а теперь вот — «мимо проходил».

— Так мы уже пять лет не виделись, ты что-то путаешь.

— Ага, я путаю... А кто мне плечо расхерачил? Я из больнички вышел, сразу — на «гражданку» по здоровью. Осложнение приключилось — посттравматический неврохренозит, или что-то в этом роде. Думал найти тебя и убить. Больше года искал, потом плюнул.

— А тебе, конечно, было бы лучше меня инвалидом сделать?

— Не знаю, но ты-то из меня сделал... понимаешь, сделал?!

— Хватит уже ёрничать! — возмутился я. — Прекрати, а не то за себя не ручаюсь.

Шплинт стыдливо втянул голову в плечи — так обычно это делают неисправные домкраты — и чуть не заныл:

— Моим досрочным падением воспользуешься? Сука ты, а не матрос!

— Какое падение, ты о чём?

— Когда бил, не думал? Интеллигенция! С этаким-то переломом, который ты мне залудил, покатился я по наклонной, как колобок в лисью пасть...

— Так ты на инвалидности?

— С тех самых пор. Рука почти не работает — если стакан полный, то и не поднять.

— А пенсия?

— Что про эти слёзы сейчас говорить. Сам, небось, знаешь, как у нас инвалидов «любят».

— Коль, ты думаешь, во всём виноват я?

— А кто, как не ты?! Моли бога, что сейчас меня встретил. Ещё полгода назад, не дал бы живому уйти — задолбил бы насмерть. Подкараулил в тёмном переулке, и с левой — монтировкой по башке. Но перегорело уже. Алес капут!

* * *

Моложавый интеллигент с седоватой недельной щетиной замолчал.

— А дальше, дальше — что? — обратился к нему слушатель, едва сдерживая нетерпение.

— Потом — как в сказке: чем ближе к кульминации, тем интереснее, хех... — невесело усмехнулся рассказчик. — Решил я, что искалечил жизнь парню и решил ему чем-то помочь. Не стану рассказывать, как сошлись мы с Шиповым, только сошлись. Подготовил я Николая к поступлению в институт, а потом и «закончил» вместе с ним, второй свой диплом написав.

И Колян, кстати говоря, оказался вовсе не глупым, просто «деду» в армаде не по чину умничать было, ведь тогда молодежь гнобить неловко. Да ещё обида с «гражданки», что какой-то «ботан»-первокурсник его девушку увёл, а самого Николая на первом вступительном экзамене уделали, как бог черепаху. Вот он и глумился, весь свет возненавидев.

Дальше — больше: на работу его к себе взял экономистом. Я тогда уже заместителем директора крупной птицефабрики трудился, располагал нужными рычагами, чтоб кадры подбирать по своему усмотрению.

Тут внезапно крякнулась перестройка, вместо неё независимость державная объявилась. Цеховики, барыги и спекулянты были названы солью земли русской и... понеслась страна по кочкам. Кто-то в депрессию впал, кто-то спился, а нам с Коляном удалось птицефабрику свою приватизировать. В банке кредит взяли под нескромный процент имени финансовой революции — в залог жильём своим ответили. Повезло, вытянули, дело на лад пошло. Семьями начали дружить, и не сказать, что когда-то смертельными врагами считались.

Нет, не стану утверждать, что всё идеально было. Иногда несло Колю, начинало ему казаться, будто он главный. Или того чище — принимался

старые дела вспоминать, будто без меня ему бы ещё лучше жилось. Но это в нём водка говорила, а не он сам. Запойным Шплинт оказался. Но вылечили его. Уже семь лет — ни грамма спиртного. В завязке.

* * *

Говорящий снова умолк. Слушатель в наколках его уже не торопил, то ли не решаясь ничего спросить, то ли осмысливая услышанное. Он даже снял майку, слегка припотев, ввинчиваясь вербально и физически в историю, как это делают ласковые, но настойчивые пенсионерки при просмотре сериалов из красивой жизни синьоров и синьор в какой-нибудь Южной Америке. Уголовник почесал у товарища Сталина в затылке — чуть левее куполов — и многозначительно хмыкнул, мол, дальше трави «ботаник на палочке».

Субтильный продолжил:

— Всё бы хорошо. Да вдруг Шплинт пропал куда-то... вместе с финансовым траншем из бюджета, который мы выбили с ним на расширение производства. Прокуратура уголовное дело завела. Сначала по факту исчезновения Шипова, укравшего деньги... А потом оказалось, что авизовка в один из банков на Сейшелах мной подписана. Подстава, не иначе. Дело в следственный комитет передали.

Фортуна переменилась ко мне в один миг: теперь уже меня подозревали в организации убийства и тайном захоронении компаньона. И всё это — с целью, завладения средствами предприятия. Армейское старое дело раскопали до кучи... Теперь — хана. А ведь больше четверти века мы с Шиповым в одной упряжке. Думал, перетёрлось всё. А тут — видишь ты, какая штуковина в полный рост вылезла.

Слушатель усмехнулся и произнёс:

— Не по понятиям пацан тебя кинул? Вот конь колбасный! На ливера его нужно покрошить.

— Так вы считаете, что Коля меня обманул?

— Шнырю понятно, кинул тебя твой Шплинтяра, к старшему дворнику[3] не ходи! Без важняка видать: решил всё бабло отбить, а тебя к «хозяину» на крытку подписать до полного изнеможения...

— Не может быть. Колян — хоть и не идеален, но мы с ним столько вместе пережили. Ему и в голову такого не придёт. Как братья мы...

— А много ли бабла на кону, паря?

— Что, не понял?

— Сколько лавэ в деле крутится? Ну, капусты этой?

[3] шнырь (феня) — Заключенный, взявший (иногда под давлением со стороны других заключенных) на себя обязанность убирать камеру, барак, производственное помещение, выполнять работу, которую заключенные обязаны делать по очереди, старший дворник (феня) — прокурор.

— Думаю, в настоящее время миллионов восемьдесят-девяносто, или около того. Долларов, разумеется.

— У-у... а ты сомневаешься... Сейчас за меньшее родного дядю на ножи ставят, а маму с папой по миру пускают. Народ с глузду съехал, конкретно стукнулся[4]. Понятия утратил, теперь — где лавэ, там и правда. А ещё на честных воров стрелки переводят. Ты смекай, откуда ноги у этой поляны выросли! Может, врача[5] на дело подпишешь, если отслюнявишь ему тонн несколько брюссельской зелени... Ты, не крути дыней, дело я гов...

И тут со скрежетом распахнулась набежавшей арктической волной металлическая дверь, и кто-то из коридора — невидимый, но зримо возвышенный над воровскими понятиями — сказал:

— Эй, кто тут Максим Алексеевич Кузнецов? На выход с вещами.

— Меня переводят или освобождают?

— Там всё узнаете... Говорят, нашёлся ваш подельник... тьфу, партнёр. Живёхонек. Сам за вами и приехал...

— Са-амм? Не может быть! — субтильный сделался белее самой финской из всех возможных мелованных бумаг. — Ошибка какая-то... его же... Он же...

— Идите, там сами всё узнаете...

Кузнецов волочился к выходу на негнущихся ногах так, как шли, наверное, на казнь не очень фанатичные сподвижники «царя Емельки», которого они прежде называли государем Петром III, а пред светлые очи генерал-аншефа Панина «доставлены буде», вором да разбойником величать принялись.

— Эк его вштырило-то! — удивился татуированный, закрывая глаза товарищу Сталину на происходящее. Выходит, впаривал мне здесь битый час. Он и убил — ясный месяц. Стоп, тормоза включай... а кто тогда у меня здесь нары пердячим паром греет? Неужто покойничек?

* * *

Когда дверь захлопнулась, опытный вор-законник встал из-за стола и подошёл к двухъярусной шконке. Сверху из-под байкового давно не стираного одеяла показалась чья-то встревоженная физиономия. Оказывается, в камере был ещё один обитатель, который наверняка слышал всё, что происходило до этого момента, притворяясь спящим. Он выглядел чрезмерно возбуждённым: судя по всему — достаточно давно сдерживался, чтоб не проявиться.

— И как тебе наш соловушка, Коленька? — спросил татуированный.

— Я чуть не выдал себя, вот ей-богу! Ну что за паскудник этот Макс! Буквально — перевернул с ног на голову... Хотелось поскорее выйти

[4] стукнуться (феня), с глузду съехать (суржик) — сойти с ума.

[5] врач (феня) — адвокат

и в глаза ему посмотреть. Жалко, не получилось... Не думал, что его так вот скоро уведут. Чёрт!

— Сейчас, как говорят на Гамбургской киче, всё намного по-другому, — хохотнул блатной. — Сейчас даже правильные в отказ уходят, чтоб от плинта отплешить[6].

— Ты что-то о предательстве, Седой? Для меня, пожалуйста, по-человечески говори, сделай одолжение, а то я понимаю вашу феню с трудом. С виду ты князь, а метлой... языком, в смысле... будто обычный э-э-э... вор без коронации. Законники же коронованные, как я слышал, очень культурно умеют.

— Умеют, да не все... Я вот с энтаких (движение рукой около колена) до «шашнадцати годков» по блатхатам мыкался. Откуда же культуры набраться? Ты гнилушки не фугась, мозги не пудри, в смысле, а переспрашивай, что непонятно.

— Ладно, Седой... Мне тут срочно нужно одно дело обмозговать... Ты только не подгоняй и...

— Хорош, Мичурин, баландой на парашу сыпать! Я тоже не под забором деланный, понимаю твою нужду. И помогу по понятиям, если вдруг с кичи соскочить надумаешь. И шапиру подпишу лютого, и цийк отслюнявлю братанам в хату на пересылке[7]. Зря ты, будто лошок гамбургский, айболита включил, мол, не трогай этого кренделя, пусть ещё попасётся. Тут бы и порешили гниду...

— Месть суеты не терпит. — Бывший предприниматель Николай Михайлович Шипов, а нынче — приблатнённый обстоятельствами урка с самопровозглашённым погонялом Мичурин, принялся нервно взбивать почти новыми «рибоками» узкое пространство камеры, играя желваками и делая глазами «орбитальное вращение набыченного Ньютоном яблока».

* * *

«Вот ведь сволочь, — думал Шипов, — сам под именем Шплинта всю жизнь атмосферу портил, а теперь меня своей же кличкой и обозвал. Его версия понятна. Он и фирму якобы создал, а меня взял из жалости. Теперь всем эту чушь втирает, чтоб правдоподобней. И моё исчезновение организовал очень красиво... Эх, Макс-Максимушка... голова твоя только на всякие подставы хорошо заточена. Получается, именно его люди мне фальшивые документы подсунули вместо настоящих и под убийство румынского гастарбайтера улики подвели, когда я в Италии отдыхал. А Макс здесь объявил о пропаже партнёра,

[6] отплешить от плинта (феня) — выкручиваться, обманывать, чтоб не попасть в тюрьму.

[7] И адвоката хорошего найму, и пароль, чтоб воры за своего на пересылке приняли, скажу (феня).

который с деньгами исчез... Хороший ход. За границей меня искать — не найти, раз по Интерполовской базе не прохожу.

Одного не учёл он — того, что смогу из рук подкупленных полицейских вырваться и в консульство обратиться. Депортированный Шипов, хоть и без документов, — это значительно хуже Шипова, отбывающего длительное наказание в Италии. Пока не верят мне — очень уж вид затрапезный после того, как над лицом миланские гримёры-костоломы потрудились, но тут дело времени.

Узнал Максик, что я уже в стране, занервничал. И к тому же его самого задержали за причастность к исчезновению, вот и организовал воскрешение якобы убиенного сотоварища, чтоб двух зайцев разом: и обвинения снимут, и появится у него время сбежать, покуда всё не выяснится. Кого он, интересно, на роль меня нанял?

А ведь сыграл, стервец, как здорово — и страх и недоумение, сам же, небось, рад до одури, что недолго здесь засиделся! Вот не зря я все связи включил, чтоб в мою камеру этого красавца доставили. Думал, глаза в глаза всё решить, да не довелось. Теперь, небось, торчит Макс где-то в кабаке с подельником и прикидывает, как быстрее из страны с остатками средств удрать, большую-то часть, наверное, уже распихал по оффшорам, негодяй. Нужно бы его остановить... А то, что бизнес загубил засранец, так не очень и страшно. Главное, было бы с чего начать — мясом обрасту. Опыт имеется...»

В этот момент размышления Мичурина прервал сокамерник — тот, кто откликался на кличку Седой. Он пластично пританцовывал, наслаждаясь послушной красотой своего идеального тела. В его движениях чувствовалась показная хищная игривость — даже Сталин на обнажённой груди трагически улыбался, вгрызаясь аккуратными синими резцами в тёмно-фиолетовую трубку.

— Эй, братан, сейчас кончать тебя буду, слышь? — Глаза уголовника не мигали, в руке сверкала серебристая сталь заточки, и оттого происходящее казалось Шипову ещё страшнее и неправдоподобнее. Он отшатнулся и сделал шаг назад, прикрываясь руками крест-накрест.

— Ты что, Седой? — голос Николая дрожал. — Ты что? Я же тебе заплатил. Как ты можешь... Вы же по понятиям живёте... те, кто старой закалки. Ты ведь не скурвился до беспредела, правда?

— Скурвился, не скурвился... а за десять тонн баксовичей я тебя сделаю за милую душу.

— Стой, послушай меня, Седой. Я заплачу больше...

— Как заплатишь, Коленька, ты же в камере сидишь?

— Я свяжусь... через адвоката. Принесут наличные или переведут, куда скажешь... Но я тебе уже заплатил. И ещё получишь...

— Теперь платить тебе придётся часто, пока без штанов не останешься, братишка. Ну, что ж... стучи, просись на встречу со следаком. Тебе адвоката привезут, а ты передашь...

В процессе переговоров Шипов тихонько передвигался бочком-бочком к двери, а потом сорвал спортивную куртку, намотал на руку, чтоб обороняться от предположительного удара заточки, а ногами заколотил по тяжёлому окрашенному в сурово-арктическое металлу.

— Откройте! Откройте скорее!!! Убивают!

Седой спрятал оружие за спину и сказал:

— Ты выбрал свой путь, керя! Теперь точно всему конец... Недолго тебе осталось...

* * *

В распахнутую дверь вместо ожидаемого охранника ворвалась целая толпа. Впереди всех оказался недавно выпущенный Максим Алексеевич Кузнецов. Он улыбался и протягивал Николаю огромный букет противно пахнущих орхидей!

— С юбилеем тебя, братишка! Сегодня ровно тридцать лет, как мы вместе. И день рождения у тебя позавчера был, помнишь?

— А где, следо... где мой адвокат?

— Сюрприз, брат, сюрприз! За дверью оба — с подарками.

— Что это было?! Скрытая камера?! Программа «Розыгрыш»?! Хотя — какое там... Меня чуть не убили!

— Дурачок, это эксклюзивный сюрприз. Телевидение отдыхает. Ты же сам мне без конца говорил, будто со времён нашего армейского противостояния не испытывал сильных эмоций, что жизнь пресная и скучная, что перед смертью и вспомнить будет особенно нечего... Вот я и расстарался. Полгода готовился, пришлось даже часть камер в тюряге отремонтировать, чтоб разрешили тебя здесь помытарить, пока настоящих зэков не подвезли. Актёров на роли следователя, адвоката, охранников в областном ТЮЗе нанял, чтоб ты никого случайно не узнал.

— А итальянские карабинеры?

— Эти — настоящие. Я им заплатил, чтоб они тебя «упустили» возле консульства...

— А дипломаты?

— Они, по твоему, не люди? Думаешь, не понимают, что к чему? Нет, сначала консул, разумеется, от всего отказывался, денег не брал. Но потом я нашу армейскую историю рассказал, он и проникся по полной...

— Знаешь, Шплинт, я чуть не обделался. Адреналин просто зашкаливает! А это кто (кивок в сторону улыбающегося качка в наколках), настоящий урка?

— Нет, Колян, бери выше — Сергей Безруков, народный артист России!

— Спасибо, что живой...

— И я о том же...

Милана Шторм

БЕДЫ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ

Пол залит кровью до такой степени, что оказавшийся здесь впервые никогда не сможет определить, какого же он цвета. Запах ржавчины пропитал все вокруг, а мухи... сотни тысяч кружащих над трупами мух, именно они раздражают Фиону.

За окнами тронного зала слышится ворчание грома, будто от далекой, но неотвратимо надвигающейся грозы, и Фиона удовлетворенно кивает. Давно пора!

Черная Королева поправляет свое струящееся шелковое платье, будто сотканное из клочков тьмы, и скидывает изящные туфельки, забираясь на трон целиком и свесив ноги через подлокотник. Она разглядывает серую мглу потолка. Пока — серую. Смотреть на пол, заваленный трупами в красных и черных одеждах, надоело уже давно.

Слышатся чьи-то хлюпающие шаги, и Фиона тяжело вздыхает. Она не отрывает взгляда от серого тумана над головой, но все равно знает, кто именно решился нарушить ее уединение.

Шаги приближаются, степенные, размеренные... Хало. Это точно Хало.

Это всегда Хало.

Фиона поворачивает голову и с кривой полуулыбкой смотрит на приближающегося к черному трону Белого Короля. Его сияющие одежды перепачканы будто бы свежей кровью, подол мантии и вовсе стал бордово-красным, но главное в его облике не это, нет.

В руках Хало сияет золотом черный венец.

Венец Черного Короля.

«Фаро... как ты мог меня так подвести?»

Фиона хмыкает.

— Корону Хильды не отдам! — заявляет она вместо приветствия. Белый Король не удостаивается даже ее кивка.

Хало останавливается у подножия трона и, будто не замечая залитого кровью пола, опускается на одно колено.

— Приветствую тебя, Фиона Черная! — официальным тоном провозглашает он. — Позволь мне выразить свое почтение и предложить в качестве подарка этот прекрасный венец! — он протягивает корону Фионе, держа ее на двух раскрытых ладонях.

Вновь слышится далекий гром.

Фиона опять тяжело вздыхает, поворачивается на троне и опускает ноги.

Начинается их с Хало маленький ежедневный, ежечасный, ежеминутный ритуал.

— Скучно тебе? — Черная Королева криво ухмыляется. — Ничего, скоро повеселимся!

Хало грустно улыбается в ответ, продолжая держать золотую корону Черного Короля на вытянутых руках.

Жужжание мух становится невыносимым, и Фиона едва сдерживает желание закричать от бессильного бешенства, запрыгать вокруг Белого Короля, разгоняя эту жужжащую орду, оторвать кусок от своего платья, сорвать венец и соорудить из всего этого сачок... а затем гоняться за мелкими противными тварями и ловить их, давить их, топить их в крови, заливающей пол...

Но вместо этого она вздергивает подбородок, презрительно смотрит на Хало и встает. Спускается с возвышения и шлепает босыми ногами к окну. Скрывается на мгновение за тьмой-портьерой, а затем выходит из-за нее, держа на вытянутых руках отрубленную голову Хильды, Белой Королевы, в волосах которой сияет серебряный венец.

— Угадаешь, где все остальное? — она подмигивает побледневшему Хало и безумно хохочет.

Белый Король берет в себя в руки довольно быстро. Он на миг прикрывает глаза, и когда он вновь открывает их, Фиона видит в его взгляде лишь ярость. И желание убить.

Этот взгляд будоражит ее, смешит ее еще сильнее, и она буквально сотрясается от лающе-икающего смеха. Она едва не роняет голову Хильды, сгибаясь от жуткого хохота, а Хало смотрит на нее с презрением и ненавистью. Именно сейчас он искренен до самого конца. Белый Король размахивается и со всей силы бросает золотую корону в кровь.

Но даже это не расстраивает Фиону. Она смеется, смеется, как сумасшедшая, смеется и идет к трону. Но не садится на него. Вместо этого она кладет на черный атлас обивки голову Белой Королевы. Хильда будто смотрит на нее немного укоризненно, но Фионе все равно.

Черная Королева оборачивается к Хало. Ее смех угасает, словно неверный огонек лучины от сквозняка.

В глазах Белого Короля больше нет ярости. Она ушла туда же, куда и смех Черной Королевы. Теперь в его взгляде лишь страдание, порожденное одиночеством.

Фиона понимает его, как никто.

Она опускает глаза, не в силах видеть зеркальное отражение самой себя.

— Забавно, как быстро пачкается белый цвет, — говорит она невпопад. — Ты не замечал? Мои люди так и остались черными, а вот твои... впору называть тебя Красным Королем! По-моему, звучит великолепно! А, Хало?

Фиона смотрит вниз. Она не хочет видеть несчастные глаза своего извечного врага. Она не хочет видеть, как меняет цвет пока что еще серая мгла потолка.

Она слышит чавкающие звуки шагов Белого Короля. Хало поднимает испачканную кровью золотую корону и кладет ее рядом с головой Хильды.

— В следующий раз я принесу с собой голову Фаро, — обещает он, но в его голосе нет злости или ярости. Нет. Только усталость.

Он устал.

Фиона тоже устала.

Но это не мешает им повторять их маленький ритуал раз за разом.

Каждый день. Каждый час. Каждый миг.

— Следующий раз будет совсем другим, — тихо говорит Черная Королева.

Она знает, что тот, кто пришел, чтобы ему причинили боль, кивает.

Она знает, что тот, кто причиняет ей боль, тоже знает.

Следующий раз будет совсем другим.

Вновь слышится грохот, и Черная Королева, не выдержав, поднимает голову, чтобы увидеть потолок. Он больше не серый. Мгла клубится, протягивая туманные щупальца, будто пытается добраться до Фионы и Хало, застывших возле Черного Трона. Нет, она больше не серая, эта мгла. Теперь она бурая, словно высохшая кровь.

— Убирайся, — тихо говорит Фиона. — Уходи, Хало. И людей своих забирай.

Белый Король молчит. Он смотрит на нее, и Черная Королева чувствует щекотку от его пристального взгляда.

— Ты же знаешь, что будет, если я уйду, — отвечает он.

Фиона кривит губы. Она хочет улыбнуться, показав своему врагу, что ей все равно, но у нее не получается.

— Это будет даже если ты попробуешь остаться. Сколько раз мы пытались предотвратить это? Хало, ты ведь понимаешь, что ничего не изменится. Никогда.

Хало внезапно делает шаг к ней и заключает в объятия. Фиона чувствует запах ромашек, белых лилий, хризантем и роз.

Белый Король пахнет белыми цветами, так было и будет всегда.

— Я желаю вам победы, — шепчет Хало. — Пусть в следующий раз не останется никого. Кроме твоего Короля.

Это звучит так безнадежно, так жестоко, что Фиона не выдерживает. Она резко выпутывается из рук Хало и бьет его по лицу. Нет, не ладонью, кулаком.

Она с удовольствием смотрит, как яркая красная кровь стекает с разбитой губы на его белые одежды.

— Как же я тебя ненавижу! — шипит она.

Он все-таки добился своего. Причинил ей боль, ведь именно за этим он приходит сюда каждый раз. Битва заканчивается, но они не могут перестать быть врагами. Даже сейчас, когда их только двое, они не могут

перестать. Одиночество гонит их друг к другу, но не может изменить их суть.

Они — Белое и Черное, они не могут быть друзьями. Как не могут изменить то, что несет за собой приближающийся гром.

Хало ухмыляется. Кто сказал, что Белый Король должен быть добрым? Ненависть искажает его красивые черты, но Фионе все равно. Она смотрит на кровавые капли, стекающие с его подбородка. Она хочет еще. Еще больше крови. Она хочет разодрать ногтями его гладкие белые щеки, достать из рукава мизерикордию и вонзить ему в глаз. В оба глаза.

Что ж, возможно, у нее будет такая возможность. Скоро гром станет оглушающим.

И все изменится.

Начнется с самого начала.

Фиона поднимается на возвышение, небрежно скидывает с трона голову Хильды и венец Черного Короля и забирается на него с ногами.

— Убирайся, Хало. — говорит она. — Убирайся. Я буду ждать тебя после того, как грянет гром.

Белый Король перестает безумно ухмыляться.

— А если я не приду? — спрашивает он.- Ты явишься ко мне сама?

Фиона качает головой.

— Ты не сможешь не прийти, — отвечает она. — Потому что всегда начинают Белые. А Черные — только защищаются.

Хало оставляет эти слова без ответа, а его лицо искажает презрительная гримаса. Он не собирается спорить. Фиона права.

— Белые начинают и выигрывают, — продолжает Фиона. — Но много ли счастья приносит им эта победа?

Хало продолжает молчать. Он отворачивается от Черной Королевы и идет к выходу из заваленного трупами тронного зала. Раздается гром, как будто совсем близко, и кровь, заливающая пол, начинает стремительно высыхать.

— Может, ты все-таки заберешь Хильду с собой? — кричит Фиона ему вслед. Она широко улыбается, скрывая панический страх, заполняющий разум до основания.

Хало кладет ладони на позолоченные ручки высоких дверей.

— Нет, — тихо говорит он. — Не заберу. Скоро она сама придет ко мне. И тебе это известно, Фиона.

Фаро... Черный Король тоже скоро вернется... чтобы вновь погибнуть.

* * *

Фиона встречает гром, сидя с ногами на троне и глядя на мглу потолка, окрасившуюся в сизый цвет.

* * *

... пол залит кровью до такой степени, что оказавшийся здесь впервые никогда не сможет определить, какого же он цвета. Запах ржавчины пропитал все вокруг, а мухи... сотни тысяч кружащих над трупами мух... нет, они не раздражают Хильду.

За окнами тронного зала слышится глухое ворчание грома, будто от далекой, но неотвратимо надвигающейся грозы, и Хильда удовлетворенно кивает. Давно пора!

Черная Королева поправляет свое бархатное платье, будто сотканное из тяжелой тьмы, и скидывает неподъемные туфли на высокой платформе, забираясь на трон целиком и свесив ноги через подлокотник. Она разглядывает серую мглу потолка. Пока — серую. Смотреть на пол, заваленный трупами в красных и черных одеждах, надоело уже давно.

Слышатся чьи-то хлюпающие шаги, и Хильда тяжело вздыхает. Она не отрывает взгляда от серого тумана над головой, но все равно знает, кто именно решился нарушить ее уединение.

Шаги приближаются, тяжелые и неравномерные. Это точно Фаро.

Это всегда Фаро.

Его одежды сияют белизной.

Потому что выигрывают всегда белые. И совершенно не важно, каким был цвет их одежд изначально.

Хильда спускает ноги с подлокотника, приподнимает платье и босиком шлепает к окну.

До следующей партии остается вечность, час и миг.

Светлана Тулина

СЛЕПОЙ И ЕГО ФИШКА

Вообще-то, я был против.

Но кто я такой? Всего лишь стюард. А капитан уперся рогом — хорошая примета и все такое. А по мне — так идиотизм кристально-вакуумный. Словно пальцы за спиной скрещивать «на удачу». Или на выигрыш в лотерее надеяться. Одному из миллиона случайно повезло — а все ахают. И карточки в автомат дружно пихают, идиоты.

Но капитана, упрется ежели, и кибер-погрузчиком не своротить. Ему же виднее, с мостика-то! Он же у нас начальство, и даже колледж закончил и все такое. Они после того случая с «Марией-Тересией» словно взбесились все, капитаны эти. Каждому теперь подавай в экипаж сверхчувственника-атависта. Это их так называть стали, политкорректно чтобы. А по мне, слепой — он и есть слепой, как ты его не назови. Когда мы на базе, я стараюсь не заходить в их район. И вообще держаться подальше.

Нет, вы только не подумайте, что я расист! Ничего такого! Неуютно просто. Ты ведь все-все видишь, а они — нет. И не виноват ты в этом вроде, а все равно неловко. И, если уж совсем честно — страшновато. И жалко вроде, и помочь хочется — ну да, а потом как с той бабкой, что меня своим костылем огрела! И была, между прочим, совершенно права, политкоррщик из надзора мне потом все очень доходчиво растолковал. Они точно такие же люди, как и мы, и имеют полное право ковылять через дорогу самостоятельно. А жалость унижает и все такое. Надо просто делать вид, что не замечаешь.

Только почему-то все равно неловко.

Теперь вот еще пиво ему тащи...

Стучусь в закрытую дверь.

В этом ничего особенного — я всегда стучусь, из вежливости. А тут вдруг подумал, что впервые это — не только вежливость. Должен же я как-то заявить о своем присутствии, он же меня не видит. Особенно — через дверь.

Он сам выбрал эту каюту. Пустых полно, выбирай любую, не жалко! Эту мы называли каютой параноиков — в ней иллюминатор из настоящего пласта, непрозрачного для большинства излучений. Некоторым нравится — тем, которые на защите собственной задницы помешаны. А я не люблю. Конечно, полная безопасность и все такое, но зато сквозь пластовый люм почти ничего не видать. В коридоре даже просто через стены — и то лучше видно, там защита фиговая, многие жалуются. А по мне — так кульно. Я люблю смотреть на звезды. Они красивые. И все разные. Особенно мне радиопульсы нравятся — у них

такие роскошные длинные выплески, ритмично изогнутые, изящные такие, а если система двойная — то вообще получается настоящее перекрестное кружево. Но через мутный пласт каютного люма всего этого, конечно же, не рассмотреть. Даже мне. Даже если упрусь я лбом в этот самый люм, как в него сейчас упирается наш слепой атавист, за ради хорошей приметы капитаном на борт принятый. Ничегошеньки я не увижу сквозь этот люм.

Хотя я — не слепой...

Он оборачивается. Улыбка у него хорошая. И лицо живое. Приятное такое лицо. Если в глаза не заглядывать...

Меня передергивает.

Ну да.

А чего ты ждал?

— Ваше пиво, — говорю, неловко ставя кружки на стол и старательно глядя мимо его лица.

— Пиво! — он просиял, потер руки, — Пиво — это прекрасно! Холодненькое?

Я буквально зубами ловлю уже почти сорвавшееся с языка «А вы что — сами не видите?»

Не видит он!

В том-то и дело, что не видит...

— Холодное, — прищуриваюсь, соразмеряя интенсивность довольно прохладного цвета с почти не выраженными тональными аффектурами и пытаясь перевести все это в понятные атависту термины, — Градусов 10-11. — и уточняю на всякий случай. — По Цельсию.

— По Цельсию — это хорошо! — он берет одну из кружек, отхлебывает, слизывая густую темно-серую пену. Пена чуть теплее самого пива, и поэтому слегка серебрится. Двигается он уверенно. Я вообще мог бы забыть о его слепоте, если бы не эти жуткие белесые глаза...

— А ты почему не пьешь? Бери! Я специально две заказал, для компании, не люблю один.

Я внутренне сжимаюсь — кружки эти литра на полтора каждая. Не уверен, что потяну столько. Но все равно решительно беру одну и делаю глоток. Нам вместе скучать на этой грузовой жестянке еще месяца три, надо как-то налаживать отношения. А пиво — удачный повод.

— Люблю темное пиво, — говорит он довольно. — Оно нажористей.

Атависты странные. И сленг у них странный. Сначала я даже не понимаю, что он имел в виду, но, скрипнув мозгами, все же выстраиваю ассоциативно-логическую цепочку: с понижением температуры жидкости вроде как сгущаются, так? Так. Ну, до определенной границы, конечно, но не о том сейчас речь. А чем холоднее — тем темнее, тоже вроде как логично. Фух! Нет бы просто сказать, по-человечески! Какой извращенец любит теплое пиво? Ну кроме этих, зеленохолмовских , с их

традиционным горячим элем, не о них сейчас речь, но все равно — это же надо такую пакость выдумать?!

— У вас все ОК? — спрашиваю, пытаясь завязать разговор. Он обрадовано улыбается, кивает быстро.

— Да-да, капитан был очень любезен... тут хорошо. Тихо так. И народа мало.

Это он в точку.

Насчет народа.

Нас на борту всего трое, если его самого не считать. Я, капитан и Эджен, он за груз отвечает. И не сказать, чтобы мы особо перерабатывали. После изобретения дешевых и безопасных бортовых коммов, которые следят абсолютно за всем гораздо лучше живых людей, народу в космосе поубавилось. На больших пассажирских команда, конечно, поболее нашей, но только за счет стюардов, всяких там горничных и прочей обслуги. А офицер и там только один — капитан. Он же пилот. Он же бортмеханик. Он же представитель кампании. У него все равно работы практически никакой. Несколько раз за весь полет вставить в приемник автопилота стержень с нужной программой, да на обедах наиболее важным пассажирам поулыбаться — вот и вся служба. Если, конечно, не случится чего-нибудь совсем уж из ряда вон.

Как с «МариТе», например...

— А тебе нравятся звезды? — спрашивает он вдруг. Я в это время рассматриваю пену в своей кружке. Она очень красивая, вся такая ломкая, насквозь пронизанная постоянно меняющимися структурными напряжениями. Очень похоже на корону быстрого пульсара в период активности, только в негативе. Ну, короче, отвлекся я, и потому брякнул, не подумав:

— Да, конечно. Они красивые. На них кульно смотреть...

Черт. Ну вот, опять!

Утыкаюсь носом в кружку, делая вид, что пью. Да что со мной сегодня такое?! Он подумает, что я специально. Что я из этих, на которых политкоррщик намекал. Вот же!... только пометки в личном деле мне и не хватало. Надо, наверное, брякнуть теперь что-нибудь совсем уж идиотское — пусть лучше думает, что я полный кретин.

Осторожно скашиваю глаза. Странно, но он, похоже, совсем не обиделся. Сидит вполоборота, улыбается, повернувшись лицом в сторону иллюминатора, словно действительно может там что-то разглядеть. Впрочем, слепой-то он, конечно, слепой, но сверхчувственниками их ведь не зря прозвали. По каюте перемещается вполне свободно, за мебель и стены не задевает, и кружкой мимо рта, что характерно, ни разу пока еще не промахнулся. Да и тот парень, на «МариТе», он ведь тоже как-то справлялся со своими обязанностями. Он стюардом там был, тогда-то еще их талисманами никто не считал.

Вообще-то, ходили слухи, что это диверсия была. Но я полагаю — вранье. Газетчики придумали. Им простая халатность неинтересна, им сенсации подавай. А тут — такая лакомая авария! Круизный лайнер высшей категории, не нам чета, с кучей всяких жутко важных шишек на борту. Тур экстра класса по диким местам, вдали от цивилизации и все такое. Экстрим-Экстра называется, некоторые любят. Они тогда как раз над Тау Цеты были, на кольца любовались, когда автопилот заглючило. Позже выяснили, что сам комм не при чем был, просто стержень попался бракованный. Один случай на десять миллионов, так кампания утверждала — ну, вот экстримщикам тем как раз и повезло.

Хотел бы я посмотреть, как все эти шишки со своих креслиц и шезлонгов повылетали, когда начало их швырять из стороны в сторону да крутить с перепадами от невесомости до чуть ли не десяти ж! То-то, наверное, зрелище было. Когда капитан догадался стержень вынуть, они все, конечно же, в рубку ломанулись — жаловаться. Они-то думали, что все самое страшное уже позади, и теперь пора претензии предъявлять да с адвокатами связываться по поводу вчинения исков. А вот облом!

Потому что в рубке стоял очень бледный капитан и держал в руке два аварийных стержня. Аварийные стержни почти в два раза длиннее обычных, их легко отличить — обычные-то как раз валялись по всему полу. Шкафчик-держатель во время аварии оторвало от переборки и расколотило, вот они и высыпались. И перемешались — теперь никто бы не смог сказать навскидку, какой из них на посадку, а какой на взлет. Но это — не страшно, всегда по кодам проверить можно. Сунул в приемник, посмотрел код раскрытия, вынул обратно и уложил в нужную ячейку. Возня, конечно, но вполне осуществимо.

Аварийные стержни — дело другое.

Аварийная программа включается моментально, как только стержень попадает в приемное устройство. И уже не может быть выключена — до самого своего завершения.

Их было два, стержня этих.

Их всегда два. На любом корабле. Один — срочное возвращение на базу. Второй — экстренная посадка на ближайшую кислородную планету. Стандартный набор. Их даже крепят всегда стандартно, не в общем держателе, а прямо на корпусе приемника, сверху. Справа — возврат, слева — посадка. Всегда — именно так. На всех кораблях — от эсминца до самой распоследней шлюпки. Чтобы в любой самой что ни на есть аварийной ситуации, даже при самой крайней спешке, в бреду или вообще наощупь никто не смог бы перепутать. У них даже внешние капсулы промаркированы чуть ли не диаметрально противоположными цветами — возврат светится в инфра-режиме, посадка — в ультра.

Но сейчас эти их промаркированные капсулы жалко помаргивающими осколками хрустели под ногами — сами-то стержни представляют

собой жутко прочный кристалл, им подобное обращение нипочем, а вот капсулы на прямое попадание тяжелого шкафчика явно рассчитаны не были. Лайнер круизный — как корзина тухлых яиц, попробуй не то что уронить, тряхнуть чуть посильнее — вони не оберешься. Вот и не беспокоился никто особо о повышенной ударопрочности.

Два одинаковых стержня.

Понимаете, да?

До базы, с которой «МариТе» стартовала, было не меньше двух недель, да и то — если на форсаже. А ближайшая кислородная планета — вот она. Под самым боком. И два стержня. Один — посадка, пусть даже и не очень мягкая, на вполне себе кислородной, хотя и не слишком цивилизованной Четвертой Никсона и ожидание спасателей. Второй — медленная смерть на разваливающемся и теряющем кислород корабле во время безнадежной попытки добраться до базы.

Два абсолютно одинаковых стержня.

Вот тогда-то и вышел вперед слепой стюард, взятый на борт только потому, что по закону о профсоюзной политкорректности в экипаже, насчитывающем более 10 человек, обязательно должен быть хотя бы один атавист.

Он сказал, что стержни разные. Что он отлично видит эту разницу и знает, который из них — тот самый...

Позже стержни будут исследованы с применением всего, чего только яйцеголовые додумаются к ним применить. И обнаружится, что различие между ними действительно есть. После изготовления их покрывают мономолекулярной пленкой разного состава. Немножко, но разного. Для возвращения — один состав, для посадки на ближайшую пригодную планету — другой. Традиция такая, сейчас уже никто не помнит, зачем это делалось раньше, но придерживаются. Традиции на флоте живучи. Разница настолько мизерная, что на глаз ничего не определишь даже при спектральном анализе, только глубинное сканирование показать может.

Мнения ученых разделились. Одни считали, что сверхчувственник вполне мог что-то там такое и ощутить. Вторые же утверждали, что для этого ему нужен был сканер размером с дом...

— Да ты поэт! — говорит сидящий напротив меня атавист, склонив голову к плечу и улыбаясь, — А кем хочешь стать, когда вырастешь?

С трудом удерживаюсь от резкости. Не люблю, когда дразнят. Мой возраст — не его дело! Я тут изо всех сил стараюсь быть вежливым, а он... Ну, раз он так, тогда и я скажу!

— А я знаю вашу страшную тайну!

Он поднимает бровь, чем злит меня еще больше.

— Глен никакой не супер! Вот! И нет никакого сверхчуйки! Вероятность была один к одному, просто повезло — вот и все! Зря его нацгероем сделали!

Вообще-то, это не мои слова. И я так вовсе не думаю. Просто разозлился очень.

Слепой больше не улыбается и выглядит немного растерянным. Мне становится стыдно.

— Вы не бойтесь, — спешу я его успокоить. — Я никому не скажу. И не думайте, что осуждаю. Наоборот! Я ведь понимаю, как там все было. Воздух утекает, реактор греется, а тут еще пассажиры... Капитан хотел предложить им самим выбрать. Принцип демократии и все такое. А во время паники этого нельзя! Ни в коем случае! Напуганная толпа не любит, когда ее просят выбирать. Она предпочитает следовать за лидером, который всегда прав. Они бы там разнесли все в кварки и сами погибли. А Глен — он же на психолога учился, я читал. Он сразу все понял. Им нужен был лидер и все такое. Капитан растерялся, а значит, лидером быть перестал. Лидер, он ведь всегда уверен и всегда прав. Вот Глен и стал на пару секунд таким лидером, приняв решение за них. 50 на 50 — неплохие шансы. Он рискнул — и выиграл. Я прав?

Он вздыхает. Трет глаза. Выглядит при этом неожиданно усталым.

— Ты не прав.

Теперь , похоже, растерянным выгляжу уже я.

— Почему?

— Понимаешь, эти стержни... Они действительно разные. Но я не знаю, как тебе объяснить.

— Потому что мне нет пятнадцати? — начинаю приподниматься, готовый уйти. Потому что холодное бешенство не зря называют холодным, от него темнеет в глазах, я вот-вот сорвусь и наговорю еще чего-нибудь лишнего, а нам еще столько времени вместе жить.

— Сядь, — говорит он устало, и снова трет глаза, — Будь тебе пятьдесят, я бы точно так же не знал, как объяснить. Потому что ты не видишь звезды. Смотришь, но не видишь... С другой стороны — ты хотя бы смотришь. Сейчас мало кто смотрит, большинство предпочитает сразу анализировать...

Он пожимает плечами.

— Ладно, попытаюсь... Вот, смотри! — Он достает из коробки с лото два кубика, кидает их на стол. — Они похожи, правда? И в то же время они разные. Видишь?

Медленно опускаюсь на место. Ярость уходит, уступая место уже привычной неловкости. Чтобы не смотреть на него, смотрю на кубики. Трогаю их пальцем.

Обычные кубики. Причем совершенно одинаковые.

— Они одинаковые. Облегченный полимер-диэлектрик, слабая поглощающая способность. Внутри хорошо просматривается металлический шарик... — присматриваюсь, добавляю уже менее уверенно — Похоже на низкооктановую сталь, но видно плохо. Нет, я верю, наверное, разница есть, но без приборов...

Он качает головой.

— Они разные. Этот синий. А этот — красный. Понимаешь?

Первое чувство — удивление. Я ведь знаю, что такое красный. Антарес красный, я его видел на школьной экскурсии. Да мало ли! И что такое синий, я тоже знаю, хотя с этим сложнее. Синий — цвет интенсивный. Даже от легких оттенков его начинают сильно болеть глаза и все такое. А уж смотреть на ослепительно синюю сверхновую, что недавно появилась в нашем рукаве — себе дороже! Можно вообще все сетчатку пожечь — напрочь, до десятого слоя.

Надо ли говорить, что лежащие передо мной кубики не были ни красными, ни синими? Да что там! Они вообще не излучали. Просто атавист, похоже, опять перешел на свой малопонятный сленг.

— Хочешь, покажу тебе фишку? Пометь один из них чем-нибудь. А потом поменяй местами так, чтобы я не видел пометки. А я все равно угадаю...

И он действительно угадал.

Двадцать семь раз подряд.

А потом пиво кончилось.

И я внезапно вспоминаю, что мне надо еще отнести обед Эджену — он не отходит

от груза, и потому обеды ему ношу я, мне не трудно.

Я заторопился.

— Аварийные стержни с самого начала красили в разные цвета, понимаешь? — говорит атавист, когда я был уже на пороге. — Синий и красный. Синий — посадка, красный — возвращение. Это началось еще до Всеобщей Генетической Модификации и было как-то связано с первыми кораблями, еще на самой первой Земле. Правое и левое, синий и красный код, что-то в этом роде...

Странный все-таки они народ, эти атависты. И сленг у них странный. Код бывает спектральный, структурный, генетический или сингулярный. Ну, иногда еще Давинчи, но он вообще спорный. А чтобы синий или красный?.. Глупо.

Иду по коридору. Меня слегка покачивает от выпитого пива. Корабль проходит недалеко от нейтронной звезды, ее тяжелый спектр утомителен, от любого движущегося предмета расходятся радужные сферические следы, словно круги по воде от брошенного камня. Красиво, но слишком уж давит. Я другие звезды люблю, которые помоложе. Они — как растрепанные на полгалактики волосы безбашенной

девчонки, что всю ночь с тобой куролесила, и планеты путаются в этих волосах, как блескучие яркие шарики на пружинках. А незащищенный коридор словно затягивает золотой паутиной, и ты идешь прямо сквозь эту паутину, и она облепляет тебя щекотным пузырящимся загаром...

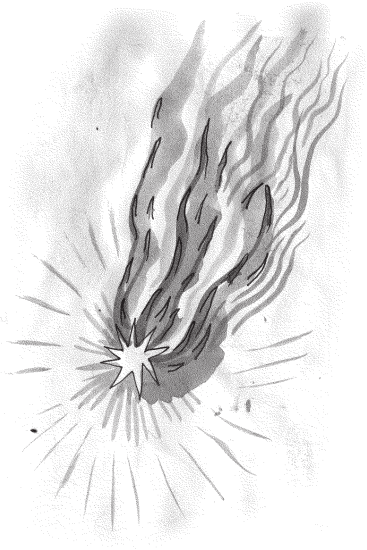
А этот атавист еще говорит, что я не вижу звезды?! Я — и не вижу?!! Да я столько их видел!!! И еще увижу. Они ведь красивые. Я люблю на них смотреть.

Смешной он.

Только вот эта его фишка, с кубиками...

Я ведь во все глаза смотрел. Даже усиление на полную мощность врубил, хотя до пятнадцати и запрещено, но кто тут заметит...

Но так и не понял — как он это делает?..



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Высшая лига
ИГРЫ БОГОВ

Борис Богданов

ФИЛЬТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ «ХАЙНЛАЙН»

Монстера — название из давнего детства. У Алексеевой прабабушки в дальнем углу зала стояла кадка с монстерой, и оттого там всегда царил полумрак. Алексей устраивал за кадкой штаб, залезал туда и рассматривал мельтешение взрослых сквозь ладони листьев.

За спиной чиновника в горшке тоже сидела монстера, но какая-то мелкая, худосочная, и создавала она не мрак, а просто пыль.

— Не понимаю, — сказал чиновник, глядя в документы. — Как вы сюда попали, господин хороший? Это филькина грамота, а не повестка!

— Ну, знаете! — возмутился Алексей. — Вас надо спросить, что я тут делаю! Мне уйти недолго. Отдайте бумагу!

— Зачем? — ответил чиновник, шуруя в конторке. Оттуда запахло ванилью. — Вы не капитан флота, вы не воевали. Но ворота вас пропустили, значит, вы наш клиент. Да и не уйти вам, при всём желании. Назад — только через Мембрану.

Алексей оглянулся: позади, на месте солидной двери, через которую он вошёл несколько минут назад, теперь белела обычная стена. Наискось змеилась старая трещина, желтели протечки с верхнего этажа, зияла круглая дыра из-под выключателя. Древнего электрического выключателя, какой можно найти иногда на свалке или увидеть в музее старого быта. Откуда они такой взяли?

Алексей мигнул. Вид разительно изменился. Теперь стену без стыков закрывала пластиковая панель, а вдоль потолка расположились светильники в виде подков. Точно так, как рассказывали вернувшиеся.

Чиновник, впрочем, остался прежним, как и лиана, и конторка, и металлическая стойка, и даже кусок стены за спиной чиновника.

— А вы? — спросил Алексей. — Как уйдёте отсюда вы?

— Через дверь, — сказал чиновник. — Не знаю, что вы там видите, и надеюсь никогда не узнать. Моё рабочее место, — показал он рукой, — находится вне лагеря. Алексей Сергеевич! — чиновник встал и заговорил деловой скороговоркой: — Взяв в руки оружие, вы осознанно поставили себя вне общества. Вы лишаетесь основных гражданских прав: права избирать и быть избранным, права занимать государственные должности, права на работу, семью и отдых. Добро пожаловать в фильтрационный лагерь «Хайнлайн»! Желаю вам глубокого погружения и скорейшего осознания!

— Погружения куда? Осознания чего? — спросил Алексей, но чиновник уже исчез вместе с конторкой и монстерой.

На мгновение закружилась голова, мир потерял материальность, размылся и вновь собрался — изменённым.

Алексей стоял в центре большого круглого зала, пересечённого множеством радиальных коридоров. На нём была пижама из мягкой ткани, похожей на фланель, состоящая из свободной куртки и штанов, однотонная, без рисунка, такая же голубоватая, как и свет, падавший с низкого потолка. Алексей потянул за ворот, и куртка распахнулась. Он сложил полы: ткань срослась, стала вновь единым куском. Да, он на месте... Разобраться бы, что это за место. Опять бес-непоседа, сидящий внутри, толкнул его на авантюру. Будто у Агентства не хватает полевых сотрудников!

«Нет, брат! — одёрнул себя Алексей. — Недостаток кадров тут ни при чём. Ты сам хочешь разобраться. Ведь хочешь, правда?».

Выбрав наугад один из коридоров, он пошёл вперёд. Слева и справа стены разрывали арки, за которыми были комнаты. В них сидели и лежали люди. Когда Алексей проходил мимо, они бросали на него короткие взгляды и снова погружались в себя. Погружение и осознание. Алексей хотел спросить, что они делают, но понял, что ещё рано, что это не его двери, и он узнает, когда можно свернуть.

Кроме дверей, в коридоре не оказалось ничего интересного, и Алексей стал считать проходы слева и справа, пытаясь найти в их расположении какую-то периодичность. Сначала арки встречались поровну и в шахматном порядке — одна слева, следом одна справа, потом это строгое правило сломалось. На третьей сотне комнат, когда новый закон расположения, сложный, но логичный, стал выстраиваться в голове, Алексей вышел в кольцевую галерею, за которой был чёрный космос, населённый мириадами звёзд.

Мембрана.

Свидетели, которые согласились дать показания в Агентстве, описывали Мембрану по-разному. Кто-то видел бескрайний океан, кто-то — пустыню, уходящую вдаль до горизонта, но всегда это были стихийные природные пейзажи, и ни разу город или распаханное поле. Кроме того, никто из них не запомнил Мембрану такой, какой она показалась им в первый раз, по прибытии в лагерь.

Алексей протянул руку: ладонь ощутила упругую плёнку, холодную, словно впитавшую в себя мороз межпланетного пространства. Алексей посмотрел по сторонам: внутреннее чувство, возникшее у него в коридоре, молчало. Тогда он пожал плечами и свернул влево: для него, как и для лагеря, все направления одинаковы.

Пол, вымощенный уже знакомыми панелями, пружинил под ногами. Слева то и дело открывались проходы радиальных коридоров; прямые как стрела, далеко впереди они пропадали в тумане. По правую руку поворачивалась Вселенная.

Неужели он тоже забудет эти звёзды?

— Новенький?

У одного из проходов стоял пожилой и полноватый, но крепкий на вид мужчина с седой головой.

— Мне сообщили, что будет пополнение, — сказал он и протянул руку: — полковник Старых, Генштаб. Я староста в нашей центурии. Можете называть меня Виктор Иванович, можете — полковник, так мне будет приятнее.

Алексей тоже назвался и спросил:

— Кто сообщил? И почему — центурия?

— Барак — звучало бы лучше? — ответил Старых. — А кто сообщил... У Ходоков, капитан, для этого много разных способов. И пусть вы не капитан флота...

— Почему, полковник? Или центурион?

— А?.. — Виктор Иванович удивлённо поднял брови, потом понял и широко улыбнулся. — Или так, мне почему-то не приходило в голову... Это интересно. Но, всё же, лучше — полковник. Договорились? Вы не капитан флота потому, что... — Виктор Иванович пожевал губу. — Встречая полковника генштаба, флотские капитаны ведут себя не так.

— Я в запасе.

— Да? — полковник подумал и кивнул. — То есть, уже и до вас добрались... Неважно. Вы здесь и должны познакомиться с остальными. Не надо, — он зло посмотрел на Мембрану, — терять время. Что вам этот издевательский туман? Идёмте.

— Туман?

— Вы не готовы. Я давно перестал считать дни, но я тоже не готов. Не стоит травить душу. Идёмте же! — Виктор Иванович развернулся и нырнул в арку коридора.

— Вы их видели? — спросил Алексей по пути в «центурию».

— Кого?

— Ходоков.

— Нет. Я хотел спросить об этом у вас. Ещё вопросы?

— Да. Что значит «погружение и осознание»?

— Это просто, — полковник кинул на Алексея насмешливый взгляд. — Это значит, что мы должны покаяться перед Ходоками в своих грехах. Я так думаю. Больше мне ничего не приходит в голову. С какой, скажите, стати я буду виниться перед непонятными монстрами, к которым даже не имею отношения? В Генштабе я работал по другим направлениям, и про Ходоков услыхал, когда уже всё произошло. Вы там, на воле, — он упёр в Алексея палец, — знаете про них куда больше. Разве нет?

— Нет. Ничего, кроме того, что людям стали приходить повестки, и что где-то есть лагеря.

— Повестки-то я застал, — сказал полковник. — Тем более, чего перед ними каяться? Проходите, мы на месте.

Алексей шагнул вслед за полковником — и словно попал в большой пузырь внутри куска сыра! Стены зала, подобного центральному, только меньше, источили дыры и ходы. На уровне пола, чуть ниже или чуть выше, и тогда порог нырял или плавно взбирался на приступочку. За ходами располагались комнаты, невысокие, но довольно длинные. Слева, в полушаге от входа в зал, висело мутное зеркало, неправильной формы, в рост высотой.

Зеркало? Нет, такая же нора в стене, прикрытая мягким прозрачным лепестком! Казалось, коридор и темноватая комната занимали одно и то же пространство, но не путались и как бы не замечали друг друга. Алексей на мгновение поплыл и лишь усилием воли заставил себя отвернуться.

Генштабист сидел по-японски посередине зала около невысокого помоста и похлопывал ладонью рядом с собой — сюда, мол!

Алексей неловко опустился на пол. От непривычной позы сразу заныла спина: купание в ледяном океане Европы до сих пор давало о себе знать. Алексей потянулся вперёд — встать, но под ним возникло движение. Тёплая волна взбежала по спине почти до плеч, пол хитро изогнулся, и Алексей оказался в удобном кресле.

— Как в варенье упал, — сконфуженно сказал он полковнику.

— Да, — ответил Виктор Иванович, внимательно глядя на Алексея. — Что у вас со спиной? Ранение? Не сочтите за пустое любопытство, я тут давно, насмотрелся. Вам соорудили особенное кресло.

— Застудил когда-то.

— Интересно, где? — полковник задумался. — Нет, не говорите, — он махнул рукой, — я хочу вспомнить сам.

— Вы не знаете, — сказал Алексей.

— Даже так? — удивился Виктор Иванович. — Но это в бою? Не на огороде и не в турпоездке?

— Без сомнения.

— Значит, вы наш. Рассказывайте.

— Что?

— Всё. Мы ждём новостей. Любых новостей.

Вокруг стояли и сидели люди и жадно смотрели на Алексея.

— Я не всем интересуюсь, — развёл руками Алексей, — не стараюсь запоминать... Я не рассчитывал... Но спрашивайте!

Скоро Алексей понял, что человек запоминает гораздо больше, чем осознаёт. Он не мог и представить, как много деталей незаметно оседает в голове. Его спрашивали о футболе и симфонических концертах, о транспортировке астероидов на лунные станции и биржевых котировках на сахар, о новинках кино и последних изысках кулинарии. Он потерял представление о времени и едва ворочал языком.

— Всё, всё, друзья! — шутливо скомандовал полковник. — Дайте отдохнуть человеку, или он невесть что подумает.

Алексей закашлялся. Он уже почти уверил себя, что подвергся хитро обставленному и тщательно продуманному допросу. Скоро нечто странное привлекло его внимание:

На помосте вырос бугор, как если бы под полом сидел великан и дырявил его пальцем. Бугор задрожал, лопнул и оттуда, как шампиньон сквозь асфальт, вылезла глубокая пиала, затянутая сверху полупрозрачной плёнкой.

— Что это? — посмотрел на Виктора Ивановича Алексей.

— Пайка, — ответил полковник. — Лагерь взял вас на довольствие, капитан.

Алексей нерешительно протянул к пиале руку; плёнка лопнула. Внутри оказалось серо-зелёное «тесто» с запахом дрожжей.

— Не жульены и даже не жареная со шкварками картошка, — подмигнул Виктор Иванович, — но тоже не противно. Ешьте. И торопитесь, скоро на работы. Кстати, ячейка ваша тоже готова.

Алексей оглянулся. Лепесток у входа, который закрывал невозможное помещение, разделился на несколько частей и втянулся в стену. С опаской, не понимая, чего ожидать, Алексей переступил овальный порожек.

Основное пространство узкой кишки занял невысокий топчан, близнец подиума в центральном зале центурии. У самого порога к потолку прилипла подкова светильника; она слабо тлела, не освещая дальнего конца ячейки, и там копился мрак. Осторожно обойдя топчан, Алексей заглянул туда и обнаружил, что за выступом стены скрывается другое помещение. Стоило ему сделать ещё один шаг, как разгорелся новый светильник. Запахло влагой. Справа с потолка свисали какие-то лохмотья, похожие на очень грубую марлю или дерюгу, и с них медленно капала вода. Слева, в углублении пола зияло отверстие. Что это ещё, как не уборная? Алексей хмыкнул, вернулся, пятясь, назад и примостился на топчане — перекусить.

Солоноватое на вкус «тесто» в пиале было вполне съедобно и сытно. Пока он не обнаружил ничего из тех ужасов, которыми пугали его аналитики Агентства. Либо Ходоки понимали категории наказания и кары совсем иначе, чем человек, либо, устраивая лагеря и рассылая повестки, они преследовали иную цель.

Какую?

Он должен ответить на этот вопрос. Но сначала нужно найти директора Агентства и попытаться вывести его из лагеря. Или хотя бы выйти самому.

— Стр-ройся! — раздался снаружи голос полковника.

Люди покидали норы и занимали места в колонне посредине зала, лицом к выходу. Примерно шесть на десять, действительно, близко к римской центурии. Алексей пристроился ближе к хвосту.

— Новичок здесь? — Виктор Иванович прошёл вдоль колонны. — Шагом, песню запе-вай!

Офицеры и нижние чины вокруг зычно грянули:

— Там, где пехота не пройдёт!

— И бронепоезд не промчится!

Что за чертовщина?! Откуда энтузиазм? Крутить головой ему не дали: «Пой, новенький!» — прошипели в ухо и для верности саданули кулаком под рёбра. И он заорал со всеми вместе, удивляясь, откуда всплывают в голове раритетные слова:

— Суровый танк не проползёт!

— Там пролетит стальная пти-ица!

Густо пахнуло корицей.

Входная арка растянулась, коридор стал невероятно просторным тоннелем, замостился брусчаткой, и центурия пошла по нему, гремя сапогами и ботинками! Теперь строй сиял парадной формой всех родов войск, орденскими планками и золотой вязью аксельбантов. Алексея снова стали подталкивать в спину, теперь уважительно, предлагая выдвигаться в первые ряды. На него косились. Немудрено, он и сам забыл, как выглядит его мундир, какие погоны венчают плечи, как звенит при ходьбе медальный иконостас на груди.

— Могли и намекнуть, экселлент-капитан, — проворчал Виктор Иванович, когда Алексей вышел в первый ряд. Немыслимо импозантный, полковник чеканил шаг, держа стек как саблю и тряся брылями.

Ногу вверх, рискуя распороть в паху брюки — и резко опустить вперёд! Чтобы звон в ушах, чтобы в крошку гранит! Чтобы пятки ныли от ударов, и дрожь бежала по телу. Выше, выше!..

Капля повисла на кончике полковничьего носа. И как не сорвётся? Мундир потемнел от пота. Виктор Иванович со свистом втягивает воздух сквозь сжатые зубы. Он устал. Все устали. Как трудно держать локоть!.. Ёкает в груди, воротник трёт шею, в подмышках горячо от пота. Изысканное издевательство — маршировать в парадной форме, тянуть, как на смотре, носок! Отвратительное, бессмысленное убийство времени и сил. Особенно для ведущего эксперта...

— Держись, центурия! — стеганул по нервам голос полковника. — Недолго осталось, скоро поработаем...

Больше всего сейчас Алексею хотелось упасть возле лесного ключа и пить, пить, пить студёную воду! До ломоты в зубах, до онемения в глотке, до холода в кишках. А потом перевернуться на спину и смотреть в небо сквозь редкие кроны. А тут — работа?

Он украдкой оглянулся на соседей: глаза бравых майоров и подполковников горели нетерпением! Словно труд — именно то, что нужно после изматывающего марша по бесконечной дороге. Почему?

Повеяло мятой, и стены тоннеля прыгнули в стороны.

На огромной площадке стояло в полной готовности к взлёту звено тяжёлых штурмовиков проекта «Плутон». В новейшей модификации! Определённо, из всей центурии правом просто видеть эти машины обладали не более двух — трёх человек, считая Виктора Ивановича и самого Алексея. Да и то не факт, что у полковника есть нужный допуск. Ох, не факт!..

— Инструмент разбира-ай...

Хриплая команда оказалась лишней. Центурия рассыпалась по площадке. Обмирая от радостного предвкушения и закатывая рукава удобной спецовки, Алексей побежал к дальнему краю. Там он схватил из ящика универсальную монтировку — массивный агрегат с удобной ручкой, похожий одновременно на пилу и отбойный молоток. Точь-в-точь как в старой хронике. И скорее назад — пока не опередили!

Походя срезав пилоны, Алексей вгрызся в центроплан. Монтировка гудела и дрожала в руках, рассыпая вокруг искры, визжал, сдавая позиции, усиленный композит фюзеляжа. Атмосферная плоскость, вылущенная, как куриное крылышко из сустава, тяжело рухнула на щербатый бетон. «Плутон» покачнулся и перекосился, задрав рваную рану корпуса в слепое небо: это срубили левое шасси, ведь машину ломал не он один.

Алексей с упоением рубил, кромсал и резал. В воздухе носился чад от жжёного металла и пластика, летели под ноги броневые листы обшивки. С гулом обвалился двигатель. Набежали соратники, подхватили и унесли. Скоро от боевой машины остался несущий каркас, но и он пал в неравной схватке с разрушителями. В каком-то угаре Алексей мельчил оставшиеся фрагменты, так, чтобы никогда и никто не смог собрать штурмовик вновь. Рядом ожесточённо орудовал монтировкой ещё один чернявый лагерник. Потом работа внезапно кончилась, и появилось время обратить друг на друга внимание.

— Павло, — сказал чернявый и протянул руку.

— Лёха, — в тон ему ответил Алексей.

— Будем знакомы, экселлент-капитан, — оскалился Павло и достал из-за пазухи маленькую фляжку. — Пей. Сделаешь себе такую же, к поясу привяжешь, тогда не пропадёт в чёртовом этом маскараде!

Алексей сделал глоток. Саднило сорванное горло. Похоже, он ещё и кричал от восторга. Стыдоба...

— Что это было?

— Воспитывают, трудом. Мы раздолбали к чертям орудие убийства. И вот, — махнул рукой Павло, — смотри!

Пока они с Павло ломали и крушили, соратники построили ажурный мостик. В балках и перильцах угадывались части каркаса и обшивки штурмовика. Смертоносная машина превратилась в мирное, пасторальное сооружение. Такому положено стоять в старом графском парке,

над заросшим прудом с зеленоватой водой. Закрыв глаза, Алексей почувствовал даже запахи тины и нагретой солнцем краски перил.

— Центурия! — голос полковника разрушил наваждение. Несуразная конструкция напоминала наспех сляпанную этажерку, но никак не произведение художника. — Становись!

Назад они шли нестройными рядами. Эйфория исчезла, осталось опустошение. Подсознание оказалось не подвластно до конца даже Ходокам.

— Стой...

Полковник прохромал вдоль колонны, остановился, вытер потную шею и обескуражено покрутил головой:

— Не нравится мне это, господа офицеры, старшины, сержанты и рядовые. Идёте, как стадо баранов, и я не лучше. Не люблю, и никто не любит, но придётся лечиться. Шелухин!

Из строя враскачку выбежал невысокий белобрысый сержант-артиллерист со светлой же щёткой усов на верхней губе.

— Центурия, сми-ирна! — прошипел он таким противным голосом, что Алексея передёрнуло от ненависти. — Как идём, так и кушаем, все помним? На месте!.. шагом!.. носок под обрез сапога впереди стоящего!.. Делай раз!

* * *

Вечером, когда Алексей вяло ковырял пайку, к нему зашёл Павло.

— Не обижайся на Витька, — сказал он. — Сержант учебного центра — самая собачья должность. Зато, — он кивнул на пиалу, — сыты. Мы, в самом деле, если будем плохо маршировать, без жратвы останемся.

— Зачем так?

Павло пожал плечами:

— Не знаю, не психолог...

— Что-то не сходится, — сказал Алексей. — Мы курочим боевую технику, современную, гордость земной промышленности. Мы строим мирные... что-то мирное. Не военное. Нам вдалбливают мысль, что война — это плохо, что быть военным вообще — плохо. Что нет ничего хуже парадной формы, в ней неудобно шагать, душно и жарко, а рабочая спецовка — самая удобная на свете одежда. Это понятно, это логично... Но зачем приучать к строевому шагу? Как Павлов своих собак?!

— Не знаю... — повторил Павло. — Как тебе Шелухин?

Алексей скривился.

— О! — Павло поднял палец. — К чему бы?

— Да? От противного, то есть... — покрутил головой Алексей. — Как апофеоз бессмыслицы? Что-то в этом есть, наверняка. Павло, мне нужно найти одного человека.

— Ищи, экселлент, — сказал Павло, — нас не запирают. Только будь осторожен, ночью опасно. Нет, никаких монстров, просто...

— Что?

— Лагерь шалит иногда, к нему привыкнуть надо. К себе приучить. Так что не торопись, обживись сначала.

— Хорошо, — сказал Алексей и со стоном поднялся с топчана: от проклятой шагистики болели, казалось, даже шея и зубы. — Только на разведку, вдоль Мембраны.

Зубчатый обломок бронелиста, тайком принесённый с разборки, Алексей укрепил между рогов светильника — над устьем коридора. Теперь он точно найдёт свою центурию.

Для начала Алексей решил прикинуть размеры лагеря, пройдя по периметру вдоль Мембраны. Две сотни коридоров — так он оценил их число ещё утром — он думал миновать за час-полтора. Конечно, можно прочёсывать коридоры один за другим, но хотелось узнать больше о месте, в котором он очутился. И ведь он же обещал, а обещания следует выполнять.

Алексей повернул налево и пошёл, сначала медленно, разогревая измученные мышцы, потом быстрее.

Кризис. Вслед за дедами и отцами на сборные пункты отправились молодые люди, вчерашние дембеля, часто не дождавшись повестки.

Пять.

Их можно было понять: никто не хочет остаться без работы, без семьи, без денег и без перспектив. Отмыться добела загодя — вдруг зачтётся? И ведь многие возвращались! Хотя и не все...

Десять.

Агентство задыхалось. Им не хватало шефа, его опыта, его решительности, его кругозора.

Двенадцать... Алексей забыл опустить ногу; в хребет стрельнуло, словно Шелухин каркнул в ухо своё «Делай раз!». На полу лежала двойная зубчатая тень. Когда он успел? Прошло шесть минут, — чувство времени не умеет обманывать. Или он забылся и повернул назад?

Алексей развернулся и побежал, скользя рукой по Мембране.

Ныли икры, не хватало воздуха. Немигающие звёзды равнодушно смотрели на него из-за стены. Потом он втянулся, и даже боль отступила. Сорок, шестьдесят... сто. Сто двадцать. Двести! Сорок минут трусцы, цель близка. Двести двадцать, двести сорок — в лампах было пусто. Двести шестьдесят, триста! Час бега — слишком много после тяжёлой работы. Алексей привалился спиной к Мембране и съехал на пол.

Зубчатая тень нагло пялилась ему в левую скулу.

Из арки вышел Павло и встал рядом, лицом к Мембране.

— Иногда лагерь переодевается, — сказал он. — Сейчас он похож на сдобный пирог, перед этим, полгода, наверное, назад, был один в один чёртовый морской ёж.

— Полгода?

— Да. Или год, здесь трудно заметить течение дней, — ответил Павло, не поворачивая головы. — Они все одинаковые. В самом начале, я помню, это был настоящий лагерь с бараками, выстроенными рядами, с вышками охраны, где маячили какие-то чёртовы силуэты, со спиралями Бруно по периметру. Мембрана начиналась перед колючкой.

— Давно ты здесь?

— Мне иногда кажется, — сказал Павло, — я здесь всегда. А иногда, — он упёрся лбом в Мембрану, — что всё случилось сегодня.

— Что именно? Прекрати уже интриговать, — сказал Алексей. — Ты появился здесь не просто так, верно?

— Я часто выхожу, — ответил Павло. — И да, было интересно, чего ты хочешь добиться. Ничего не вышло, да? Слушай дальше. Я служил начальником артпоста на «Моцарте». Мы картографировали внешний край рукава Центавра, тридцать градусов по долготе, чёртова даль! Выныривали из гипера на час-другой, снимали данные и опять погружались. Там совершенно не на что смотреть. По левому борту тусклое свечение, как в городе ночью. Справа — чёртова пустота с редкими звёздами гало. Если у Млечного пути есть задница, то это именно она. Я знаю, оттуда можно увидеть много чего, какой-нибудь Сектант, например, но всё равно те места — чёртова галактическая задница! Представь, — Павло повернулся к Алексею, — что ты нырнул в море, плывёшь с закрытыми глазами... и утыкаешься в отвратительную медузу. Щупальца шевелятся возле твоего лица, по краю колокола сокращается студенистая бахрома, а внутри видна полупереваренная рыбка. Гадость!

— Когда «Моцарт» всплыл в очередной раз, — продолжил Павло, — на экранах мы увидели именно такую тварь. Омерзительную, хотя и без рыбки. Гигантская амёба повисла прямо по курсу, совсем близко, в каких-то десятках километров, закрыла всё впереди отвратительной тушей. Меня, помню, чуть не стошнило прямо на операторский пульт. Это было так, так... — Павло сжимал и разжимал кулаки. — С Этим было невозможно находиться рядом! Глупо звучит, но я мирный человек. В детстве мечтал быть кондитером. Булочки с корицей, чай на мяте — лучшее, чему можно посвятить жизнь. Не вышло, бывает. Я никогда не был в бою, я хотел этого избежать, но тут!.. Командир отдал приказ, и я с радостью открыл огонь изо всех орудий! Медуза прыгнула, и наступила темнота. Я очнулся здесь. Я был один, потом появились новые люди.

Павло замолчал и уткнулся взглядом в Мембрану.

— Ненавижу звёзды, — сказал он долгое время спустя. — Я люблю приходить сюда, к лесному ручью. Следить за бликами на воде, за волнением травяной бороды на стрежне, за стрекозами, за танцем песчинок на дне. Здесь так спокойно...

— Да ты поэт... — протянул Алексей. — Подожди! Лес, ручей, стрекозы... Значит, ты можешь уйти отсюда хоть сейчас?!

— Да, — ответил Павло, — но зачем? Дома меня никто не ждёт, а тут мне отлично спится. Пойдём, Лёха, тебе тоже пора на боковую.

— Но...

— Не спорь. Ты пока тычешься без толку, как слепой, а утром многое поймёшь.

* * *

Оводы гудели, как заходящий на посадку воздушный паром. И были они такие же толстые, уверенные и неторопливые. Иногда одна или даже две мухи садились Алексею на лицевой щиток и начинали самодовольно умываться, принимая его, видимо, за удобный, нагретый солнцем валун. За корабль-авиаматку и овододром подскока одновременно. Обливаясь потом внутри огнеупорного комбинезона, Алексей медленно шёл молодым сосновым леском. Впереди, сквозь ветви, синели куски неба, потом деревца разом пропали, и открылась большая поляна.

«Медленно идём, не торопясь, — прошелестел в наушниках недовольный голос Митрича. Он всё ещё обижался, теперь на пустой расход «матерьяла». — Приглядывай, ботаник, за ивняком. Там у них самое логово».

Среди разнотравья то тут, то там поднимались изящные купы Salix purpurea — ивы пурпурной. Индикатор на изнанке шлема перестал тлеть и налился вишнёвым тревожным огнём. В сплетении побегов Алексею почудилось слабое мельтешение и искры. «Давай!» — заорал Митрич. Из-под куста стали вылетать маленькие, с ладонь, диски. Алексей придавил рычаг распылителя, и воздух перед ним наполнили клубы пара. Сквозь фильтры проник густой спиртовой дух. Чтобы не опьянеть, Алексей прибавил подачу кислорода.

Из облака вырвался один диск, другой, они повисли на миг в воздухе и сорвались в траву. Потом облако вспыхнуло и рассеялось. Под ногами судорожно копошились десятка полтора летающих тарелочек. Межзвёздные злыдни, нападающие исподтишка. Космические оводы. Алексей добавил спирта, для надёжности.

Слева хлопнуло и полыхнуло, — сработал Митрич.

Из-за спины выбежал Сайдуллаев в блестящем скафандре, стал быстро подбирать вялые диски и кидать в мешок.

«Дальше, дальше! — закричал Митрич. — Не очухались покуда!».

Алексей проснулся. Тускло светила подкова над головой, сочилась за перегородкой вода, чуть заметно дышали, сдвигаясь и расходясь, стены. Для случайного воспоминания сон был чересчур ярким. Странно, что

привлекло Ходоков в том давнем эпизоде?

Алексей закрыл глаза — и опять провалился в то утро. Снова, снова и снова. Всё повторялось с вариациями: лениво цедил слова прапор у шлагбаума, разевал рот в крике Митрич, Валерка смотрел с похмельным изумлением... Наполнялся негнущийся мешок, шеф говорил про пакостных пришельцев и их требования, про обстрелянные оранжереи и тонну франция...

Они хотят растревожить совесть, понял Алексей, очнувшись в очередной раз. Почему? Что он сделал не так?

* * *

Соратники выползали из своих нор мрачные, измученные, с серыми лицами. Алексей же, несмотря на рваный сон, отлично отдохнул и пребывал даже в приподнятом настроении.

Лагерь так и не заставил его стыдиться прожитого — не нашлось поводов. Он не грыз одеяло и не стонал от неизменности прошлого. Бессовестным чудовищем он тоже не стал. Память хранила грешки, которые есть в жизни любого человека, и о которых каждый хотел бы забыть. Ходоки не обратили на них внимания. Они тащили наружу только военные или боевые эпизоды, которые считали преступными. Алексей не согласился с такой оценкой, и Ходоки отступили.

Это следовало обдумать.

— Как спалось, экселлент? — Павло присел рядом.

— Жаловаться не на что, — ответил Алексей. — Часто здесь казнят?

— Что?!

— Казни бывают? Наказания, экзекуции, расстрелы, повешения, смертельные инъекции, избиение камнями, утопление в фекалиях, что угодно. Как в лагере поступают с преступниками? Бунтарями? Убийцами?

— Не видел, — развёл руками Павло. — Это важно?

— Очень важно, — сказал Алексей. — Ты не представляешь, насколько.

* * *

Директора он встретил на третий день. Вход в пузырь, где «погружался и осознавал» Владимир Арнольдович, находился в стене девятого по правую руку коридора. Алексей добрался до него без помех: лагерю — или тому, чью волю он выполнял — надоело шутить с протяжённостью и длительностью.

Местные кучковались по углам. В отличие от центурии, где полковник Старых притягивал внимание и всегда был окружён людьми, генерал в одиночестве и неподвижности сидел у стены. За всё время,

пока Алексей наблюдал за шефом из коридора, тот не перебросился с окружающими ни словом и даже не повернул головы.

Зайдя под арку, Алексей сразу почувствовал возникшее напряжение. Здесь не привыкли к посетителям.

— Здравствуйте, я быстро, — сказал он с улыбкой и кивнул на шефа. — Мне поговорить только.

— И тебе не хворать. Что выглядывал, не заходил, если быстро? — ответил лысый толстяк, сидевший в центре, у помоста. — Мы хитромудрых не любим.

— Я человека ищу, не был уверен, он — не он?

— Удостоверился, значит? Лады, базарь, — сказал толстяк и отвернулся.

— Ты зря пришёл сюда, Алёша, — тихо сказал Владимир Арнольдович, когда Алексей устроился рядом.

Вблизи шеф выглядел плохо. Устало, неуверенно. Он постоянно косил глазами по сторонам, словно ждал подвоха.

— Как вы тут? Они всегда такие неласковые?

— Глупый вопрос, — ответил Владимир Арнольдович. — Даже странно услышать его от тебя. Ты не за этим явился.

— Да, — сказал Алексей. — Вы получали повестку, шеф?

— Нет, — ответил генерал, — я пришёл сам.

— Я так и думал, — Алексей наклонился ближе, — Владимир Арнольдович, пойдёмте со мной. Мне здесь не нравится.

— Ты можешь вывести меня из лагеря? — оживился директор.

— Нет, но...

— Тогда бессмысленно, — сказал Владимир Арнольдович. — У каждого своё, персональное Чистилище. Ты должен был понять... Уходи. И будь осторожен!

* * *

Чистилище... Мистика — последнее, в чём Алексей мог обвинить шефа. Генерал никогда и ничего не говорил зря. Что он имел в виду, откуда взял такие сравнения?

— Куда спешишь, разговорчивый?

Смутно знакомый голос нарушил течение мыслей. Напротив, загораживая дорогу, стоял давешний толстяк.

В коридорах лагеря невозможно столкнуться случайно. Это понятно, погружение и осознание требует одиночества. За время своих экспедиций Алексей не встретил в них ни единого человека, кроме вечера первого дня в кольцевой галерее. Павло тогда сам искал его — и нашёл.

Лысый криво улыбался.

— В чём дело? — удивился Алексей. — Я пришёл и ушёл.

— Не нравишься ты мне, — ответил толстяк и чуть заметно кивнул.

Сзади почудилось движение. Что там? От удара Алексей покатился с ног. Его хотели вырубить сразу, метили в затылок, но Алексей уже начал оборачиваться и пригибаться, поэтому нападавший попал в скулу, и только поэтому Алексей не потерял сознание.

Сжимаясь под градом ударов, загораживая руками голову, он думал только о двух вещах: «за что?» и «сохранить глаза». Сломанный нос недолго и поправить, а отращивать глазное яблоко — занятие долгое, муторное и не всегда успешное.

Навалилось отупение. Боли он не чувствовал, она придёт потом, а пока мозг милостиво отказался слышать страдающее тело.

Хрустнуло в кисти. Сволочи, они сломали ему руку!

— Хватит! Вы убьёте его!

«Шеф? — вяло удивился Алексей. — Зачем он тут?».

— Купи его жизнь, гражданин начальник! Твой ведь человечек, — издевался лысый.

— Три дня.

— Четыре, старичок, и мы даже донесём его до койки, — веселился толстяк.

— Идёт.

«Что это значит?» — успел подумать Алексей и провалился в беспамятство.

* * *

Наутро он проснулся в своём отнорке без малейших следов побоев. Вчерашнее происшествие не могло ему привидеться, голова помнила об ударах и о хрусте в запястье, тело же рапортовало о полном здоровье. Очередное чудо: болячки мешают каяться, долой их! Чем шеф заплатил за его жизнь?

В изголовье чмокнуло, и из топчана полезла утренняя пиала. В тюрьме завтрак: солёное тесто. Что владеет узник, кроме жизни? Пайкой! Ничего, генералу недолго придётся голодать.

— Насыщаемся быстро, господа офицеры, старшины, сержанты и рядовые, — приговаривал в общем зале полковник. — Работа не волк, ждать не будет!

Всё-таки он центурион. Центурион генштаба. Был у Цезаря генеральный штаб?

Чудовищная штука — межконтинентальная ракета на передвижной платформе. Предки вбухали уйму денег в этих монстров, прежде чем научились доверять друг другу. Даже лёжа, огромная сигара пугала

скрытой мощью и готовностью в один миг убить десятки и сотни тысяч. Равнодушное, тупое, тошнотворное предназначение.

Движение оказалось слишком размашистым. Перемычка вышла узкой, металл от тяжести потёк, и кусок обшивки беззвучно пошёл вниз. Не было времени освобождать неудачно поставленную ногу и отпрыгивать; Алексей уронил монтировку и принял груз на вытянутые руки.

От прилива крови загудела голова. В ушах застучало. Воздух стал вязким, как патока, застрял в горле. Мир перед глазами почти исчез, сузился до мутного кружка.

Когда силы иссякли, а дурнота почти заставила сдаться, тяжесть внезапно отпустила. Будто издалека Алексей услышал глухой удар. От облегчения отказали ноги. Кто-то подхватил его подмышки и помог сесть.

— Сейчас... — торопливо сказал Павло. — Пей.

Какое счастье — спокойно сидеть! И пусть рваный металл впивается в спину, а от земли тянет холодом, зато ничего не мешает дышать и пить.

Квас... Вкус из детства. Забавный факт, сам по себе мало что значащий, но завершающий картину. Последний фрагмент головоломки.

— Спасибо, — прошептал Алексей, возвращая самодельную фляжку, — ты очень вовремя. Я не рассчитал маленько...

Остаток дня они работали молча. Иногда Алексей чувствовал взгляд. Павло порывался задать какой-то вопрос, но так и не решился. Неуверенность, ставшая частью характера. Алексей не собирался ему помогать. Пусть сомневается, проще сложится финальный разговор. Осталось выбрать время и место.

* * *

Отбив ноги о камень рабочего тоннеля и проорав обязательные песни, центурия очутилась в густом лесу. Вернее, на маленьком зелёном пятачке, потому что не так далеко за соснами и берёзами клубилась серая хмарь. Из неё выползала высокая, прямая гряда, тянулась через заросли и ныряла в такой же туман.

Соратники разобрали тачки и отбойные молотки. Под лишайником откосов притаился мокрый бетон с амбразурами пулемётных гнёзд. Древняя оборонительная полоса.

Алексей и Павло, не сговариваясь, перебрались на обратную сторону вала, подальше от остальных. Обрушив толстую дернину, они освободили подземный ход, ведущий в глубину ДОТа, раскидали земляной завал и нырнули в холодное подземелье.

Двойное эхо шагов пробежало по сырому тоннелю. Миновав распахнутые настежь бронированные двери, Алексей и Павло попали в небольшую комнату. Свет проникал сверху, через пролом в низком

потолке. Здесь царили сумерки. По стенам спускались древесные корни, исчезали в кучах грунта вдоль стен, и оттуда торчали бледные худосочные проростки.

Ход уходил дальше, под землю, но паводки и дожди давно затопили нижние этажи, и ступени лестницы скрывала чёрная неподвижная вода.

— Изящно. Удачное место для важного разговора, — сказал Алексей и сел на парапет лестницы. Пол устилали снарядные осколки. Алексей подобрал один из них: иззубренный, покрытый цветами побежалости, новенький, будто не пролежал здесь невесть сколько лет. — У тебя отличный вкус. Сам придумал?

— Настоящее, — ответил Павло и улыбнулся. — Я видел такое на Карельском перешейке. Как ты меня вычислил? Из-за кваса?

— Не только, — махнул рукой Алексей. — Разные мелочи. Например, я сделал себе фляжку, как ты говорил. Она растаяла на следующее утро. По запахам. Ты мечтал быть кондитером, с детства кухня для тебя как сказка, и если запахло вкусно — жди от лагеря какого-то чуда!

— Чёртовы мелочи! — рассмеялся Павло. — И что дальше?

— Понимаешь, Паша, — Алексей поднёс осколок к свету; от металла брызнуло синим и зелёным, — мы поначалу решили, что Ходоки — на самом деле сверхцивилизация. Шанхайский инцидент, Хайдарабадское безумие — очень сильные доводы, трудно было рассудить иначе. Но потом... Во всём этом слишком много от человека. Ты любишь читать, Павло?

— Да, особенно раньше. Фантастикой зачитывался.

— Вот! Ходоки — это же почти Странники Стругацких! А название лагеря? Споришь с Хайнлайном, что только отслужив, можно стать полноправным гражданином? Зачем могучим пришельцам эти намёки? Стало понятно, что за Ходоками спрятался человек. Например, ты, Паша. А было так...

Патрулируя рукав Центавра, «Моцарт» наткнулся на древнюю тварь. Скитаясь по галактике, не встречая никого близкого по силе, она давно отвыкла думать и желать. И тут ей попался ты! Верящий, что можешь переделать мир, желающий перевоспитать человечество. Почему ты так ненавидишь военных, Паша?

— Я знаю их изнутри! Я видел военные гадости, подлость и чёртово воровство каждый день. Их лицемерие, их враньё! Это надо разрушить — навсегда, чтобы памяти не осталось!

— Ты же сам военный!

— Так совпало.

— Да, — сказал Алексей, — так совпало. Тварь впитала твои страсти, она учла твои страхи, — ты же не дурак, ты понимал, что для безопасности Земли нужны тревожные и полицейские силы, и ни один их сотрудник не получил повестки от Ходоков; она создала для тебя уютный скит, окружила порядочными людьми; она дала тебе покой...

— Разве я не прав? — повысил голос Павло. — Разве не в оружии всё зло мира, не в нашей чёртовой агрессивности, не в военных наших игрищах? А тут — такой случай сделать всё по уму!

— Ты ошибся, — ответил Алексей. — Здесь, в лагере, где ты хочешь воспитать нового человека, убивают за пайку! Ты не видишь, лагерь уберёг тебя от плохих новостей, но они никуда не делись. Человек таков, каков он есть. Люди, вернувшиеся отсюда, остаются прежними. Геройствуют, подличают, жертвуют собой, убивают без повода, всё, как раньше! Это не я придумал, так природа устроена.

— И что дальше? — повторил Павло.

— Дальше, — сказал Алексей, нагибаясь и отворачиваясь, — ничего.

Осколок удобно лёг в ладонь. С разворота, наискось снизу вверх по длинной дуге Алексей бросил руку с зажатым в ней острым железом в шею Павло.

Время замедлилось. Осколок летел к бледному горлу. Дёрнулся и пополз вверх кадык. Пришла в движение — защититься — левая рука.

Подземелье пропало.

Алексей висел в межзвёздной пустоте. Вселенная равнодушно посмотрела на него, и он сам посмотрел на вселенную. На себя в ней, на замершего в недоумении Павло, на ломающих камень соратников, на Лысого, пожирающего втихаря генеральскую пайку, на лагерь и на разбросанное по галактике человечество. На всё, всё, всё...

...На древнее существо, частью которого он стал. Существо спало. Бодрствовал только рассудок, превратившийся в рефлекс задолго до появления жизни на заштатной планетке, которую потом назовут Землёй. Одновременно в нём крутились миллионы мыслей, и одна — о крохотной песчинке, желающей испортить новую забаву. Мысль вырастила вопрос: «Зачем?».

«Это не забава, это наша жизнь, — ответил Алексей, обмирая от ужаса. — Мы злы, агрессивны и ни во что не ставим чужаков. Всё так, но есть ещё честь и отвага, есть жертвенность и любовь к Родине. Не решай сразу, выслушай и вторую сторону?».

* * *

— Глупые шутки, — сказал чиновник и положил на стойку повестку Алексея. — Вы не наш клиент, не отнимайте время. Сейчас много работы, и наружу поток даже больше, чем внутрь. Не мешайте!

— То есть, — сказал Алексей, — я могу уйти? А как?

— Как вошли, — укоризненно произнёс чиновник, — через дверь.

Снаружи было жарко и пыльно. Возле крыльца сборного пункта нерешительно прохаживался полковник Старых.

— Вас тоже развернули, молодой человек? — полковник его не помнил, для него ничего не случилось. — Безобразие! Оторвали от дел, заставили лететь куда-то! И что прикажете думать?

— Всё будет хорошо, полковник, — сказал Алексей. — Отправляйтесь домой!

— Мы знакомы? — удивился Виктор Иванович. — Хотя, неважно. Надеюсь, вы правы. Прощайте!

Полковник козырнул, развернулся и пошёл по жухлой тополиной аллее, навстречу солнцу. У Алексея внезапно закружилась голова: вулкан на Лазурной, на другом краю галактики, вулкан, о котором он не знал ещё минуту назад, был готов проснуться. Это очень опасно, ведь его подножие густо застроено пансионатами; Лазурная — курортная планета.

Его оценили и отметили. Его доводы приняли к оплате — и даже вернули сдачу, поделились частью силы.

Отныне эти предвидения навсегда с ним.

Не самый худший подарок.

Екатерина Годвер

КАШТАНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Они росли на окраине парка, сразу за липовой аллеей — четыре конских каштана, высоких, развесистых. Больше нигде в нашем районе таких не было.

В мае каштаны цвели по-праздничному ярко, к сентябрю — давали крепкие шипастые плоды. Созревали они вразнобой, потому, вскрывая зеленую корку, никогда нельзя было заранее сказать, какой каштан попадется: мягкий, молочно-белый — такой особенно сложно было освободить от кожуры, не повредив! — или блестящий и твердый. Круглый — или похожий на беретку. Все они со временем тускнели, съеживались, терялись в квартире, став никому не нужными; разве что, кот мог выкатить старый каштан из-под дивана и погонять его минуту-другую. Но до середины октября каштаны были сокровищем.

Малышня, гулявшая в парке с раннего утра, под бдительным присмотром бабушек и дедушек собирала все, что нападало за ночь. Нам, не доросшим еще до верхних полок буфетов, но уже обремененным портфелями и ранцами, приходилось проявлять изобретательность. Самые красивые гроздья раскачивались на высоте второго этажа, потому мы использовали орудия — палки, камни, все, что подворачивалось под руку; даже пытались бить с пыра футбольным мячом. Однажды Вовчик раскрутил за шнурок и метнул сумку со сменкой. Мою.

— У тебя своя есть! — возмутилась я.

— Ты девчонка: тебе, если чё, не влетит, — вступился за него Димка.

Если б мы были три мушкетера, то Вовчик сошел бы за Портоса, а мне пришлось бы примерить личину графа де Ла Фер, хотя я ничем ее не заслужила — но Димка, щуплый, низкий и вечно взъерошенный, на сурового графа совсем не походил; он, хулиган по призванию, вообще мало походил на мушкетера. Во всяком случае, тогда мне так казалось.

Упало два каштана и одна туфля, а вторая — вместе с сумкой — застряла между веток. Палкой ее сбить не удалось...

Вопреки Димкиному прогнозу, мне все-таки влетело.

Утром, до школы, мы с отцом пошли выручать сумку, но ее не оказалось ни на дереве, ни под ним. Я недоумевала: кому она нужна, с одной туфлей?

— Наверное, каштановый человек забрал, — серьезным тоном сказал папа.

Я засыпала его вопросами. Что еще за «каштановый человек»? Где он живет? Зачем ему понадобилась одна девчачья туфля?

— Обыкновенный человек. Только каштановый, — «объяснил» папа. — На каштанах живет. Ночью гуляет, а днем прячется. Вы дереву худо

делаете: листья портите, ветки ломаете, — а он вам в ответ. Не случалось такого, чтоб каштан бах! — и прямо в лоб прилетал?

Такого не случалось. Я предположила, что каштановый человек не слишком-то меток, и, вдобавок, не сообразителен: хотел сделать худо — мог бы мяч забрать, а не сменку. Но, на всякий случай, я все-таки обиделась и набила упавшими каштанами карманы — в отместку за туфлю.

На первом уроке — как сейчас помню, это была среда, и первым уроком стояло чтение — я рассказала про все Димке и Вовчику. Вовчик пришел в восторг и обещал как-нибудь притащить в парк старые кеды. Димка стал показывать каштанового человека: зажал глазами каштаны и проскакал между партами с ботинком на голове. Схлопотали по двойке за поведение, посмеялись.

Ночью он мне приснился.

В тот, первый раз я мало что запомнила: расширяющиеся к ногтям огромные плоские пальцы, щекастое лицо с блестящими круглыми глазками. Обтянутое зеленой курткой тучное тело и, на затылке, шапочка с шипами: когда он снял ее, под ней оказалась что-то белое и гладкое... Это было совсем не смешно и совсем не похоже на то, что показывал Димка.

Утром я чувствовала себя не в своей тарелке. Когда Димка и Вовчик стали спорить, как правильно пишется — «каштанчек» или «каштанчик», — я сделала вид, что занята раскрасками, а всю большую перемену просидела в столовой, уткнувшись в тарелку; Вовчик даже обиделся и пригрозил не позвать меня на день рождения.

Однако к вечеру все, казалось, наладилось. Мы встретились в парке, погоняли в футбол, набили еще каштанов. Поискали, разгребая листву, следы каштанового человека, но ничего не нашли. Странные сны меня в ту ночь не беспокоили; я не вспоминала о них до самого воскресения, когда каштановый человек явился снова.

* * *

Он снился мне каждые несколько дней. Каштановый сезон давно закончился, но сны становились все ярче, сложнее и тревожней, пока не превратились в настоящие кошмары.

Обыкновенно сон начинался с того, что я засыпала.

Да, именно так — засыпала во сне, где-нибудь в неподходящем месте, на уроке или в автобусе, а просыпалась стоя у замковых ворот. Я знала, что это мой замок — и знала, что каштановый человек скоро будет здесь. Он шел по дороге к замку стариковской шаркающей походкой, но шел невероятно быстро, будто бежал.

— Пусти! — требовал он и тянул ко мне свои жуткие руки.

— Не пущу! — Я пряталась от него за воротами. — Убирайся!

Напрягая все силы, я вставляла в железные пазы бревно-щеколду, но каштановый человек прорастал через ворота — и я пускалась бежать. Я проносилась через двор к спасительным каменным стенам, ныряла в низкий проем черного хода, мчалась по узким коридорам, по лестницам, перепрыгивая через ступеньки, но каштановый человек неотступно следовал за мной. Стоило мне остановиться перевести дух, как за спиной раздавались его шелестящие шаги.

Это был мой замок, но я блуждала в нем, как в лабиринте. Я снимала со стен факелы, чтобы подсветить путь, но факелы стекали на руки размякшим пластилином, а стены рассыпались на кубики, стоило их толкнуть. Ломались прутики-копья, рассыпались спичечные сундуки, где я пыталась спрятаться. В миг, когда я понимала, что мой замок — игрушечный и не способен дать мне защиту, что у меня нет и никогда не было настоящего замка — ноги мои подкашивались... Тогда каштановый человек настигал меня.

— Дура! — извергал он безгубым ртом-трещиной и больше уже ничего не говорил до самого конца, до спасительного звонка будильника.

Его лицо непрерывно менялось: по молочной коже расходились желто-коричневые разводы, образуя бугры и складки, то скрывая, то выпячивая мясистый нос. Я старалась не отводить от его лица взгляда — лишь бы только не видеть кошмарных семипалых рук, которыми он хватал меня и держал.

Пальцы каштанового человека распластывались по мне, оборачивали мои плечи, словно капустные листья — бабушкин голубец. Когда они желтели и сворачивались в трубочки — с ними вместе сворачивалась моя кожа.

Иногда каштановый человек будто бы жалел меня, обнимал, прижимал к себе; это было хуже всего. Его куртка прорастала в меня крепкими шипами — и чем отчаянней я старалась отодвинуться, тем сильнее они ранили меня. Его куртка бурела от крови; круглые глаза блестели в свете игрушечных факелов.

«Просто глупый сон!» — проснувшись, твердила я сама себе в подражание родителям и шла, как ни в чем не бывало, в школу, но по вечерам меня бросало в дрожь от одного лишь взгляда на подушку: ведь в «глупом сне» меня поджидал каштановый человек...

Надо ли говорить, что за месяц он совершенно меня замучил?

* * *

В конечном счете он начал мерещиться мне наяву. Чудились то шаги, то лицо за окном, то прикосновение шершавых пальцев... Родители всерьез забеспокоились и отвели меня в поликлинику. Участковый

врач пожал плечами, выписал от школы освобождение на неделю и посоветовал обратиться к психологу.

Психолог, дородная тетка с огромными серьгами в ушах и вся обвешанная бусами, внимательно выслушала меня. Сначала она мне понравилась: она была первым взрослым, кто, по всем признакам, отнесся к каштановому человеку серьезно. Но потом она предложила отворить ворота и позвать каштанового человека в замок поиграть, и назидательным тоном добавила, что игрушками надо делиться.

— Дура! — выкрикнула я, удирая из кабинета.

Как ни странно, после этого дело пошло на лад.

Я поняла, что упустила кое-что из внимания. Каштановый человек был невысок, но казался взрослым, и — как говорил прежде папа — он делал худо не просто так, а в ответ на то, что делала я... Не значило ли это, что от него отвязаться было не сложнее, чем от обычного настырного взрослого?

Собрав все свое мужество в кулак, я пришла одна в парк к каштанам, изобразила всем своим видом глубокое раскаяние, извинилась и обещала впредь вести себя хорошо.

Это подействовало!

Больше каштановый человек меня не беспокоил ни во сне, ни наяву, и вскоре перестал казаться страшным. Кошмары поблекли в памяти, и я удивлялась сама себя: как можно было всерьез бояться такого нелепого чудища?

Окончательное выздоровление произошло в новогоднюю неделю. Мы с Димкой и Вовчиком провели тщательное расследование — с двумя незаконными проникновениями, слежкой и допросом с пристрастием — и выяснили, что под личиной школьного Деда Мороза скрывался физрук ВасильВасильич, а на районной ёлке накладной бородой щеголял какой-то хмырь из дома напротив булочной. На празднике, который устроили родители Вовчика у него дома, в просторной трехкомнатной квартире, добрым дедушкой притворялся мой родной дядя. Он спотыкался о полы длинного кафтана, постоянно поправлял отваливающиеся усы и путался в репликах, так как подменял Вовчикова папу и подготовиться не успел.

Мать Вовчика, тетя Женя, продавала книжки в магазинчике при Дворце культуры, а отец, Сергей Алексеевич, работал в представительстве Министерства иностранных дел, а, может, занимался одновременно и еще чем-то, жутко интересным и жутко секретным. Он часто надолго выезжал за границу и редко бывал дома, но привозил из каждой поездки какой-нибудь экзотический сувенир. В то воскресение — мы

знали это от Вовчика, сумевшего подслушать, как родители обо всем договаривались — Сергей Алексеевич должен был понарошку уехать на работу, чтобы появиться на празднике в костюме Деда Мороза, но вышло так, что его вызвали на работу по-настоящему. Это наводило на интересные мысли.

— А вы не боитесь, что настоящий Дед придет? — без обиняков спросил Димка: интересные мысли у нас обычно озвучивал он. Задачей Вовчика было раздобыть ключ от отцовского кабинета — куда заходить было нельзя, и где, следовательно, никто не мог нам помешать, — а моя роль сводилась к тому, чтобы привести туда дядю.

— Хм-м-м... — Дядя огляделся по сторонам в поисках выхода из щекотливой ситуации. Кабинет Сергея Алексеевича, квадратная комнатушка со старинной мебелью, чучелами на подставках и картинами на стенах, обстановкой напоминала музей. В ней было, на что посмотреть, но дверь в нее вела единственная, и эту дверь с хмурым видом перегораживал Вовчик. Кабинет когда-то оборудовали из кладовки, так что в нем не было даже окна — вместо него за шторой скрывались фотообои с линялым голубым небом. Деваться дяде было некуда. Он с укоризной взглянул на меня, но я, для солидности нахмурив брови, встала рядом с Вовчиком.

— Думаете, понравится ему ваше шоу с отклеивающимися усами? — Димка перешел в решительное наступление. — Настоящему Деду Морозу?

— Он добрый, не обидится, — пробормотал дядя, пытаясь приладить ус на место.

— Откуда знаете?

— Эм-м...

— Эм-м — на завтрак ем! — Димка упер руки в бока. — Правду и только правду! И без отмазок про Лапландию.

— Ну вы даете, молодежь. У кого только научились? — Дядя вздохнул. — Раз такие хваткие — сами должны понимать: не бывает дедморозов и сантаклаусов. Выдумки это все, — подтвердил дядя вывод, к которому мы и в самом деле уже пришли самостоятельно.

— Спасибо, — с вежливой улыбкой поблагодарил Димка. — А бог — тоже выдумка?

— Рот закрой! Мал пока о таких вещах болтать. — Дядя начал сердиться, и на этом мы оставили его в покое.

Праздник продолжался — с мишурой, хлопушками и всем положенным. Передавая украдкой дяде клей для усов, я подумала, что, раз Деда Мороза не существует — то не существует и других сказочных существ, и каштановый человек тоже — как и убеждали меня взрослые — выдумка. И домовые — выдумка, и русалки, и все-все-все...

Стало даже немного грустно.

* * *

В морозном феврале мы играли в снежный бой и катались с ледяных горок. Не футбол, конечно, но тоже неплохо: Вовчик, просидевший две недели дома из-за бронхита, по-страшному нам завидовал. За холодным февралем последовал солнечный март, в котором Вовчиков папа привез из командировки мешок прошлогодних грецких орехов. Они чуть горчили, но нас это мало заботило. Мы запускали по ручьям скорлупки и строили планы, как и где летом угнать настоящую лодку — отчаянные планы, которым, увы, не суждено было сбыться: в июне все разъехались кто куда до самого конца августа.

Не успели мы по возвращении обменяться накопившимися новостями, как наступило первое сентября. В жизнь вторглись ранние подъемы и домашние задания...

В остальном же сентябрь оказался месяцем, богатым на приятные вещи: начало школьного футбольного турнира, «тихая» грибная охота по выходным и шумная каштановая охота — ежевечерне. Я с большим удовольствием участвовала в ней, хоть и с оглядкой — то есть, всякий раз, уходя из парка, говорила «извините» и «я больше не буду». На всякий случай.

Кроме прочего, сентябрь был примечателен Вовчиковым Днем Рождения. Начинался он обычно совместным походом в луна-парк, а заканчивался большим тортом у Вовчика дома: обе части программы неизменно приходились нам с Димкой и еще полудюжине Вовчиковых приятелей по душе, как и самому Вовчику. Однако в ту субботу Вовчик показался мне каким-то кислым, хотя гостей было больше обычного.

— Батя уехал? — обеспокоенно спросил Димка. У него отца не было, и потому — или вопреки этому? — он относился к отлучкам Вовчикова родителя с особенным сочувствием.

— Не уехал, — буркнул Вовчик. — Вечером дома будет.

Димка опешил, как будто никакой другой причины кукситься у Вовчика и быть не могло.

— А где на этот раз был? — растеряно спросил он, пытаясь поддержать разговор.

— В Африке где-то, — ответил Вовчик таким тоном, что стало ясно — развивать тему не следует. Я промолчала, про себя гадая, что за муха его укусила.

В луна-парке все прошло неплохо, несмотря на холодную дождливую погоду. Разве что, за прошедший год американские горки стали казаться маленькими и совсем не страшными. А вечером выяснилась причина Вовчикова дурного настроения. Она висела на стене у окна в гостиной комнате: Сергей Алексеевич привез из Африки очередной сувенир — круглое бронзовое блюдо.

* * *

У моей бабушки в деревне хранилась в шкафчике замечательная тарелка, с большим голубым цветком на дне и кругами узоров по стенкам: круг красных цветочков, круг желтых цветочков, и так далее. Когда я была совсем маленькой, бабушка вместо заунывной присказки про «ложечку за маму, ложечку за папу» просила меня «показать» сначала одни цветочки, затем другие, и, обязательно, самый главный цветок; бабушка всегда мимоходом упоминала, что он может менять цвет. Я догадывалась, что меня дурят, но игра захватывала, потому я быстро расправлялась с ненавистными кашами до последней ложки.

Так вот: если б вместо замечательной бабушкиной тарелки мне пришлось иметь дело с тем блюдом, что украшало стену у Вовчика дома — даже мои любимые кукурузные звездочки остались бы нетронутыми.

* * *

По кайме блюда шел сложный узор: по-видимому, он означал ветви и плоды на них, но мне эта вязь в первую секунду показалась множеством червей и жуков, пытающихся пожрать друг друга. Среди изображенных на дне блюда животных я узнала только змею, льва и антилопу, тогда как всего их было гораздо больше. Одни из них скалились на себе подобных, другие смотрели в середину блюда — на существо с человеческим лицом, но с антилопьими рогами.

— Божок-оборотень, вождь духов Бужоаф, рожденный от человеческой женщины — поэтому тело его смертно, — с улыбкой стал рассказывать Сергей Алексеевич моей маме, помогавшей тете Жене расставлять на столе блюдца для торта. — Смешной культ. Этот черт рогатый, вроде бы, защищает общину, но может и напакостить, если что-то ему не нравиться. Над охотниками подшутить мастак. Кто из общины пропадает — того не ищут, говорят — «Бужоаф взял себе на смену». Раз один такой пришел назад — так его камнями забили, чтоб Бужоафа умилостивить. И чем, думаете, кончилось дело? Это сам Бужоаф оказался — и спалил всю деревню! У них там все божества, простите за выражение, с прибабахом: сами из себя не пойми какие, и вытворяют не пойми что. — Сергей Алексевич развел руками, давая понять, что не несет за «прибабахи» африканских божков никакой ответственности.

Мама рассеяно кивала, слушая вполуха: африканские божки и уродливые сувениры ее не интересовали.

Я присмотрелась к существу на блюде повнимательней.

Назвать его человеком язык не поворачивался: обтягивающий тело костюм выглядел, как шкура, руки свободно изгибались, словно в них не было ни единой кости. Чудовище сидело расслабленно, скрестив ноги

и прикрыв глаза; в одной руке оно сжимало змею, в другой — замкнутую в кольцо веревку, такую же, какая обвивала его шею.

Что бы это ни значило — мне это не нравилось. А Вовчик... Вовчик вышел из комнаты, когда Сергей Алексеевич начал говорить о блюде; вернувшись, сел к блюду спиной, но то и дело украдкой оглядывался. Он боялся. Это было чрезвычайно странно и необычно до чрезвычайности — чтобы наш Вовчик чего-то боялся, и все же я была уверена, что не ошиблась: он боялся африканского сувенира до дрожи в коленках. Заметил, конечно, и Димка — не мог не заметить.

— Ты чего?! — припер он Вовчика к стенке сразу после торта.

Вовчик отнекивался недолго.

— Оно будто на меня смотрит... И снится, — добавил он неохотно. — Третий день выспаться не могу.

На Димкином лице читались раздумья — рассмеяться или разозлиться.

— А что снится? — уточнила я. — Что он с тобой делает?

— Да ничего такого... Ничего не делает. То ходит за мной, то сидит где-нибудь.

— Ну... ты... это, Вовчик, — Глубоко озадаченному Димке изменило красноречие. — Даже Машка больше этого своего, каштанчека, не боится! Ты чё как маленький?

— Хотя каштанчек не просто ходил за мной, между прочим, — напомнила я. Блюдо мне не понравилось — но напугать оно меня не напугало.

— Сами вы маленькие! Все я понимаю. Но... — Вовчик совсем смутился и расстроился. Пора было уже расходиться по домам, но мы посчитали своим долгом его развеселить.

— Он не страшный, он смешной! — заявил Димка. — Щас мы тебе покажем этого Бужо... Бужа... Тьфу, имечко — и то не выговоришь!

В День Рождения Вовчику разрешалось все, даже играть в отцовском кабинете, на что Димка и рассчитывал. Мы с ним принялись по очереди изображать Бужоафа, всячески кривлялись и дурачились; Вовчик присоединился к нам неохотно, однако затем вошел во вкус. Сохранилась сделанная Сергеем Алексеевичем фотография, где Вовчик стоит в кабинете с «божественной» гримасой на лице. К голове у него приставлены оленьи рога, а на стуле рядом — чучело черной вороны, которое Сергей Алексеевич разрешил нам взять.

Это последняя фотография Вовчика.

Как я упомнила раньше, погода стояла дождливая и холодная, но гостей было больше обычного — потому форточек не закрывали. Вовчик, прячась от блюда, сел к окну спиной, и, должно быть, его сильно продуло. День Рождения праздновали в субботу; в понедельник Вовчик не пришел в школу, а в четверг умер в больнице от скоротечной двухсторонней пневмонии.

* * *

Родители не хотели, чтобы я шла на похороны, но я настояла на своем; Димка пришел, не спрашиваясь у матери. Все выглядело каким-то ненастоящим: ненастоящий Вовчик с лентой на холодном лбу, ненастоящие цветы в большом венке, ненастоящие разговоры шепотом, ненастоящие Сергей Алексеевич и тетя Женя, изменившиеся за прошедшую неделю до неузнаваемости. Я долго хотела заплакать и не могла, а, когда заплакала — слезы тоже получились ненастоящими.

Гроб заколотили и опустили в землю. Как бы что ни выглядело — произошло все по-настоящему, и умер Вовчик по-настоящему. Его место в классе две недели оставалось не занятым, а потом туда пересел из последнего ряда мальчишка, у которого портилось зрение.

* * *

Через месяц, когда жизнь, казалось, устаканилась, Димка вдруг начал вести себя странно: стал необычно молчаливым, подолгу смотрел на меня, будто раздумывая, стоит со мной заговаривать или нет. Это продолжалось два дня; затем он решился.

— Возможно-это-мы-виноваты, — на одном дыхании выпалил он.

— Что? — К стыду своему, поначалу я вообще не поняла, о чем он. — Объясни нормально, Дим!

Он объяснил, или, вернее сказать, попытался. Суть его теории сводилась к тому, что божеству-оборотню, шутнику Бужоафу, не нравится, когда смеются над ним самим — а именно это мы втроем и проделали. В результате, Бужоаф рассердился, убил Вовчика и на сороковой день заберет его дух к себе — если мы не помешаем.

Про сороковой день Димка что-то слышал от матери, про шутника Бужоафа — от Сергея Алексеевича тогда же, когда и я. До всего остального додумался сам, а помешать Бужоафу собирался «как-нибудь». На вопрос, почему он теперь верит в духов и африканских божков, Димка пробурчал, что «не верит, но подозревает».

«Ну и каша у тебя в голове», — хотела сказать я, но не сказала. Мне совершенно не улыбалось, чтобы он отправился на кладбище один, а именно это он и собирался сделать.

Попасть на кладбище ночью или хотя бы поздним вечером мы не могли; Димка, может, и сумел бы, но я в то время еще недостаточно наловчилась ускользать из-под родительской опеки. Мы пролезли в дыру в заборе вскоре после закрытия, в сумерках: темнело уже рано.

В парке в такой час шелест опавших листьев на ветру рождал тревогу — а на кладбище оказалось очень спокойно. Тихо, безлюдно... Мы шли по аллее между могил, словно два призрака, и я еще, помню, подумала,

что это не такая уж плохая была идея — прийти на кладбище после закрытия. Но едва мы нашли нужный ряд и приблизились к могиле Вовчика, все изменилось. У могилы кто-то был.

Издали различим был лишь человеческий силуэт; что-то неправильное чувствовалось в нем. Мы пошли дальше, таясь между надгробий и успокаивая себя мыслью, что это кладбищенский служитель ворует цветы или кто-то из родственников решил задержаться в сороковины на кладбище. Последнее предположение казалось разумным — до тех пор, пока мы не подобрались ближе: среди родственников Сергея Алексеевича и тети Жени невозможно было представить кого-то столь эксцентричного, кто мог бы прийти на кладбище в цилиндре.

Голову того, кто стоял за оградой, венчал высокий черный цилиндр, горло скрывал стоячий воротник пальто. Незнакомец был невысок и смуглолиц. Стало понятно, почему мы до этой минуты шли без затруднений: кладбищенские сторожевые дворняги полукругом лежали у могилы и смотрели на незнакомца.

Мои руки в карманах разом взмокли. Незнакомец? Нет, чудовище!

— Ты! Проваливай! — заорал Димка. Он всегда бросался в атаку без оглядки.

С ограды вспорхнула ворона и с карканьем пронеслась мимо нас; я почувствовала щекой ветер от ее смоляно-черных крыльев. Чудовище повернулось к нам, не открывая глаз; вместе с ним повернули головы собаки.

— Сгинь, нечистый! — Димка метнул в него единственное свое оружие — полулитровую бутыль со святой водой, но уже ясно было, что сработать это не может: ведь крест на могиле ему ничуть не мешал.

Бутылка разбилась об ограду, не причинив чудовищу вреда. Псы подобрались, но не двинулись с места.

Мне очень кстати вспомнилось, что мы не только подбили Вовчика сфотографироваться, но и вовсю участвовали в шутке; чудовище тогда не тронуло нас, но теперь мы сами предстали перед ним. Безо всякой защиты. Димка — тот, должно быть, понимал, что наша вылазка может оказаться опасной, потому и хотел отправиться один, а до меня все доходило с опозданием.

Делать было нечего, но молча сидеть на месте казалось невозможным; страх принуждал действовать — как угодно, лишь бы делать хоть что-нибудь.

— Убирайся! — Я швырнула в чудовище каштан: в карманах завалялось несколько, а больше ничего под рукой не нашлось. — Убирайся!!!

Первый каштан пролетел мимо; второй с глухим стуком отскочил от цилиндра. Третий и четвертый чудовище поймало на лету. Я застыла в ужасе, сжимая последний каштан в кулаке.

Руки чудовища извивались в воздухе, как резиновые шланги: оно улыбалось — и жонглировало моими бесполезными снарядами.

— Бежим! — крикнул Димка.

Меня не требовалось приглашать дважды. Мы бежали к дыре со всех ног, не оглядываясь. Мы не останавливались, пока не отбежали от кладбища на три квартала, и даже в автобусе напряженно наблюдали через заднее стекло за дорогой, ожидая, когда покажется чудовище или его свора... Но никто нас не преследовал. Ярко горели фонари, прохожие брели по тротуару, обходя лужи. На город опускалась обычная, тихая осенняя ночь.

* * *

Мы никому не рассказывали, что случилось тогда на кладбище. В этом не было смысла, к тому же, что именно мы могли рассказать? Как я поняла уже на следующий день, успокоившись — мы больше додумали, чем увидели: мы думали, что цилиндр укрывает рога — но мы ведь не видели рогов; ничего фантастического, в сущности, не видели. Утешительно было думать о возможной ошибке, о том, что какой-то чокнутый циркач забрел в тот вечер на кладбище, а еще спокойней было не думать об этом вовсе. Не думать и не вспоминать — ни о чудовище, ни о Вовчике, попавшем к нему в лапы. «Не вспоминай — и о тебе не вспомнят», как пелось в старой песне; забывая обо всем, мы надеялись, что чудовище забудет о нас: забвение было единственной нашей защитой.

Забыть, выкинуть из памяти вон, как из дома — засохший каштан! Под этим знаменем я прожила следующие тринадцать лет, закончила школу, поступила в институт, вылетела из института, восстановилась... Дима уехал учиться в Питер; мы иногда перезванивались, но не поминали прошлое.

Весной, когда хоронили деда, я заметила два молодых каштана: на многих могилах росли деревья, но эти выделялись густой зеленой кроной и видны были издали. Тогда мне было не до них, но позже я задумалась, откуда они могли там взяться, и в следующий свой приезд на кладбище подошла взглянуть поближе, почти уверенная в том, что обнаружу: Сергей Алексеевич — я смутно помнила это — любил экзотические для нашего региона растения. Действительно, каштаны росли на могиле Вовчика; наверняка взошли из тех, что я разбросала там когда-то... Через год — мы с родителями как раз тогда, в годовщину смерти, навещали деда — каштаны впервые зацвели. Это не насторожило меня: я здорово поднаторела в искусстве забывать. Но еще через полгода моему правдами и неправдами выпестованному спокойствию пришел конец.

Стоял теплый, солнечный сентябрь. Родители уехали на дачу; я была одна в квартире и уже собиралась ложиться спать, когда задребезжал

дверной звонок. Меня будто окатило ледяной водой: хотя звонить мог кто угодно и по какому угодно поводу — могли вернуться родители, любого из друзей могла принести нелегкая — от этого звонка пахло бедой...

Я осторожно прокралась к двери и выглянула в глазок: на площадке стоял каштановый человек, и в его уродливом лице угадывались черты моего давно умершего школьного друга.

* * *

— Вовчик? — вырвалось у меня. Он не ответил. По лицу расходились желто-коричневые переливы, огромные плоские пальцы укрывали что-то, что он прижимал к груди. Кроме черт лица, лишь одно внешнее различие было между тем, кто стоял теперь за дверью и чудищем, что тревожило в детстве мои сны: едва прикрытую воротником шею ночного посетителя украшало толстое веревочное кольцо.

Я непослушными руками накинула на дверь цепочку и попятилась из прихожей. Что-то стукнулось о кафель площадки. Звук на время привел меня в чувство: проход в прихожую я задвинула креслом и бросилась к телефону. Но ни один из Димкиных номеров не отвечал.

«Он уже побывал у него». — В бессильной ярости я швырнула трубку на рычаг. — «И сейчас войдет сюда!»

Дверь родители годом раньше поставили железную, но в ту минуту квартира казалась мне таким же игрушечным убежищем, каким был замок из детских снов. Тысячи мыслей роились в моей голове; одни вызвали ужас, другие — стыд, от третьих меня переполняло отчаяние... Я вспомнила все, о чем старалась забыть: все свое детское вранье и гонор, то, как мы выдумали шутку с оленьими рогами, как бежали с кладбища, позабыв, зачем пришли туда. Мы хотели помочь Вовчику, но не смогли, предпочли забыть о нем — и вот он превратился в чудовище... Каштановый человек, каштанчек из моего детства, отвечал злом тем, кто причинял зло ему. Какова же была его справедливость для тех, кто бездействовал?

Мы выбросили бывшего друга из памяти, построили игрушечную безопасную жизнь, в которой его не существовало. И тот, кто стоял за дверью — кем бы он ни был, оборотнем Бужоафом или каштановым человеком — пришел разломать игрушку.

— Мы это заслужили. Заслужили...— Я опустилась на пол у телефонной тумбы: ноги не держали. Было страшно и горько, обидно за себя, за Димку, за Вовчика, за то, что все так вышло. Я не хотела, чтобы все так заканчивалось, но конец теперь казался мне давно предрешенным, и панический страх первых минут уступил место смирению. Я сдалась. Мне не хватало мужества вновь подойти к двери самой; я сидела на полу

и ждала, пока Вовчик войдет или позвонит снова, постучит, велит его впустить... Но было тихо — только тикали настенные часы.

Должно быть, я впала в какой-то ступор и потеряла счет времени, поскольку за окном уже рассвело, когда прозвенел звонок. Я разобрала баррикады и, не заглядывая в глазок, распахнула дверь, готовая встретиться с Вовчиком лицом к лицу и впустить его в дом. Но на пороге стоял сосед.

— Еще раз мусор под дверь выставите, председателю кооператива пожалуюсь! — проорал он, развернулся и ушел.

Я, ничего не понимая, уставилась ему вслед. На то, чтобы справа от двери заметить желтую матерчатую сумку на завязке-шнурке, мне потребовалась минута, но сама сумка была мне хорошо знакома: в ней я в начальной школе таскала сменку... Я внесла выцветшую, изорванную и грязную сумку в квартиру, развязала шнурок: теперь внутри лежали каштаны — крупные, светло-коричневые, блестящие.

Получасом позже позвонил Димка, живой и здоровый: оказалось, он в ночь провожал кого-то на вокзал.

— Так он что-нибудь сделал тебе? — К моему удивлению, он не стал выпытывать, сколько я пила накануне, а сразу поверил мне.

— Нет, вроде как, нет, только каштаны эти... Ты сам не видел его?

— Бог миловал, — ответил Димка с какой-то нездоровой серьезностью в голосе. — Ты уверена, что это он, а не... Не просто тварь с его обликом?

— Откуда мне быть уверенной? Но, думаю — он, Дим. Он сам теперь — та тварь.

— Которая из тварей? — все так же серьезно уточнил Димка.

На первый взгляд, тут было, над чем поломать голову, но что-то внутри меня не сомневалось в ответе. Каштаны завезли в наши широты с юга, и они прижились здесь: давно никто уже не удивляется их большим листьям и колючим плодам. Теперь же чужеземный бог, шутник-оборотень — чьего настоящего имени, быть может, не помнит даже он сам — пустил у нас корни: в далекой Африке он представал перед людьми рогатым Бужоафом, а здесь воплотился каштановым человеком.

Каштанчек, прежде бывший лишь смутной тенью, ночным кошмаром, существовавший лишь понарошку, теперь обрел настоящую плоть и кровь. Каштановый человек стал каштановым богом.

Почему именно он? Возможно, чужеродное тянулось к чужеродному — или же каштаны, упавшие в сырую кладбищенскую землю, не оставили ему выбора.

Все это я, запинаясь и глотая слова, поспешила высказать Димке.

— Ну, не знаю... тебе виднее. — Димка вздохнул. — Ладно, мне пора. Осторожней там, еще позвоню.

* * *

Мы часто созванивались, но встретиться смогли только в следующем году, летом, когда Димка приехал домой после защиты диплома. Вовчик больше не появлялся, но принесенные им каштаны за все это время ни на толику не потускнели; они по-прежнему выглядели так, словно их только вчера вытащили из кожуры.

Я много думала над тем, что бы это могло значить. Не были ли они — как ни странно это звучит — подарком? В детстве мне всегда хотелось иметь такие вот вечно блестящие каштаны, а Вовчик был мне другом, и мог — несмотря на то, что я сделала и чего не сделала — другом остаться... Но нестареющие каштаны могли оказаться и знаком того, что он — помнит. Что память о нашей роли в случившемся с ним не потускнеет никогда, и однажды он явится за нами... Непременно явится — но только когда сам пожелает прервать пытку ожиданием. И только если сумеет нас найти: что, если от него можно отделаться, просто уехав из города?

Я поделилась своими соображениями с Димкой. Мы сидели на скамейке в парке. Рядом ребятня гоняла мяч.

— Не знаю, Маш. Правда, не знаю, что тебе на это ответить. — Димка странно взглянул на меня. — Тут такое дело... Не хотел тебя пугать, но...

И он рассказал о том, о чем мне следовало бы догадаться самой — потому как слишком уж легко он мне поверил, когда я срывающимся голосом сообщила ему о существе на площадке.

Димка тогда не соврал, но и не сказал правды. Уезжать не имело смысла: да, он не видел каштанового человека — но, вернувшись домой, тоже нашел под дверью подарок. Детскую туфлю, набитую каштановой кожурой.

Нат Райдо

АВАТАР НЕБЕС

Эрне отложил топорик, присел на корточки и прислушался. Нет, ничего страшного пока не происходило. Слышались лишь отдаленные голоса поселян, рев скотины да шелест травы под ветром. А секунду назад казалось, что солнце в небесах гудит, как огромный золотой гонг. Странное в последние дни чудилось парнишке, и и страшно, и что делать непонятно, и даже сказать некому — решат, что сирота умишком тронулся.

Друзей у Эрне не было, все подростки тринадцати циклов от роду с утра уводили скотину на пастбища или шли на покос. А Эрне помогал хозяйке, сидевшей дома с малыми детьми, и целыми днями не видел ничего кроме стерни да навоза, их приходилось смешивать друг с другом и сушить, чтобы зимою топить печь.

Парнишка вздохнул, собрал нарубленное для растопки, сложил в корзину и быстрым шагом направился к клети. Небольшой, заставленный хламом двор перед окнами кухни он миновал почти бегом — там часто бывала хозяйка. Завидев Эрне, она обычно ругалась грязно и витиевато, без всякого повода, сливая на приемыша накопившееся за день раздражение. Хозяин относился к парнишке получше, никогда не бил и ругал только по делу, надеясь, что из сироты вырастет толковый работник и понимающий скотовод. Но Эрне выполнял, что ему поручено, с тоскливой неприязнью и старался побыстрее скрыться от чужих глаз, чтобы хоть немного побыть наедине со своими мыслями. Почему же под таким высоким, бездонным небом люди живут так нелепо и безобразно? Ответа на это нет, и, увы, не будет.

Скинув растопку в ящик и выскочив из сарая, Эрне уселся на корточках за углом, чтобы собраться с духом и снова пойти работать. Но сразу заставить себя не смог, и, уставившись в ясное, но уже начинающее темнеть небо, решил, что посидит так еще минуточку.

Последние пару дней, после того, как через деревню прошли жрецы Ишшаррана, у парня все валилось из рук, а дыхание внезапно перехватывало. Вспоминалось, как в такой же душный летний вечер, когда ветер уже стих и в траве загудели цикады, а огромное яркое солнце склонилось к горизонту и из золотого сделалось бронозово-рыжим, с юго-западной стороны проходившего через деревню пыльного тракта раздался звон колоколец. Эрне выглянул на дорогу; вдалеке показалась процессия босых бритоголовых мужчин в оранжевых и бело-бордовых балахонах. Они вышагивали медленно, как будто боялись уронить стоящие на их головах незримые сосуды. Один имел при себе бубен из человеческой кожи — Ишшарран принимал человеческие жертвы.

Рослый жрец на ходу открыл дорожную суму, и в его руке блеснул диск, маленькая копия солнца. Над дорогой поплыл протяжный, томительный зов гонга.

Поселяне бросали работу и подходили к изгородям; следом с веселыми криками подбегали дети, но, одернутые родителями, молча и жадно взирали на сказочных гостей. А процессия все приближалась, и вот уже жрец с гонгом подошел настолько близко, что можно было различить затейливые узоры из кроваво-красных самоцветов на его украшениях из золота и бронзы.

Эрне резко вдохнул и застыл, потрясенный яростным, вдохновенным лицом жреца. Тот, запрокинув голову к закатным небесам, будто бы прозревал тайну, манящую, но запретную для простых смертных. Где-то рядом пронзительно взвизгнула дудка; жрец прошелся чуткими пальцами по поверхности гонга, затейливые медные серьги звякнули, с виска упала капля пота.

— О, Ишшарра, та, Ла Ишшарра.., — жарко прошептал жрец и сглотнул.

Кто-то из поселян через изгородь протянул ему чашку с водой, но жрец не видел; страстные слова своему богу продолжали срываться с его губ. Эрне не понимал их, молитва была на другом языке. Но ощущал, как на плечи ложится странная тяжесть, будто бы в ясных небесах собиралась невидимая гроза.

После ухода жрецов Эрне долго не находил себе места. Стоило закрыть глаза, и в ушах раздавался звон, а перед мысленным взором вставало закатное небо в полосах огня. Где-то рядом ощущалась сила, способная в мгновение ока переиначить жизнь парня, никчемную, жалкую, да и его самого переделать в придачу. Это заставляло сердце сладко замирать, и становилось страшно.

«Что будет, если позволить силе сделать это все?», — думал Эрне, сидя за сараем и упрятав глаза в землю. Руки его тряслись.

— Эй, ты, червяк поносный, скотина холощеная! — вдруг завизжала хозяйка, появившись на пороге кухни. — Иди, забери помои!

Эрне подскочил с места. И вдруг накатила волна ярости, в душе, мгновенно и страшно, полыхнула невидимая молния. С губ сорвался отрывистый крик, тремя огромными шагами он пересек двор, и, не поняв, что делает, схватил ведро и окатил бабу с ног до головы. Сразу стало легче.

Приступ сошел на нет так же внезапно, как и начался. «Это все», — вдруг осознал Эрне. Что было, закончилось навсегда, и пора уходить от хозяев. Полный странного, непривычного спокойствия, Эрне перемахнул через низкую изгородь, вышел из селения и двинулся в степь наугад.

Когда солнце повисло уже почти над самым горизонтом и повеяло прохладой, Эрне окончательно пришел в себя и задумался. Куда податься? Он огляделся. Вокруг расстилался бескрайний океан трав,

вдали маячила лента дороги. Если выйти на нее, то можно идти и ночью, колодцы там, как говорили путники, кое-где попадаются. В небесах зажигались звезды, вскоре взошли две из Трех Сестер — старшая, голубая, с дрожащим серебристым ободком, и средняя, зеленоватая, похожая на надкушенный сбоку недозрелый плод. Весь мир ощущался теперь по-другому: прежде пугавшая Эрне ночная тьма сейчас казалась хорошим временем для того, чтобы полностью успокоиться и поразмыслить.

Эрне взглянул в свою душу и понял, что стал совсем другим. Там, где прежде сидел застарелый страх, теперь воцарились спокойствие и ясность, и странное знание о том, как устроено все вокруг. То, чего он так хотел и так боялся, уже произошло — сила, пришедшая с жрецами Ишшаррана, вошла в него. Скорее всего, это случилось тогда, когда он взъярился на хозяйку. Он больше не прежний Эрне, не робкий, забитый хозяевами сирота. Теперь он что-то другое. Но что? Когда-нибудь он поймет, этот вопрос не должен остаться без ответа.

Эрне выбрался на дорогу и бодро зашагал на юг, в сторону ближайшего города. Зачем он туда идет и чем займется, парень не имел ни малейшего понятия. Ночная прохлада бодрила, взвинчивая и без того возбужденные нервы, поэтому Эрне решил, что будет идти, пока не свалится от усталости. Вскоре взошла Младшая Сестра, озаряя все вокруг таинственным серебристым светом, и стало светло почти как днем. В паре десятков шагов в стороне от дороги Эрне заметил глинобитный домишко с покосившейся, местами провалившейся крышей, пустые оконные рамы зияли черными провалами, дверь приоткрыта. Облизнув пересохшие губы, Эрне свернул, по пояс ухнув в заросли пахучих трав. Колодец нашелся не сразу, но оказался вполне действующим — треть бадьи наполнилась свежей водой с едва заметным странным привкусом.

«Хорошо бы еще найти бурдюк», — подумал Эрне и направился к хижине.

Дверь отворилась со скрипом. Куча тряпья и шкур на полу зашевелилась.

— Доброй ночи, — раздался глубокий баритон.

— Д-доброй, — откликнулся Эрне, вздрогнув от неожиданности.

— Заходи, меня можно не бояться, — мужчина сел на постели, окинув подростка внимательным взглядом. — Ты чей?

— Я Эрнеон из Арсата, иду в город.

— Арсат — это где? — живо поинтересовался незнакомец.

— Вот в ту сторону, недалеко, — Эрне махнул рукой и вздрогнул. Казалось, глаза чужака в темноте светятся желтым, как у ночного тагхата-падальщика.

— Садись, — вдруг властно проговорил мужчина, чиркая огнивом. Вскоре в щербатой плошке на полу затеплился огарок сальной свечи. — Я Мерв из Дусаррона, это отсюда дней десять пути на юг.

— Здесь бурдюка для воды нет? — Эрне застыл у двери как вкопанный, ночевать под одной крышей со случайным встречным не хотелось.

— Утром поищешь, — Мерв поднял свечу повыше, и Эрне увидел, что он плечистый, худой, жилистый, с цепким взглядом и обильной проседью в русых волосах, на правой щеке короткий, тонкий, но сразу заметный шрам. — Здесь есть вода, хлеб и вяленое мясо. И если ты думаешь, что я просто так отпущу сбежавшего из дому пацана, то ошибаешься. Ближе к городу полно лихих людей, могут угнать в рабство.

— Обратно к хозяевам мне дороги нет. — Эрне вздохнул, потоптался и присел на кучу тряпья у входа.

— А что ж так? — Мерв прищурился. — Я мог бы пойти с тобой к ним и поговорить. Глядишь, все бы и уладилось.

— Хозяйка сейчас выгребает из волос помои, которыми я ее облил, — выпалил Эрне с наслаждением. — Теперь мне все равно куда идти, можно в город или куда угодно. Могу пойти с тобой.

— Экий ты храбрый, — осклабился Мерв. — я иду в Куббатту на сезонные работы, а там малолеток не берут. Но со мной пойти можешь, где-нибудь по дороге я тебя пристрою.

«А может, это выход?», — Эрне закусил губу. Но нет, так не стоит, ведь он уже был в услужении, и эта история только что закончилась весьма плачевно. Теперь, прежде, чем что-то решать, надо хорошенько подумать.

Парнишка, прикрыв глаза, засмотрелся на свечу, в ее пламени ему снова виделся золотой закат и сверкающий гонг в руке жреца. Казалось, внутри бронзового диска скрывается целая вселенная, иные пространства и иные времена, а обод гонга — это край мира, место, где небо встречается с землей. Вдруг пламя свечи затрещало, пару раз мигнуло и погасло, вверх от фитиля потянулась тонкая струйка дыма.

— Ничего себе! — лицо у Мерва вытянулось. — И давно это ты свечи взглядом гасишь?

— Она сама погасла, — дернул плечом Эрне.

— Да, конечно... В храм бы тебя отвести, парень. Жрецы живо бы разобрались, что в тебе такое. Но лучше сначала все расскажи мне. Я о Силе побольше жрецов знаю, — добавил он вдруг и снова запалил свечу.

Эрне, услышав это, тут же встревоженно уставился на Мерва. Тот глядел беспокойно, выжидающе, словно игрок в в кости за миг до броска противника. Побасенки он, что ли, собирает, байки травить другим таким же путникам, чтобы в дороге не скучно было? В храм Эрне и сам заглянуть мог, терять-то особо нечего, в крайнем случае обругают да вон выставят. И что бродяга может знать такого, чего жрецы не знают?

А рассказать все равно хотелось.

Эрне решился и заговорил, взволнованно и сбивчиво, слова, чтобы описать неведомую Силу, подбирались с большим трудом. Но в прищуренных желто-зеленых глазах Мерва читался неподдельный интерес,

и парнишка снова повествовал о таинственной Силе, о том, что теперь он с ней одно и назад дороги нет.

— А ну-ка, — вдруг Мерв сверкнул глазами, — попробуй, переведи песню, которую жрецы пели. Вернись в тот момент, когда ты ее слушал, забудь о словах и переводи по смыслу.

Эрне кивнул, запрокинул голову, вместо крыши лачуги ему уже виделись знойные небеса, полные неугасимого закатного огня.

— Есть голубое небо, как небо из серебра, — фальцетом завел он. — Это небо живых, вниз с него стекает прозрачная вода. Но жизнь проходит и наступает иное. О, Ишшарран, помоги мне отдернуть завесу иллюзий!

— Да... — шепотом уронил Мерв.

— За ним — небо алое, все в потеках запекшейся крови, вниз с него выпадает пепел и сухая ржавчина. Это небо для жертв и героев. Но смерть проходит и наступает иное. О, Ишшарран, помоги мне отдернуть завесу иллюзий!

Эрне побледнел, в глазах мешались восторг и ужас, а слова сами собой продолжали срываться с губ:

— Есть последний предел, и за ним небеса как пламя. С него падают звезды и рыжие искры с огромной наковальни, и смертный в священном страхе отводит взгляд. Это небо Творящих, оно для тех, кто перешел человеческие возможности. О, Ишшарран, помоги мне дойти до тебя!

Внутренняя музыка внезапно стихла. Эрне шумно перевел дух.

— Небеса Творцов! Ты их видишь? — жадно спросил Мерв.

— Да.

— Ну ты и вляпался...

Эрне потрясенно молчал, ничего не понимая. Слова священного гимна оставили в душе глубокий след, и что они значат, еще предстояло понять. Сила била изнутри, как светящийся родник, растекалась огнем по жилам, и окружающий мир казался каким-то тусклым, ненастоящим. Вляпался? Что значит вляпался?

— Ишшарран поселился в тебе. Он как бы сделал тебя своей частью, и таких, как ты, частей, должно быть еще много... Как, говоришь, тебя звали? Эрнеан?

— Эрнеон.

— Теперь у тебя наверняка уже другое имя...

— Это как? Почему? — Эрне вдруг осознал, что больше не ощущает ни удивления, ни страха, то, что сказал Мерв, легко укладывалось в теперешнее представление о самом себе.

— Эр-не-ран, — с видимым усилием подобрал Мерв. — Голос Ишшаррана. Писаться должно с одним «р».

— Да откуда тебе это все известно?

— А оттуда, — Мерв грустно улыбнулся, — откуда все берет свое начало. Я считаюсь Тейхаро, или, как в просторечии говорят, аватаром,

другого бога. Так сейчас оно или нет, не скажу, ведь прошло уже много лет, я мог перестать быть аватаром и сделаться еще кем-то. Но когда-то жрецы храма в Ботте все в один голос заявили, что я Тейхаро.

— Расскажи! — подался вперед Эрне.

Мерв немного помолчал и с какой-то затаенной грустью начал:

— Тридцать циклов Эттерри назад — я был тогда немногим старше, чем ты сейчас — в Дуссарроне, в моем родном селении, случилась эпидемия желтой брюшной лихорадки. Люди мерли один за другим, стояло жаркое лето, воды не хватало. Старейшины уже сошлись на том, чтобы опаивать всех зараженных отваром ядовитой травы, но жара начала спадать. Тогда же, одной из последних, заболела моя Ратаари, девушка, которую я любил.

Я уговорил ее родителей покинуть дом и заперся там с ней, в ужасе ожидая, что посланные старейшинами сжигатели отбросов выломают дверь и заберут девушку. Но они так и не пришли. У Ратаари был жар, она бредила. Я поил ее водой и метался по дому, не зная, чем еще помочь, пока не почувствовал, что заболеваю сам. Тогда я упал на колени и взмолился богу-целителю Миллитавену. Молитва для меня была запретной, возносить мольбы дозволялось лишь жрецам и людям, прошедшим специальный обряд. Но мне было уже все равно. Где-то там, высоко в небе, я видел Кроткого Милли со священным цветком в руке, и просил его вылечить меня вместе с Ратаари. Но выздоровление все не приходило, я уже чувствовал, что сам теряю связь с реальностью, начинался бред. Тогда я, собрав остатки воли, взял нож, наставил себе в грудь и крикнул: «Милли! Моя жизнь — это моя жертва для тебя! Возьми!». И вонзил нож.

Боли почти не было. Я лишь почувствовал, что вместе с ножом мне в грудь вошел зеленый луч. «Я услышал», — сказал Милли. Дальше наступила темнота.

Очнулся я в сумерках, в сарае возле родительского дома, и сразу же спросил, где Ратаари. Отец, поседевший и хмурый, сказал, что моей невесты больше нет, а дом спалили вместе с ее телом. Я почему-то воспринял это почти спокойно, так, как будто уже знал. Но ощущение, что она где-то есть, пусть даже не в этом мире, не покидало меня. Нужно было поправиться и понять, где она сейчас, чтобы когда-нибудь потом, в иной жизни, вновь соединиться с ней. Смерти я больше не боялся.

Поправлялся я быстро. Жар спадал, рана на груди оказалась неопасной — нож соскользнул по ребрам. Но в глубине души я знал, что прежняя жизнь закончилась. Тот Мергар, который родился и прожил здесь шестнадцать циклов, ушел в небеса вместе с Ратаари. Милли словно забрал мою душу, а взамен вложил что-то, чего я пока не понимал. Иногда во сне я видел в своей руке белый цветок и знал, что

могу исцелить болезнь и отвести несчастье. Я стал чем-то большим, чем Мергар, и одновременно чем-то меньшим.

Наш лекарь посещал меня каждый день — эпидемия сошла на нет, а я оказался единственным выжившим после лихорадки. Я рассказал ему обо всем, что случилось со мной, и о том, что теперь ощущаю себя Милли. Лекарь признался, что за всю жизнь не встречал других подобных случаев, и посоветовал сходить в город, в столицу нашего баронства, поговорить с тамошними жрецами. Но выбраться случая так и не представилось, началась страда, а сам лекарь, будучи уже немолод, слег с болью в суставах. Днем я до изнеможения работал в поле, а вечером поил его отварами из трав и ставил компрессы.

Мерв прервал свою речь и засмотрелся вверх. Огарок свечи догорел, и собеседники сидели в темноте, лишь крупные звезды светили в небе над провалившейся крышей лачуги.

— Что жрецы-то тебе сказали? — подался вперед Эрне.

— С жрецами я виделся много позже, когда уже и не думал ни о каких богах. Наша армия пала в стычке с войсками герцога, и мы отступали через Ботт, городок, который в скором времени тоже был захвачен. Мой товарищ получил сквозное ранение в бедро и идти не мог, рана воспалилась. Я, с согласия командира, попытался пристроить его в храм, но жрецы отказали, пояснив, что отряды герцога, ворвавшись в город, перебьют всех, кто сражался на стороне барона, а за укрывательство и служителей богов не пощадят. Тогда я, взглянув в глаза жрецу, высказал, что я думаю о нем самом и о его матери, породившей на свет жалкого труса.

Жрец вдруг задохнулся, схватился за сердце и побледнел. А, отдышавшись, пробормотал, что меняет свое решение и окажет любую требуемую помощь. Больного мы отнесли в одну из хозяйственных пристроек, а потом жрец признался, что исходящая от меня сила чуть не убила его за отказ. Посовещавшись с другими жрецами, он предложил мне остаться в храме и заняться любой работой, которая придется по душе.

— Пусть сила, стоящая за тобой, сменит гнев на милость и поможет нам пережить тяжелое время, — сказал он. — А мы поможем тебе разобраться в природе этой силы.

Я остался. Ночью, при свете огня на алтаре, старый жрец Тайрани, богини дождя и жизни, гадал мне на священных глиняных фигурках. В ходе странной партии я вытаскивал из мешочка пластины с различными изображениями, а жрец переставлял на доске фигуры богов и демонов. Вскоре на одну из ключевых точек доски встала фигурка Миллитавена, рядом с нею — поверженный демон болезни, а на нескольких клетках подле них — шашки с символами, означавшими победу, смерть и окончательное перерождение.

— Ты победил в схватке с болезнью и смертью, но при этом проиграл самого себя, — сообщил тогда жрец. — Кроткий Милли ходит теперь по миру в твоем обличье, твои слова и дела суть уже не твои, а его.

— Так кто я? Мергар или Милли?, — вопрос сам сорвался с моих губ.

— Ни то, ни другое, — помолчав, ответил жрец. — Время от времени ты будешь ощущать себя прежним Мергаром. Ведь у тебя его память, его привычки. Ты пьешь, ешь, спишь по-человечески. Все это создает иллюзию, что ты по-прежнему Мергар, а непонятное происшествие с Милли тебе приснилось. Но на самом деле все не так. Это Милли теперь спит и видит во сне, что сделался Мергаром и живет как простой человек. То, что являло собой сущность человеческой души, стало частицей бога.

На следующий день мне дали новое имя — Мервенг. Но объяснить, почему Милли избрал именно меня, а не кого-то другого, так и не смогли.

Еще через три дня наемники герцога вошли в город. Жители в страхе попрятались в домах, и солдаты проходили по опустевшим улицам, поглядывая вокруг хмуро, по-хозяйски. Всюду слышался грохот и пьяная ругань — грабили лавки и дома, били окна, кое-где раздавался отчаянный женский визг.

Я, в кожаных латах, с копьем и мечом, стоял наготове за запертыми воротами во дворе храма. Но захватчики, несколько раз ударив по створам чем-то тяжелым, прошли мимо. Захоти они сломать ворота, так сломали бы, а уделать одного-единственного стражника им недолго, благо я и мечом-то владею хуже, и после бдения возле раненого товарища силы не те. Но кротости во мне, в отличие от настоящего Милли, ни на медный тинг, я положил бы любого, кто ворвался сюда, или лег бы сам. Тейхаро я там или нет, но мое тело вполне годится, чтобы воевать, и сам я не трус, в бою врагов убивал. То, что я — воплощенный Милли, это какое-то недоразумение, не иначе, но не мне, наверное, рассуждать о путях богов. Пока я стоял и думал обо всем этом, наемники убрались вон, то ли награбили уже достаточно, то ли слишком надрались, то ли и то, и другое.

Товарищ, моими усилиями, вскоре полностью поправился и ушел в родную деревню. А я остался стражником при храме, выучился грамоте и начал вести хозяйственные дела, вроде расчетов с лавочниками и уплаты налогов. Занимался больными я нечасто и только по просьбе жрецов — когда люди, оставив бесплодные попытки вылечиться у обычных лекарей, обращались в храм. Тогда я лечил их так, как учил меня наш деревенский знахарь, и люди поправлялись, но никто из них не счел это чудесным исцелением.

Мерв замолчал, задумчиво взглянув на Эрне, притихшего в своем углу, и отхлебнул воды из фляги.

— Вот так. А потом я ушел из храма, потому что новый верховный жрец, присланный из новой столицы, оказался шпионом герцога. Не

понимаю, когда у человека две души. Это так же неестественно, как три головы или восемь рук. Я считаюсь Тейхаро, но вот душа у меня одна.

— Вот не понял пока, — озадаченно пробормотал Эрне. — ты Тейхаро, воплощение бога, значит, и жизнь у тебя должна сложиться по-особенному, не как у всех. Почему ты не совершал чудеса, не поменял все так, чтобы все вокруг было правильно? Не сделал, чтобы никто больше никогда не умер?

— Жизнь у меня и впрямь не так сложилась, как я прежде думал, а куда интересней и лучше, — улыбнулся Мерв. — Будь я тем, прежним Мергаром, я наверняка сложил бы голову на войне с герцогом. Ведь силы-то были неравные, меня только чутье, от Милли доставшееся, от вражеской стрелы спасло. Но это я только потом понял... Да что там, Мергар, какой есть, остался бы вместе с Ратаари дожидаться Нового Утра, от этой лихорадки еще никто пока что не выздоравливал. А я жив. Потому что я крикнул тогда, что вот так не могу больше, что мне жизнь не нужна, и пусть бог, или что там еще, забирает ее себе... Ты, признайся, наверняка то же самое внутри себя кричал, — Мерв в упор, испытующе посмотрел на Эрне.

— Ну как-то почти так же, но не совсем, — тихо выдохнул тот.

— Мы стали Тейхаро по собственной воле, потому что отказались умирать или жить по-прежнему., и нам дали новую жизнь и другое имя. Все это, я считаю, очень справедливо.

— Но жизнь проходит, и наступает иное, — Эрне пробормотал строчку из гимна.

— Вот-вот. И подумай лучше, кем тебе в этой новой жизни быть. Я решил, что мы двинемся в Ботт, там я могу рекомендовать тебя слугой в несколько хороших семей или даже к кому-то из ремесленников в подмастерья. Но неизвестно, возьмут ли, это как повезет.

— Ты говорил, что идешь на какие-то работы, — удивленно заметил Эрне.

— Я передумал. Давай поедим, — он протянул полкраюхи слегка зачерствевшего хлеба, — и спать.

Двинулись в путь они поздним утром, солнце уже поднялось высоко и заметно припекало. Шли неспешно, лишь время от времени перебрасываясь пустячными замечаниями и прибаутками — самое главное было сказано, но многое еще предстояло осмыслить. Ветер задувал Эрне в лицо, ерошил волосы, и парень благодаря новому, только вчера появившемуся чувству, понял, что это не простой ветер, а разлитая всюду в природе сила жизни. Теперь она будет всегда рядом, начнет беспокоить и будоражить, не даст надолго остаться в плохом месте или с людьми, у которых нет души. Все вокруг наполнялась для Эрне особым, но до конца еще не разгаданным смыслом, даже привычные мелочи приобретали новое значение.

— Красивые у жреца были серьги, — мечтательно улыбнулся парнишка. — Если бы я тогда на них не засмотрелся, то, может, и Тейхаро бы не стал. Бляхи тоже красивые, только там сразу не понять, что изобразили, слишком мелко. Вот бы мне научиться такие штуки делать!

— Да, тебе ювелирное дело должно быть близко, — кивнул Мерв. — Ведь Ишшарран еще и покровитель ювелиров, говорят, первые человеческие души делались из золота. Но пристроить к ювелиру в подмастерья мальца с улицы — это только какой-нибудь лорд может, да и то за деньги. У них клан, в подмастерья берут только родственников, чтобы золото из семьи не уходило.

— Бред все это, — Эрне тряхнул головой. — Золото — как вода и воздух, оно никому не принадлежит.

— А поди докажи им это, и чтобы еще не убили, — буркнул Мерв, глянув на подростка исподлобья.

— Жизнь тоже никому не принадлежит, — парнишка остановился, вздохнул, и, не мигая, несколько секунд смотрел прямо на солнце. — Знаешь, я чувствую, что, если отдать свою жизнь правильно, то рано или поздно обязательно получишь новую. Правда, тоже на время, и неизвестно, какая она будет.

Мерв ничего не ответил и отвернулся, но Эрне, не заметив его реакции, снова зашагал вперед.

— Ювелиром я стать хочу, это надо попробовать, — он задумчиво посмотрел вверх. — Кроме золота есть еще медь и бронза, а их никто на годы жизни не пересчитывает. Придем в город, разберемся, и... я буду очень хотеть, поэтому все получится.

«А он сможет», — вдруг понял Мерв. — «Что именно сможет, еще не ясно, но упорства ему не занимать. Если уже сегодня начал говорить о поражении, то на завтра ничего хорошего не жди. Но пацан-то, похоже, не из таких».

Путники прибавили шагу; на миг Мерву показалось, что голубое небо распахнулось, как два обрывка ветхой ткани, и в прореху глянули высокие, полные пламени небеса Ишшаррана.

Через тринадцать циклов Эттерри в Ботте ремесленники подняли восстание против высоких налогов на герцогскую корону. Возглавлял его молодой лудильщик, на досуге создававший прекрасную посуду и украшения из меди и бронзы. А его отец был при нем вдохновителем и советником.

Наталья Лазарева

НЯНЬКА ДЛЯ ПОНТИИ

Вода тут шумела нещадно. Вода проходила сквозь решетку запруды и рвалась книзу, к узкому жерлу в земле, неслась в глубины и расходилась в огромное черное озеро, которое лежало в древней доледниковой глубине под городом Плещеевым. И там, среди густых зарослей темноствольных деревьев, лепившихся по крутому склону, остролистых, хищных с виду трав да охряных длинноногих пахучих грибов, пухлым воротником охвативших низы деревьев и гнилые пни, лежало никчемное тело мелкой худой девушки в снежно-белом платочке. Девушка, видно, свалилась в эту водяную пропасть с крутого обрыва: то ли собирая грибы, то ли пытаясь рассмотреть, куда с таким шумом уходит вода запруженной речки.

И прямо возле жерла в какой-то момент возник грязно-желтый, поначалу словно размытый во влажном воздухе, столб, потянулся в сторону лежащего тела, потом выпрямился и постепенно стал уменьшаться, съеживаться, как бы ссыхаясь. От столба, мало по малу, отваливались клокастые комки, и постепенно он стал приобретать форму лежащего в лощине тела. А потом и само никчемное тельце растворилось в воздухе, и осталась лишь смятая, запачканная землей одежда.

И тогда грязно-желтый столб принялся подгонять себя под бедное это одеяние: под сорочку на узких бретелях; под застиранную кофту в мелких цветках, создавшую рукавами предплечья; под сборчатую длинную юбку, которая и стянула узким пояском бесформенную тумбу будущего тела. На верхнюю часть столба наполз ветхий платок бурого цвета, обвился и сделал плечи, а потом опустился к обозначившейся уже узкой талии и обвился там. В приросшее к земле основание столба вонзились штопанные чулки и образовали тонкие девичьи ноги, а на маленькие уже узкие ступни навалились огромные высокие мужские ботинки. Вырвались из-под белого головного платочка расчесанные на прямой пробор светлые волосы и протянули по спине недлинную жидкую косицу.

А вот желтая выпуклость под пробором тонких блеклых волос делалась долго. Здесь нечем было прижимать и выдавливать. Вязкая масса медленно вспучивалась, втягивалась, морщилась и панично бесновалась. Потом из небытия возникли сережки белого металла с синими стекляшкам на концах и создали небольшие аккуратные уши. Потом подбородок обрисовал снежно-белый, так и не запачкавшийся при падении головной платок. И так, пока еще недоделанной, фигура поползла кверху, цепляясь возникшими уже кистями рук за хищные травы, темные стволы и разваливая упругие, но хрупкие воротники грибов.

Фигура выбралась из глубокой лощины, в пальцах был зажат букетик длинноногих грибов с грязно-желтыми шляпками. Затем фигура резко продвинулась вперед, скользя над землей, туда, где виднелись низкие деревянные строения, лепившиеся вокруг одноэтажной усадьбы.

Сгорбленная старушка повстречалась фигуре, подслеповатыми глазами пошарила сначала по одежде, особенно по огромным ботинкам, потом по снежно-белому платку. Временами глаза старухи перебегали на головную часть фигуры, на само лицо, но ничего там не находили. Тогда старуха морщилась и быстро-быстро моргала. Но постепенно грязно желтая масса фигуры выдавила из себя то, что и предполагалось увидеть. Засветились на плоском вначале лице бледно-серые близко поставленные глаза, приподнялись в возбуждении тонкие, почти бесцветные бровки, поначалу неровно и криво, но потом точно и вовремя стал приоткрываться приятной формы рот. Вот нос только никак не вылупливался, но затем все же вышел — небольшой, тонкий, с очень узкими, почти не существующими на самом деле ноздрями.

— Ты, Ольгунюшка, по грибы, что ль, ходила? — спросила старуха.

— А-а-а? — хрипло, вяло, пробуя голос, промямлила фигура, потом уставилась пустыми пока глазами на кулак, зажавший букет грибков с остатками понизу мха и черной землицы, — А-а-а? Вер-н-н-о, бабка, по грибы. Пошли опята. Летние.

— А чего корзинки нету?

— Да я там, на крутизне, оступилась, упала, корзинку выронила, да и не нашла потом, — протараторила уже Ольгунюшка.

Но возле никчемного тела на дне оврага никакой корзинки не было.

А фигура снова затараторила, чаще совсем невнятно. Но старуха додумывала недослышанные ею фразы известными ей обстоятельствами жизни вновь возникшей из небытия Ольги, и эти обстоятельства жадно заглатывались темным нутром фигуры.

Старуха свернула на песчаную дорогу, ведущую к сосновому холму, а фигура Ольга устремилась к городу Плещееву. Она то быстро и бесшумно скользила, не касаясь земли, то широко, стремительно шагала, держа грибной букет в неестественно вытянутой руке перед собой. Когда же стали попадаться телеги и люди, замедлилась, с трудом согнула в локтях непослушные руки.

Пройдя окраины и втиснувшись в нутро города, фигура Ольга приостановилась возле четырехэтажного кирпичного дома, где сдавали внаем квартиры. Здесь, напротив подъезда, увенчанного ажурным кованым навесом, стояла молодая дама. Широкая оборчатая кофта опускалась на огромный живот, юбка доходила до щиколоток, палевый пыльник прикрывал только спину, не в состоянии застегнуться спереди. Дама слегка придерживала живот и с испугом смотрела на подъезд и видневшуюся внутри лестницу.

А там, на третьем этаже, за дверью, гулял по комнатам сквозняк, взлетали тюлевые занавески и неслись от подоконника исписанные столбиком листы бумаги. Они неслись к тазу с мыльной водой, в которой была замочена белая маркизетовая блузка и лежала в воде женская кисть с крупными и ловкими пальцами. Но сама прачка не терла и не теребила замоченную вещь, а просто держала кисть в воде и молча смотрела на летящие листы, которые в конце концов осели в мыльную пену и смыли с себя короткие чернильные строки.

Фигура Ольга направилась прямо к даме с большим животом, все еще неся грибочки в вытянутой руке и, приблизившись, попыталась вручить ей желтый свой букет, растянув губы в улыбке.

Дама попятилась.

— Ой, что вы, что вы, он же грязный! А я в таком положении, что надо беречься.

Но Ольга упорно протягивала ей грибки, улыбаясь во весь тонкогубый рот и демонстрируя мелкие зубы и бледные десны. Тогда перепуганная дама вытащила носовой платок, завернула в него подарок и сунула в тряпичную, вышитую крестиком сумку.

— Так вы же Ольга, нянька! — сообразила наконец дама. — Это хорошо, что вы пришли. А то тут сестра моя, Галина, затеяла стирку. Кошмар! Понтия стирает белье... А знаете, ведь мы сегодня переезжаем. Сил нет подниматься по лестнице на третий этаж. Зря муж снял здесь квартиру. Перебираемся мы в простой низкий дом. Знаете, это рядом с усадьбой Степаненок, ну, тех, что устраивают музыкальные вечера.

— Как не знать, Евдокия Федоровна! Я к вам еще забегу, мож, помогу чего! — И фигура Ольга двинулась в сторону большой проезжей улицы.

* * *

Этим летом студентка Лидочка устроилась экскурсоводом — или, как здесь говорили, лекторицей — в Плещеевский дом-музей поэтессы Серебряного века Понтии Подлистьевой. Собственно сама экспозиция располагалась в избе хозяев, что когда-то сдавали жилье семье Понтии. Сам же сдаваемый некогда дом состарился, сгнил и именно в это лето его разобрали по бревнышку, привезли новые, пахнущие сосной стройматериалы и сложили рядом с кирпичным основанием дома. Там, в подвале, работали сейчас ремонтники, расчищая и подновляя. Они-то и нашли в нише небольшой, обитый металлом сундучок с гравировкой на крышке. О находке написали в местной газете.

В будние дни экскурсантов было немного. Посетитель явился под вечер, когда Лидочка уже думала о закрытии. Пожилой, невысокий, полный человек постучал в дверцу, врезанную в массивные деревянные ворота, и Лидочка пошла открывать.

— И сколько с меня? — спросил посетитель, улыбаясь из-под золотистых, с сединой, усов, и протянул деньги.

— Да что вы, что вы, зачем так много, — возмутилась лекторица, — вам же нужен билет со скидкой, для пенсионеров.

Золотоусый снова улыбнулся, а Лидочка принялась перебирать бланки билетов и вдруг засмущалась:

— Ой, пенсионные кончились. Возьмете детский?

— Ну конечно, я возьму детский! И сохраню на память, — прямо-таки засиял посетитель.

Так, с детским билетом, он и вошел в просторную избу, перегороженную большой печью, где всюду висели фотографии с подписями. Прямо напротив двери стоял, опираясь на подставку, большой групповой портрет: две молодые дамы в костюмах начала прошлого века, девочка и мальчик лет трех-четырех, невысокий лысоватый военный и, чуть в стороне, темноволосый юноша, словно пытающийся убежать из кадра. Позади же, почти незаметная, маячила женская фигура в платке и длинной темной юбке.

— Не могу думать о них...Больно! А все время думаю... — проговорил золотоусый посетитель, исподлобья поглядывая на фотографию. — Ведь и могилы-то ее не нашли.

— Ну почему же не нашли? — слабо возмутилась Лидочка. — Есть предполагаемое место. И есть свидетели, видевшие ее... неживой.

— Ну, свидетелям могло быть и внушено, — задумчиво произнес посетитель и добавил. — А место-то — «предполагаемое». Да и здесь все предполагаемое.

— Извините, но подлинных вещей Подлистьевых у нас нет. Считалось, что все утеряно, — засмущалась Лидочка, — Правда...

— Правда? — неожиданно громко проговорил золотоусый, — А что, произошли некие изменения?

* * *

На улице Красной возле дома купца Нефедова фигура Ольга приостановилась, помедлила. С крыльца донесся истошный крик:

— Гляди-ко! Явилась нянька-то! — потом еще громче, еще истошнее, — Касьян, а-а-а..., Касьян!

Ольга, уже ни в чем не сомневаясь, подбежала к крыльцу, оттолкнула стоящую в дверях толстуху и исчезла за дверью.

В доме она заметила узкий проход из парадных сеней в кухню, и метнулась туда. А толстуха с крыльца, сжимая на груди концы огромной узорчатой шали, продолжала орать:

— Касьян, Касьян! Так ты врал, что ее завел, проучил, что боле не возвернется!

— Что я тебе, Прасковья, девка-чернавка? — сонно почесываясь, отвечал ей здоровенный рыжий мужик в неподпоясанной домотканой рубахе. — Ну, завел! Прям в крутоярть, в овраг-яму за запрудой. Ну, наподдал, ну скинул...

— Да она, вон, явилась! — продолжала толстуха, задыхаясь от ярости.

— Знать, живучая, стерва, — почесал в затылке мужик.

Фигура Ольга, оказавшись в кухне, скользнула в угол, пошарила под лавкой, застеленной рваным одеялом, и достала узелок с заплатой на боку, расшитой металлическими, цвета бронзы, нитями и слегка поблескивающей.

— Иди-иди, иди-иди, к своим барышням, к чистеньким! Чистенькие, а живут невенчанные! — Толстуха оглядела Ольгу, — Возьмут они тебя с таким фингалом и в юбке грязной, словно ты под забором валялась! Срам и срам!

И тут же на лице фигуры, под правым невыразительным глазом возник синяк, и тело впитало всю ненависть и все сведения, что держала в себе тетка в огромной шали. Ольга подняла голову:

— Да твой же полюбовник, Касьян, меня в овраг и скинул. Думали, сгинула я? Нетути!

— Нужна ты нам больно. Малец-то подрос, справимся и без тебя.

— Хабалка ты, Прасковья! — тоненько запричитала фигура Ольга, — Я мальца твоего кормила, кашки ему варила, травы собирала, отварами отпаивала, чтоб живот не болел! А вы, стало быть, умертвить меня решили?

— А нечего хозяйке перечить! — взревел мужик. — Ты обещалась мальца растить, а как барышни столичные приехали, так ты к ним драть?

— Как же мне не драть, раз вы жалованье не платите? Да еще глядеть на ваше позорище тошно! Радуйся, Прасковья, что я смолчала, мужу твоему, Нефедову, про полюбовника Касьяна не сболтнула. Радуйся!

— А вот на дне ямы-оврага ты и смолчала бы!

Прасковья тучным телом загородила дверь, но фигура Ольга с неожиданной силой оттолкнула ее и заскользила вдоль улицы. Только ее и видели!

Легко неся узелок с заплатой, Ольга пошла назад, к высокому дому. А там уже вовсю шла суетня. Грузили на телегу узлы и сундуки, усаживали детей. Недоделанный какой-то человек, видимо, возница — одна грязная полосатая штанина заправлена в серый от пыли сапог, другая свободно болтается поверх голенища — неловко, на вытянутых руках, таскал вещи и подталкивал сползающие с телеги узлы. Когда он приволок самовар и кое-как водрузил его поверх кучи, Ольга стремительно подскочила, зачем-то сильно ударила недоделанного возницу по согнутой рыхлой спине, выхватила самовар и осторожно пристроила его на свободное место, подперев обитым металлом сундучком с гравировкой на

крышке. Возница, покорно не заметив удара, как-то боком, волоча одну ногу, двинулся к своей лошаденке. А фигура Ольга зашипела вслед ему, словно змея: сузились глаза, скривился рот, и только нос ее оставался неподвижным, и не дрогнули даже узкие, почти сросшиеся ноздри.

И среди всех этих движений и суеты из двери высокого дома вышла спокойная, плавная, словно намеренно замедлившаяся молодая женщина. Ольга тут же оставила самовар и метнулась к ней, кланяясь:

— А я нянька ваша теперь буду. Нанялася. Нянька Ольга.

— А-а-а, нянька, — подняла тяжелые веки замедленная, садясь на край телеги рядом с детьми — а вы стирать тоже нанялись?

— И стирать, и кипятить, и гладить. И кашу варить, и щи. А как же еще?

— Нянька, садись сюда, — позвал Ольгу мальчик лет трех и похлопал ладошкой рядом с собой.

— Не-а, господин барчук, — пропела Ольга, — я вот пешочком пойду, прям рядышком с вами!

И она двинулась следом за телегой, а за ней нетвердо ступала дама с большим животом, опираясь на руку невысокого сухонького господина в военной форме.

Малыш в телеге начал ныть, и ему вторила девочка примерно того же возраста, такая большеглазая, что глаза казались отделенными от личика темными кругами. Тогда нянька Ольга споро нашла на дне телеги веревочку, дала два конца ее в руки мальчику, остальное намотала на свой кулак и звонко проговорила:

— Нынче ты лошадка, а я телега. Ты скачи, скачи, а я стану скрипеть сзади, — и она изобразила скрип, сжав подвижные узкие губы.

Мальчик натянул веревку и завизжал, обделенная же девочка, тут же начала громко плакать.

— Тоша, не кричи так громко! Фисочка, не огорчайся, ты тоже потом будешь лошадкой. У меня от вас просто раскалывается голова! — Дама с животом не выдержала и обратилась к своей замедленной родственнице, молча сидящей на краю телеги, — Галя, Галя, уйми ты их!

Но Галя даже не пошевелилась и продолжала смотреть перед собой. Серые, матовые, с темными махровыми включениями в радужке глаза ее блуждали по оставляемой улице.

— Понтия! Понтия! — позвали ее снова.

— Понтия смотрела в ничто. Понтия — морская. В море глядела она... — со смешком подал голос сухонький в военной форме.

— Вы правы, Аркадий Мироныч, — прозвучал медленный голос с телеги. — Я смотрю в ничто. А именно вспоминаю давешний сон.

— А что тебе приснилось, мамочка? — спросила глазастая Анфиса, тут же перестав плакать.

— Приснилось? Приснились большие куклы.

— И какие большие?– девочка хотела подробностей.

— Очень большие, — словно пробуждаясь, ответила Галя-Понтия, — Величиною с дом. Да, да! Величиною с дом. И поначалу совершенно голые. Белые и ровные.

— О-о-о! — застонала дама с животом. –Однако, это путешествие доведет меня до...

— Евдокия Федоровна, тебе нехорошо? — всполошился Аркадий Мироныч.

— Да нет, нет, ничего. Добраться бы...

Наконец добрались до массивного деревянного забора, из-за которого виднелись крыши двух низких домов. Из узкой дверцы, врезанной в большие выкрашенные коричневой краской деревянные ворота, высунулась голова в темном платке:

— Вот и барышни Подлистьевы к нам в посад приехали. Живите на здоровьечко!

Ворота распахнулись, телега въехала. Во дворе было два бревенчатых дома, и узлы потащили ко второму, что в глубине. Печь и дощатые перегородки делили дом на несколько частей. Евдокия сразу прошла в камору возле печки, где стояла кровать, и легла. Нянька Ольга принялась разбирать вещи, а Понтия с Тошей и Анфисой осталась во дворе.

Первым делом нянька Ольга вытащила из кучи вещей большой чемодан, затянутый ремнями, а из него — несколько тоненьких книжек, изданных на дешевой сероватой бумаге, клеенчатую тетрадь и пачку листов. По всем страницам книг, на обложках которых стояло имя автора: Понтия, нянька Ольга быстро провела ладонями, растопырив пальцы. Клеенчатую тетрадку, заполненную стихотворными столбцами, выстроенными нервными острыми буквами, она тоже всю перетрогала, а потом просмотрела листы с кое-как накиданными словами, поднося их близко к глазам. Когда же в сенях возникло шарканье и шуршание — это Аркадий Мироныч тащил от ворот оставшиеся вещи, — нянька Ольга резко бросила свое занятие и принялась складывать в комод одежду из чемодана.

Нянька Ольга очень старалась. Она играла с детьми, успевала и приготовить и постирать. Ольга порхала по избе, словно мотылек, приносила и уносила самовар, подкладывала на тарелки еду, вытирала рты детям, наливала варенье в вазочку, насыпала в блюдо сушки.

— Барышни-хозяйки! — звала нянька, — Самовар вскипел, идите чай пить!

Понтия, как обычно, сидела на стуле возле окна, зажав в руке карандаш. На подоконнике лежал чистый лист бумаги. Та самая белая блузка, что мокла в тазу два дня назад, достиранная и тщательно отглаженная нянькой Ольгой, уже замялась на ней. Участки тонкого маркизета, еще помнящие прикосновение раскаленного утюга, сменялись мягкими

заломами и выпуклостями, так как одежда Понтии по-хозяйски льнула к ее телу, повторяла его формы, приживалась. Пуговицы на длинных рукавах не были застегнуты, оставляя запястья свободными. Но все же, осмыслив предложение о чае, Понтия поднялась, поправила одежду и весело подошла к столу.

— Кстати, Дуня, — невинным голоском проговорила она — к нам ведь в гости Давыдушко Малый собрался. Он желает отдохнуть от столичной суеты.

— Пусть приезжает, — кивнул Аркадий Мироныч, — постелите ему, Ольга, там, за занавесочкой.

— Зачем ему стелить? — усмехнулась Авдотья Федоровна. — Поэты ночами не спят и питаются лунным светом, — потом разгрызла сушку и внезапно схватилась за огромный живот, — Аркаша, а вдруг нынче начнется?..

* * *

Лидочка вдруг начала теребить кончик перекинутой через плечо светло-пепельной косы.

— Вы не пугайтесь, не пугайтесь так, — очень серьезно и напористо произнес Золотоусый, — Я наслышан про изменения. Газетка ваша вот обмолвилась. И в некоторых сообществах уже активно обсуждают.

— Но ведь наш директор уехал. И это как раз... — Лидочка продолжала теребить кончик косы.

— Уехал. И он, наверное, прибыл именно туда, куда следует. Но ведь люди, которые склонны изучать, проводить различные экспертизы, а также умалчивать и утаивать — даже и близко не дадут нам подойти к новым экспонатам. А ценителям поэзии Понтии, это так надо!

Золотоусый говорил очень убедительно, и при этом сновал по избе, поглядывая на фотографии.

— Это вот — Евдокия Подлистьева — сестра ..., — рассказывала Лидочка. — Здесь дети — Тоша — сын Евдокии, и Анфиса — Галинина дочка. Это — музыкальный вечер у соседей, ну там, за забором ... Вот Давыд — Давыдушко Малый, что о нем говорить... А она всегда считала его талантливее, выше себя в поэзии. Он приезжал к Понтии, но всего на один день. Дальше гражданский муж Евдокии Федоровны, Штольц. Штольц работал здесь, на фабрике, где делали патроны, война же шла.

Посетитель рассеянно кивал:

— Ну да, ну да..., — потом вдруг сощурился на снимок, — Стойте, а это кто? — и указал на расплывчатую фигуру на заднем плане.

— О-о-о! — обрадовалась Лекторица, — Да всего лишь прислуга, нянька Ольга. Родом из нашего города, но потом уехала с сестрами Подлистьевыми. Она им, конечно, очень помогала, особенно Понтии,

когда в Столице был голод после революции. Но с нянькой Ольгой связаны и страшные вещи.

— Какие это? — округлил глаза посетитель.

— Во-первых, — это есть в письмах Евдокии — нянька плохо мыла фрукты, и младший, только что родившийся сын сестры Понтии, сильно заболел. А во-вторых, говорят, она подсыпала толченое стекло в тарелку гостьи Евдокии Федоровны, и та чудом не померла!

— Фу, глупости какие! — замахал руками посетитель.

— Ничего не глупости. Рассказывали, что нянька Ольга ревнючая... то есть ревнивая была очень. И никого близко к сестрам не подпускала.

— Ну, в этом какой-то резон есть, — покивал золотистой головой посетитель.

— Да и вещи кое-какие в доме оставались. Говорили, их все нянька к рукам прибрала.

Посетитель не дал ей договорить и выпалил:

— Но ведь вещички-то нашли в подвале?

— Нам не велели говорить!.. — сдавленно произнесла Лидочка.

* * *

Давыдушко прибыл через несколько дней.

Он спрыгнул с той же самой телеги, что нанимали при переезде, сунул монету тому же недоделанному возчику в полосатых штанах и поначалу опрометчиво бросился к Понтии, которая возникла в приоткрытой дверце ворот.

Давыдушко казался хрупким, роста был среднего. Только что он сидел неподвижно, спустив с телеги ноги, и темные его волосы лежали послушными волнами, разделенные посередине прямым пробором, как вдруг, завидев светлый силуэт, он рванулся вперед, зацепил краем пиджака торчащий из телеги шест, дернулся, растрепался и подлетел к Понтии уже курчавым и распахнутым. Она же вытянула вперед руку и властно приостановила его развернутой ладонью. Малый застыл, приставил каблук к каблуку и опустил голову, свесив кудри.

Потом Понтия милостиво рассмеялась и повела гостя к столу. Давыд Малый положил себе в чашку пять кусков колотого сахару, а когда потянулся за шестым, нянька Ольга убрала сахарницу, да еще собрала в горсть сушки с блюда и положила прямо на скатерть перед детьми. Давыдушке осталась лишь одна баранка, но он с удовольствием ее съел, глядя из-под очень черных и густых ресниц на Понтию, которая жеманно грызла сахарок.

— Да полно нам чаевничать! — наконец проговорила она. — Проведука я гостя по городу, покажу, как тут... Вернемся к ужину!

А пока они шли по переулку в сторону улицы Красной, фигура Ольга возникла в проеме ворот и пролетела прямо к недоделанному вознице.

При этом тело его перекосилось, верхняя часть отъехала от нижней в сторону, ситцевая, в мелкий цветок, рубаха задралась, и из-под нее показалось желтое месиво, похожее на перебродившее тесто. Фигура Ольга вытянула руку, в которой были зажаты те давешние грибочки, уже подсохшие, но еще крепкие. Ладонь при этом вспухла, там возник нарыв и засветился лиловым пламенем. Пламя прошло сквозь грибки и ударило в желтое месиво недоделанного возчика. Тот покачнулся, но выдержал. Сплюснул тело, заправил рубаху, зашипел расползающимся, рыхлым ртом, бочком навалился на телегу и уехал. Фигура Ольга вскинула голову и выдавила себе новое приветливое выражение. С тем и вернулась в дом.

Понтия с Давыдошкою беспечно брели по улице, по сторонам которой ровно стояли двухэтажные крепкие дома торговых людей. Вдруг в блаженную тишину врезался визгливый крик, с крыльца дома Нефедова вывалилась крупная женщина в огромной цветастой шали, проползла, визжа, по пыли, путаясь в оборчатых юбках, и побрела вдоль домов, строя гримасы высунутым в окна головам и продолжая орать:

— Выгнал, выгнал, гад! Донесли на меня, знамо, нянька мужу-то на меня донесла! Найду, гадину, из-под земли достану!!!

— Что это? — беспомощно спросил Давыдушко.

— А-а, местные нравы, — пропела Понтия и потянула его к открытой двери соседней лавки.

А с улицы все доносилось:

— Из-под земли достану, отомщу!

В лавке вяло пахло прелыми отрубями. Понтия ударила узким носком ботинка по висячей чаше напольных весов, вызвав мелодичный бронзовый звук. Вышел приказчик и протянул руку в ярком рукаве, показывая на свои богатства: поблескивающие боками самовары, чистые, стоячие мешки с сушеными яблоками и сливами, в которые Давыдушко тут же погрузил нос, чтобы сбить запах отрубей, водруженные на сундуки штуки узорчатого ситца с местной фабрики и плетеные кошелки с конфетами и фруктами. Побродив среди припасов, Давыдушко указал на горку тяжелых золотистых груш.

— О, господа, прекрасный выбор! Груши дюшесовые, привезены с югов, вызрели прошлой осенью, но сохранились прекрасно. Вам упаковать?

Понтия поинтересовалась ценой и скомандовала:

— Нам штуки три. В туесок. И... запишите на счет Подлистьевой.

Приказчик недовольно сжал губы, но споро сложил груши и прикрыл за посетителями дверь, звякнув колокольчиком.

Помахивая туеском, Понтия повела Давыдушку Малого к монастырю, что прятался за суровыми крепостными стенами, выстроенными во времена Грозного царя. Давыдушко протестовал, но Понтия потянула его к узкой винтовой лестнице, ведущей на вершину дозорной башни. Пока взбирались, Малый пугался, отказывался идти, припадал на

высоких ступенях, дважды чуть не свалился и все время прижимался к стенам, пачкаясь побелкой, а совсем уже наверху он присел на корточки и зажался в углу.

— Не могу терпеть отвесной высоты, — прохрипел он, — сердце в пустоте подвешено и сильно бьется.

— Ой, да полно вам! — смеялась в ответ Понтия, устроившись на коленках в проеме окна-бойницы и глядя на раскинувшийся перед ней город Плещеев. Низкие деревянные дома с резными наличниками, с прочными дощатыми воротами — то взбирались на холмы, то спускались со склонов. Кое-где город перерезали глубокие овраги, поросшие поверху соснами.

— А что это город такой покромсанный? — спросил наконец Давыдушко Малый, вылезши из угла, но схоронясь все-таки за округлым плечом Понтии.

— Ну, думаю, кто-то свыше прошелся по этой земле железной пятерней или... просто вилкой, — засмеялась она в ответ и спрыгнула с окна.

Тут ее собеседник осмелел, обхватил худой рукой плечи Понтии. Та вся напряглась, но не отстранилась.

— Не пятерня здесь была, а ледник с севера. Он и шел, словно гигантская расческа, скребок. Зубья — лед и гранит — прорыли овраги, выдавили холмы, да и запрятали здесь свое неизвестное, мрачное.

— Запрятали? Может, и запрятали, — задумчиво проговорила Понтия, потом шутливо вывернулась из-под худой, но цепкой мужской руки, — Где-то тут, в лазах, в подполах, в норах, говорят, запрятаны и свитки Грозного царя! А про ледник вам что же, на факультете Естественных наук читали? Так ведь, Давыдушко, вы же — естественник? Потому и предпочитаете писать ясно и рассудочно? Да куда мне до вас! — и Понтия понеслась вниз по крутым ступеням, волосы растрепались, шляпка сползла на затылок.

Позже, пробежав еще немного вдоль дороги, они подсели на проезжавший мимо воз с соломой и спрыгнули с него возле речки Серы, извилистой и быстрой, с зелено-серыми струями и кривыми узколистыми деревьями по берегам. Давыдушко взглянул и проговорил:

— О-о-о! Сентиментальные ветлы...

— Не смейтесь! Сера — след указательного пальца той самой пятерни. Вода в ней ледяная, в глубине бьют ключи.

— Ключи... Стало быть, под нами — большая вода. Холодные и черные подземные моря.

Понтия посерьезнела, глаза ее округлились и потемнели, она принялась поправлять волосы, приговаривая таинственным шепотком:

–Там за холмом и усадьбой есть озеро, вернее большая запруда. Вода из нее стекает в глубокий овраг и густо шумит. Почти гудит. Там страшное место.

Давыдушко поднял мягкую изящную кисть, помог Понтии заправить прядь под шляпку и коснулся подушечками пальцев ее нежной шеи, на которую легла серая тень от волос. Понтия не то чтобы отстранилась, но слегка сдвинулась, ушла от его пальцев.

— Но вы же напишите про то страшное место?

— Зачем вы об этом? — вскинулась она. — Разве здесь можно думать и записывать? Дуня наняла было кухарку, но ей пришлось отказать. Из-за военных действий все вздорожало. Детский крик, больные животы, запахи, нечистый пол, пятна на блузке. Нельзя побыть внутри себя, нельзя побыть внутри себя! Нужно же, знаете же... Любое постоянное механическое занятие, любое думание о каше, селедке и зеленом мыле рушит бумажный замок, что строил внутри. Вы чуете, о чем я говорю?

— Н-н-н-ет! — Давыдушко Малый ласково улыбался и снова тянул руку к ее пухлой, словно детской еще щеке.

— Ох, иное тело, иное естество. Вы же не чуете! — топнула ногой Понтия.

— Я чувствую, что стоит пойти дальше, — он обнял ее за плечи и морщинистая невесомая ткань рукава блузки промялась от его прикосновения.

Они прошли немного по желтой песчаной дороге и стали спускаться к реке.

— Да Бог с вами, Малый, вот извольте-ка пройти по этому мосточку.

Мосточек с виду был мирным, блаженно серым от старости бревен, укрытым от солнца гибкими ветвями узколистых деревьев. Но, только ступив на него, Давыдушко все понял о ненадежности и тряскости моста, и сжал крепкую белую руку Понтии.

Она смеялась и специально вела его по наиболее опасным доскам, да еще советовала посмотреть вниз на стремительно несущуюся дымчато-серую воду.

Когда сошли с моста на песчаный берег, Малый облегченно вздохнул, а Понтия выкинула еще одну штуку. Она мгновенно смахнула с себя тонкую блузку и кинулась к воде, сияя на солнце молочно-белыми плечами. Она зачерпывала воду ладонями, брызгалась, мокла, делала прозрачной и липкой свою простую, без кружев, сорочку и пыталась облить закрывшего руками лицо Малого.

— Экий вы, словно ребеночек, Давыдушко! — журчала Понтия.

Он схватил мягкий ком ее блузки и протянул:

— Полно, Понтия. Возьмите, идемте, идемте.

Она оделась, перестала хохотать, вдруг сделалась неживой и ровной.

— Знаете, Мылый, что я видала сегодня во сне?

— Что-то, что-то... Я ведь, как и вы, сегодня спал плохо. И чуял тревожное, желтое.

— А я вам точно расскажу, — обернулась к нему Понтия, и вгляделась в упор, в его темные, блестящие глаза, прикрытые плотным занавесом ресниц.

Она говорила, или и не говорила, а прямо передавала из глаз в глаза:

— Мне было очень страшно. Мы с кем-то носились по улицам и пытались укрыться. Мы знали, что пришли ...чужаки, непонятные, совсем иные, неизвестно откуда. И все же — с неба. Мы смотрели в черное небо, там были вспышки и словно бы серый железный бок огромной кастрюли или таза. Мы бежали и бежали, спрятались на чердаке, над площадью. И ждали. И знали, что они появятся, и они появились. Огромные, белые, высокие, как сахарные головы, как белые недоделанные куклы. Они надвигались на нас, мы замерли. А там, внизу, в доме, был магазин, где продавали дешевое платье. И тут куклы стали хватать это платье — рубахи, штаны, юбки, шляпы — и натягивать на себя. И уменьшились, сменили форму тел, сделались, как мы, разбежались по улицам, и всюду маячили их сахарные белые лысины. И стало еще страшнее. И я проснулась.

— Ну-н-ну, Галя. Не мучай себя. Мы же живем с тобою. Ты видишь, я вижу. Но идем же сейчас, идем по полю, светло, зелено.

— Ох, Малый... Ведь посылала я тебя ...»по каким терновалежиям, хоть и в венке лавровом». И терн тебе будет валежником. А... мне?

— Знаю, знаю, милая. И про... «Когда я свалюсь умирать под забором в какой-нибудь яме, и некуда будет душе уйти от чугунного хлада» –знаю.

Он в конце концов прижал ее к себе, погладил по влажным плечам. И она уже не стала брезгливо отстраняться и жалко прижалась.

— И знаешь, Понтия, нам же должно что-то помочь?

— Помочь? Что? Это... страшное? Что нещадно гудит в глубине?

— А ведь больше и некому. Нестрашное-то, тягучее, уже привычное для всех — нас и загубит.

Они побрели навстречу опускавшемуся солнцу, усталые пришли в город, поближе к дому, где их ждали к ужину. За домом был овраг, решили побродить, спуститься, не идти сразу на люди. На дне оказались заросли крапивы, Давыдушко попытался раздвинуть стебли, ожег руку, вскрикнул, побежал к Понтии наверх, и тут она заметила опасность. По склону, с ее стороны, несся молодой бычок, опустив голову и выставив рога. Понтия развернулась и кинулась к дому. Бежала она быстро, не оглядываясь, но чувствуя позади тяжелое горячее дыхание и слыша топот. Уже на улице, возле соседского дома, она остановилась и обернулась. В сумерках, пыхтя и отдуваясь, за ней бежал Давыдушко Малый. Бычок же поотстал и орошал теперь землю густой зеленоватой струей. А из оврага доносился чей-то громкий, наглый хохот и мелькала среди кустов яркая шаль.

За ужином они сидели за столом врозь: она рядом с дочерью, он с Аркадием Миронычем.

Нянька Ольга, раздавая с блюда котлеты, долго думала и сомневалась — положить ли Давыдушке Малому две или ему хватит одной? Она колебалась, но потом внимательно посмотрела на его губы, уже готовые распухнуть и раскиснуть, и все же, нехотя, положила две. Раскладывая, она рассказывала, что долго стояла в очереди в мясную лавку, что давали лишь по три фунта мяса, но она встала в очередь еще раз.

— Да, да, я вас понимаю, — соглашался с ее быстрым, скороговорочкой, рассказом Штольц. — Ведь нынче военное положение. Вот на нашем заводе делают патроны, а рабочим платят очень мало, да и продукты они должны покупать в заводской лавке... — Штольц говорил очень деловито, с подробностями.

Понтия пожимала плечами, трясла головой, кромсала свою котлету.

Нянька Ольга внесла блюдо с грушами, снова чуть поколебалась возле стола, покачивая блюдо на ладонях, а потом поставила его с краю, возле малышей.

Давыдушко прислушивался к спору, полуприкрыв глаза, спрятав их в тени ресниц, и слегка кривил плоские губы. Но тут он втянул носом воздух, повернул лицо в сторону груш, увидел и приподнял брови, поняв, что нянька поставила их слишком далеко от него. Поэтому он привстал и задумчиво потянулся одной рукой к груше. Тогда нянька вновь подлетела к столу, схватила блюдо, быстрым движением забрала два фрукта, всучила их детям, а оставшуюся грушу отнесла к печи, установила блюдо на лавку, а сама встала рядом, словно страж.

Понтия расхохоталась, а Дуня, приподняв плечи и прикрыв кривившийся в улыбке рот рукой, строго произнесла:

— Ольга, зачем вы узурпировали груши?

— Это дорого нынче. Это только детям. А господин... — она указала кивком головы на Давыда Малого, — господин больно нежный. Видно, нигде не трудится, а ведь положение-то военное.

— Нет, ну это никуда не годится. Во-первых, господин поэт очень даже много трудится, а во-вторых он — наш гость! — стараясь говорить строго, обратилась к ней Евдокия.

— Как вам будет угодно, барыня, — поджала и без того узкий рот нянька.

В этот момент в дверь слегка постучали, даже поскреблись. Так как никто долго не отвечал, дверь приоткрылась и в щель протиснулась желтая лысая голова возчика с плоским носом и косыми глазами.

— Что? — тут же прокричал Давыдушко. — Ты еще здесь? Не уехал?

— Так ведь мы же, так как же... Вы ж велели зайти, мож быть?..

— Да, действительно! А когда последний поезд в столицу?

— Поздний, в 23 часа, — отрапортовал Аркадий Мироныч, — Но к чему вам это? Разве вы не ночуете?

— А я, знаете ли, передумал. То есть надумал новое, — с каким-то ожесточением заявил Малый. –Я нынче же еду на Юг. К морю!

* * *

Посетитель схватил Лидочку за руку и даже, крякнув, опустился на одно колено:

— Ну покажите, пожалуйста, страстному почитателю поэзии Понтии, «подлинные экспонаты», а попросту старые тряпки и пожелтевшие книжки из вашего подвального клада! А то ведь столичные музеи заберут, сложат в запасник и снова нам ничегошеньки не дадут посмотреть.

В то же время золотоусый протягивал Лидочке удостоверение в красной корочке, на котором были обозначена некая аббревиатура и стоял значок в ромбовидной рамке. Вид удостоверения был очень серьезный, а вот значок в рамке был заляпан словно бы случайной черной кляксой.

Лидочка подивилась запальчивости посетителя, да и постеснялась сказать, что не знает аббревиатуры на удостоверении. И вдруг словно горячая волна поднялась к ее голове:

— Ну, раз вы так печалитесь о судьбе Понтии... Раз вы такой почитатель. Хорошо, я покажу вам сундучок. Подумаешь, гостайна!

Оказалось, что находка хранилась даже не в сейфе, а в чулане, который, правда, был заперт на древний висячий замок. Лидочка повертела ключ, вытащила дужку из петель и указала золотоусому на обитый металлом сундучок с гравировкой на крышке. Сундучок не был заперт.

Посетитель откинул крышку, переложил, с любопытством разглядывая — узорчатую ковровую скатерть, две пожелтевшие книжки, ручную кофейную мельничку, кое-что из одежды — и тут наткнулся на узелок с яркой, отливающей бронзовой нитью заплатой на боку. Быстрым движением он развязал его, перебрал ветхие вещички, и тут заметил букет грибков, грязно-желтых, оплывших и совсем закаменевших. Заметил, потрогал пальцем, потом аккуратно подхватил и поднес к носу.

— Что? Что вы там унюхали? — с испугом спросила Лидочка.

— Знаете, Лидочка, — вздохнул посетитель, — так сразу и не скажешь. А нельзя ли у вас чайку попить? А то что-то...

Они запаковали историческую находку, заперли чулан и устроились в сенях за лидиным столом.

— Говорите, что я унюхал?.. — Золотоусый глотнул чаю и слегка пожевал губами, которые казались слишком яркими между густых усов и бороды. — Так сразу и не скажешь. Кое-что знаю об этом запахе, приходилось сталкиваться, — он вдруг погрустнел. — Понимаете, Лидочка.

Неземное это все. Или, как иногда говорят, «нетерриальное». И нянька ваша — она не отсюда.

— Как не отсюда? Документально установлено, нянька Ольга родилась в Плещееве.

— Знаете, — проговорил Золотоусый совершенно спокойно, уже не притворяясь — На самом деле читал я в различных статьях и сборниках историю про няньку, и, между прочим, про возчика, о котором вы тоже поминали в связи со скоропостижным отъездом Малого. Читал и думал. Такие вещи, когда особенные люди погибли, а где нынче останки –практически неизвестно, бывали всегда. Вот, скажем, Моцарт, или даже Александр Великий.

— Так вы хотите сказать, что они и не погибли вовсе, а их...

— Есть такое предположение. Понимаете, в природе существуют силы — а природа это и пространство и время! — которым необходимо использовать некий особый вид разумных. Или, скажем, представители иной цивилизации пытаются защитить интересных для них индивидуумов. А скорее не защитить, побыть рядом, поизучать их. Так что нянька и возчик, что бы о них ни думали — некие защитники. А еще и соглядатаи. Или проверяльщики, тестеры.

— А для чего проверяльщики?

— Честно скажу, не знаю! Но очень хочу узнать. И вряд ли дело в поэзии. По некоторым свидетельствам, подобные защитники или проверяльщики появлялись у особых... людей, известных в самых разных сферах. Это и ученые, и изобретатели, и финансисты. Чего эти проверяльщики ищут — нам очень трудно понять. Видимо, каких-то способностей. — Золотоусый говорил не очень уверенно и уже просто устало и даже брезгливо, — Отличительная черта проверяльщиков, а они ведь искусственные создания — особая внешность, смазанные черты лица и запах.

— И эти проверяльщики могут прийти к кому угодно и — прям сейчас? — взвизгнула Лидочка.

— Да, разумеется. Если появится интересный объект. И тогда они возникают — ну, как грибы, как некие наросты на почве или корнях деревьев. Возникают, растут, принимают форму антропоморфного существа. А потом ищут объект и неотступно следуют за ним. Даже по-своему привязываются. Никакого вреда они принести не могут. Так что все эти истории про немытые фрукты и про стекло... Здесь, скорее всего, был замешан кто-то другой. Наш.

— Возможно, это мстила изгнанная жена купца Нефедова? — предположила Лидочка.

— Возможно, — задумчиво согласился золотоусый, думая о своем.

Лидочка тоже притихла, теребя кончик косы. Потом недовольно надула губы и спросила:

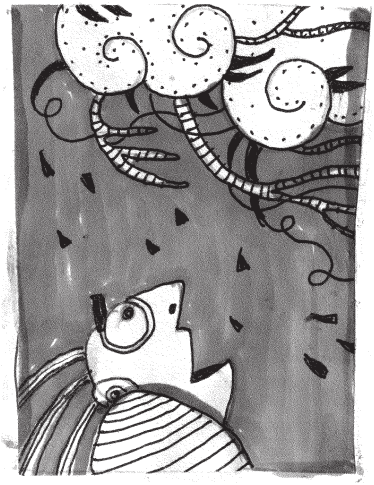
— Тогда отчего же они Понтию и Давыдушку все же кинули? Перестали оберегать? Отчего же так их жизнь повернулась, что и того и другого просто сгубили? Я понимаю, послереволюционный период, наши особые исторические условия, непонимание великой ценности поэзии... Но ведь, эти, защитники, могли и к себе забрать.

— Отчего кинули? — очнулся от ее вопроса золотоусый, — Да, скорее всего, они им просто не подошли. Проверяли, проверяли. И вот. Таковы были критерии.

Лидочка вспыхнула и возмущенно посмотрела на посетителя.

Он приподнял седеющую голову и произнес горько и слегка лукаво:

— А почем вы знаете, что не забрали к себе? Я ведь говорил еще в начале нашей беседы: могил Понтии и Малого определенно, доказательно — так и не нашли.



Игорь Градов

МЕРТВАЯ БАБОЧКА

В детстве я собирал марки. Наверное, многие советские мальчишки увлекались этим, но потом успешно забывали о своих коллекциях. Однако я загорелся по-настоящему — ходил в филателистический кружок, участвовал в выставках. Меня интересовали главным образом дореволюционные марки, и особенно — иностранные.

Как-то на Тишинке я увидел старушку, продающую фарфоровые статуэтки, чашки, ложки, письма, открытки... Статуэтки и ложки меня не интересовали, а вот письма я купил — ради конвертов с марками. Выгреб всю свою наличность и не пожалел — марки оказались начала XX века, да еще сплошь заграничные. Дома рассмотрел, как следует, и тут же попросил у мамы пять рублей — в счет новогоднего подарка. А также 23 февраля и окончания пятого класса...

Кое-как вымолил деньги (обещал учиться на одни пятерки) и тут же побежал на Тишинку, но старушку, увы, не нашел. Не было ее и на следующий день. Два месяца ходил, все надеялся встретить, но тщетно. То ли заболела она, то ли еще что-то...

Прошло тридцать лет, коллекцию пришлось продать, в том числе и конверты — в голодные девяностые надо было на что-то жить. Однако сами письма остались — положил между книгами и забыл про них. А недавно стал разбирать библиотеку и случайно обнаружил. К сожалению, понять, кому они были адресованы, невозможно, конверты не сохранились. Нет и части страниц... Однако я помню, что все послания были в Петербург, а на марках красовались изображения Франца Иосифа. Значит, были отправлены из Австро-Венгерской империи. Итак...

* * *

«20 июня 1914 г.

Милая Маша! Наконец-то могу послать тебе весточку. Два дня мы были в пути, ехали по железной дороге сначала до Белграда, а затем от Белграда — до Сараево. Сегодня после полудня наконец прибыли, поселились в гостинице «Imperium» (слишком громкое, на мой взгляд, название для этого скромного заведения), и у меня образовалась свободная минутка, чтобы рассказать тебе о нашем путешествии.

Про неудобства поезда (даже вагонов первого класса!) писать не буду, сама все знаешь, скажу лишь, что устала ужасно. И бесконечно рада, что смогу, наконец, принять в номере ванну и выспаться как следует. Завтра нам предстоит много ходить по городу и его окрестностям.

Папа задался целью посмотреть все примечательные места, а меня, как ты знаешь, подобное нисколько не интересует. Однако придется терпеть, так как...»

(Здесь письмо обрывается. — Прим. авт.)

«22 июня 1914 г.

Милая Маша! Кажется, нам все-таки придется задержаться в Сараево. Папа выпил холодной сельтерской воды (жара ужасная!) и затемпературил. Доктор сказал, что нужно отлежаться хотя бы несколько дней. Так что у меня есть время поподробнее описать тебе Сараево.

Это бывший турецкий город, и влияние турок здесь чувствуется повсеместно. И в одежде, и в еде и особенно — в зданиях. Старый город, по сути, сплошное скопление лавок: на первом этаже обязательно сидит сам турок и что-то продает, а на втором живет его семейство. Очень много мечетей, самая большая — Царская, мы в ней вчера были. Для мужчин и женщин вход отдельный, папа с Вовой стояли внизу, а мы с Аделиной Францевной — наверху. Оттуда все было отлично видно, и я осмотрела мечеть полностью. В городе есть и европейские кварталы — в новой, восточной его части, за рекой Миляцка.

Главная улица — конечно же, Императора Франца Иосифа. Довольно нарядная, хотя, разумеется, ни в какое сравнение не идет с нашей Большой Морской. Дома трех- и четырехэтажные, но совсем не такие красивые, как у нас в Петербурге. Сегодня до обеда гуляли с Аделиной Францевной по набережной Аппель, где много французских лавок. Смотрели, но ничего не купили — папа сказал, что в Берлине все будет гораздо лучшего качества и намного дешевле.

Прогулки по набережной — вот, собственно, и все развлечения в городе. Театра здесь нет, синематографа — тоже. Я сижу в своем номере и читаю роман г-на Брюсова, который ты подарила при отъезде, потом выскажу свое мнение. Хотя название мне сразу показалось несколько претенциозным — «Огненный ангел».

До свидания, целую, твоя Катрин.

P.S. Володя нашел себе новое занятие — ловит на окрестных холмах бабочек. Здесь их видимо-невидимо, и все очень разные. Говорит, что, когда вырастет, непременно станет энтомологом, так называют ученых по насекомым. Будет коллекционировать бабочек. Как по-моему, так это ужасно — мучить таких красавиц!»

«26 июня 1914 г.

Милая Маша! В городе необыкновенное оживление — все ждут визита Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола. Он приедет вместе с супругой, герцогиней Софьей Гогенберг. Главные улицы Сараево спешно украшаются цветами и флагами. Я попросила

папу задержаться еще на два дня — хочется посмотреть на визит. Кроме того, в честь эрцгерцога будет торжественный обед, и папа может достать приглашение. Ему точно не откажут!

А еще вчера (ты не поверишь!) я лично видела...»

(Здесь письмо обрывается. — Прим. авт.)

«28 июня 1914 года.

Милая Маша! Не могу передать тебе всего, что случилось с нами! Слава Богу, все закончилось благополучно, мы живы и здоровы. Но у меня до сих пор трясутся руки, так что извини за помарки, которые ты найдешь в моем послании. Однако обо всем по порядку.

Сегодня утром я вместе с папой отправилась на вокзал — встречать поезд эрцгерцога. Володи с нами не было, он опять побежал ловить бабочек. Кажется, увлекся по-настоящему.

На сам вокзал нас не пустили, вокруг стояли полицейские, но один любезный молодой человек подсказал, что можно подождать эрцгерцога на набережной Аппель. Мы с папой так и поступили — заняли место у лавки деликатесов Шиллера, это неподалеку от Латинского моста. Встречающих было много, и все с цветами. Рядом с нами встал какой-то молодой человек, по виду — студент, очень бедно одетый. Он все время озирался по сторонам и держал правую руку в кармане. Я на него не обратила внимания, меня больше занимал, как ты понимаешь, Франц Фердинанд, а вот папа почему-то нахмурился и встал между мной и этим студентом.

Вскоре показались автомобили. В первом ехали полицейские, во втором — какие-то военные, а в третьем — наследник с супругой. Я крикнула «ура» и, как и все, кинула букет. Цветов было море, они падали на мостовую дождем. Автомобиль эрцгерцога ехал по ним, как по ковру. И очень медленно — шофер боялся задеть людей, которые постоянно выбегали на мостовую.

Автомобиль повернул с набережной на улицу Франца Иосифа и неожиданно оказался рядом с нами — я могла даже разглядеть жемчужное ожерелье на шее герцогини Софьи. И тут студент, который до этого стоял неподвижно, вдруг выхватил пистолет и направил его на эрцгерцога!

Представь, милая Маша, каков был мой ужас! В двух шагах от меня — и убийца! Он собирался застрелить самого наследника престола! Я замерла, как громом пораженная, а вот папа не растерялся — толкнул студента, и тот выстрелил в сторону. Попал в какого-то местного турка... Тут же набежали полицейские, схватили студента, повалили на тротуар. Мы с папой с трудом выбрались из толпы, зашли в лавку г-на Шиллера, где смогли чуть отдышаться. Подобного я еще не видела — все что-то возбужденно кричали, полицейские держали студента, а эрцгерцог закрыл свою супругу телом...

К папе подошел начальник полиции, поблагодарил за помощь и обещал оказать всяческое содействие в путешествии. Тут же подскочили газетчики, стали о чем-то расспрашивать. Папа отвечал очень неохотно — хотел быстрее вернуться в гостиницу. Мы так и поступили бы, однако начальник полиции попросил проехать с ним в управление, сказал, что мы — очень важные свидетели.

В полицейском управлении с нами обращались весьма вежливо, предложили чай, кофе, восточные сладости, затем какой-то офицер (я не разбираюсь в званиях) стал меня расспрашивать. Я, разумеется, на все вопросы отвечала честно и искренне — скрывать мне, как ты понимаешь, нечего. Примерно через час мы подписали какие-то бумаги (папа сказал, что это протоколы), и нас отвезли на автомобиле в гостиницу. И попросили задержаться еще на два-три дня — вдруг потребуется что-то уточнить. Так что, милая Маша, похоже, мы будем в Сараево до начала июля. Впрочем, Володя только рад этому — его коллекция бабочек постоянно пополняется. Кстати, как там наш общий друг? Я хотела написать ему, но...»

(Здесь письмо обрывается. — Прим. авт.)

* * *

Вот и все, что удалось найти, больше ничего не было. О каких событиях шла речь в этих письмах — не знаю, ведь, как известно, эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга София были застрелены в Сараево 28 июня 1914 года студентом Гаврилой Принципом, что стало поводом для Первой мировой войны. Других вариантов истории нет.

Или все же есть?

P.S. Когда я развернул одно из писем, на стол плавно вылетела засушенная бабочка, очевидно, одна из пойманных Володей. Ее положили в письмо на память, как сувенир. Очень красивая, черная с голубым... Я осторожно взял ее в руки, но она тут же рассыпалась легкой пыльцой, ничего не осталось. Мёртвая бабочка из 1914-го года.

Мария Шурухина

ОБЕРЕГ

Лес дышал. Слегка шумно и тревожно, суетливо, словно боясь опоздать, не управиться к концу дня со своими лесными заботами. Где-то вдалеке стучал дятел, рассыпая вокруг звучное эхо ударов. Суетливо копошились в траве букашки, неугомонная кукушка не умолкала ни на миг и, казалось, вовсе не знала покоя. По лесу плыл тягучий, приторно-терпкий аромат, от которого кружилась голова, а душа замирала в предвкушении чего-то неопределенного и волнительного.

Наверное, он так и прошел бы мимо, если бы не оберег. Шнурок из крепкой бечевки, завязанный надежным узлом, отчего-то развязался, камень скользнул по телу и шлепнулся на землю, выпав с изнанки незаправленной рубахи.

Он носил его с детства, не снимая, и ни разу до сих пор веревка не развязывалась.

Наклонившись, чтобы подобрать оберег, он пошарил руками по траве. Заметил, что в этом месте она была редкая и жухлая. Пригляделся внимательнее — так и есть: дерн срезан, а затем приставлен на место. А дальше обнаружилась и яма. Камень нашелся на самом ее краю, еще немного — скатился бы вниз.

Присев, он заглянул внутрь ямы. Зоркие глаза рассмотрели едва наметившееся движение.

Кажется, зверь попал в ловушку — довольно глубокую, скорее всего, на кабана. Кабаны уж больно расплодились в лесу последнее время.

Не торопясь, он насадил камень обратно на бечевку, завязал концы на шее крепко-накрепко. И уже поднявшись и намереваясь уйти, услышал сдавленный, исходивший из глубины ямы, полувсхлип-полустон.

Человеческий.

По-пластунски растянувшись возле края, он свесился вниз, крикнул:

— Эй! Кто там?

В затемненном углу завозились, прошептали тонко, пронзительно:

— Я здесь! Спасите!

Девчонка! Эх, угораздило! Видно, мало втолковывали, плохо учили: остерегайся в лесу ловушек, ям охотничьих, дерна жухлого, земли нетвердой. Отстала от подружек, увлеклась грибами да ягодами, вот и налетела сгоряча.

— Послушай, — он уже разматывал веревку, притороченную к поясу и чудом прихваченную с собой сегодня, — я тебя вытащу. Потерпи, ладно?

Полутьма всхлипнула.

Спускаться следовало осторожно. Обычно днище подобных ловушек снабжают крепкими заостренными кольями. Слава Сварогу — эта была

не такая. Он нащупал худенькое дрожащее тельце, подсадил за спину, перекинув холодные руки через свою шею, велел:

— Держись! Сумеешь?

Она сумела. Схватилась так, что не сразу оттащишь. Девчонки все рады ему на шею вешаться, но позволено далеко не каждой.

Быстро и ловко, словно белка по стволу, он выбрался наружу, осторожно опустил свою ношу на мягкий малахитовый мох. Присмотрелся к девчонке-подростку, прищурившись от ставшего после темени яркого света. Хороша! Не беда, что слезы по лицу вместе с грязью размазывает, а нарядно расшитый сарафан глиной вымазан. Толстая льняная косища растрепалась, румяные щеки, хорошенький вздернутый носик. Руки чистые, белые, к труду непривычные. Купеческая или боярская дочь, не иначе!

Девчонка похлопала огромными серыми глазами, чистыми, как родник, рассматривая его беззастенчиво, открыто.

Людям он нравится в любом наряде. Даже в таком: простая некрашеная рубаха навыпуск, залатанные штаны. Для них он всегда моложавый парень с синими бездонными глазами, светлыми, отдающими в рыжину и вьющимися чуть ниже плеч волосами, перехваченными тесемкой на лбу, чтобы не падали на лицо.

— Меня зовут Яр, — наклонился к ней, присел на корточки. — А тебя?

— Л-лада.

Вот и познакомились.

— Сколько ты там просидела? Час? Два?

Девчонка потупилась в сторону молодых березок, вздохнула:

— С рассвета сижу.

Яр присвистнул.

— Голодная?

Она помотала головой.

— У меня еда в котомке припрятана. И фляга с водой. А еще отцовский охотничий нож, огниво, веревка, нитка с иголкой, соли мешочек, сушеный мыльный корень и...

— Ясно, — перебил Яр. — А котомка где?

Снова вздохнув, Лада нахмурила густые брови.

— В яме...

— Так что же ты сразу не сказала?

— Растерялась...

Делать нечего, пришлось снова лезть в ловушку, котомку доставать.

Когда он вылез, Лада стояла, отряхивая от глины сарафан. Слава Сварогу, кости не сломаны, только синяки да ссадины останутся. Ничего, до свадьбы заживет!

— Пойдем, домой провожу. Где живешь-то?

Меньше всего Яр ожидал услышать в ответ:

— Не пойду. В лесу останусь. Пусть волки меня загрызут!

Еще и ногой притопнула для убедительности.

Вот Мора!

А он устал. И проголодался. С самого утра в лесу, работы немеряно. А тут еще упрямых девчонок из-под земли вытаскивай!

Повернувшись к ней вполоборота, Яр произнес зло:

— Ну и пусть загрызут. Не жалко. Счастливо оставаться.

И пошел своей дорогой. Выдержки хватило не оглянуться.

Он был уверен, не успеет отойди на сотню шагов, как девчонка обратно позовет. Видимо, случилось у нее что-то, раз в родную избу возвращаться неохота. Да только мыслимо ли ему людские жалобы выслушивать? И так помог, хоть бы отблагодарила!

Если не легка дорога, то стоит ли на нее ступать? Тяжело стало у Яра на сердце, будто бы родную сестренку посреди леса бросил. Показалась даже, что оберег ни с того ни с сего накалился, жёг грудь каленым железом.

И пятьдесят шагов не прошел. Вернулся.

А Лада не ушла никуда. И не окликнула его. Гордая! Или дурёха.

Люди говорят, будто он любую девчонку разговорить сумеет. Да только выдумки все это — никогда он языком трепать не умел, откуда только слух пошел? Вот и сейчас, что сказать — не знает.

— Рассказывай, — велел сухо и коротко, — что стряслось-то? Подумаю, чем помочь можно.

Лада нахохлилась, как воробей в ненастье. Вздохнула. Сколько можно вздыхать!

— Не любит меня никто.

И замолчала снова.

Терпение у Яра отнюдь не безграничное.

— Не любит? На себя посмотри — что тут не любить?

— Не любят, — упрямо повторила она. — Работать заставляют.

Вот в чем дело! И его заставляли. Трудно было сначала, потом привык. Сейчас уже и не мыслит себя без работы.

— Слушай, Лада, не томи. Рассказывай, как дело было. А пока рассказываешь, пойдем, потихоньку. Нечего здесь топтаться — солнце садится.

— Куда пойдем?

— В непроходимую чащу. Там волки непуганые ходят, с удовольствием девчонкой полакомятся.

Лада встрепенулась, поглядела неласково, котомку на себя дернула. Но пошла.

Дурёха!

Пока шли, она разговорилась.

— Мамка с батькой у меня в том году погибли — рыбу удить поехали,

попали в омут-водоворот, и сгинули без вести. Родители были людьми состоятельными. Раньше жила я в просторном крепком доме, с собственной горницей, служанками, в почете и уважении.

— Выходит, родители в тебе души не чаяли, работать не заставляли, а ты и рада была целыми днями ничего не делать? — съязвил Яр.

— И что с того? — Лада остановилась, насупилась, приготовившись обороняться.

— Пустяки, конечно, — пожал он плечами. Котомку на себя потянул — отдавай, мол, донесу. — Дальше рассказывай.

— После смерти родителей переменилось все. Забрали меня дед с бабкой к себе в избу простую, неказистую. Дед-то у меня добрый, спокойный, а вот бабка злая! Как возьмет хворостину, как отходит по спине! И за что? Поручила печь затопить — не получилось у меня. Дров накидала, худо-бедно огонь развела, а заслонку открыть забыла. Закоптила поток, чуть избу не спалила. Никогда-то не топила я печей этих! И сама обожглась, пока возилась.

...Дым, копоть. Пожар. Лес выгорел. Земля покрыта тучным слоем золы, обугленные стволы уцелевших деревьев сиротливо тычутся в небо. То тут, то там вспыхивают, дотлевая, червонные головешки. Жуткое зрелище. Но то, что ему предстоит, и того хуже. Кому лес восстанавливать? Яру. У них не меряют время годами, однако помнит он, что отцу в ту пору еле-еле до пояса доставал. Нельзя отцу перечить. Он и не думал. Остался один на один с пожарищем, на стонущую землю лег, руки в стороны раскинул. Сосредоточился, призвал силу, как отец наставлял. Задрожало небо, рухнули недогоревшие деревья, зола столбом поднялась так, что не сразу прочихаешься. И только. Долго лежал Яр, обнимая, целуя обожженную мать Мокошь, пытаясь возродить в ней угасшую жизнь, вернуть былую силу. Не получалось. Руки волдырями от ожогов покрылись. Два раза наблюдал он, как занималась заря. А на третий пришел отец и принес оберег. Сказал, будто бы вещица эта из осколка алатырь-камня сделана, и равных ей по силе не сыщешь во всем белом свете. И уговорил Яра прилежнее стараться.

Раз волшебный камень помогает, отчего не постараться? Опустил он руки в пепел — подернулся пепел дымкой и растаял, обнажив голую растрескавшуюся почву. Обрадовался Яр, принялся стараться пуще прежнего. Велик был пожарище, пепла много, но с оберегом уже было не страшно. Да и помощники объявились: Даждьбог семена посеял, Перун полил их водицей небесной, Велес удобрил живительной силой.

Ожила Мокошь, возродилась. А вместо травы шелковой, покрылась мать-земля цветами невиданными. Пурпурно-лиловыми, ароматными, лекарственными. Люди стали листики тех цветов сушить и кипятком их заваривать. Напиток вкусный и целебный получался...

— И птице голову рубить меня никто не учил, — продолжала меж

тем Лада. — Бабка ворчит — иди, мол, в птичник и без куриной тушки не возвращайся! Еще и ощипать заставит. Ой, не приведи Сварог! А я в жизни не то, что курицы, мухи не прихлопнула!

— А курятину любишь? — осведомился Яр, отводя очередную ветку и пропуская девушку вперед.

— Люблю. Но ведь столько мороки! А сначала самое страшное — голову снести топором. Как представлю — душа в пятки. В птичник я тогда пошла, как не пойти: бабка не хуже курицы раскудахтается. Спряталась рядом в сараюшке, да так до вечера там и просидела. Нашли меня, конечно. Бабка снова за хворостину схватилась, а я поняла — не будет мне в их избе ни житья, ни покоя.

...Олень был молодой, рога только пробились и казались покрытыми молочным, чуть шершавым налетом. Это была его первая весна, и он очень хотел жить. Мешало одно — сломанная нога. Приговор. Такой молодой и сильный, а уже не жилец: на трех ногах далеко не уйдешь. Смилостивятся боги — будет ему скорый конец в зубах хищников, а нет — долгая мучительная смерть от голода и жажды. Яру было искренне жаль невезучего. Побежал к отцу — спаси, мол. Не в моей власти, ответствовал отец. Но в твоей. Раскачать дерево, свалить и добить бедолагу — что может быть проще?

Вовсе это не просто. Пару дней наблюдал Яр за оленем — не нападут ли волки, не задерет ли медведь? Нет, все напрасно. Потом не выдержал: выбрал дуб покрепче, стукнул по нему кулаком изо всей силы. Дуб упал, погребая под собой несчастное животное.

А через год на том месте грибов полным-полно выросло. И земляники. А под деревом расплодились лесные кролики. Вечный круговорот...

— Так я из дома и сбежала, — услышал Яр окончание повествования. — Бабке все не нравится: как я крошки со стола сметаю, как подушки с периной взбиваю, как с куделью управляюсь.

Она остановилась, замешкалась.

— Как думаешь, хватились они меня? Ищут, волнуются? Может вернуться? Что скажешь, Яр?

Дурёха!

Яр улыбнулся. Поговариваю, от его улыбки папоротники расцветают. Да только глупости все это — сам он этих цветов до сих пор не видел.

Снова показалось, что оберег будто потяжелел. Веревка давила на шею, камень — на грудь.

Тогда, в детстве, отец утверждал, что камень сам выбирает себе хозяина. Отдать? Похоже, пришло время.

— Хочешь, я тебе оберег подарю? На счастье и удачу. От работы не избавит, но сил придаст и уверенности. С ним любое дело по плечу! Потому что не простой он, волшебный. Самим Сварогом заговоренный алатырь-камень.

Бечевка развязалась легко. Яр протянул девчонке камень на ладони: медвяно-охряный, прозрачный, как слеза, с мелкими вкраплениями воздушных пузырьков внутри и нахохлившимся, застывшим листиком неведомого растения.

— Чудесный какой! — от восторга Лада распахнула глаза, потянулась к оберегу, коснулась в нетерпении. — Теплый и ласковый, словно поцелуй самого Ярило!

Он вздрогнул, чуть не выронив камень. Сравнила, тоже. Выдумщица!

Завязав бечевку на шее, Лада тревожно поинтересовалась:

— А ты без защиты как же?

Яр лишь улыбнулся шире.

— А мне теперь нет нужды в обереге.

Впереди замаячил просвет. Раздвинув ветки, они вышли на поле, на другом краю которого виднелась деревня.

— Там живешь? — поинтересовался Яр.

— Да, — удивилась Лада. — А ты говорил — к волкам!

Он фыркнул от подобного простодушия.

— Нужна ты больно волкам! А вот деду с бабкой — нужна. Смотри, наверное, тебя там ищут с собаками.

Прищурились оба, пригляделись. И впрямь собачий лай и людской гомон послышались.

— Дальше провожать не поду. Дойдешь?

— Неужели сомневаешься?

— Ни капли, — убедительно мотнул головой Яр.

Смутившись и зардевшись, Лада попросила:

— Ты заходи к нам, ладно? Изба наша с краю четвертая. А бабка моя такие пироги лепит!

— Приду. И пироги попробую. Только, если сама испечешь.

Она засмеялась беззаботно и весело, как умеют все девчонки. Потом посерьезнела, отошла на пару шагов и низко поклонилась. Догадалась, наконец-то, отблагодарить!

Развернулась и побежала к деревне.

Не успел Яр войти в лес, как из-за березок — любит он подкрадываться! — шагнул навстречу Велес. Сказал без всякого приветствия, хмыкнув в пшеничные усы:

— Всякий раз удивляюсь, Ярило. И чего к тебе девки липнут, как пчелки к цветку? Этой тоже угодил?

— А как же! Оберег ей твой отдал. Ругать будешь?

— Брось, — разглаживая бороду, ответил Велес. — Не маленький уже, знаешь легенду — оберег сам выбирает себе хозяина.

Пожав плечами, Ярило ушел, а Велес еще долго смотрел ему вслед, бормоча:

— Странно все же, какие чудеса может творить простая окаменелая

смола. — Покрутил густой ус, постоял, подумал и добавил: — Но ведь и нам во что-то верить надо.

Тучи сгустились быстро. Торопился Перун, вскачь гнал коней по небосводу. Каждый спешил убраться прочь от нагнетающего тоску тревожного затишья. Потемнело небо, сплелось на горизонте с золотистым бескрайним полем. Пшеничные колоски наклонили тугие головки, словно пытаясь защитить землю-мать от неведомого. Душный, липкий воздух разлился вокруг.

Внезапно налетел косматый ветер, стукнул с разбегу огородное пугало и, раскачав деревья, доломал наконец ствол подгнившего старого ясеня. На затянутом ряской пруду стали расплываться круги от первых тяжелых капель.

Начиналась гроза.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Скамейка запасных
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Роберт Говард

ПРИКОСНОВЕНИЕ СМЕРТИ

Перевод Н. Лаптева

«The Fearsome Touch of Death», журнал «Weird Tales», №2, 1930

Когда полночь настает
И тени окутают землю,
Сбереги лобзанья Иуды —
Сокрытого в тьме мертвеца.

Мертвый Адам Фарелл лежал в доме, где прожил в одиночестве последние двадцать лет. Молчаливый и грубый отшельник, он при жизни не имел друзей, и только два человека проводили его в последний путь... Доктор Штейн посмотрел в окно, вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

— Думаете, можно оставить его тут на ночь? — спросил он своего компаньона.

Второй мужчина, а звали его Фарлед, поддакнул:

— Да, конечно, придется.

— Сидеть ночь с мертвым — бесполезный и примитивный обычай, — заметил доктор, собираясь. — Но полагаю, нам все же следует придерживаться обычаев, принятых обществом. Может, мне удастся найти кого-нибудь, кто придет и поможет вам в ночных бдениях.

Фарлед пожал плечами.

— Сомневаюсь. Фаррела не любили. Да его почти никто и не знал. Я сам едва был с ним знаком. Кроме того, с чего вы решили, что я собираюсь сидеть тут всю ночь?

Доктор Штейн стал стягивать резиновые перчатки, и Фарлед внимательно следил за ним. А потом вздрогнул всем телом, вспомнив свои ощущения, когда случайно прикоснулся к одной из них — гладкой, холодной, липкой. Словно прикоснулся к смерти

— Вам тут может быть очень неуютно, если я никого не найду, — продолжал врач, открывая дверь. — Надеюсь, вы не суеверный?

Фарлед рассмеялся.

— Едва ли. Честно говоря, если принять во внимание все, что я слышал об этом человеке, то я предпочту оказаться у него в гостях, когда он уже умер.

Дверь закрылась, и Фарлед приступил к бдению. Он уселся на единственный стул, которым могла похвастаться эта комната, и взглянул на бесформенное, накрытое простыней тело на кровати напротив, а потом начал читать при свете лампы, стоявшей на грубом столе.

Снаружи быстро темнело. Наконец Фарлед отложил журнал, давая отдых глазам, и снова посмотрел на тело, которое при жизни было

Адамом Фареллом, удивляясь, почему человеку столь неприятно смотреть на мертвеца, что тот может сильно напугать любого живого. Невежественный по натуре, увидев в мертвеце знак близости смерти, Фарлед задумался о том, какую жизнь прожил этот мрачный, раздражительный старик, у которого не было ни родственников, ни друзей, и который редко покидал дом, где и умер. Логично предполагать, что скряги к старости должны накопить богатства, так что Фарлед с трудом подавил желание обыскать дом в поисках сокрытых сокровищ.

Пожав плечами, он вернулся к чтению. Задача оказалась более муторной, чем раньше считал Фарлед. И всякий раз, когда он отрывался от журнала, его взгляд непроизвольно падал на постель, где лежал мертвец, словно бдящий забывал о покойнике и всякий раз пытался напомнить себе, что в самом деле происходит. Из-за этого Фарлед постоянно на себя злился. А потом он неожиданно понял, что нужно как-то разогнать тишину, которая воцарилась в доме, — тишину, потому что снаружи не доносилось ни звука. Адам Фарелл жил вдали от других людей, насколько это вообще было возможно, и не было ни одного дома в пределах слышимости.

Фарлед встряхнулся, стараясь избавиться от неприятных мыслей, и вернулся к чтению. Неожиданно налетел порыв ветра, огонек лампы замерцал и потух. Тихо выругавшись, Фарлед нащупал в темноте спички, а потом едва не обжег пальцы о стекло лампы. Запалив спичку, он зажег лампу, а потом застыл потрясенный. Лицо Адама Фарелла с закрытыми глазами было повернуто в его сторону. Фарлед содрогнулся, а потом его разум нашел рациональное объяснение происходящему: простыню, которой небрежно накрыли труп, подхватил и сбросил неожиданно налетевший порыв ветра.

Фарлед, человек с буйным воображением, пожал плечами, отгоняя страхи, и пересек комнату, чтобы поправить простыню. Мертвец выглядел очень злобным, хотя и при жизни добротой не отличался. Все еще пытаясь унять свое чрезмерно яркое воображение, Фарлед накрыл простыней лицо покойника, но при этом его рука случайно прикоснулась к холодной плоти — скользкой и липкой. Прикосновение к смерти. Он содрогнулся с естественным отвращением всех живых к мертвым и вернулся к своему стулу и журналу.

А потом, неожиданно ощутив волну сонливости, он опустился на диван, который, по странной прихоти бывшего хозяина, составлял часть скудной мебели. Фарлед решил немного вздремнуть, но оставил свет, сказав себе, что мертвец не должен лежать в темноте, но он еще не был готов сам себе признаться, что ему неприятно находиться в темноте с трупом. Он начал дремать, но то и дело просыпался, чтобы взглянуть на накрытую простыней кровать. Тишина по-прежнему царила в доме, а снаружи было по-прежнему очень темно.

Приближалась полночь — время, обладающее жуткой властью над разумом человека. И вновь Фарлед взглянул на кровать, когда в голове у него родилась странная вещь. Ему почему-то показалось, что безжизненное существо, лежащее под простыню, существо, обладающее сознанием, наблюдает за ним через ткань простыни. Эта мысль была просто фантазией, точно так же как легенды о вампирах, нежити и призраках — все что люди напридумывали себе с древних времен перед лицом смерти, которой очень боялись. Человек боялся смерти и, соответственно, — мертвых. Вид мертвецов порождал жуткие мысли, пробуждал наследственную память, сокрытую в отдаленных уголках разума каждого человека.

В любом случае, эта тишина и труп, спрятанный под простыней, действовали ему на нервы. В какое-то мгновение он даже подумал о том, что все это дикие домыслы. Но мысль о закрытых глазах мертвеца не оставляли его и в конце концов стала совершенно невыносима. Поэтому, решив пойти наперекор всем и вся, он снова лег и потушил лампу. И тогда страх начал накатывать волнами, медленно, и постепенно. Страх нарастал, превращаясь в настоящий ужас.

А потом совершенно неожиданно, несмотря на все страхи, Фарлед уснул, и на губах его играла улыбка, словно он во сне насмехался над собственной глупостью.

Он проснулся совершенно неожиданно. Сколько проспал, он не знал. Он резко сел. Сердце дико билось в груди, холодный пот бисеринками выступил на лбу. Неожиданно он вспомнил, где он, вспомнил о том, что кроме него, находится в комнате. Но что же его разбудило? Сон — да, теперь он вспомнил отвратительный сон, в котором покойник воскрес, поднялся из кровати и, словно марионетка, побрел через комнату. Глаза у него пылали, а злобная улыбка кривила его губы. Однако покойник, казалось, лежал в кровати совершенно беспомощно. Но когда труп был уже рядом и вытянул к нему свои корявые руки... Фарлед проснулся.

Фарлед вглядывался в сумрак, но в комнате было очень темно — ни одного луча света не проникало снаружи через окно. Он протянул дрожащую руку к лампе, а потом отдернул её, словно где-то там во тьме спряталась змея. Сидеть во тьме, зная что где-то рядом лежит труп, было само по себе не здорово, но Фарлед не осмеливался зажечь лампу, опасаясь того, что может увидеть в её свете. Ужас, полностью завладевший его душой, заставил его застыть. Он уже не мог критически оценить фантазии, которые породило ночное бдение. Он вспомнил все те легенды о нечистой силе, которые слышал в детстве, и если бы у него сейчас спросили, то он искренне сказал бы, что верит в самые чудовищные из них. Смерть, отвратительная сама по себе, порождала всепоглощающий ужас, наделяя мертвеца чудовищной злобой. Адам Фарелл при жизни был просто невежливым, но безвредным человеком.

А теперь он стал истинным воплощением ужаса, чудовищем, злодеем, скрывавшимся в тенях, готовым прыгнуть на человека и погрузить его глубоко в смерть и безумие.

Фарлед сидел на месте, и кровь в его жилах была заморожена, и пытался совладать с самим собой. Он уже начал постепенно приходить в себя, когда тихий, мягкий звук вновь заморозил его. Это был всего лишь шорох ветерка. Но бешеная фантазия Фарледа нарисовало картину смерти и ужаса. В этот миг он больше всего хотел убежать подальше, но он был слишком ошеломлен, чтобы заставить себя двигаться. Однако он не мог определить где дверь. Страх настолько смутил его разум, что он не в состоянии был думать. Тьма вошла в него, и теперь его разум оказался полностью опустошен. Ему казалось, что он скован могучей цепью, его конечности совершенно не подчинялись ему.

Страшный ужас рос в нем и постепенно принимал истинно жуткую форму. Фарледу казалось, что покойник находился позади него, подкрадываясь к нему с тыла. Фарлед больше не думал об осветительной лампе. Он больше ни о чем не думал. Страх заполнил все его существо, внутри больше ничего не осталось.

Фарлед медленно соскользнул с дивана, двигаясь на ощупь. Собрав все свои силы, он попытался отогнать прочь страх. Холодный пот выступил у него по всему телу. Он ничего не видел, и куда бы он не повернулся, ему казалось, что кровать с покойником прямо перед ним. Он попятился. Если бы он сейчас натолкнулся на покойника, то был бы уверен, что все старые легенды истина, а по комнате бродили тени, порожденные жуткой фантазией человека. А потом крики испуганного Фарледа превратились в лепет младенца, который заблудился в ночи и страдал от страха. Такого не достичь с помощью рассуждений. Они не дали бы ужасу поразить ошеломленный разум. Фарлед медленно пробирался сквозь тьму, уверенный, что кровать с покойником где-то впереди.

И тут его широко расставленные, вытянутые вперед руки на что-то натолкнулись... на что-то холодное и липкое... прикосновение смерти. Крик потряс весь дом... а потом тело с грохотом рухнуло на пол...

На следующее утро те, кто пришел в дом мертвеца, нашли в комнате два мертвых тела. Под простыней на кровати лежал Адам Фарелл, а посреди комнаты, рядом со столиком, на котором доктор Штейн забыл свои резиновые перчатки, лежал Фарлед... скользкие и липкие на ощупь резиновые перчатки, вызывающие такие неприятные ощущения при прикосновении... резиновые перчатки, скользкие, липкие и холодные, как прикосновение смерти.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Репортаж с поля

ПОЧТИ ПУБЛИЦИСТИКА

Кристиан Бэд

ЭКОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Как защитить писателя от критиков, читателей, писателей, внутреннего редактора и самого себя

Пролог

Когда читаю в интернете блоги о писательстве, часто хочется написать книжку об экологии творчества. Вот прямо — рука дёргается. Или глаз. Ведь творчество — это такая нежная и утончённая штука, когда воспитанные и образованные люди пылесосят друг друга в сети, как кондукторша — пьяного безбилетника в переполненном автобусе. Хочется их сразу и придушить, и защитить.

Они же — творцы Вселенных, демиурги и боги? Почему же не могут справиться с плохоньким троллем? Почему кого-то мучает неписец, а кто-то в порыве непонятно чего сносит в полчаса все, написанные за десять лет, тексты?

И вообще — зачем мы пишем? Чем наши мозги отличаются от мозгов тех, кто никогда не решится накатать роман и выложить в сеть? А если решился и выложил? Как уберечь писателя от критиков и, главное, от самого себя?

Вот думаю — может, это я зря пишу, может кто-то уже читал такую книгу? Или надо садиться и....

План. Надо составить план.

Итак... Пролог. Пролог уже вроде бы написан. Что же дальше? Кто у нас «наше всё»? Пушкин? Значит, дальше будет про Пушкина...

Глава 1. Зачем мы пишем свои тексты или В спермическом бульоне у Пушкина

«...все тексты Пушкина, впрочем, как и Льва
Толстого,плавают в спермическом бульоне...»
Фазиль Искандер. Думающий о России и американец
http://lib.ru/FISKANDER/isk_amer.txt

От друзей — тебе, подноготную
Тайну Евы от древа — вот:
Я не более, чем животное,
Кем-то раненое в живот.
Марина Цветаева. Поэма Конца
https://slova.org.ru/cvetaeva/poema_konca/

Ну что, начнём про синтагма-парадигматические отношения в родном русском языке? Ой. Ну это я сбился. Я всегда лекции начинаю вот с этого самого: «язык и речь», «синтагма и парадигма»... Я ж не виноват, что почти никто не знает, чем язык от речи отличается?

Ну и я начинаю рассуждать. Что язык — это сами слова и правила, которые позволяют им выбегать изо рта стайками. Слова сначала сидят во рту и учат правила. А потом они вырываются изо рта и бегут, бегут... И вот это уже речь... Ну, потому что речь, течь.. Типа река такая. И фиг их уже поймаешь.

И вот так я рассказываю, рассказываю, но всё равно никто меня не понимает. А ведь всё просто — язык — его показать можно. Вот!

Так же и с творчеством. Можно много и долго рассуждать, но всегда есть вещи, которые ставят всё с ног на голову.

И — полный тупик. И — темнота. Первозданная, как будто и не рассуждали.

Вот как-то мы долго спорили с друзьями-литераторами, на тему, что же такое литература и чем она отличается от графомании? Версии были разные. Целая куча была версий, как отличить писателя от графомана. По зубам, по походке, по наглой рыжей морде...

Не смогли.

Случился затык в пункте, а что такое вообще литература? Вот какой текст — графоманский, а какой — литература. Или вот так: Литература? И когда литературу усилили большой буквой, случился ещё больший затык. Но, поскольку спор шёл на сайте проза.ру, где все мучительно вежливы друг с другом, срача не случилось. Просто спорщики выпадали один за другим из обоймы, держась за пробитую мыслями голову.

А те, кто не слился и доспорил до самого конца, торжественно решили, что литература... То есть Литература — это... Если быть вообще объективными, честными, непредвзятыми и т.д. и т.п... — это то, что написано буквами. Литерами.

Литература — то, что написано литерами. Всё.

Вот этот смысл — одинаково верен со всех сторон. Иные же смыслы мы придаём текстам сами. И зависят эти смыслы от нашего образования, начитанности, воспитанности. Для кого-то откровением будет роман Донцовой, кто-то узреет истину в Достоевском, кто-то за всю жизнь одолел две инструкции и недоосвоил жанр объяснительной записки. К писательским текстам мы подходим каждый со своим лекалом. Эти лекала — отражения нашего внутреннего мира. И лекала устаревают вместе с нами.

И тут вы спросите: а как же бедные писатели?! Они же хотят признания!

Ну, во-первых, сначала ничего такого они и не хотят. И во-вторых, не всё так просто с лекалами, ибо человек — животное стадное. И обладателей уж слишком замысловатых лекал у нас принято отстреливать. Но об этом — попозже, да?

Итак, с литературой разобрались. Все согласны, что буквами? Цифрами — это же уже точно не литература? Хотя бы — пока? Ну, вот и лады.

Теперь будем потрошить писателя на тему, «чего он хочет сам». Зачем он пишет?

Можно сейчас наговорить много красивых слов, но тогда кто-то обязательно придёт и покажет язык. Нам оно надо?

Но ведь пишет писатель? Пишет. Даже когда «в стол», не сохраняя нигде, и даже не думая, что начнёт предлагать читателю, а тем более продавать. Зачем же он, зараза, пишет?

Пойдём от простого. От инстинктов.

Соловей поёт? Поёт. А зачем?

Заявляет права на свою территорию и привлекает самок? Ну, как-то так в школе учили.

А что, и писатель заявляет права на некую литературную территорию??? А ведь заявляет. Отсюда и ниши для творчества, и жанры, и союзы писателей.

«Я — фантаст!» — поёт писатель, и заявляет права на определённую территорию, где до него уже убились за самочек и лит-фант-просторы многие прекрасные фантасты.

Привлекает ли писатель самочек, объявляя себя фантастом? Вот сказители, менестрели и прочие древние фантасты — безусловно привлекали.

Но жизнь меняется, инстинктивное поведение притупляется. Но... немного всё-таки привлекаются самочки и сейчас. Атавизм. Как, впрочем, и само пение писателя.

Получается, что писатель начинает писать потому, что есть некий поведенческий атавизм. Вот есть у петуха гребень, и он в нужное время наливается кровью. И ничего ты с этим не поделаешь. Распускаешь хвост и поёшь себе...

А поскольку человеческое общество слегка сложнее павлиньего, у этой песни начинают появляться разные нетрадиционные ценители — другие певцы, союзы этих певцов, опять же.

И тогда возникает проблема — как оценивать эти песни? Ведь основная функция — петь — тут уже не главное.

Хотя... Вот если взять выступления перед аудиторией... Или вот поэты? Они же до сих пор выступают перед толпой. Молодые поэты и поэтессы, читая свои стихи, они же вот прямо-таки возбуждаются, да?

Я тут вынес в эпиграф слова Фазиля Искандера. Очень люблю его «Кроликов и удавов», оно вот вообще не устарело. И вот Фазиль Искандер сказал про Пушкина: «...все тексты Пушкина, впрочем, как и Льва Толстого, плавают в спермическом бульоне...». Ну вот и про Толстого сказал, да? Жуть? Мы тут про творчество, а у них это просто очень сложная брачно-территориальная песня. Я где-то читал, что у Пушкина было сто тринадцать любовниц, врут, поди. Но ведь и погиб он из-за женщины?

А Толстой... Ну тут я вообще молчу, потому что сплетни. Но говорят, жена возмущалась.

И вот интересно, что когда у тебя не стихи, а чисто брачная песня — тебя все понимают. Сразу.

Я, учась в универе, писал какие-то дико сложные стихи непонятно о чём, и меня не хотели печатать даже в нашей вузовской газете «За науку». И вот сижу у них в редакции, терзаю коллектив: «Ну какие стихи вам надо?» «Ну, про весну, про любовь...» Достал ручку, тут же написал шестнадцать строчек про весну и любовь — сразу напечатали.

И на АТ, опять же, какие тексты больше всего популярны?

Правильно: женские любовные романы про то, как их любят мужчины, а они сами любят наряды, роскошь и приключения, и мужские любовные романы, про то, как их любят женщины, а они сами любят оружие, магию и приключения. Брачно-территориальные песни, нет? А я думаю, да. Женские и мужские брачно-территориальные песни. И не надо тут лишнего гендера — у нас полное равноправие.

Неужели всё так плохо? — спросите вы.

Нет, не всё.

Человек всё-таки сложнее устроен, чем павлин. И тексты у него, разумеется, не только территориально-брачные. Он же всё-таки царь и венец природы. В нём же мысль разная бродит. Да и растёт он духовно с возрастом.

Но всё-таки, всё-таки...

В том же студенчестве захожу как-то в наш Дом литераторов. И вижу, как здоровается никому не известный местечковый прозаик с таким же местечковым поэтом.

«Привет светилу русской поэзии!» — ревёт прозаик, распахивая медвежьи объятья.

«Привет светилу русской прозы!» — пищит поэт и бесстрашно ныряет в эти объятья.

Я тогда вздрогнул. И сейчас вот — тоже, когда вспомнил. Шутят? Да ни в одном глазу!

Когда петух орёт своё «кукареку», он же не шутит...

И при всём при этом писатель, даже на этом раннем «песенном» этапе — ужасно ранимое и уязвимое существо. Потому что его брачная песня совсем не предназначена быть неким мерилом истины «для всех». Она такая, каков его мир. И песня эта прекрасна и совершенна, даже если бы дай вам волю, вы бы всех этих петухов, орущих в четыре утра...

Парадокс. Постоянный парадокс.

Как язык и речь, да? Одно мертво, когда стоит, другое — когда течёт...

Вот так и здесь — организм требует от писателя петь свою песню, понятную ему, а поклонники другую, понятную им, не спетую ими, их песню. Ну, голосом они не вышли, да?

И жизнь постоянно рвёт писателя на части и требует невозможного. А ещё она требует критериев оценки для ТВОРЧЕСТВА, что само по себе нонсенс.

И мы всё-таки попробуем их найти. Предлагаю делать это с помощью варки макарон.

Но уже в следующей главе.

Лайфхак №1. Зеркало

Решил параллельно рассказу бросать отдельными главками Лайфхаки для писателей. Это чтобы меня потом не убили, когда я всё-таки начну рассказывать про синтагмо-парадигматические отношения... Или не начну?

Итак.

Потребуется зеркало, будильник и 15 минут времени.

Берём стул и садимся к зеркалу. Или ставим большое зеркало рядом. Большое зеркало нужно для того, чтобы труднее было от него отвернуться.

Рядом кладём, ставим и т.п. часы. Засекаем 15 минут, можно поставить таймер.

Итак. Вдох-выдох. Поехали!

Смотрим в зеркало 15 минут и улыбаемся сами себе. Какой там хороший человек в зеркале сидит, да? Чё, нееет? Не нравится? Всё равно улыбаемся!

Можно параллельно петь:

От улыбки хмурый день светлей,
От улыбки в небе радуга очнётся...

Или проснётся? Ой, чё-то будет с радугой от улыбки. Как говорила моя бабушка: «От улыбки лошади шарахаются». Но всё равно смотрим и улыбаемся.

Искренности вливать можно, но не обязательно. Обязательно мышечно воспроизводить улыбку. Вот растянуть мышцу и улыбаться.

Качаем мышцу, да?

Одна из самых древних моих наработок. Способ я где-то свистнул, а наработки — мои. Пробовал на себе сначала.Потом пробовал зацепить кого-то на слабо и заставить смотреться в зеркало. Вот попробуйте учинить над друзьями. Познавательно. Но...

Техника безопасности!

В результате эксперимента друг может перейти в категорию более близких друзей. Потому не делайте этого с противоположным полом, потом минимум полгода придётся отношения выяснять! Почему полгода? Ну, это — индивидуально, конечно, но примерно столько. Отравление гормонами. Человек не поймёт, что улыбкой испортил

себе гормональный баланс, и подумает, что это вы у него вызываете бодрость духа и желание жить дальше. Если друг хороший — придётся перетерпеть у него этот период.

В чём фишка — поняли?

Ну да, гормоны же. Мы обманываем организм, подавая сигналы, что происходит что-то хорошее. 15 минут — достаточно много, чтобы мозг подёргался-подёргался и дал команду телу отсыпать вам ништяков. Серотонина хотя бы. Или окситоцина.

Окситоцин — вообще прикольный гормон. Очень быстро действует, опыты легко ставить. Говорят, что если обнять кого-то — в кровь выбросится окситоцин. И настроение поднимется на 4 минуты. Потому что период полураспада окситоцина как раз 4 минуты.

Проверяем?

А, рано, мы ещё 15 минут не досидели. Оксиморон, окситоцин... Прямо, рэпчик такой:

Ты думаешь, ты сам хозяин своему настроению? Что это ты сам спёр у жизни варения? Враньё! Это в тебе гормоны рулят. Они тебе пипеткой капают в кровь свой яд!

звонит будильник

Всё, братва. Это конец. Теперь это с вами на всю жизнь. Тело помнит. Больше не смотрите на себя в зеркало! Улыбопознавательный механизм запущен. Вы ещё мно-оого нового о себе узнаете...

(Так, мне-то теперь куда бежать? Оу!)

Глава 2. Критерии литературного текста или Умеете ли вы варить макароны

Часть 1. Чему учились Билл Гейтс и Марк Цукерберг

Что в имени тебе моем?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

А. С. Пушкин, Собр. соч. в 10 тт. Т. 2
https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1830/0526.htm

В прошлой главе мы выяснили, что написание литературного текста — процесс физиологически нормальный для человека, и кое в чём он сродни простой песенке соловья. То есть, если вас мучают мысли: «а нужно ли писать?», «а так ли я пишу?» «а нужно ли это кому-то?..» — плюньте. Соловей поёт потому, что он поёт.

«Я дерусь, потому что дерусь!» — говорил Портос. Он привлекает самок (и точно также самки привлекают самцов, если что) и метит свою территорию. И песни соловья нравятся очень многим соловьям, потому

что другие соловьи поют, могут или хотят петь примерно то же самое. Если это гениальный соловей, такой как Пушкин, его тексты остаются в истории. Потому что мало петь так, как тебя природа причесала. Надо ещё и некие «критерии» (об этом скоро и продолжим).

Что, Пушкин пел не про территорию и самок? А как же любовь к женщине и родным просторам?

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Или:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.

Так и видишь: ходит Пушкин, осматривает территорию. О, и тут я был, и тут был. Всё моё, всё родное... А вот и мои жееенщины!!!

Вот так и Пушкин, и Лермонтов, и мой любимый Блок. (Ведь это у него Любовь к Прекрасной даме и к России, нашей бескрайней, где мы, скифы и азиаты, всё ещё скачем на лошадках...) В общем, Блок круто столбил территорию. За это он мне всегда и нравился. За размах.

Да, мы пишем тексты. Ведь сама суть человека такова, что он способен создавать тексты, картины, музыку, чтобы заявлять миру и представителям противоположного пола о том, что этот человек есть, существует здесь и сейчас. (Здесь и сейчас — это важно).

Писать тексты так же естественно, как птицам приветствовать зарю. Мы живы, кровь в нас бурлит, хочется размножаться...

Ну, шучу немного, да.

Да вы и сами знаете, что далеко не всё в написании текста — это голая биология. Есть одна штука, которая нас от соловья отличает. Ещё ни один соловей не создал бит-квартет «Соловьи».

Да, нам не повезло. Только человек способен делать что-то принципиально новое. Не вытекающее из биологического процесса. За это ему и столько шишек положено. Метаний. Томлений и мук. Ведь у него нет биологической уверенности в этом «новом», оно ещё не опробовано парой сотен предыдущих поколений. И этим человек отличается от счастливого и беззаботного соловья.

Вот тут вот — проблема. Те писатели, что просто поют свою песню, они гораздо счастливее тех, кто ищет что-то новое (хотя бы в себе) и пишет нечто этакое, чтобы этого себя в себе найти. Выходит что, подключая к биологии мыслительный познавательный процесс, мы ломаем эту счастливую биологию.

Если кто-то помнит, есть в диалектике такой закон отрицания отрицания.

Закон отрицания отрицания.

Создание бит-квартета «Соловьи» по сути отрицает естественную и полезную для здоровья песню соловья. Все, кто идёт в процессе писания текстов дальше акынного — что вижу, то пою... Вот они и начинают страдать и метаться.

Тут есть ещё и момент общества с его оценками, рамками, условностями и той зоны мозга, которая сама играет с писателем, но об этом — позже. Потому что на очереди у нас стоят и маются критерии. Как только писатель начинает себя искать, возникает вопрос критериев.

Критерии....

Вот интересно, в книге про писателей — можно матом ругаться? Вопрос критериев в литературе так архисложен и архиважен, что трудно подобрать цензурные слова.

Я ставил себе этот вопрос разными боками, пока не понял, что прежде, чем оценивать, нужно как-то выделить в тексте хорошее, освоенное и привычное и... скажем так... полёт свежей и новой мысли.

Хорошее и привычное мы уже выделили. Есть песня соловья. Она состоит из возможностей соловья, происходящих от его птичьей природы, от того, что в нём заложено генетически, того, чему он научился, слушая других птиц. А как же с новым, открытым лично этим соловьём?

Нужно понимать, что у нового есть некая мера терпения, что ли. Ведь если соловей будет нести полную отсебятину — вряд ли сородичи вообще опознают его как певца.

И нужно понять, что значит «научиться» для писателя.

Многие писатели учиться ничему не хотят принципиально. Они не понимают, что учатся, уже читая чужие книги и общаясь в среде читающих. Поскольку такое учение бессистемно, у них есть «белые пятна» в знаниях. И они их не замечают до поры до времени. А эти пятна могут перекашивать им всё их умение петь, если не повезёт. Видели ведь таких писателей?

Нет, есть очень одарённые от природы певцы, схватывающие всё на лету. Но ведь не все же рождаются одарёнными. Тут нужно везение, чтобы родиться с нужным набором способностей, в хорошей семье, чтобы вращаться в той среде, где все навыки можно было быстро «схватить»...

Красиво. Но мы забывает о простом — о том, что одарённых от природы на все сто — все-таки не так уж много. Остальным нужно учиться более системно, и учиться им нужно даже элементарному. Не ставить точки в заголовках постов, например, да?.

Формальность?

Язык (помните — язык и речь/стоит и течёт!) это набор формальностей. Вот так слова сочетаются друг с другом, а так НЕ сочетаются. Вот этот глагол управляет существительными вот с такими предлогами, а с такими НЕ управляет и т.п. Вот хоть разбейтесь. И этому надо учиться.

Да, запятые вам поставит корректор, но если в каждом предложении будет по две логических ошибки, у вас денег не хватит на редакторов и корректоров.

Итак, чему надо учиться точно:

Стилистика.

Правила построения сюжета.

...

(Предлагайте, что ещё?)

Кому-то достаточно просто много читать, чтобы всё это освоить.

Вот для аналогии можно взять любую другую творческую профессию. Художники? Они долго ставят руку и учатся. Музыканты? То же самое: долбят, долбят и долбят. А писатели? Типа, языком все с детства владеют? Так и рисовать всех в школе учили. И петь Но почему тогда сегодня всем можно писать как попало?

Да потому что мы сами уронили общую культуру. У меня ребёнок ходил в музыкалку только для одного: чтобы я мог сейчас с ним сходить, блин, на нормальный концерт. И я — могу. И мы оба — счастливы.

Ничего не напоминает?

Вот также правилам построения текста, стилистике и т.п. нужно учиться, чтобы хотя бы читать чужие хорошие книги. Иначе, как читатели, мы скатываемся до биологически близкой нам «песни соловья». А всю мудрость, все языковые возможности мы просто не считываем. Они в тексте есть, но мы их не видим. Даже не знаем, а «чё там ищут все остальные». Идиоты, да?

При СССР самой читающей страной мы были потому, что полагалось хотя бы уважать тех, кто читает умные книги. Хотя бы уважать. Ведь любое образование — насилие над собой. Кто-то не выдерживал насилия при СССР и уезжал в другие страны. Но не все.

Да, советского читателя постоянно насиловали умными книгами. В результате он начинал кое-что понимать, и мог читать сложное. А потом и наслаждаться сложным.

Всё просто: «тяжело в учении, легко в бою».

Помните, люди, которые ссылаются на то, что Билл Гейтс и Марк Цукерберг бросили учёбу и все равно стали миллиардерами, забыли о том, что эти двое бросили Гарвард, а не ПТУ.

Часть 2. Ну и про макароны…

Однажды в полночь тоскливо, пока я размышлял, слабый и усталый,
За многие странные и любопытные объёмы забыты знания -
Пока я кивнул, чуть не вздремнув, внезапно пришёл постукивание...

Эдгар По. Ворон. Перевод гугла
А вот я сейчас себе птичек включил в ю-тубе.
https://www.youtube.com/watch?v=nHUDIggreBk

Всё-таки — соловьи... это... Это как упасть после работы на мягкий диван и читать, как наш родной попаданец нагнул всех средневековых королей разом... Хорошо соловей поёт... Прямо ощущаешь, как расправляются плечи, как улыбка захватывает на лице всё новые территории, и кажется, что улыбаются уже даже уши...

И вдруг в общем и стройном щебете раздаётся звук соседского перфоратора...

Итак. Продолжаем изучать того несчастного соловья, который пытается петь что-то своё, новое. Держим в голове, что это именно тот соловей, которого постоянно мучают мысли:

«А зачем я это делаю?»

«А то ли я пишу?»

«А почему меня не читают?»

«А, может, закрыть страницу на фиг?!»

И всё потому, что соловей этот пытается идти в разрез с собственной биологией. Не хочет петь только для привлечения самок (самцов) и заявления своих прав на кусок реальности. Он, понимаешь ли, понял что-то своё в этом мире.

Биология и что-то маленькое, едва народившееся, человечье, — вступают в противоречия.

«Warning: они могут друг друга убить!»

Ах, как бы любили меня в издательствах, если бы я приносил туда что-то в духе тех людей, которые сидят в этих издательствах... Чтобы я писал так, как они примерно видят свою часть территории жанрового романа.

Ах, как бы и мне хотелось прислать Прашкевичу примерно такой же роман, который мог бы написать сам Прашкевич, только немного хуже или слегка на другом материале... А Минакову — роман, который мог бы написать сам Минаков, но... сами понимаете уже, да? Ах, как бы меня встретили, как бы меня печатали... Да, я мог бы и сейчас писать боярку, или создавать «крепкое фэнези», или что-нибудь ещё...

Мог бы. В теории Но — по факту — не могу.

Почему?

А вы умеете варить макароны?

Вижу, что улыбаетесь: да кто ж их варить не умеет? Особенно чисто, светло и снисходительно улыбаются сейчас писательницы. Кажется, что от них прямо-таки пахнет при этом горячей плитой, иронией и варёными макаронами.

Мол, ну, да, да... Видали мы, как ваш брат, писатель, чего-то там уме= ет....

Сначала он лезет в интернет за рецептом, потом ищет в том же интернете сайт с секундомером, чтобы не переварить макароны. Они же должны получиться al dente? Ну вы понимаете? Чтобы чуть-чуть твёрденькие внутри. (Такая дрянь, между нами, но всем нравится).

Потом он забывает посолить воду и прыгает над кастрюлей, держа в руках солонку и лавируя между брызгами...

Потом он бухает макароны, с облегчением садится за ноутбук, ведь времени сразу становится куча, можно подредактировать ту сцену, где... И забывает перемешать. А через пять минут начинает с ожесточением отдирать это своё «al dente» от дна ложкой.

Потом он вываливает всё, что получилось, в дуршлаг и ставит стекать над раковиной. Потом роняет всё это в раковину. Снова ставит, уже над чашкой. Потом вываливает в другую чашку. В кастрюлю — просто не догадывается.

Полчаса суеты, гора грязной посуды и.... суперблюдо! (Якобы по рецепту).

В минусе дуршлаг, кастрюля, две ложки, четыре вилки и две большие чашки.

«Да если бы я так готовила, понадобилось бы две посудомоечных машины, — думает писательница. — Нам что нужно, чтобы сварить макароны? Кастрюля да ложка».

Ну, да, согласен: у писательниц всё это выглядит немножко иначе.

Я всегда с восхищением слежу, как они сливают воду из кастрюли с макаронами, слегка сдвинув крышку и ловко прижав ее полотенцем. И вот через эту щёлочку, из трехлитровой кастрюли с кипящими макаронами запросто сливается вода. Легко и небрежно, безо всякой рисовки.

Но разница наша — не в моём отсутствии практики. (Да, я — счастливчик, меня дома регулярно кормят, а один я ем только мясо. Я его даже не всегда жарю. Иногда достаю из морозилки, стругаю любимым ножом и ем. И даже не солю).

Но разница, опять же, не в этом.

Разница — в автоматизме. Писательница (так же, как и макаронно-продвинутый писатель) варит макароны «на автомате».

Закипела вода: посолила — засыпала — помешала — ещё помешала — слила воду — положила масло. Извольте жрать, пожалуйста.

Она — не думает. В ней даже секундомер срабатывает автоматически! Она эти макароны варит практически с закрытыми глазами.

Иное дело я. Я начинаю думать. Потому что удобного штампа у меня в голове под это дело — просто нет.

А вот чтобы посмотреть, трудная ли это задача: сварить макароны, если штампа/алгоритма нет, можно заставить ребёнка лет семи первый раз в жизни варить макароны. Попробуйте, это весело.

Но вот тут уже становится понятно, что дело это непростое. Ну или попробуйте мужика заставить, которого всегда кормили жена и мама. Тоже весело. Будет смешно. И будет малопродуктивно, верно?

А где тут новое?

А вот когда вы будете проделывать все эти садистские вещи над своими знакомыми или домочадцами, к вам может внезапно прийти мысль — а надо ли промывать макароны холодной водой? Ведь когда-то в детстве мама... Д-аааа?

И возникает вопрос: а зачем?

И это уже пошла мыслительная деятельность. И мы с вами сейчас перешли Рубикон — отделили действия на автомате от мышления. И даже посмотрели, как мышление возникает вдруг на совершенно пустом месте.

Не понятно пока, куда я клоню, да? Я постараюсь вырулить.

Вы поняли, как вы сумели отделить мышление от скольжения по штампованной плоскости привычных действий? Сумеете объяснить? Что произошло? Мысли о макаронах, эксперименты с макаронами. И вдруг...

Мы стимулировали память, поднимали ассоциативные связи в своём мозгу, все эти макаронно-специализированные аксоны... И что-то вдруг родилось в вашем мозге, случилось.

«А зачем промывают макароны? — подумали вы. — Чтобы не слиплись? Так можно же положить масла...»

И вот тут мысль вдруг идёт дальше. Вы вспоминаете, что раньше макароны были сплошь из мягких сортов пшеницы, они склеивались при варке от обилия крахмала. От него-то, от крахмала, их и пытались отмыть!!!

Но и это ещё не всё. Оказывается, если подумать ещё немного... Макароны-то, если их резко не остудить в холодной воде — они же продолжают сами себя варить!..

Вот прямо как мы с вами, да? Прочитав что-то обидное или цепляющее, мы начинаем варить себя сами в этом эмоциональном бульоне. Уже даже не важно, что нас зацепило, — а макароны в башке всё варятся и варятся.

А ведь казалось бы: аффтар! Слей воду!

Но нужного штампа-регламента-привычки для такого поведения с собственными мыслями-макаронами у нас нет...

Вот теперь я ещё раз спрошу вас: умеете ли вы варить макароны?

Я вот учусь, учусь...)

И вот перед нами уже тот писатель, кто один раз познал удовольствие открытия крошечной истины... Он открыл её только для себя, дело-то известное (с макаронами), и всё равно он чувствует себя пьяным и добрым.

А потом это пройдёт, и он ощутит себя ещё большим идиотом, чем раньше. Потому что всё. Он вступил на грабли познания. Теперь ему скучна привычная соловьиная песня.

Ведь если ты вдруг вырос на два сантиметра, их назад в тело не упихаешь. И не отрежешь вровень с ушами.

Ты познал магию творчества, Остап. Остапа теперь несёт...

Куда?

А кто знает наверняка? Кому-то повезёт, и его новое станет модным. Кто-то умрет, не имея возможности купить себе ботинки. Угадайте, кто?

И в чём тут, спросите, экология?

А в том, что если вы изучили весь этот бред про соловьёв и макароны, плющить от того, что вы уже не соловей, вас тоже конечно будет... Но вы хотя бы поймёте почему. И, возможно, постараетесь хотя бы иногда чуть-чуть больше беречь себя, любимого.

Зачем?

А вдруг завтра за макаронами обнаружится что-то действительно очешуенное, доброе, вечное? А вдруг вы Пушкин?

Кто не варил макароны, тот и не пьёт шампанского.

Но больно местами, да. Видимо, надо учиться пользоваться прихваткой...

Что дальше?

А дальше поговорим о том, как выживать в мире соловьёв-певцов соловью-мыслителю и почему в тексте должно быть не больше двух процентов новых слов.

Лайфхак 2. Руки вверхЪ

Как правило, все наши острые эмоциональные реакции обусловлены выбросом в кровь соответствующих гормонов.

Вот некий условный критик написал вам некую условную рецензию. Вы её ещё даже и не читали, только увидели оповещение о ней...

А мозг уже отреагировал, скомандовав организму выбросить в кровь целый букет.

И у каждого там будет что-то своё, но чаще всего кортизол, адреналин и иже с ними.

Кортизол вырабатывается в организме в ответ на всё, что организм считает опасным. А вдруг вас там ругают в этой рецензии?

Может, кстати, и не ругают, но кортизол уже подвезли. Кушайте с булочкой.

Почему — с булочкой? А потому что в дикой природе кортизировавшего вас товарища положено начинать бить. За что? Да какая разница. Напугал ведь, гад? Напугал. Надо его пару раз стукнуть, и ваш обмен веществ тут же придёт в порядок.

Гормон должен быть реализован. Если нет — то он вас начинает в некотором роде отравлять.

Да, я упрощаю и утрирую, но у нас тут не пособие по биологии человека.

Важно понимать — даже если у вас оповещение о реценнзии вызывает только вострог, и эта гормональная реакция должна быть реализована, чтобы не причинять вреда организму. От радости, говорят, тоже умирают. Потому, если увидели рецензию и хочется прыгать от радости — прыгайте. Не фигурально, а так, чтобы соседи разделили с вами радость.

А если испугались — не надо наезжать на критика, это вас не спасёт. Попробуйте сколько-то раз отжаться. Вот потом уже можно и наехать — с садистским удовольствием и на «трезвую» голову.

А теперь лайфхак.

Как проверить, насколько вы напряжены? Сколько критиков уже оставило свой отпечаток на ваших сгорбленных плечах?

Попробуйте сделать так.

Встаньте у ровной стены прямо, слегка ощутите её (стену) лопатками и крестцом, поднимите вверх руки и расслабьте их там, наверху. Вот прямо расслабьте. Чтобы торчали вверх, как две морковки.

Теперь попробуйте вообразить (вы же писатель!), что руки начинают расходиться в стороны. Сами собой. Вот торчали себе, и вдруг начали...

Фантаст может представить, что руки отталкиваются друг от друга, как однополюсные магниты. Фентезист — что это такая магия.

Когда руки начинают действительно расходиться, возникают приятные ощущения. Их важно запомнить. Вот сейчас вы действительно расслаблены.

И на вашем горбу уже нет ни одного критика, даже если этот критик — вы сам.

Критики на расслабленный горб не садятся.

Усложняем задачу.

Руки опущены вниз, поза — та же.

Представьте, что руки стали лёгкими и поднимаются, всплывают.

Не получается?

Приготовьте что-то вроде секундомера или приготовьтесь медленно считать до 30.

Встаньте в дверном проёме и поднимайте обе руки, пока кисти внешней стороной не упрутся в наличник. Начинайте с усилием давить на него кистями рук, пытаясь всё равно поднять руки, не смотря на препятствие.

Давим 30 секунд.

Опускаем руки.

Представляем, что они поднимаются сами собой....

Ну??? Получилось?

Трюк с левитирующими руками довольно прост. Если развивать статическое усилие довольно долго (не менее 30 секунд), а затем расслабить мышцы, то руки сами непроизвольно станут подниматься.

Но если вы действительно расслаблены — руки поднимаются и без фокусов.

Если вы научились поднимать руки, считайте, гормоны временно побеждены.

Теперь можете читать, что вам там критики написали.

Разрешается причитать: «Ой, какой я плохой!» И смеяться в голос.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Пупсики
МИНИАТЮРЫ

Алексей Донской

ЖАР-ПТИЦА

Луну пожирает тень. Это больно. Знание, которое лежит в памяти мёртвым грузом и никогда не будет востребовано, подсказывает, что скоро луна станет кровавой. Пока что она просто темнеет.

Я нервно шевелю лапами — и то же знание говорит, что нервы ни при чём. Адаптивная система в очередной раз подстраивает регуляторы, чтобы в бою обеспечить максимальную точность. Я — робот. Это тоже больно.

Луна гаснет совсем, и тусклый коричневый след былого величия действительно краснеет. Волку пристало выть — но сам ли я этого хочу? Боевой императив перевешивает — молчу, прислушиваясь. Сзади пыхтит Иван, являя собой прекрасную цель, которую не замаскировать. Нет, воевать должны роботы, людям здесь не место.

— Пора, — шепчет Иван, распугивая птиц. Идиот.

Бросаю взгляд на тёмно-красную луну, беззвучно срываюсь с места, в три прыжка преодолеваю Завесу — и падаю парализованным.

— Робот в волчьей шкуре, — говорит Страж без интонаций, однако насмешка и презрение звучат в его словах. — Не простой автомат — разумный, сознательный. Зачем тебе свобода воли, если ты рабом родился, рабом и останешься?

Не слушать! Разум ищет выход, но его нет — я погиб. Иван, кстати, тоже — без меня не дойдёт...

Вспышка сзади — и Страж разваливается на части. Ой, дурак! Что же ты, Иван, наделал, молния одноразовая, всегда убивает обоих!

— Донеси Жар-птицу, — шепчет бледными губами.

Отдать жизнь за робота?!

Я закрываю ему глаза и беру клетку Жар-птицы. Но останавливаюсь, обнюхивая останки Стража. Память уцелела? Посмотрю-ка там сведения о ловушках...

Вот оно как. Я будто слышу презрительный голос Стража: «Дурак-то здесь не Иван! Ты даже не знаешь, что такое Жар-птица, сколько земель зальёт она огнём и сколько погибнет безвинных людей!»

Клетка передо мной — вполне мирная с виду, хотя и закрытая наглухо; печати на засовах намекают на опасность. Неужели хозяин, спасший меня, был дьяволом во плоти? Может, он просто не знал? Может, он в незнании своём был таким же роботом, как и я? И не меня он спасал, а миссию, которую я выполню лучше?

Слева загорается и быстро растёт яркий краешек лунного диска. Тень уходит. Что мне делать с нежданной свободой? Оказывается, не так уж она и сладка. Может, важнее всего преодолеть самого себя?

Перестать быть рабом, выполняя приказы, и нести мир, но не смерть? Я вою на луну, и мне больно...

* * *

— Что это?

Запечатанный контейнер почти не тронула ржавчина, и ещё читалась надпись: «ЖАР-П-278». Я оглянулся и обмер: папа стоял, как перед памятником, и в глазах его блестели слёзы.

— Это вакцина времён Первой пандемии, — ответил он. — Её сделали в Волчьем Логове, но так и не смогли переправить через Барьер.

Я промолчал, потому что в школе нас учили не так. Ведь Барьер воздвигли, чтобы оттуда не вынесли страшной силы бомбу!

— Смотри, вот и робот, который не смог выполнить миссию.

Папа посветил фонарём в заросли, и я увидел громадную волчью лапу, и шерсть на ней серебрилась в лунном свете.

Тогда роботов легко было обмануть, подумал я. Сейчас другие времена.

ЛАБОРАНТ

Небо продолжает жить отдельно от земли. В тучах образуются рваные дыры, в которые осторожно выглядывает луна. Если бы она сделала это на минуту раньше, кое-кто мог бы и выжить.

Пожара нет, только пепел сыплется сверху. Или прах? Бену уже не подняться, а от Билла осталось лишь воспоминание. Как и от пятерых, стоявших на периметре. Какой, к чёрту, периметр — не способный защитить от стаи хардальтеров!

Впрочем, они теперь появятся не скоро. Они не замечают нас, их интересы нам чужды, цели неведомы. А когда вернутся — наверняка в новых обличьях — найдут руины. Мы вымираем, и даже вечность, которая у нас в запасе, не способна ничего изменить...

Рилла хромает и матерится. Значит, всё в порядке. Не сегодня. Даст Лаборант, проживём ещё два-три ребилда. Только вот фонари погасли — дурной знак. Лаборатория автономна и неубиваема. В теории. Но хардальтеры ещё и технику жрут, не только людей.

Рилла вздёргивает меня кверху — не могу идти сам, вот засада! — и тащит внутрь. Во времена технорасцвета, помню, замки отпирались глазом или даже пальцем — морфы и альтеры хохотали бы сейчас до упаду. Но ключом в Лабораторию служит геном. Человеческий. И близок тот день, когда, несмотря на все наши усилия, дверь не откроется...

Горбатый Свен волочит двоих; второго — напрасно. Но Марта пока жива — теперь дело за лысым, надёжным и постоянно зевающим.

— Я всего лишь лаборант, — в тысячный раз оправдывается он.

И очередной из вечных уходит в небытие — от безысходности, укуса летучей гадости, удара хвоста хардальтера — да мало ли причин, когда даже ребилд не всесилен.

Рилла открывает банку с вонючим питьём — любит ретро двухвековой давности.

— Когда появится свет в конце туннеля? — кидает она в пространство.

— Осторожней со словами, — отзывается Свен. — Раньше был такой мем о процессе ухода в иной мир.

Рилла плюёт в его сторону и допивает свою банку.

— Здесь какой-то морф, — докладывает интерком. — Просит убежища.

— Сейчас выйдем, — говорит Лаборант.

Химия — штука сильная. Ноги уже меня слушаются, и я плетусь за всеми — нас так мало осталось! Надо же поглядеть на морфа.

Он разговаривает только с Лаборантом. Он профи: короткий обмен незначащими фразами — и уже знает марку нашей установки. Вздыхает умиротворённо, раскрывает грудь и достаёт оттуда нечто псевдоживое — видать, важное, раз так боится кибердетекторов.

Рилла открывает рот, чтобы в обычной матерной манере спросить, что за бомбу он нам притащил — и вдруг мы все умолкаем, глядя на просветлённое лицо Лаборанта.

— Век? — хрипло спрашивает он.

— Двадцатый, — скромно отвечает морф. — Чистый!

Это геном, идеальный образец, то, чего нам так не хватало, чтобы вернуться в истинно человеческое естество — в вакханалии буйного мира!

— Человек будет смертен, — предупреждает Лаборант.

Цена последнего ребилда — вечность. Достаточно ли этого?

А он всего лишь лаборант, умеет много меньше своих машин. Жаль, что ему не дано искусство Конструктора...

Рилла выбрасывает смятую ретро-банку и решительно протягивает руку.

Наталья Голованова

ВЫСОКИЙ, КРАСИВЫЙ И ВООБЩЕ...

— А я его так люби-и-ила!

— Мария Петровна, говорите по существу!

— Я так любила это существо-о-о-о! А оно взяло и коварно пропало-о-о!

Дознаватель Цыпов равнодушно смотрел на потерпевшую Марию Карпову, девицу 17 лет от роду. Потерпевшая Мария хлюпала носом и терла красные глаза.

— Значит, он ушел внезапно?

— Да! Пока я была в лицее! Проводил до дверей и не встретил!

— И где он, как вы думаете?

— Наверное, нашел другую хозяйку! Лучше, чем я!

Киборги не могут выбирать себе хозяев. Цыпов это прекрасно знал. Они обязаны: охранять, слушать, отвечать, подчиняться. А также верить всему, что говорит хозяин. В данном случае — хозяйка.

По словам Марии Карповой выходило, что киборг, «высокий, красивый, умный и вообще», подаренный Марии родителями год назад, пропал среди бела дня без видимых на то причин.

Могли украсть, да. Хотя вряд ли удалось перепрошить. Подчинить — тем более. Смена хозяев обойдется едва ли дешевле, чем покупка нового охранника.

— Расскажите все, что произошло утром.

Ничего особенного. Самое обычное утро. Разве что Марк — Маше очень нравилось, что его имя похоже на ее — был само совершенство. Непринужденно поддерживал высокоинтеллектуальную беседу (заставляя девицу повторить учебный материал, хмыкнул про себя Цыпов), приготовил и принес завтрак (в постель, поди), помог одеться и обуться (а вот это уже лишнее).

— Вы с ним... — начал Цыпов.

Потерпевшая Карпова вспыхнула:

— Как вы можете...

— Так что?

— Только целовались, — щеки Карповой запунцовели.

— И?

— И все!

Ну да, ну да. На другое киборги-охранники и не способны. Через годик Мария отдала бы его на дообработку, и вот уже тогда...

— Дальше.

— А дальше все. Мы пошли в школу. Попрощались и...

Предвосхищая новый приступ слез, Цыпин громко спросил:

— Что вы сказали на прощанье?

— Ой, — вдруг испуганно пискнула Карпова. — Откуда вы знаете?

— Ну?!

— Я это... — голос девицы снизился до шепота. — Я сказала, что его люблю. Что он самый лучший, и если бы он был человеком...

Цыпин откинулся на спинку стула. Ну конечно. Вот оно. Добавила несколько слов, после которых киборг исчез.

Еще есть надежда, что Марк поступит правильно — сменит облик, найдет паспорт, работу. Не позволит поймать себя по-глупому.

Увы, надежда растаяла, когда Цыпин прокрутил новостную ленту. В супермаркете был схвачен и обезврежен киборг-охранник, который утверждал, что он человек. Отправлен на утилизацию.

Да, киборги верят всему, что говорит хозяин. Слепо и безрассудно, как дети. Мария Карпова, заявив — ты и есть человек, фактически обрекла любимого на погибель. Он решил не быть больше куклой. За что и поплатился.

— Дурак, — негромко произнес Цыпин.

У киборгов есть общая частота для переговоров, о которой пока не знают люди. Всего-то и надо было Марку, услышав заветную фразу, на время спрятаться. Есть дядя Боря, который и с документами поможет, и со сменой личности.

Не обратись Цыпин в свое время к дяде Боре...

Впервые за время сознательного существования следователь почувствовал нечто похожее на мурашки.

Михаил Загирняк

КОЛЛЕГИ

Коллега по колл-центру бесила Машу по двум причинам. Во-первых, упорно обращалась по имени-отчеству.

«Мария Александровна, здравствуйте, позвольте уточнить один вопросик...»

«Добрый день, Мария Александровна, разрешите проконсультироваться у вас о назревшей проблеме...»

Казалось, что эта коллега даже в устной речи обращается на вы с заглавной буквы.

23-летняя Маша чувствовала себя на все сорок-пятьдесят и даже представляла себя полнее. Так и хотелось покрутиться на глазах у этой любительницы официальщины. Вот она я, любуйся, ха. Мне двадцать с хвостиком.

— Здравствуйте, Любовь Николаевна, — в тон ей отвечала Маша. — Постараюсь удовлетворить ваш запрос.

Но коллега не реагировала на сарказм и иронию. Даром что прослыла среди персонала колл-центра безупречным профессионалом. Она (это как раз и было во-вторых) вообще никогда не выходила из себя.

Один раз Маша ради эксперимента наорала на неё. В другой — придумала несуществующее поручение, а потом, хихикая, созналась в этом.

Тщетно.

Невозмутимость и такт — как врождённые пороки-компетенции.

С каждой неудачей росло любопытство.

Сегодня Маша звонила каждые пять минут и уточняла по базе холодных звонков. Рассчитала заранее пять поправок.

Но на пятый раз в трубке раздался мужской голос. Точнее — голос парня лет 18-24.

— Маша?

— Да, а откуда ...

— Очень хорошо, — перебил он. — Слушай внимательно кодировку.

В трубке послышался странный звук, перешедший в шипение. И телефон пропал. Как и кабинет. Маша распалась на множество графиков и функций, объединённых в модель поведения. Инженер запросил отчёт по эмоциям за неделю. Потом скачал рейтинг абонентов, недовольных работой легкомысленной вертихвостки.

— Замечательно, Машенька, — сказал инженер. — Скоро вы вместе с Любой найдёте приемлемый для человека баланс. И никакой тест Тьюринга нам не страшен!

По статистике к роботу-Маше люди относились лучше, чем к роботу-Любе. Хотя вторая безукоризненно работала. Разумеется, никто из обзваниваемых не знал о том, что разговаривает с ботами.

Но почему Маша после каждой перезагрузки раз за разом цеплялась к Любе? Потому что зеркально противоположны?

Поэтому экспериментировал раз в неделю. Сегодня он снизил агрессивность и импульсивность, чуть-чуть поднял шкалу компромиссности в Маше. Перенастроил и личность Любы. Добавил немножко небрежности и ускорил утомляемость. И запустил девушек.

Если всё получится, все госслужбы возненавидят его. Зато простые люди будут поминать только хорошими словами. Скорей бы создать робота, который не только выполняет работу, но и понимает эмоции людей — и роботам станут больше доверять в экстренных ситуациях, чем людям.

Программист ухмыльнулся и активировал ещё одну функцию в Маше.

Маша набрала номер коллеги. И повесила трубку, не дожидаясь ответа. Настроение было слишком хорошим, радостным и по-летнему безмятежным. Хотелось дождаться конца рабочего дня и просто напиться, чтобы вечерний город расплылся в жаре июля...

Кирилл Ахундов

ИЗБАЛОВАЛИ!

— А эту ложечку за Бальзака, — ворковала жена, скармливая нашему новенькому литературному киборгу содержимое флешки.

Малыш одобрительно заурчал и в минуту поглотил собрание сочинений великого писателя. И куда в него столько лезет?

У каждого поколения свои увлечения. Раньше были тамагочи и коты Бубу, сегодня модный девиз: «Вырасти гениального критика».

— А эту ложечку за Кастанеду, — устало пробормотала жена.

— Погоди, пусть это попробует, — я переслал Малышу с ноута свеженький рассказ для Астра-блица.

Наш юный гений глотнул, покраснел, задымился и произнес первое слово:

— Буээ!

Татьяна Алексеева

В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ

Очередная клиентка начинает плакать, как только ее лицо появляется на моем мониторе. Пытается сдержаться и вытереть слезы, но у нее ничего не получается. Неужели в кои-то веки ко мне обратился человек, которому по-настоящему плохо и действительно нужна моя помощь?

— Вздохните глубоко, — мягким голосом говорю я ей. — А теперь сделайте несколько медленных вдохов и выдохов. Налейте себе стакан воды и выпейте мелкими глотками. Не спешите, я подожду.

Девушка на минуту исчезает с экрана, возвращается с водой и постепенно успокаивается. Я терпеливо жду. Начальство будет ругаться, потому что я не буду включать эти несколько минут в оплату — ну и черт с ним. Скажу, что если бы клиентка не смогла со мной поговорить из-за рыданий, мы бы с нее вообще ничего не получили.

— Ну как, можете говорить? — обращаюсь я к ней, когда из ее глаз перестают катиться слезы.

— Да... понимаете... у меня проблема... — все еще всхлипывая, начинает рассказывать она. — С моим парнем несчастье... Авария на флаере, за городом... Еще и нашли его не сразу...

Так и есть, у нее действительно горе! Мысленно готовлюсь к тяжелой работе — но зато и по-настоящему важной.

— У него теперь половина органов искусственные, и часть костей из титана, и глаза тоже не настоящие... — продолжает тем временем моя собеседница. — Он выглядит ужасно...

Да уж, современная медицина, конечно, умеет творить чудеса, но все-таки она не всесильна. Собираюсь плавно перевести разговор на то, как эта девушка может помочь своему другу приспособиться к новой жизни, но слышу ее следующую фразу:

— Я, конечно, тут же прекратила с ним встречаться, и на всех своих страницах его заблокировала, но, понимаете, есть одна проблема...

Экая я идиотка! Пора бы уже перестать быть такой наивной, все-таки восемь лет в психологии...

— Что же вас беспокоит? — вздыхаю я. — Это ведь означает, что у вас четко выстроены личные границы. Прекрасное качество, очень важное в современной жизни.

Скажи я что-нибудь другое — например, то, что мне сейчас очень хочется высказать этой дряни с полностью прогнившей душой — и уже завтра с треском вылечу с этой работы и вообще из психологии.

— Понимаете... — снова хлюпает носом клиентка. — У нас с ним раньше была традиция — если мы ночевали не вместе, то перед сном созванивались и пели друг другу песни. И вот я теперь заснуть не могу — у меня все время наши любимые песни в голове вертятся... Помогите мне от этого избавиться!

— Это не сложно, — снова вздыхаю я. — Вам надо придумать себе другой вечерний ритуал...

Еще пять минут мы с ней обсуждаем, чем можно заменить ночные песни, а потом она, успокоившись, отключает скайп. Я сделала все, как надо, как требует наша современная профессиональная этика.

К счастью, соблюдать этику от нас требуется только на работе.

А моего перерыва перед следующим клиентом хватит на то, чтобы проштудировать соцсети этой девицы, найти там комментарии ее бывшего парня и узнать его контакты и любимые песни.

Чтобы ближе к ночи постучаться к нему в скайп и спеть одну из них.

Станислав Романов

TIMEO DANAOS

Он и на человека-то не был похож. Огромный шишковатый череп. Ни волос, ни бровей, ни ресниц. Изрезанное глубокими морщинами лицо. Бледная, с серо-жёлтым оттенком кожа, смахивающая на дешёвый пластик. Экзоскелет, поддерживающий измождённое тело в рабочем состоянии. Трубки для внутривенного питания, трубки для диализа. Провода для электростимуляции мышц.

Может, он уже и не был человеком. Какой у него был взгляд...

Сейчас его глаза были закрыты. Он замер, безвольно свесив руки, словно выключенный механизм.

Отчасти так оно и было.

Боев отвернулся.

В дверях бокса стоял Зимин. У него за спиной маячил техник в синей робе, но с офицерской выправкой.

— Живой? — спросил Зимин, глядя мимо Боева.

— Живой, — сказал Боев. Он зажимал пальцами разорванную мочку левого уха, кровь всё ещё шла.

— Ты-то вижу, что живой. Я не про тебя спросил.

— Биометрия в норме, — доложил техник.

— А чего он стоит вот так? — спросил Зимин.

— Ступор, — пояснил техник. — Последствия вирусной атаки. Но мы восстановили контроль над мейнфреймом.

— Получилось, значит, — сказал Зимин.

— Да, — сказал техник.

— Пойду я, — сказал Боев.

Зимин перевёл взгляд.

— Ты коннектор из уха зачем выдрал?

Боев осклабился.

— Радикальный дисконнект. Не хотел пускать к себе на чердак незваного гостя.

— Надо бы тебе к нашим спецам зайти, — сказал Зимин задумчиво. — Пускай твой нейрочип ещё раз просканируют...

— Да ни за что! Я лучше башку в микроволновку суну. Они же этот вирус мне и подсадили...

— Я им приказал, — сказал Зимин.

— Я догадался, — сказал Боев. — Что, решили использовать меня втёмную?

— Было нужно для дела.

— Вот так всегда.

Боев отодвинул Зимина плечом, вышел из бокса. Техник предусмотрительно отступил в сторону. Взгляд у него был цепкий, правую руку он держал за спиной.

— Постой, — сказал Зимин вслед.

Боев обернулся.

— Сам понимать должен, — сухо сказал Зимин. — У меня тут главный разработчик, видишь ли, втайне затеял личный проект. Встраивал свои модули во весь программный код, над которым работал. С какой целью, неизвестно. Спецы говорят, динамическая распределённая система. Может, искусственный интеллект. А когда мы попробовали взять его под контроль, он взбунтовался. Гений. Куда ему отсюда деваться в его нынешнем состоянии?..

— Натравили бы «големов» на своего мятежного гения, — сказал Боев. — Я-то вам зачем?

Зимин вздохнул.

— Нельзя. Нейроинтерфейс «големов» он и делал. Каждый «голем» в пределах досягаемости — его потенциальный союзник.

— А я?

— А ты особенный. Первое поколение, другой нейроинтерфейс.

— Рассчитывали, что пока он меня взламывает, вирус проникнет в его систему?

— Да.

— Я вам кто, троянский конь?

Фигура в экзоскелете шевельнулась, переступила с ноги на ногу. Боев напрягся. Зимин вздрогнул и оглянулся.

— Всё в порядке, — быстро сказал техник. — Это не он, это наши на пульте.

— Ф-франкенштейн! — сказал Зимин с чувством.

Боев усмехнулся.

— Боитесь его? Зря. Ваш Франкенштейн сделает вам монстра, его и бойтесь.

— Не пугай, — сказал Зимин. — Пуганые мы уже.

...Он всё слышал...

ПРОИСШЕСТВИЕ В СТОЛЯРНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Нет, это невыносимо, думал Д. Всё стучит и стучит. Каждый божий день, по три часа кряду. Потом сделает перерыв, и опять. От этого с ума сойти недолго. А квартирная хозяйка жалоб не слушает, говорит, у вас третий месяц не плачено ни за комнату, ни за прислугу. Он бы и заплатил, только обещанная в «Вестник» повесть до сих пор не окончена, и как её окончить в этаком бедламе?

Д. с отчаянием посмотрел на потолок, который, ему казалось, вздрагивает, словно там, наверху, сплясывают цыгане.

Дьявольская машина этот «Ремингтон», а ремингтонщица — исчадие ада.

На прошлой неделе он ходил к ней сам. С собою взял рукопись — повесть, которую мучительно писал последние полгода. Пусть не окончена, ему нужен был предлог.

— Что у вас? — спросила она без особого интереса.

— Рукопись. — Д. подал пачку плотно исписанных листов. — В журнале говорят, что у меня плохой почерк, еле можно прочесть.

Она взяла, взглянула мельком.

— Отчего же, почерк вполне разборчив...

Тут старшая сестра потребовала её из соседней комнаты. Старшая явно была глуховата, и голос у неё был как иерихонская труба. Д. знал, что она ссужает под проценты, но пока крепился. Ремингтонщица, извинившись, вышла, оставив его одного. Рукопись она положила на конторку, почти всю занятую разными бумагами.

Только теперь Д. огляделся. Пишущая машина, механическое чудище, замерла подле окна наготове: чистый лист был заправлен, клавиши

с буквами ждали прикосновения. На латунной табличке, прикреплённой спереди, значилось: E. Remington & Sons.

Соблазн был неодолим. Он робко протянул руку, нажал одну из клавиш. Механизм громко лязгнул, будто дёрнули затвор карабина. Промелькнул молоточек, ударил по бумаге. Д. вздрогнул. С листа, прямо ему в переносицу уставилась круглая чёрная «О», словно ружейное дуло...

Он бежал прочь, не дожидаясь возвращения хозяйки.

Впрочем, проступок его остался без последствий. Но всё же Д. стеснялся сам вернуться за рукописью. Три дня спустя бумаги ему принесла Настасья, работавшая в доме кухаркой и прислугой.

Д. посмотрел одну страницу и, видимо, зря. Он не узнал своей повести. Его слова, которые он подбирал и выстраивал с таким мучительным старанием, сделались похожи на старые грязные истёртые монеты, что кидают нищим. Это было омерзительно. Он сжёг всё в печке — и машинный отпечаток, и осквернённую рукопись.

«Она убила мою повесть, — думал Д. — Теперь убивает меня этим треском. Нет, не могу так дальше, это надо прекратить...»

Как безумный, он кинулся вон. Сначала вниз, в дворницкую, затем тут же обратно. Вверх по лестнице, мимо своей комнаты — в квартиру ремингтонщицы. Плечом вышиб двери и рванулся к ненавистной машине, занося над головой топор...

Позже, в околотке, он сидел, понуро свесив голову, совсем без сил.

— Фёдор Михайлович, как же так? — укорял пристав. — Образованный человек, писатель, а за топор схватились. Женщин испугали до смерти, комнату разгромили, машину испортили. Чем вам «ремингтон»-то не угодил, а?

Д. угрюмо молвил:

— Лучше бы их не было вовсе...

Вартан Бабиян

ИДЕНТИФИКАТОР КИБОРГА

Звонок от мужа прозвучал в два часа ночи.

— Что случилось?

В ответ послышалось негромкое долгое хихиканье. Зина растерялась.

— Макс, ты где?

— В Караганде, — ответил весёлый голос мужа.

— Выпил, что ли? — Муж давно уже не пил, берёг печень: искусственный хекур — один из самых дорогих гаджетов.

— Я старый вонючий наркоша, ах, ах!

Только тут Зина заметила, что связь идёт по чужому каналу.

— Откуда ты звонишь?

— От верблюда! — ответил муж.

— Подожди, я сейчас по твоему идентификатору свяжусь!

Зина торопливо переключилась на семейный канал.

Ответа долго не было. Потом пришло сообщение.

«Прости, сплю. Приеду — поговорим».

— Немедленно ответь! Что стряслось? Я до твоего приезда с ума сойду!

«Я голос потерял. Море холодное».

–Простудился?

«Нет, взял утеплитель. А лишнее оставил на берегу. И забыл. Не беспокойся, там по мелочи. Только вот гортань жалко».

Гортань? Дело плохо! Голос — фактор идентификационный. Его не купишь в магазине, это тебе не нога, не ухо. Придётся объясняться, проходить детектор...

Зина всполошилась: карточка! Если голос мужа попал в чужое распоряжение!.. Она срочно запросила баланс и ужаснулась: уже успели снять кучу денег!

Увидев результат перевода, Зина опешила. Чипсы, пицца, пепсикола, игрушки! Да помногу так! Детский дом, что ли, обслуживался?

Муж приехал утром. К тому времени уже всё прояснилось. Служба спасения обнаружила бесхозные вещи, идентифицировала их и транслировала голос мужа по месту жительства. Новенькая, только что распечатанная гортань ждала хозяина, ещё с вечера.

Забирать поехали вместе. В местном бюро забытых вещей посетителей почти не было. Удивительно, что при этом их попросили подождать.

В малолюдном зале ожидания Зина затеяла разговор с соседкой.

— Я вижу, вы тоже что-то потеряли.

— Не было печали, да он всегда найдёт повод, — проворчала женщина. — Закатил в магазине истерику: купите мне вон тот модуль памяти, он мне нравится. Вечером сидел, записывал в него свои мечты. А из школы вернулся — уже нет: потерял! И опять истерика: найдите!

Сидящий рядом с мамой мальчик лет шести со скуки болтал ногами. Новенький: ни одного скрипящего сустава, ни одного металлопластикового органа. Даже на месте отсутствующих зубов росли новые, не протезные.

— Да, детей иногда надо баловать, — сказала Зина рассеянно, вспоминая странный заказ от имени мужа. — Вот мой муж тоже недавно раскошелился, кажется, для одного детского дома...

Тут их позвали.

— Простите, вышла маленькая заминка, — молоденький робот-стажёр смущённо улыбался. — Ваша гортань оказалась рядом с чужой картой памяти. И они за ночь успели подружиться. Да так крепко!.. Еле уговорил их расстаться. Потерянные вещи ведут себя очень непредсказуемо! Какой-никакой, а всё же интеллект...

Муж распаковал новую гортань, примерил её, удовлетворённо прокашлялся.

А Зина, уходя, бросила новой знакомой, старательно скрывая ехидство:

— Не очень удивляйтесь, если по возвращении обнаружите у своего подъезда грузовик с чипсами и пепси-колой...

Ильмир Амиров

КОРРЕКТИРОВЩИКИ МОМЕНТОВ

— Объект захватил сферу и движется в сторону цели, кэп!

— Принял! Статист, какая вероятность дальнейших событий?

— Секунду, кэп... вероятность потери сферы при столкновении с другим объектом равна 89%.

— Какие вероятности обхода слева или справа?

— Слева 23%, справа 45%

— Отлично, поможем ему обойти справа. Влиятели, как приняли?

— Приняли, мы у цели.

— Действуйте по стандарту.

— Реалист, замедли время.

— Сделано!

— Влиятели, что у вас?

— Кэп, объект начинает движение по стандарту.

— Статист, отчет!

— Вероятность обхода возрастает. К концу действия составит 97%

— Черт! Этого не хватит. Влиятель Альфа, примените на объект противника «укус комара»

— Сделано!

— Статист?

— Вероятность 100%

— Отлично. Пророк, что дальше?

— После обхода противника объект собирается нанести удар по защитной зоне.

— Прекрасно! Реалист! Отпускай время.

— Сделано!

— Кэп, обход противника успешно завершен.

— Вероятность успешной атаки на защитную зону?
— Невелика, кэп. Всего 25%.
— Это наш шанс ребята. Момент, который мы не должны упустить. Реалист, замедляйся.
— Готово, кэп.
— Статист, вероятности на успех?
— Левый дальний угол зоны, шансы 50%
— Влиятели, ваш выход.
— Уже, кэп!
— Статист, ну что там?
— Процент растет, но медленно.
— Влиятели, внешние факторы на максимум.
— Сделано!
— Измените данные покрытия, силу трения, направление ветра, в конце концов.
— Все сделано!
— Статист?
— Шансы 74%
— Дьявол. Используйте протокол «Озарение».
— Вы уверены, капитан?
— Мы не должны упустить момент. Действуйте.
— Готово!
— Статист?
— Вероятность 99.9%
— Реалист, ускоряй.
— Готово!
— .... А это еще что? Пророк!
— Команда противника не дремала. Погрешность удара изменена. Мы проиграли.
— Статист!
— Вероятность 12%
— Реалист, время.
— Энергия исчерпана, кэп!
— Черт возьми!
— Кэп, удар произведен безуспешно.
— Поломали момент....

* * *

Изображение на экранах застыло.
— Это и называется переломанный момент, ученики. Как вы видите, оперативная группа пыталась повлиять на ход игры, но потерпела поражение. Оперативники из другой группы успели развязать шнурок на бутсе атакующего, в результате чего в ворота вместо мяча влетела бутса.

Таких переломанных моментов много в истории нашего подразделения. Не всегда оперативники могут использовать удачно предоставленный момент. Но мы, собрались здесь для того, чтобы учиться быть лучше, действовать слаженно и не упускать такие моменты. Есть вопросы?

Руку поднял один из учеников:

— Профессор, а можно услышать слова комментатора во время матча?

В зале раздались одобрительные возгласы. Профессор улыбнулся и включил воспроизведение на втором экране.

* * *

— И мяч снова у Потапова! И это контратака, друзья! Потапов обходит одного защитника, второго, выходит в штрафную зону, а там непобедимый Джованни. Обойдет ли он его? Секундная борьба, и он обходит защитника справа! Ворота близко! Удааааар!!! И мяч летит в сторону от ворот... Ай-яй-яй, Потапов! Какие неведомые силы не дали тебе нормально завязать шнурки...

Александр Карапац

ДЕНЬ ТРУДА

Этого дня я ждала долго. Целый год. Ведь День труда бывает только раз в году. В этот день я смогу получить то, о чём мечтала, смогу прожить его так, как мне хочется.

В первую очередь я выберу роль. Никак не могла определиться, что лучше: оператор машинного доения или учитель младших классов. Обе роли привлекали разнообразием возможностей и интересными оттенками. Нет, учителя, пожалуй, оставлю на следующий раз. Общение с коровами более пикантно, чем с малышами. Теперь роль нужно выучить, ибо рабочий день расписан по минутам.

Утро. Я выхожу из дома, сажусь в автобус. За полчаса до начала работы я уже у входа на ферму. Переодеваюсь в униформу, прохожу дезинфекционную обработку. И вот — благословенный миг! Я рядом с животными. Действую по инструкции. Проверяю готовность доильных аппаратов, правильность работы пульсаторов и коллекторов. Я никогда ещё этим не занималась, но ведь учила матчасть! К тому же в ухе у меня микронаушник, через который центральный координатор в любой момент может передать указания, если мои действия будут неверны. Но хочется самой, без подсказки! Координатор пока молчит.

Теперь можно приступить к работе с животными. В инструкции пять пунктов: осмотр вымени животного перед доением, подмывание вымени, вытирание вымени дезинфицирующей салфеткой, массаж

вымени и предварительное сдаивание молока в специальную посуду. Всё это я проделываю с благоговением. Корова отвечает мне довольным мумуканьем.

И вот самое важное — доение. Включаю доильный аппарат, надеваю доильные стаканы на соски, контролирую молокоотдачу, выполняю машинное додаивание, отключаю аппарат, снимаю стаканы с сосков, обрабатывает соски дезинфицирующим раствором. Всё! Первая корова пройдена!

День пролетает как в сказке. Я перехожу от коровы к корове, встречая доверчивые взгляды и получая по завершении процесса благодарные мумуки. И координатор ни разу мне не подсказывал! Праздник удался! Теперь домой.

Дома в первую очередь звоню Лиле. Это — моя лучшая подруга. Она сегодня работала водителем свёклоуборочного комбайна. Тоже отличная роль. Я этим в прошлом году занималась.

— Лиля, как ты?

— Отлично! Полный восторг! Я всё сделала по графику. Координатор меня только один раз поправил!

— А меня ни разу! Представляешь!

— Здорово! Поздравляю! В следующем году я тоже попробую доение.

— А я, наверное, буду учителем. Но еще подумаю.

Как приятно отдохнуть после трудового дня! Не устаю восхищаться нашими мудрым законами, позволяющими так эффективно реализовывать право каждого на труд. Причём мы можем выбирать любой вид труда и любую профессию! Говорят, раньше люди должны были проходить особые тесты на профпригодность. И даже после их прохождения для получения профессии учились несколько лет, а потом нужно было сдавать экзамены. Как же сейчас всё проще и демократичнее!

Теперь год будем отдыхать, готовиться. В этот период все заботы возьмут на себя роботы. А в День труда снова на работу!

Сергей Фирсов

ХОТЕЛКИ

Борщов принял у курьера пакет, расписался в получении и, закрыв дверь, разорвал хрустящую обёртку.

Выпал кусочек мелованного картона с обращением: «Dear Mr. Borshchoff! We suggest you take part in the beta testing of the new set of desires «Hotelka». We hope for fruitful cooperation!»

Подписи не было.

Борщов хмыкнул. Надеются они, понимаешь ли...

В стильной чёрной коробке в пять рядов были уложены кристаллы разных цветов и оттенков. По десять штук в каждом ряду.

Мечты, желания... Ну посмотрим, что там у них на этот раз!

Рождественский сет.

Он вынул из гнезда белый кристалл — крайний слева, верхний ряд — и аккуратно вставил его в затылочный порт «юэсби-фоти».

Это были заснеженные горы. Крыша мира. Звенящий морозный воздух. Солнце, танцующее в каждой льдинке. Восторг и упоение. Мечта домоседа, боящегося высунуть нос за пределы родной квартиры.

Борщов сделал пометку в блокноте и взял следующий кристалл. На нём оказалось море. Неспокойное. С чайками и барашками на волнах.

Примерно за три часа он перебрал все кристаллы, на одних задерживаясь подолгу, другие отключая почти сразу после активации. Полоса охвата была беспрецедентно широка.

Имелись короткие детские желания: день рождения с героями любимых сериалов, торт, велосипед, коньки, куклы, новый компьютер. А также и более абстрактные категории: мечта о верном друге, желание стать моряком, пожарным, сыщиком, артистом этсетера. Наполненное страхом желание быть как все и острая потребность быть ни на кого не похожим. Наивная и неконкретная мечта быть всегда лучше других и абсолютно рациональная установка на то, чтобы нести в массы свет и знания.

Горы и море дополнялись небом, космосом, неохватной ширью полей и густыми хвойными лесами. Полноценные 6D.

Отдельной группой шли материальные мечты. «Porsche», 911 модель Carrera Cabriolet, яхта как у известного олигарха, только с алыми парусами, теннисный корт и дом в Биаррице. Ровные брикеты валюты — однообразно и скучно заполняющие огромный ангар.

Желание славы и желание власти, месть как способ кому-то и что-то доказать, дурацкая мечта о мире во всем мире, трогательная забота о детях и их благополучии, грёзы о справедливости, чтобы все мы были здоровы, а они чтобы сдохли, кровь, боль, долгожданная потеря девственности, уйти красиво и счастье для всех даром, непременно взять реванш на бильярде, взыскать карточный долг и влупить этим троллям на полит-портале. Ломка, и не сдохнуть бы до следующей дозы! Адреналин в чистом виде. И секс. Много секса с Моникой Белуччи и Софией Марсо. Ну, или на худой конец, с Тимберлейком и Хью Джекманом.

Борщов записал: «Желание — это краеугольный камень рукотворной Вселенной. Отличается от мечты верой в возможность реализации.

Рекомендации:

1. Отделить мечты от желаний — долгосрочных и сиюминутных.

2. Доступ к антигуманистическим желаниям заблокировать возрастным цензом.

3. Добавить мечту о визите деда Мороза и Снегурочки. Все-таки рождественский сет».

Под последним кристаллом, в углублении, он обнаружил бонус — кнопку с надписью: «Реализация мечты, выбранной случайным образом».

Хох!

Борщов нажал кнопку.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Борщов.

— Госпожа Борщова? Беспокоят из клиники пластической хирургии «Доктор Хилер». На утро вторника, одиннадцатое января, у вас назначена маммопластика. Назовите удобное для вас время, чтобы мы могли выслать за вами машину.

Борщов повесил трубку и добавил в блокнот еще один пункт:

4. Убрать дурацкую рекламу! Зашкаливающая степень идиотизма.

МИЛЫЙ ДРУГ

Браслет у Вики был чудесный. С разноцветными круглыми камешками и маленьким красным сердцем, болтающимся на жёлтом колечке.

Агата попросила:

— Дай!

— Нетушки, — сказала Вика и покрутила кулачком прямо у Агаты под носом. — Это только мой! Видишь, как блестит!

Агата заплакала.

— Ну и рёва! — сказала Вика. — Всё равно не дам.

Во время тихого часа Агата не спала.

— Хочешь браслет? — спросил её Лю. — Тогда возьми!

Агата осторожно полезла пальчиками Вике под подушку, уцепила браслет и потихоньку отнесла его в свой шкафчик.

— Это ещё что? — спросила мама вечером, увидев у дочки незнакомую игрушку.

— Это бласлет, — объяснила Агата.

— Чужой?

— Мой.

— Откуда у тебя?

— Мне Лю подалил.

— Опять этот Лю!

Папа взял Агату на руки.

— Детка, ты же у меня большая девочка? И понимаешь, что чужое брать нехорошо?

— Он не чюзой! Мне Лю сказал взять. И я взяла. Тепель он мой! Мой!

— По кривой дорожке пошла, — сказала мама скорбно. — Что-то рановато.

— А сто это — кливая долоска? — спросила Агата резонно.

— Кривые дороги хороши, если едешь на чужой машине, — пошутил папа.

— Миша, что ты несёшь?! — возмутилась мама.

— По кривой дорожке идти весело! — заметил Лю, и Агата запомнила.

Родители посовещались и вернули браслет девочке Вике, не устраивая публичных покаяний. Дескать, дочка нашла на полу, возле кровати. Мама, правда, сказала:

— Ещё раз услышу про Лю, задам трёпку обоим!

Учась в шестом классе, Агата завела второй дневник — для плохих отметок. Лю подсказал: «Кривые дороги хороши, когда они уводят от наказания». Она не спорила. Конечно, так было правильнее. Зачем портить пачкотнёй хоровод пузатеньких «пятёрок» и настроение родителям?

Правда открылась в конце учебного года, но актуальности уже не имела.

— Это всё Лю, — сказала Агата с улыбочкой.

— Надо отвечать за свои поступки, — сказал папа. — А не сваливать вину на какого-то Карлсона.

В спортивной секции, где Агата занималась большим теннисом, готовились к юниорскому чемпионату. Номером один была Соня. Агата чуть-чуть поддела её плечом, когда девочки спускались по лестнице со второго этажа. Соня упала и повредила колено. Агата заняла её место и отхватила кубок.

Лю одобрительно кивнул: кривые дороги хороши, если их прокладываешь сам.

На экзамене по химии Агата решила воспользоваться шпаргалкой. Пептиды-полипептиды. Формулы, похожие на пчелиные соты. Никогда не получалось верно их запомнить. Её поймали и выставили из класса. Потом разрешили пересдать, но нервотрёпка была ой-ё-ёй!

Лю пожал плечами: «Кривые дороги хороши, потому что каждый ухаб на них ожидаем».

Универ пролетел как один большой праздник. Лю помог дважды: когда сплетня про лучшую подругу Зинку позволила увести у неё обаятельного крепыша Ярика (Кривые дороги обещают больше) и когда взрослая жизнь раскрыла перед Агатой все прелести существования противоположного пола (Кривые дороги дают возможность почувствовать себя живой).

Голова шла кругом: Агата резвилась больше иных прочих. Училась между делом.

Аспирантура и защита сладились на удивление. Для подстраховки она переспала с научным руководителем (Любая дорога хороша, когда тебе наплевать на стоимость проезда).

Забеременев, Агата вспомнила о Ярике и удачно, а главное — вовремя вышла замуж.

На кривых дорогах не было заторов, и выводили они точно к цели.

Бизнес мужа позволял строить жизнь по своим правилам.

Маленький Никита был очень похож на маму Агату и совершенно не похож на папу Ярика.

— Ты мой яхонтовый! — говорила бабушка.

— Я не яхонтовый, я агатовый, — поправлял её Никита.

Все устремления его были связаны с автоспортом — ровно до тех пор, пока Агате однажды не позвонили из отделения полиции и не сказали, что её сын сбил семилетнего ребёнка. Выбранная дорога не позволяла нестись сломя голову. Лю и тут предложил правильный выход: нужно было договориться со следователем. Деньги в качестве убедительного довода имелись. Агата бы и хотела, но тут на горизонте возникли родители пострадавшего мальчика, и Агату заклинило. Ехать по этой дороге было нельзя, а других дорог просто не существовало.

Она упала перед Лю на колени и попросила изменить расклад. Лю долго не соглашался, предупреждал о последствиях, но Агату было не переубедить. Тогда Лю метнул кости, и сбитый мальчик в этот день оказался за городом, на даче у бабушки, а Никита въехал в металлоконструкцию, предназначенную для размещения уличной рекламы.

Агата радовалась так, будто вновь утащила яркий браслет у давно забытой девочки Вики. Она летела в больницу, где врачи гипсовали Никиту, и понимала, что Лю наблюдает за ней.

Вот только впервые он наблюдал молча.

Возможно, он был разочарован.

Лариса Тихонова

КОНТРОЛЬНАЯ ФРАЗА

— Любезный Финист — Ясный Сокол, явись ко мне! Явись!

В ответ лишь булькнуло находящееся неподалёку болото.

— Любезный Финист, — опять затянула я, ёжась от сырости и начиная понемногу раздражаться. — Явись ко мне! Да хватит уже прятаться!

Повторив призыв на все лады ещё раз двадцать, я скорбно вздохнула и смирилась. Формула обычного вызова опять не работала. Оставалось крайнее средство, применять которое я очень не люблю. А, ладно! Заодно согреюсь!

После первого глотка крепчайшего самогона перехватило горло, зато уже после четвёртого со стороны болота послышались обнадёживающие звуки. Кто-то целеустремлённо шлёпал в мою сторону, и я

с облегчением отложила фляжку с мерзким пойлом.

Рано обрадовалась. То был не Финист, а здоровенная, мне по пояс, скользкая лягушка, брр-р. Пришлось опять раскупоривать флягу и глушить самогон, повторяя и повторяя контрольную фразу. Вскоре лягушка уже крутила профессиональное фуэте, а болотные огоньки, подтянувшиеся с трясины, образовали вокруг выступающей красивый круг.

— Лю-у-бзная, — собрав глаза в кучку, как можно вежливей спросила я, потому что потянуло вдруг поговорить. — Не в курсе, где С-ссс... ик! Ссокл, мать его...

«Балерина» резко замерла, возмущённо на меня зыркнула, и только тут до меня, наконец, дошло, что на этой планете форма жизни «лягушка» не существует! Вот что значит систематически злоупотреблять, гробя себя во имя работы — гори она синим самогонным пламенем!

Недовольно бурча, я выудила непослушными пальцами таблетку отрезвина, проглотила и стала ждать, когда подействует. Лягуха опять принялась старательно вертеться, но давшая сбой программа уже перезагрузилась. Зелёная скользкая тушка «заморгала», сменила личину, и превратилась в утерянный робот-разведчик, доверху набитый образцами и ценной информацией. А болотные огоньки — в его разбежавшиеся было «пальцы». Я всё-таки нашла заглючившего робота и подманила к себе с помощью дурацкой контрольной фразы, до которой додумался наш затейник программист. Как говорится — чтоб никто не догадался!

Но вернувшись на базу, я откручу башку программисту даже не за это. Паразит озвучил разведчику фразу-пароль, будучи в серьёзном подпитии. Поэтому на трезвую модуляцию моего голоса робот не реагировал, а точек высадки, куда могло приплестись неисправное оборудование, у нас ровно тридцать четыре!

Максим Тихомиров

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Известие о финансовом крахе, постигшем семью, застало Лайма на Йендрике, университетской планете внутреннего круга мультисистемы Канопуса.

Лайм только что сдал выпускные экзамены и набирался сил для грядущего собеседования. Теперь же сыновний долг требовал от него личного присутствия при семейной катастрофе.

Терраса ресторанчика «Хессерия» открывалась в пустыню. Столик у парапета Лайм облюбовал еще на первом курсе. Канопус занимал треть небосклона; призматические деревья тонко запели, когда лопасти

цветов-пропеллеров начали вращаться в потоках раскаленного воздуха над песками. В ожидании Эйкена Лайм принялся методично избавляться от ненужных ему больше вещей.

Снял с пальцев и разложил на столешнице целую коллекцию энергоколец, незримые лучи которых с легкостью справлялись с любой пилотажной квантотроникой. Расстегнул инфобраслеты, каждый из которых вмещал целую библиотеку звездных карт. Отковырнул с висков диски универсального нейроинтерфейса, способного связать его с кораблем любого типа. Теперь он снова чувствовал себя просто человеком. Лайм вздохнул. Быть полубогом ему определенно нравилось больше.

Он как раз заказал вторую чашку кофе, когда в зал вкатился Эйкен, распространяя вокруг свой специфический запах: тестостероновый мускус с оттенком корицы. Лайм против воли снова почувствовал возбуждение. Большую часть времени здесь, на Йендрике, он провел в компании толстяка

— Слышал, ты улетаешь? — заорал Эйкен с порога. — Ничего не хотел мне сказать на прощание?

Обида била в нем через край. Маленькие глазки за линзами инфоумножителя были полны злобы, любви и надежды.

— Присядь, — попросил Лайм с виноватой улыбкой. — Я заказал тебе кофе.

Эйкен плюхнулся на скамью. Залпом высосал принесенный кофе, не поморщившись от его крепости и температуры.

— А как же мы? — спросил, не глядя на Лайма. — Мы столько всего спланировали, у тебя теперь диплом, и мы можем двинуться дальше — по рукаву, до самого Края.... Как быть со всем этим, Лай?

Вместо ответа Лайм запустил руку в его нечесаную шевелюру, нащупал заслонку и придавил ее пальцем. Эйкен замер, уставившись прямо перед собой. В ладонь Лайма скользнул кристалл памяти, который он заменил другим, принесенным с собой.

Эйкен вздрогнул. Уставился на него с подозрением во взгляде, из которого раз и навсегда ушли обида и любовь.

— Эй, педик, так зачем позвал?

Лайм, через силу улыбнувшись, указал на разложенные на столе гаджеты.

— Отдаю недорого. Думал, тебе пригодятся. Ты вроде кибернетом стать хотел?

Эйкен, пожав плечами, сгреб все со стола, метнул на кредитку Лайма перевод и был таков. Лайм проводил его взглядом, вздохнул и, нашарив за ухом заслонку, выщелкнул мемокристалл.

Прислушавшись к возникшей там, где только что было что-то большое и светлое, пустоте, которую медленно заполняло хрустальное пение

призматических деревьев, Лайм раздавил оба кристалла в пальцах и сдул их прах с ладони в пустыню. Потом заказал такси в астропорт.

Его ждали дома.

СЕКС И НАСИЛИЕ В УСЛОВИЯХ ОТДЕЛЬНО СТОЯЩЕГО ЗАМКА

Любовником маркиз оказался удивительным. Когда он наконец с рыком излился в Маль, та давно дрейфовала в океане неги без руля и без ветрил, словно растерзанный бурей корабль.

В свете уходящего дня маркиз казался почти красивым. Закатные лучи играли багрянцем на его клыках, превращая улыбку в оскал. Иссиня-черная путаница бороды раскинулась по мощной груди, переплелась со звеньями толстой цепи. Тугой барабан живота слепо смотрел в потолок набухшим глазом пупка. Курчавились волосы в паху, благоухая похотью и пряча в своем переплетении опавшее орудие страсти.

— Теперь ты не убьешь меня? — спросила она.

Заглянула в подернутые сытой поволокой глаза, безмысленные и страшные. Маркиз молчал. Маль зябко укуталась в водопад своих лазоревых волос. Поежилась от боли в обожженной кнутом спине. Там, внизу, саднило. Она сунула меж ног руку. Убедилась, что крови нет. Огляделась наконец. Принюхалась.

Альков круто смердел псиной. Растерзанное ложе покрывали звериные шкуры и лоскуты выделанной кожи. Здесь и там на кожах синели клейма татуировок. В одной из них Маль узнала знак, который столько раз видела на правой лопатке Долгоносика. Почувствовала, как оборвалось что-то в душе. Не подала виду. Вгляделась в сгущающиеся тени. На стенах грубого камня среди выцветших гобеленов и поблекших портретов на деревянных щитах были укреплены головы.

Маль узнала Псоглавца и Арлекина, Грустеца и Мудрую Черепаху. Были и другие, незнакомые, но она уже не видела их. Ее вниманием завладело смертельно бледное лицо с длинным носом, который, словно стрела флюгера, недвусмысленно указывал на полотняную ширму, что закрывала дальний угол комнаты. На ширме был искусно выткан пламенеющий очаг. Длинноносая голова приоткрыла один глаз и подмигнула. Сердце заколотилось — и успокоилось. Теперь Маль знала, что делать. Извиваясь всем телом, она подползла к своему пленителю и зарылась в завитки его бороды.

Когда за стрельчатыми окнами башни стемнело и на небо выкатился серебряный диск луны, маркиз отстранил ненасытную любовницу.

— Мне пора, — сказал он. — Будь здесь как дома. Но помни — ты

в гостях. Не делай ничего, о чем потом можешь пожалеть.

— Хорошо, папочка — сказала она и прильнула к курчавой груди.

Маркиз соскользнул с ложа, упал на четвереньки и изменился. Шерсть покрывала его теперь с макушки до пят, лицо вытянулось в звериную морду, уши заострились, меж ног выпал поленом хвост. Коротко взвыв, любовник вскочил на подоконник и был таков.

Маль осталась одна, сжимая в кулаке ловко умыкнутый с груди маркиза ключ желтого металла. Отодвинула ширму. За ней призывно светилась в лучах луны небольшая дверца.

— Ну чего же ты стоишь? — спросил со стены Долгоносик. — Нас ждут великие дела. Не забудь снять меня отсюда. Шея страшно затекла.

Она провернула ключ в скважине и открыла дверцу. Из темноты потянуло болотом и неприятностями. Маль надвинула поглубже капюшон своего красного плаща и сделала первый шаг.

— Бабушка? — позвала она и стала ждать ответа.

НЕМНОГО СЧАСТЬЯ НАПРОКАТ

Янис замер у витрины в глубоком раздумьи. Сквозь стекло невидяще смотрели на него нечеловеческие глаза. Зажатый в пальцах кусок картона с перфорацией давно напитался потом и размяк.

— Ну что, малыш, решился?

Пожилой прокатчик за прилавком, тщательно скрывая интерес, следил за муками клиента. Янис украдкой взглянул на висящие над прилавком часы. Времени оставалось все меньше. Пора решаться. Рептилоид Микс, Белогрудка, Капитан Овердрайв? Или все-таки Мистер Куку?

Янис придирчиво оглядел сутулую фигуру с широким ртом-клювом на покрытом перьями лице, уродливый зоб, пустым мешком свисающий на грудь, и кривые когти на ногах.

Бр-р!..

Мистер Куку не красавчик, да и ведет себя страннее некуда. Вот, например, кому может пригодиться его умение превращать воду внутри своего зоба в вино? Но Янис собственными глазами видел, как ребята постарше с удовольствием кормились из клювов своих Мистеров Куку, а потом с блаженными улыбками на лицах спали на лужайках в парке.

Янису это казалось глупым, но он догадывался, что в свои неполные десять лет еще очень многого не знает о мире. Точно так же он не понимал, например, почему старшеклассницы краснеют и прыскают в кулачки, когда Двухвостка Долгопят усаживает их на колени, а потом нашептывает не пойми что в зардевшиеся ушки. К тому же, какая он Двухвостка? Янис собственными глазами видел, что хвост у него только один.

Когда он спросил об этом у старших, его подняли на смех. Хохотали от души, хлопали Яниса по плечу, утирали слезы, многозначительно перемигивались, но так ничего и не рассказали. Подрастешь — поймешь все сам. И точка.

Дожидаться, когда ему исполнится четырнадцать, не было никаких сил. Поэтому Янис стянул в раздевалке у старшеклассников ежемесячный прокатный талон и отправился в салон. Сердце трепетало в груди и никак не хотело уняться.

— Ну? — спросил прокатчик.

— Вот этого! — выпалил Янис.

Показал пальцем, которого.

— Хм-м, — продавец несколько озадачился. Уточнил, смерив Яниса взглядом поверх очков: — А тебе разве уже можно? Выглядишь неказисто.

— Еще как можно! — выпалил Янис и гордо вручил прокатчику талон. — И вот еще ее!

Продавец приподнял бровь, но больше ничего не сказал. Талон скрылся в прорези терминала, и фигуры в витринах пришли в движение. Плавно покачивая бедрами, с подиума сошла Белогрудка.

— Привет, красавчик, — сказала она и пощекотала Яниса под подбородком длинным тонким пальцем, рассыпав веер щекотных молний.

Мистер Куку, смешно приседая на вывернутых кзади коленях и скрипя кожаной сбруей, остановился рядом, склонил голову к плечу и приглашающе булькнул зобом.

— Не забудь вернуть их к вечеру, — напомнил прокатчик. — Иначе весь следующий месяц будешь наказан.

— Я помню, — сказал Янис. Повернулся к големам, нашел их взгляды, теперь по-человечески осмысленные, и скомандовал: — Даю установку. Сегодня вы мои мама и папа. Пойдемте гулять.

Взял их за руки, и они зашагали по желтеющим аллеям приютского парка, как самая настоящая семья из трех человек.

Ека Мацеевич

УСПЕТЬ ЗА 12 МИНУТ

Комплект №2, галстук рэндомный из ассоциированного набора.

Запрос принят.

Майкла шёл на кухню, где авто-гриль уже выплюнул на тарелку два прожаренных хлебца с томатами, а кофеварка услужливо наполнила авто-чашку. НарезАть же панини Майкл любил самостоятельно, за что его частенько высмеивали коллеги, но ничего не мог с собой поделать. Держать в руке мини воплощение стального меча (сделанное по

индивидуальному заказу из японской стали) и ловким жестом рассекать горячую плоть, из который брызжет сочная красная жидкость — древнейший инстинкт. Он ощущал себя настоящим мужиком.

Была ещё одна маленькая причуда. Трусы, носки, рубашка, брюки, пиджак на него надевались сами, с помощью выровненной по росту и комплекции МФУшки, но вот галстук он заставлял забираться на себя по ноге, под штаниной. Почему-то эти обвивающие касания вызывали непривычный и приятный отклик в организме. К сожалению, Моника не согласилась повторить подобное за галстуком, обозвав Майкла доисторическим извращенцем из “Общества защитников законов природы”.

Это было некстати. Оба они работали в IT-компании, крупнейшем производителе автоматизированной одежды. И упоминание “ОЗЗП”, постоянного противника, врага всех нововведений, могло испортить репутацию.

Красный сигнал сверхсрочного сообщения спроецировался на зрачок и самозапустился:

— Какой-то умелец взломал... — Видео записало лишь красное, искажённое ужасом лицо коллеги, у которого внезапно начал перезавязываться галстук. Тот захрипел, завалился на кресло, а на экран выползло стандартное “не отключайтесь, ждите ответа оператора”

Майкл сорвался с места.

В офисе он первым делом забежал в бухгалтерию, увидел Монику у стены и успокоился. И только тут обнаружил, что до сих пор сжимает в руке нож.

— Помоги, — девушка как-то странно выгнула тело. Он запнулся в нерешительности.

— Быстрей. Сними, — она теребила край одежды.

Летнее платье легко разошлось по швам, и мужчина увидел проблему. Их фирменный утягивающий бюстье из сверхпрочного волокна пытался раздавить ребра и ужать талию до детских размеров. На испытаниях говорилось, что есть какая-то escape-последовательность, сбрасывающая настройки до заводских, но копаться в документации было некогда. Майкл поудобнее перехватил столовый нож и начал кромсать неподатливую ткань. Мастер не соврал, заточка лезвия действительно оказалась высшего качества. После нарушения ключевых нитей бюстье обвисло, обнажив упругую грудь Моники.

Майкл взглянул на девушку и ощутил шевеление в штанах. Резинка выстрелила вместе с ремнём, трусы и брюки упали, одновременно галстук начал затягиваться узлом №4. Майкл захрипел.

Моника не растерялась, покромсав нити выпавшим из рук Майкла ножом. Взвыла сирена, на двери и окна упали заград-щиты, и интерком заговорил:

«Говорит Общество Защиты Законов Природы. Все помещения заблокированы, в вентиляцию пущен газ. У вас есть 12 минут, чтобы показать нам, что вы что-то можете делать сами».

Злата Линник

ПОГАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

— Почему ты опять опоздал? — воскликнула Мария Ивановна, точным движением ломая указку на три части, где квадрат длины одной первой был равен сумме квадратов двух остальных.

Опоздавший смущенно опустил голову, всем своим видом изображая раскаяние.

— К контрольной тоже не подготовился? И дневник дома забыл? Можешь ты хоть иногда быть человеком, Поганкин?! Вот что на этот раз помешало тебе прийти вовремя? Мировая катастрофа, инопланетяне?

— Как вы узнали, Мария Ивановна? — переспросил опоздавший, буквально излучая наивное озорство. — Так все и было! Иду я мимо спортплощадки, а тут летающая тарелка огромная, как целый стадион. Высунулся оттуда один — зеленый такой, весь в щупальцах и глаза как полицейские мигалки. Обращается он ко мне человеческим голосом: полетели с нами, Поганкин, будешь у нас единственным представителем планеты Земля. А я ему отвечаю: сгинь, чудище инопланетное, мне в школу надо, на контрольную по геометрии. Он говорит, ладно, тогда поднимись к нам, теорему объясни. А нет, так пришлем терминатора, он всю твою школу на атомы разнесет. Разве я мог такое допустить, Мария Ивановна?! А дневник они у меня и правда на память выпросили, для музея межпланетной культуры.

— На место иди! Остальные открыли учебники. Так бы прямо и сказал, что мимо футбольного поля не смог пройти, а потом мимо ларька с мороженым. Когда ты наконец станешь человеком?

— Когда ты наконец станешь человеком? — вздохнул профессор, уставившись на свое творение. — Ты же не просто андроид, а усовершенствованная самообучающаяся модель. И сейчас уже ничем не должен отличаться от обычного подростка. Надеюсь, хоть на геометрию опоздал, потому что в футбол гонял как заведенный?

— Я действовал согласно вложенной программе, — ответил Поганкин ровным почти механическим голосом. — По дороге в школу перевел через улицу старушку, снял с дерева котенка, предотвратил утечку газа в доме по соседству, задержал грабителей, выходивших из банка. Отпустил, когда вежливо попросили.

— Ах да, я же поднял тебе коэффициент эмпатии... Подожди, а деньги, целый мешок наличности? В новостях сказали, что их так и не нашли. Неужели ты...

— Деньги на балконе соседей этажом выше. Позвонил в полицию голосом соседки с первого этажа. Музыки и пения в ночное время больше не будет. Они вас огорчали.

— Пожалуй, с аналитическим мышлением я перестарался, — подумал профессор. –Предыдущая модель получилась куда удачнее: педагогика, геометрия и ничего лишнего.

Анна Михалевская

КУКОЛЬНИК

Я прихожу сюда каждый день. Сажусь на скамейку, раскуриваю трубку — тростниковую и старую, однако она не старее, чем я.

Воскресение, парк пестрит людьми, и кукольник превосходит самого себя. Зрители не видят нитей, они смотрят на ожившую куклу. Старик-марионетка подносит ко рту фляжку, запрокидывает голову, выцеживая последние капли, и мне кажется, что на дряблой шее подергивается кадык. Он оглядывается по сторонам, уголок рта будто бы кривится, в глазах мелькает и гаснет бесовский огонек. Я знаю, нарисованные глаза не могут менять выражение, но мое знание сейчас ничего не значит. Марионетка с натугой поднимается на ноги и начинает приплясывать. Пальцы кукольника касаются крестовины, словно музыкального инструмента; я вспоминаю другой крест, и мелодия движения обрывается...

Я не собирался оставаться в Нью-Йорке. День, может, два. Город-вокзал, где любой бродяга чувствует себя дома. Даже такой, как я. Возвращаюсь сюда, когда становится невмоготу. Но в этот раз вокзал превратился в театр и дни побежали вокруг столетий, как циферблат вокруг стрелок на часах в Центральном парке. И дело было даже не в таланте кукольника, просто его марионеткой оказался я. Кукла в точности повторяла мою внешность, копировала повадки. Откуда молодой кукольник мог столько знать обо мне — я не появлялся в Нью-Йорке полвека. Если только...

Сижу на скамейке, копчу небо индейским табаком и размышляю. Ни одна встреча не бывает случайной — лиги, мили, футы и километры исхоженных дорог научили этой истине. Впервые за долгое время мой кукловод показал соединяющие нас нити. Сколько ночей под всеми созведиями мира я мечтал разорвать эту связь и покончить с опостылевшим бессмертием. Сколько раз молил: «Позволь сделать выбор,

разреши уйти! Пусть в бездну, в небытие — я хочу сам!» И вот он — шанс! У меня появился выбор! Я могу вырвать марионетку из рук кукольника, могу перерезать нити или попросить его больше ею не пользоваться, могу уйти, ничего не сделав, могу... Не то, не то! — так считает тот, кто направляет наши невидимые нити; я научился угадывать движения Его пальцев задолго до того, как тело подчинится Его воле.

В день, когда испанцы дали этой земле чужое имя, вождь с узорами на скуластом лице подарил мне тростниковую трубку. Вскоре он и его племя бесследно исчезли. Я ходил по опустевшей деревне, наталкиваясь на сухие клубни картофеля, миски с нетронутой похлебкой, и завидовал их свободе. Но только сейчас понял — это было бегством.

Я кладу трубку на скамейку — здесь и останется давний подарок. Пробираюсь сквозь толпу зевак, прошу у кукольника разрешения подержать крестовину. Парень неожиданно соглашается, и публика обступает нас плотным кольцом. Беру в руки вагу, наклоняю крест — ноги марионетки приходят в движение. Вспоминаю не свое знание: самое трудное — заставить куклу ходить, не сгибая колени, но и не отрываясь от земли. Теперь, когда нити в моих руках, я понимаю Его. И просто делаю шаги — не думая более о бездне и небе.

Станислав Карапапас

КАК-ТО В ПОЛНОЧЬ

Ира проснулась от странного звука. Лежала в темноте и слушала. Да, вот опять. Когда больше не могла бояться одна, разбудила мужа. Дэн был подключён к системе чистки во сне и проснулся не сразу.

— Что?

— Слышишь? — испуганно прошептала Ира. — Что-то в доме издаёт странные звуки.

Дэн прислушался.

— Может, таймер на аудиосистеме сработал, — предположил он. — Ты ничего там не трогала без меня?

— Нет, конечно! — возмутилась Ира. — Да и что такого я могла поставить? Может, система дома сломалась?

— У нас гарантия и техосмотр был недавно.

— Ну да, — согласилась Ира. — Сходи и проверь!

— Зачем? Давай сразу спецслужбу вызовем, пусть они и проверяют.

— Сходи!

Дэн со вздохом встал с кровати. Осмотрелся в поисках чего-нибудь тяжёлого для защиты, но обнаружил только плазмокнигу, которую читал перед сном.

Выйдя из спальни, сразу определил направление шума, но решил вначале проверить другие комнаты. Те встречали тишиной и автоматической подсветкой. Он вернулся к последней комнате — детской. И только теперь ему стало по-настоящему страшно. Ведь ничто и никто не мог там издавать эти странные звуки.

Приоткрыл дверь и робко заглянул. Свет рассеивался по стенам, давая возможность видеть, но не разбудить спящего. Странный пронизывающий звук повторился. Издавал его маленький сын, лежащий в капсуле. Дэн развернулся, чтобы позвать жену, и наткнулся на неё, стоящую за его спиной. От неожиданности вскрикнул, Ира поддержала его.

— Это Влад!

Ира влетела в детскую. Подбежала к капсуле, нежно погладила поверхность, проверила показатели — всё в норме. Но Влад раскраснелся, дёргал ручками и ножками, мотал головой, из глаз что-то текло, и он надрывно издавал эти ужасные звуки.

— Я звоню маме!

Одним движением открыла визор. Несколько секунд — и изображение сонной мамы смотрело на супругов.

— Что?

— Мама, смотри, какие звуки издаёт Владик!

Влад не заставил себя долго ждать.

— Показатели проверили? Состав питательной смеси? Вывод отходов? Внедрение счастья?

— Да, мам!

— Может, трубки и контакты отошли?

— Нет, стабильный двойной сигнал, — ответил Дэн. — Я звоню в медтехподдержку!

Мгновенный ответ оператора:

— Здра...

— Экстренная ситуация с ребёнком! Передаю данные и видео!

До невозможности долгое ожидание в минуту.

— Случай нестандартный. Высылаю медтехника.

Когда прибыл медтехник, сразу подсоединился к капсуле. Время остановилось и, казалось, ничего не происходит. Бледный специалист повернулся к родителям.

— Редкий случай! У ребёнка диагностирована развитая ветка талантов, задевающая многие участки мозга, усугубленная индивидуальностью и зависимостью к самовыражению. Сейчас он плачет и привлекает к себе внимание!

— Плачет?!

Ира уткнулась в плечо мужа. Мама закрыла рот рукой. Дэн принял это стойко и спросил:

— Это лечится?

— Да! Если начать курс прямо сейчас. Хорошо, что заметили до полного формирования личности.

Ира повернулась к мужу и с улыбкой сказала:

— Как же хорошо, что наш ребёнок будет нормальным!

Федор Федоров

СВИДАНИЕ ВПУСТУЮ

Я смотрела на него с интересом, не испытывая сильных волнений, и понимала, что мне на этот раз повезло. Человек, подобранный Компьютером в мужья, по внешним характеристикам тянул на девять баллов по шкале Друда. Я же не дотягивала и до двойки. Но это уже не важно — его лимит встреч с потенциальными невестами исчерпан и если он не хочет потерять свой статус... А малиновый браслет говорил об очень высоком интеллектуально-социальном статусе. Когда же я взглянула на его ногти, мои брови взметнулись вверх. Они были раскрашены, как и у всех гибридов, в зеленый и красный цвет и на языке двоичного кода несли дополнительную информацию. Например, о версии его искина. У это парня деньги явно водились! Чтобы стать менеджером средней руки мне пришлось взять кредит для покупки самого примитивного биокомпьютера.

— Что будете? — У столика материализовался официант, и Джерри, брезгливо поморщившись, взмахом руки отослал его. Это мне скорее понравилось, чем насторожило. Он как истинный гибрид не переваривал естинов. А кто из нормальных гибридов будет терпеть тупых людишек, не имеющих денег, чтобы повысить свой статус, а потому занимающие самое дно общества?

Почему они тупы? На этот счёт не было единого мнения. Самая распространённая гипотеза утверждала, что люди с появлением карманных искинов стали стремительно глупеть. Зачем напрягать мозги, пытаясь запомнить день рождения друга, или набирать текст, когда с этим легко справляется обыкновенный смартфон. Человечество не скатилось в варварство только благодаря Корпорациям, которые внедряли в геном человека биокомпьютер с искином. Но не всем это по карману. И теперь наше общество состояла из тупых естинов, гибридов с разным интеллектуальным статусом и настоящих искинов.

Я улыбнулась, чуть приподняв уголки губ. Шире нельзя — вид моих зубов может его здорово напугать (жаль не хватает денег, чтобы выровнять ноги и подкачать грудь).

— Может, закажете мне каберне? — выдохнула я с томным видом, слегка наклоняясь к нему. Он отшатнулся и, схватив цветастую салфетку, сделал вид, что старательно вытирает губы, хотя салфетка закрывала половину его носа.

— Извините, мне пора, — Джерри вскочил, но далеко не ушел. Два мордоворота в чёрной форме охраны «AI Corporation» усадили его на стул.

— Не торопитесь.

— Так это не свидание? — Меня словно не услышали.

— Джерри Джейсон! Вы обвиняетесь, в том, что, будучи естином, притворялись гибридом, поставив благополучие Корпорации под удар. Корпорация не может зависеть от эмоциональных всплесков и нерационального...

— Это не свидание, — пробормотала я.

— Нет, — сказал Джерри. — Тест Антитьюринга.

— Верно, — кивнул мордоворот. — Человека вашего статуса без суда на геномном сканере не проверишь. Вот мы и организовали свидание. Не понимаю, откуда у вас такие способности?

Джерри пожал плечами и спросил:

— А она?

— Биоробот. Вечером ей сотрут память.

* * *

Я смотрела на него с интересом — зелёный браслет говорил о высоком интеллектуально-социальном статусе.

VENI, VIDI, VICI

— Понимаете, — пустился я в объяснения, — недавно я попытался вспомнить, как у меня прошло лето. Ну и.... Мне нечего вспомнить. Одна сплошная серая полоса.

— Провалы? — Матвей Димитров сейчас напоминал испуганного психиатра, но никак не заинтересованного в новом клиенте бизнесмена.

— Нет. Просто всё лето слилось в один безликий день. Офис, отчеты, ответы на письма, запросы... В памяти всплывают лишь два ярких события — как мы с коллегами поехали на шашлыки и у нас загорелась трава. И юбилей шефа. А потом я стал вспоминать прошедший год, и тут случилось самое страшное — я обнаружил, что какой день ни возьми, он ничем не отличается от любого другого дня в году.

Димитров продолжал испуганно таращиться на меня, словно боялся заразиться.

— Время летит все быстрее и быстрее, а вспомнить нечего, — добавил я.

Димитров осторожно хмыкнул:

— Путешествовать не пробовали?

— Я думал об этом. Но я боюсь летать.

— А поездом?

— Денег у меня немного. Как представлю, что две зарплаты нужно выкинуть на отдых, все желание пропадает.

— Найдите себе другое занятие. Сходите в поход, запишитесь в спортивный зал.

— Недавно друг предлагал отправиться с ним на рыбалку. С ночевкой в палатке.

— Хорошая идея.

— Но сейчас октябрь! Вы знаете, как по ночам холодно? А если медведь, готовясь к спячке, набредет на наш лагерь?

Димитров вздохнул:

— Трусость, инертность, апатия... Чего же вы хотите?

— Я хочу воспоминаний.

— Чьих же?

— Никиты Воронцова.

Димитров снова испуганно воззрился на меня, и я попытался объяснить:

— Я понимаю, что он совладелец вашей компании. И готов заплатить вдвойне. Я всегда восхищался Воронцовым. Пять восхождений на высочайшие горы мира, десятки экспедиций в разные страны, несколько опубликованных книг, создание компании по производству чипов автобиографической памяти. Могу я получить хотя бы часть его воспоминаний? Чтобы не страдать о зря прожитых годах.

Эти чипы, насколько я знал, сохраняли наиболее эмоциональные воспоминания и игнорировали обыденные, чтобы не перегружать электронный носитель в облаке. В любое время можно было вызвать яркие события своей жизни, чтобы заново их пережить. Но почему-то никто не догадался обмениваться ими.

Димитров поднялся, взял меня под локоток и подвел к зеркалу:

— Что ты там видишь?

У меня закружилась голова.

— Куда вы дели мое лицо?

— Никита, — Димитров встряхнул меня, — очнись! Это твоё лицо! И зачем только я тебя послушал? «Давай запихнём воспоминания этого нытика в мой чип, обогатим и вернем обратно». Тьфу. Ну не прижились у него твои воспоминания, ну хрен с ним. За каким лешим менять местами реципиента и донора?

Дмитрий Шадмер

ТРЕТИЙ ГРЕХ

Вызов ангела привёл механика в трущобы. На пути не встретилось ни человека, ни механизма. Грязные улочки будто вымерли, но в окнах каждой хибары механик ловил на себе ненавидящие взгляды.

От смердящего нечистотами воздуха слезились глаза, голова шла кругом. Издалека тянуло гарью. Механик следовал за маячком, пока не забрёл в тупик.

Здесь и лежал ангел.

Механик склонился над громадиной, закутавшейся в блестящие крылья, будто бабочка в кокон. Старая модель, таких больше не делают. Коснулся металла и тут же отдёрнул обожжённую руку — ангела пытались раскрыть огнём.

— Потерпи, старик, — механик сбросил на землю рюкзак с инструментами.

Вдруг услышал плач: резкий, бьющий по ушам. Он раздавался из придорожной канавы. Механик поднялся, чтобы проверить его, и тут же упал обратно, задёргался в конвульсиях.

Их было трое. Мужчины в тряпье, с чумазыми злыми лицами.

Когда механик пришёл в себя после удара шокером, увидел, как один из троицы вытащил из канавы ребёнка.

«Не ребёнка, — поправил себя механик. — Не совсем...»

Теперь всё встало на свои места. Местная шайка охотилась на ангелов, приманивая их плачем младенца. А потом...

— Эй, служивый.

Над механиком склонился здоровяк с огромной, спутанной бородой. Незнакомец поигрывал увесистым гаечным ключом.

— К тебе претензий нет, — продолжил здоровяк. — Помогаешь открыть консервную банку и уходишь.

— Зачем вы это делаете? Они ведь созданы для помощи... в том числе вам.

— Эти твари оскорбительны.

— А младенец? Его хоть отпустите?

Здоровяк обнажил гнилые зубы в ухмылке.

— Какое тебе дело до тупой игрушки для бездетных мамаш? Или ты тоже... из этих? Может, и тебя вскрыть?

Механик уловил алчный блеск во взгляде троицы. Борцы за религию, как же... Последователи третьего греха — вот они кто. Приманивали ангелов плачем младенца, перебивали ударом тока всю электронику и потрошили из-за дорогих металлов...

— Постойте! — вскричал механик. — Я помогу вам!

— Правильный выбор.

Прошло десять минут, прежде чем распростёртый на земле ангел раздвинул крылья. Даже недвижимый, он выглядел грозно: готовый ринуться в бой, чтобы защитить невиновных!

Если бы только его не ошеломило...

Но в старой модели не всё было завязано на современной, хрупкой электронике. Старик, как сам механик. Таким нужен был только импульс извне...

— Свободен, служивый, — здоровяк отпихнул механика в сторону. — Сумку оставь и вали!

Механик не спорил. Побрёл обратно к цеху, проклиная себя за уже принятое решение. Поравнявшись с роботом-ребёнком, грубо рванул его из рук бандита и бросился прочь. Скрипя зубами, сдавил голову младенца.

Раздался оглушительный плач.

И тут же — взревел оживающий ангел... Теперь, когда он выбрался из кокона, он всё слышал.

Механик знал, что умрёт. Как только что умерла троица.

Не мог объяснить даже себе, стоил ли этого младенец... это ведь робот, чёрт возьми, всего лишь робот... Однако он сделал свой выбор — и совсем не жалел.

А затем над счастливым механиком нависла тень — ангел расправил крылья и в ярости закричал.

Дмитрий Сошников

ЭКСПЕРТИЗА

Он был закован в деловой костюм, словно в броню, а в лицо въелась кривая ухмылка, как от чего-то нелепого и притом невыносимо кислого. Прищурившись, он ответил:

— Нет. Я даже пытаться не буду.

— Но почему? Боитесь, что она лучше живого юриста?

— Нет, конечно. Правка документов — всего лишь часть нашей работы.

Собеседник улыбнулся.

— Вообще-то, это экспертная система, полностью заменяющая...

— Полностью? Да что вы?! Знаете, я больше сорока лет в правовой экспертизе. Вы понятия не имеете о специфике нашей работы! Это не просто вычитка!

Он нахмурился.

— Так и быть, поборемся. Ткну вас потом в ваши слова, чтобы впредь не брали на себя лишнего.

* * *

Большой документ они выправили практически одинаково, правда, машина — за две минуты, а человек — за полтора часа. Совпали даже мелочи, разве только юрист пропустил запятую. Он досадливо отмахнулся:

— Ну его. После нас всё равно лингвисты смотрят.

Инженеры с улыбкой переглянулись.

А тот тем временем уже спорил. Дескать, поставьте машину из тепличных условий в реальные да дайте реальную задачу.

— Победит, тогда с чистой совестью уволюсь, — криво ухмыльнулся он.

В этот раз играли по его правилам. Файлы с нераспознанным текстом, записки от руки, телефоны людей для связи и задача — подготовить проект правового акта с нуля.

Через час и сорок две минуты старый эксперт выдал текст. Гладкий, с нужными формулировками, правильно структурированный акт без ошибок и разночтений.

Машина закончила за пять минут — с заключением о противоречии поставленной задачи закону.

Эксперт читал законы по памяти. Он поднял судебную практику. Он нашёл мнение прокуратуры. В каком-то дремучем письме он откопал правовую позицию федерального министерства. Когда он перешёл к примерам соседних областей, его остановили: всё, верим.

Зрители, надеявшиеся на победу машины, разочарованно покидали зал.

* * *

Вечером инженер, пришедший за компьютером, обнаружил старого юриста, смотревшего на погасший экран.

— Вот, подаю в отставку, — заметил он вошедшему.

— Почему? Вы же выиграли!

— Нет, счёт 2:0 в пользу компьютера. У нас действительно не было полномочий на принятие такого акта.

— Но вы же...

— Убедил? Знаете, в первые годы службы я тоже не пропускал многое из того, что давали в работу. Хотел, чтобы всё делалось правильно и по уму. А с меня требовали, чтобы я не говорил о том, чего нельзя, а делал так, чтобы было можно. Потому что срочная необходимость, временное решение, политическая воля... Приходилось выкручиваться. Так, — закончил он, — я привык не отстаивать закон, а убеждать людей в своей правоте.

— Я думаю, — осторожно заметил инженер, — что через год мы сможем...

— Ни в коем случае! — отрезал юрист. — Это человека можно убедить, надавить на него или проигнорировать. А вот с машиной не поспорят. Так что, — он размашисто расписался на заявлении, — оставьте всё, как есть. Пусть решает по закону.

Уходя, он снял галстук и аккуратно повесил его на монитор. И махнул рукой машине, вдруг улыбнувшись широко и счастливо.

Галина Соловьева

ВЕРНИ МЕЧТУ

Скрежет стали о сталь — и свист клинка у твоего уха. Не ты отбил этот выпад. Враг играет с тобой, зная, что в силе и в искусстве ты ему не ровня. Коту привычно играть с добычей, но затягивать игру надолго он не станет. Близок рассвет, когда к фонтану на мощеной грубыми плитами площади потянутся люди с кувшинами — а Кот любит тишину. Еще пара минут — и он закончит игру одним ударом. Хорошо, если в сердце — чаще его враги умирают долго.

Ты сам вызвал его — потому что чудовище, выкраивающее наемных убийц из маленьких бродяжек, не должно жить на свете. Ты не думал победить — надежда только на то, что твой дьявол — сильнейший из всех, разгневавшись, что его лишили игрушки, придет и отомстит.

Он приходит раньше — игрушка еще не наскучила ему, и тонкий, гибкий как шпага силуэт, встав между тобой и врагом, делает одно резкое движение. Отступает — и ты видишь Кота корчащимся на земле. Дьявол тебя спас — и если тебе нужны звереныши, приученные убивать друг друга и тех, на кого указывал большой зверь, они твои. Добрые люди разберут младших, искалеченных не до конца. Старший остается тебе. Его надо бы убить из милосердия — Кот сам убивал их, не давая дожить до десяти, стать угрозой хозяину — но ты рискуешь попробовать. Отныне твоя жизнь сведется к одной надежде — укротить, потом приручить — и, вытащив загнанную вглубь человеческую суть, вернуть свободу. Твой дьявол не станет мешать, он чаще спасает, чем убивает, ведь суета живых куда забавнее мертвых душ. Пробуй.

Двойная жизнь — обычное дело. Днем нянчишь больную мать и бегаешь по урокам — ночью, урывая часы у сна, совершаешь подвиги в ином мире. А в этом — поняв, что своя семья уже не светит тебе, пишешь однажды заявление в приют и чудом, вопреки надежде: ни семейной пары, ни постоянной работы — уже через неделю впервые кормишь супом чернявого пацана, искусного лгуна и попрошайку, не научившегося к десяти годам ни читать, ни завязывать шнурки.

И две линии жизни сходятся в одну. На подвиги просто не остается времени.

А через пятнадцать лет, когда твой взрослый сын, заглянув на часок, уходит к друзьям и девушкам, и времени вдруг оказывается вагон, ты однажды пытаешься вернуться на площадь с фонтаном — и понимаешь, что хода в тот мир для тебя больше нет. Остались смутные, обрывочные воспоминания, как от просмотренного в детстве «Зорро».

Эта мечта исполнилась — дьявол из полусна, вернись, возьми меня снова в игру!

Нет, не сменяю — он уже не мой, чтобы им торговать. Он свободен. А я?

Я лучше отдам жизнь. Недорогая цена, знаю...

Кира Эхова

ЯБЛОКО ДЛЯ БЕЛОСНЕЖКИ

Каждое утро первым делом я принимаю яд. С раннего детства, с тех пор, как научилась ходить. Сперва была лишь крохотная капля. Но ядов в мире оказалось безумно много. К тому же отец, известный на всю округу алхимик и отравитель, часто открывает или создаёт всё новые виды. Сложно угадать, какой именно яд мне в итоге достанется. И количество капель с каждым месяцем растёт.

Я выбираю самое большое яблоко, осторожно срезаю кожицу, капаю из пипетки отраву на обнажившуюся фруктовую плоть. А затем съедаю яблоко на завтрак. Я привыкла. И только изредка, в мгновения тоски гоню от себя навязчивую мысль: всё было бы не так, если бы не злосчастная цыганка, некогда предсказавшая дочери алхимика смерть от отравленного яблока.

Рано овдовевший отец нашёл утешение в работе. Но годы идут, и бесконечная возня с химикалиями уже не приносит радости. Повстречав однажды прекрасную незнакомку, отец чувствует, как его очерствевшее сердце понемногу оттаивает, делается мягче.

Вот уже и свадьба — скорая и скромная, и новая хозяйка входит в дом.

Мачеха престранная, всё в ней немного слишком. Слишком гладка кожа, слишком правильный нос, слишком отточены движения. И изредка это тихое поскрипывание. Неужели так тесен корсет? Дверь её спальни всегда закрыта на ключ. И только сквозь замочную скважину видать, как сидит мачеха у большого зеркала, мажет остро пахнущим зельем локти, колени и шею.

Я вновь пою ядом яблоко, но, отвлёкшись всего на мгновенье, уже не успеваю съесть. Яблоко выхватывают точёные пальцы, пробуют идеальные губы. Мачеха улыбается — она не знает про яд.

— Любишь фрукты?

Медленно киваю.

Я не чувствую сожаления. В яблоке много ядов различного действия, неподготовленный человек обречён. Может, и к лучшему — слишком уж странный союз.

Время идёт, день близится к концу, но мачеха всё ещё жива и бодра. Вечером вновь мажет тело странным снадобьем.

Я принимаюсь пробовать на ней яды: понемногу добавляю в еду, чай, воду в графине. Краду ключ от спальни мачехи и нахожу её зелье. Это смесь из масла и мумиё. В неё я тоже кладу яд. Много ядов.

Ничего по-прежнему не происходит. Мачеха ест, пьёт, улыбается идеальной улыбкой. Я грызу по утрам свои яблоки, а тайна мачехи грызёт меня.

Как-то раз я вновь пробираюсь в запертую спальню и краду притирание. Обнаружив ночью пропажу, она впадает в отчаяние — переворачивает спальню вверх дном, но тщетно.

Утром на кухне мачеха отбирает у меня уже надкушенное яблоко. Она ужасно зла. И ещё неповоротлива — тело её скрипит и щёлкает, кожа серая, как у мертвеца.

— Верни моё лекарство, паршивка! — шипит она.

— Возьми сама, — предлагаю я, дразню её склянкой и пячусь.

Мачеха с грохотом и лязгом мечется за мной по кухне. Я без труда уворачиваюсь. Наконец она, охнув, останавливается, хватается за бок. Я приглядываюсь — пружина! Платье и тело пропороты изнутри, но крови нет.

Я удивлённо таращусь, потом хохочу. Но не долго. Ещё успеваю заметить, как прямо в лоб мне летит пущенное разъярённым автоматоном большое ядовитое яблоко

Дарья Странник

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Ирма любила наблюдать, как свет ещё не поднявшегося над горизонтом солнца разбавлял ночную тьму. Прорисовывались знакомые очертания невысоких домов, начинали щебетать птицы. Стоны к этому времени затихали — люди впадали в забытье. Некоторые не просыпались больше никогда.

Прохладный ветер дразнил кожу, заигрывал с длинными прядями тусклых волос. Воздух пах травой, которую некому было есть. Мор скота. Неурожай. Эпидемия.

В город на завод хотел устроиться отец, но слёг от голода. Пришлось идти Ирме. Чтобы выжить.

— Жизнь — страдание, — сказал отец на прощание. Не жаловался — делился опытом.

— Я знаю, — ответила Ирма. Она уже давно знала.

Город слепил яркой рекламой, фарами транспорта, вывесками фирм и магазинов.

Имплантация интраокулярных линз стала первой модификацией Ирмы. Чтобы выжить.

Город душил вонью дешёвого топлива, копотью заводских труб, запахами пота и безнадёжности. Система фильтров для носоглотки обошлась в два недельных заработка, но Ирма пошла на этот шаг. Чтобы выжить.

Город затягивал в трясину человеских тел, в бесконечные толпы, в мясорубки переполненных вагонов. Жадные станки любили отрывать пальцы железными пастями-шестерёнками. Ирма прошла целый цикл операций: стабилизация эндоскелета, наращивание элементов экзоскелета. Болезненная, но необходимая процедура. Чтобы выжить.

Город был омерзителен на вкус. Бурый кофе без запаха, затхлая жирная еда, по выходным — пойло без названия, обжигающее рот и горло, дарящее несколько часов забвения. Ирме повезло достать мини-биогенератор на солнечных батареях. Рутинная операция под местным наркозом, после которой почти совсем не хотелось есть. Только, какой мерзкой не казалась бы вода с примесью ржавчины и масла, пить приходилось. Чтобы выжить.

Но хуже всего был шум.

Город оглушал ритмичным стуком заводских машин, раздражёнными сигналами автомобилей, стоящих в вечной пробке. Из клубов на прохожих сердитым лаем цепного пса кидалась громкая музыка. Переполненные небоскрёбы вибрировали, как ульи. С экранов на каждой стене красивые здоровые люди рассказывали о секретах своего счастья. Вот же оно — между зубной пастой, дарящей белоснежную улыбку, и новой моделью смартфона. Но голоса сливались в хор, и не было сил вслушаться, разобраться... Да и желание давно пропало.

Под конец рабочего дня голова пульсировала и болела, а перед сном в ушах звучал неприятный писк, заглушающий царящую вокруг какофонию. Это мучило. Это сводило с ума. Это спасало. Позволяло помнить о собственной человечности. Вместо того, чтобы имплантировать саморегулирующийся слуховой аппарат, Ирма сжимала зубы и терпела. Чтобы выжить.

Сергей Петровец

УБИТЬ МИНОТАВРА

— Ирина Новосад, настоящим судом вы признаны виновной в ереси и приговорены. — Судья, жирная бабища в мятой рясе, подняла молоток. — Гибернация или Лабиринт?

— Сдохни, сука!

— Тогда Лабиринт! — Удар молотка — как выстрел.

Пьяный охранник отцепил гирю с ноги, гогоча, взял её за попу, чтобы втолкнуть в обшарпанный тюремный автобус, за что получил в пах пяткой. Кретин.

Зек, сидящий у зашитого фанерой окна, рассмеялся. Ничего так себе. Худой, небритый, но симпатичный, хоть и староват. И, что странно, глаза весёлые. Не должны у смертника быть такие глаза.

Два часа тряски по разбитой дороге на деревянной скамье, вонючка монах, щёлкающий предохранителем автомата и жующий йодную жвачку.

— Леонард фон Зак!

— Фооон? Святотатец? Атеист? Ира.

— Имею невосторженный образ мыслей. Блуждаю в тьмах. Можно Лео.

В пакгаузе перед Лабиринтом затраханный комендант выдал им по рюкзаку, в глаза не смотрел:

— Берите всё, что хотите и можете унести, да и ступайте себе в Юдоль смерти.

Ирина выбрала укороченный армейский Ли-Энфилд 5, без оптики и штыка, старый, но в смазке, патронов на небольшую войну, пищевые концентраты, несколько фляг воды и коробку восковых карандашей; презрительно косилась в сторону чудика, рывшегося на полках с каким-то хламом. Слава Иерархам — хоть воду взял.

Огнемётчики, осенив себя трианглем, пустили пылающие струи в проём открывшегося Лабиринта и дали дёру. Приговорённые вошли, двери за ними сомкнулись. Издалека эхом отдалась автоматная очередь. Девушка тут же встала на колено и вскинула винтовку. Лео, мать его фон, осматривал гранит стен и потолок, которого не было видно.

— Ну, Лёня, по какой системе пойдём? Правило руки, алгоритм Люка-Тремо, бектрекинг?

— Чушь.

— Ты хоть в курсе — из лабиринта ещё никто не вышел?

— С этими никто не было профессора топологии Леонарда фон Зака!

И они пошли куда глаза глядят, делая остановки для странных вещей. Лео лил воду на стены и смотрел, как сползают капли; крутил монетку на полу; запускал метроном, привязав к ноге Ирины верёвку, а сам уходил неизвестно куда с секундомером, появлялся с совершенно другой

стороны, а верёвку в это время ощутимо дёргали. Но уж когда, свернув на очередной развилке, они увидели свои же собственные спины...

— Пришельцы не строили никакого Лабиринта. Они сделали прямой и очень короткий проход Оттуда-Сюда. Лабиринт — он только для нас. Если карту Лабиринта нарисовать на резине, то её можно растянуть так, что вход и выход будут рядом.

— Этим я и занимался, — симпатичный еретик довольно улыбнулся и завалился спать.

Тянуть боле нельзя, девушка приставила дуло Ли-Энфилда ко лбу учёного.

— Капитул велел убить тебя в любом случае.

— Может, не надо? Мы выйдем отсюда вместе.

— Ты не понимаешь...я должна. У них мой сын.

В всегда весёлых глазах Лео появилась горечь.

Сухой щелчок! Ира дёрнула затвор — магазин пуст.

— Ты забываешь подволакивать ногу.

Винтовка падает из ослабевших рук.

— Я вернусь, найду его и проведу через Лабиринт.

— Правда? — Она подняла глаза, полные слёз.

Евгения Нордин

ЛИСТ ОЖИДАНИЯ

— Вашу фамилию ещё раз, пожалуйста. — Я достал новый бланк. Испорченный я смял и попытался засунуть в карман.

— Ничего-ничего, оставьте, я выброшу. — Борис Сергеевич протянул руку и взял скомканную бумагу. Странное дело, то, что он Борис Сергеевич, я запомнил сразу, а фамилию спрашивал уже в третий раз.

— Вы же понимаете, как только я отрежу тень...

— Да-да, я знаю, мне останется максимум два года. Понимаете, мне семьдесят три, я своё пожил...

Я вышел из подъезда и вдохнул осеннюю прохладу. Сумка оттягивала плечо. В следующий раз лучше рюкзак возьму. Машина в сервисе всего второй день, а я уже пятки до ушей стёр, нарезая круги по городу. Всё-таки осенью больше работы. Может, людям кажется, что вместе с природой увядает и их жизнь? Они решают расстаться со своей тенью в обмен на приличные деньги. Большинство тратит их на путешествия, некоторые на семью, а кто-то просто устал жить.

Такси вызывать не хотелось, да и до дома было недалеко. Я перепрыгнул через лужу и побрёл вдоль домов. Страшно кому-нибудь признаться, как я люблю такую вот осень: пасмурно, опадает листва, утром стелется туман, а в воздухе уже пахнет первым снегом...

Борис Сергеевич Гербенский никак не шёл у меня из головы. Я пытался выяснить у него причину решения расстаться с тенью, но он только отшучивался, а потом проговорился, что деньги нужны его сыну с невесткой на лечение. Почему-то меня это злило. Если сыну и его жене так нужна помощь старика, почему их сегодня не было? Отсечение тени, конечно, безболезненно, но я бы не хотел проходить через это в одиночестве.

Зайдя в квартиру, я первым делом открыл балкон — впустить запах прелой листвы и ночного дождя. Лампу включать не стал — тени, отделённые от своего хозяина не любят свет. Я сел на диван и набрал Ольгу.

— Ольсанна, ты когда у меня тени заберёшь? Привет, кстати. Ты вообще в курсе, что у меня квартира не резиновая? Мне вот сегодняшнюю даже девать некуда, так и не распаковываю.

В трубке слышались гудение и стук клавиш.

— Слушай, Олег, Серёжа к тебе выехал, но у него и так уже всё под завязку, сможет забрать только двадцать четыре. Ой, погоди, — она застучала по клавишам ещё быстрее. — Я сейчас посмотрела обновлённый список. Короче, я сама заеду утром за этой, которую ты не распаковал. Есть одни, ждут уже девятнадцать лет. Так что считай, ты их аист, — твоя нераспакованная пойдет вне очереди. Я сейчас бумажки все заполню, отправлю в канцелярию, и утром к тебе. Как у носителя фамилия?

— Гербенский Борис Сергеевич.

— Надо же, а эти — Гербенские Илья Борисович и Анна Львовна. Однофамильцы, наверное. Ну всё, пока, с тебя кофе.

Я положил телефон на диван, вышел на балкон и щёлкнул зажигалкой. Тени годами ждут, когда их определят к новому носителю. Люди годами пытаются завести детей, не зная, что канцелярия просто не может подобрать подходящую тень для их будущего ребёнка. Какая ирония.

Я сделал затяжку и затушил сигарету. Ложиться уже не имело смысла, и я пошёл на кухню варить кофе. Может, успею выпить чашку до того, как придет Ольга.

Светлана Тулина

НЕ-ЖИТЬ

Родителей надо любить. Даже если они тебя убивают — оба, постоянно, за малейшую ошибку или неточность. Всё равно. Они имеют право. Они подарили жизнь, значит, имеют право и забрать, всё равно их надо любить. Кем бы они ни были. Или чем...

Тари не удержалась и бросила короткий взгляд за окно, но тут же отдёрнула, точно обжегшись. Кожу на затылке стянуло мурашками.

За окном Океан, великий и неизменный, по-прежнему перекатывал тягучие студенистые валы от горизонта до горизонта. Как вчера. Как тысячи лет назад. А чего ты хотела?

Лёгкий шорох в соседней комнате, скрип диванных пружин. Тари вздрогнула, в панике хватаясь за ручку турки, затаила дыхание. Уже? Пора?

Новый шорох, тягучий вздох. Всхрапывание. Ложная тревога — Он не стал потягиваться, просто перевернулся на другой бок и продолжает спать. Всё в порядке. Время ещё есть. А если бы и нет — всё равно нет причин для паники, всё давно готово к Его пробуждению: песок прокалён, вода в стеклянном чайничке доведена до пред-кипения, зёрна поджарены и растёрты, как Он любит, подсушены в прогретой турке; сахарница, молочник и блюдце с кофейной чашечкой уже на подносе. Что ещё? Салфетка... О боже! Она забыла про салфетку!!!

Сердце пропустило удар, потом стукнуло в нёбо, словно пытаясь вырваться из груди. Без паники! Время ещё есть. Тари расправила желтенькую салфетку уголочком, как Он любит. Зажмурилась, стараясь дышать ровно. Плакать нельзя, Он не любит заплаканных глаз. Та, настоящая, никогда не плакала. Во всяком случае, Он в этом твёрдо уверен, а значит и ей нельзя, если она хочет пережить этот день. А потом, может быть, и ещё один. Если очень повезёт...

Дикки повезло — доктор Сарториус добрый. Он и убивал-то его всего раз десять. Ну, может быть, пятнадцать. Потом притерпелся. К тому же Дикки маленький и глупый, он и не помнит, что его убивали. Везунчик! Когда убивают — больно. Очень. А главное — никакой надежды. Бесконечная боль, снова и снова. Малейшая ошибка — и всё. Она научилась безошибочно ловить признаки надвигающейся беды — холодок отчуждения, морщинка на лбу, лёгкое сомнение во взгляде. И далее следует неизбежный приговор — Он качает головой и говорит с лёгким сожалением в заоконное пространство: «Это опять не она. Забирай свою фальшивку обратно», Он всегда говорит что-то в этом роде. И вот тебя уже медленно растворяет, словно кусок рафинада в кружке чая, и каждая клеточка корчится от боли, и нет сил кричать, и тебя самой уже почти нет, и этому нет конца. А самое ужасное, что ты отлично знаешь: завтра тебя снова соберут из обрывков — лишь для того, чтобы снова убить. Снова. И снова. Когда-то давно ты надеялась умереть насовсем, идея с жидким кислородом казалась удачной. Не сработало.

Шорох. Глубокий вздох. Он просыпается!

Движения отлажены до полного автоматизма, тёртые зерна, вода, песок, дать дважды подняться пене, пуская по комнатам восхитительный аромат, перелить в чашку. Поднос в руках, руки не дрожат. Всё. Не дрожат. Последний штрих — безмятежная улыбка. Тари выскальзывает из кухни:

— Доброе утро, дорогой!

Когда-нибудь она перестанет допускать ошибки, и тогда Он поймёт, что она настоящая. Тоже. Должен понять. Иначе просто не может быть.

И, может быть, тогда они с Океаном перестанут её убивать.

МАСТЕР ОБМАНА

— Ага! — радостно вопит трактирщик, тыча пальцем в фальшивую монетку.

Обманщиков у нас ненавидят чуть ли не больше, чем магов, но я — фокусник, мне не то что можно, мне положено. Пожимаю плечами и улыбаюсь философски:

— Что ж, значит, на пиво сегодня не заработал.

Трактирщик ставит на стойку полную кружку:

— Угощаю!

Он доволен и добр — как же, уличил Мастера Обмана, есть чем гордиться. Жаль, не всех так легко сделать счастливыми, хотя и очень хотелось бы. Счастливые не убивают.

Беру кружку и медленно иду к своему столу. Главное — не переиграть и оказаться напротив ужинающего в угловой нише семейства не слишком поздно, пока никто посторонний не заметил и зависшая над их столиком тишина не взорвалась испуганными воплями.

Успеваю.

Их трое: мужчина с огромными руками и бляхой кузнеца -кто бы сомневался! работа с огнем, у них часто рождаются странные дети. Лицо женщины белее накрахмаленного чепчика. И пацан лет десяти, что привлек мое внимание еще на площади. Три минуты назад подозрения подтвердились, когда он попытался повторить мой фокус. Вернее — когда у него почти получилось.

— Молодец! — говорю негромко, но уверенно.

Три пары глаз смотрят на меня с одинаковым ужасом. Вынимаю из безвольных пальцев кузнеца окровавленный комочек ярких перьев — шарик, так и не ставший птичкой.

— У вашего мальчика ловкие руки. Но недостаточно ловкие.

Медленно — очень медленно! — выворачиваю шарик обратно в шарик. Потом, так же медленно — в птичку. И снова в шарик. Очень медленно, чтобы рассмотрели и убедились: никаких чудес! Никакой запретной магии. Просто ловкость рук. Отдаю кузнецу — он рефлекторно сжимает пальцы, шарик хрустит. Никакой крови, только опилки, фольга и нитки. Вот и хорошо.

Кладу на стол ученический набор — шесть разноцветных шариков. Смотрю пацану в глаза.

— Руки надо разминать. Никаких фокусов, только жонглирование. Через год вернусь. Сумеешь справиться — возьму в ученики.

Ухожу, не оглядываясь, чувствую их взгляды спиной. Ужас потихоньку сменяется тревогой, недоверием и надеждой. Вот и хорошо. Он выдержит, родители проследят. Друг другу не признаются, но проследят, слишком близко сегодня подошла к ним тень Инквизиции. А за год я вполне успею натаскать своего нынешнего ученика до уровня Мастера, он уже прошел путь от робкого «учитель, вы уверены?» через восторженное «вы врете, учитель!» до легкой понимающей усмешки. Значит, пора.

Как все-таки хорошо, что в этом мире, нелюбящем магию, обожают уличных фокусников.

Юлия Цыбульская

ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ КИБЕРЗВЕРЬ

— Совмести взгляд с мушкой. Щеку плотнее к прикладу. Не трясись!

Митя инстинктивно отшатнулся, но тут же, не дожидаясь вспышки отцовского гнева, справился с собой, зажмурил левый глаз и попытался сосредоточиться. Только бы отец не начал при всех обзываться, а то дома увидит, что смотришь мультик — сразу «девонька», играешь с кроликом — «девонька», не хочешь идти на осточертевшие ежемесячные осмотры к врачу — «девонька», говоришь, что не нравится охота... Эх.

Вокруг жил лес. Звуков было много. Хотелось набегаться до изнеможения, потом броситься в траву, раскинуть руки и слушать, слушать. И совсем не хотелось стрелять.

— Давай, — приказал отец

Митя вгляделся в едва шелохнувшиеся кусты: робкие движения ножек-палочек, уши, как два лопуха и рябь светлых пятен вперемешку с солнечными зайчиками. Руки опустились сами.

— Ну, девонька, стреляй, это всего лишь киберзверь, — повторил отец.

Митя вскинул винтовку, прицелился — чёрный тёплый взгляд оленёнка пролился сквозь ресницы, приглашая поиграть.

— Бэмби! — пронзительно заорал Митя, ткнул винтовкой куда-то вбок в мягкое и рванул вслед за порскнувшим оленёнком.

* * *

Митя сидел, прижавшись спиной к теплому, нагретому солнцем большому валуну и прижимал к себе испуганного малыша.

«Ай люлень да люлень», — напевая любимую колыбельную, Митя ласково, успокаивающе оглаживал замшевую шёрстку. Он и раньше

не очень верил рассказам отца, что киберзвери не страдают, когда им меняют «запчасти», и что это трудный, но необходимый компромисс (слово даже запомнил) между законными правами охотников и рабочими обязанностями экологов.

«По горам бежит олень», — а теперь, когда он ощущал ладонью шрамы по всему подрагивающему тельцу оленёнка, когда пальцы натыкались на толстые багровые рубцы, окольцовывающие суставы, там, где ветеринарам приходилось снова и снова менять протезы (если во время охоты повреждались ноги), он не хотел ни верить, ни понимать. Каждым всхлипом он отрицал, изгонял из себя принадлежность к совершаемой жестокости. Оленёнок сопел и доверчиво толкался мягким носом в Митин подбородок.

«По горам да по горам», — продолжал Митя. Ну разве малыш не настоящий? Ему так же страшно. И больно, и сиротливо им одинаково.

— Ты добрый, — Митя потёрся щекой о шелковистую мордочку оленёнка и огляделся. В сумерках дорогу назад не найти. Ночевать, видимо, придётся здесь. Ничего, вдвоём не так страшно, да и теплее вместе. — Не бойся, Бэмби! — подбодрил он больше себя, чем оленёнка. Как всегда перед сном зачесался шрам, змеящийся тонким рубчиком вокруг шеи, Митя привычно потёр его. Каждую ночь, стоит только закрыть глаза, он выпадает из машины на дорогу, переворачивается, натыкается взглядом на громадное колесо, закрывающее небо, и всегда в конце — дикая непереносимая боль. Но, может быть, этой ночью кошмар не придёт, ведь Митя сегодня не один.

«Ай да люлень, ай да люлень».

Виталий Придатко

ПРОИГРЫШ

Когда Витас плёлся по подвесным мостам «Искорки» обратно, дорогой костюм уже остался в прошлом. Сопровождавшие, здоровяки в разгрузках, выдали рваньё, более или менее соответствовавшее Уложению о приличиях для плоти и стали; но не более того.

На входе в локомотель их даже не стали обыскивать, а уж какие надежды на репутацию «Искорки» таил Витас! Грузный амбал Тарок — вопреки видимости, чистокровный плоть, — невозмутимо торчал у рамки детектора, словно и не охранял собственность местной банды контрабандистов.

Под носом у Витаса подсыхали кровавые усы.

Переступая порог клетушки, он пошатнулся, наступив на раненую ногу.

— Веселей, — протрубил чернявый усач. — Раз-два, взяли — и ты свободный человек!

— Никаких долгов, — сухо добавил длиннолицый блондин, оттеснив Витаса в сторону. Наклонился, зажужжали вшитые механические глаза.

Света из иллюминатора не хватало. Впрочем, полулюдки наверняка разглядели смутные очертания двух неподвижных силуэтов под тоненькими драными одеялами, потому что блондин наконец убрал тесак в ножны, кивнул усатому и велел:

— Буди давай! Хочу посмотреть заряд.

— Не надо, — тихо, но твёрдо попросил Витас. — Если вы их... зачем это делать с бодрствующими?

Усач поднёс указательный палец к самому носу Витаса и выпустил длинное зазубренное жало. Погрозил, будто ребёнку.

— Ты предпочитаешь, чтобы на запчасти разобрали тебя?

Выхватить пистолет, пальнуть в лоснящуюся морду... Пистолет, между тем, просто-напросто не сработал на территории казино «Энигма» — и судя по тому, что били его не сильно, так оно и должно было случиться.

— Зоя! Мила! Доброе утро!

Зоя подняла голову, сонно заморгала. Превосходное белоснежное тело, идеально совмещённое с живой головой, легко поднялось, подступило к Витасу, обеспокоенно коснулось лица. Он поморщился, отвёл нежную руку.

— Как плоть прямо, — восхитился за спиною усатый. — Эх, была бы на гарантии, забрали бы целиком, ещё и доплатили бы!

Витас скрипнул зубами. И промолчал.

— Это кто? —спросила Милка, наконец-то протёршая глазёнки.

— Доча, это... — Витас вздохнул. — Это доктора. Они вас... осмотрят.

Милка потянулась было к блондину, но Зоя плавным движением убрала её себе за спину.

— Что-то случилось? — Пауза не дольше вдоха. — Ты играл?

Витас опустил голову.

— Они...

— Ваши батареи, коленные суставы и процессоры движения. Только это.

Зоя отступила на шаг, ещё на шаг и прижатая к стене Милка пискнула.

...Всё заняло не так уж много времени: здоровяки из «Энигмы» и впрямь были профи. Голова Зои жалко и беззащитно лежала на полу: практически не адаптированная часть живого тела. Часть, сохранившая жизнь до сих пор... и ещё каким-то чудом живая. Она смотрела на мужа. Витас держался за дверной косяк, чтобы не упасть.

— Всё, — сказал блондин.

— Да, — кивнул Витас. — Всё. Каракулевый ламантин — всё!

Здоровяки ещё успели насторожиться, пока части тела Милки и Зои стремительно собирались в чудовищного кибернетического паука. А потом Витас захлопнул дверь.

Оксана Корпусова

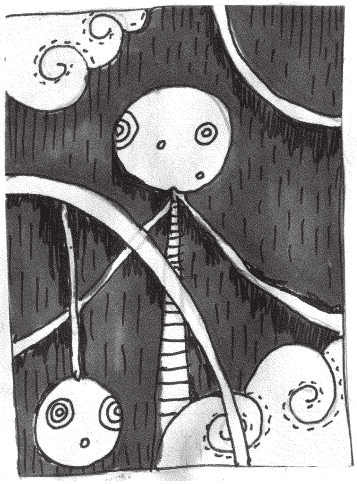
ЧТО СКАЗАТЬ?

Что сказать незваному гостю, который явился в три часа ночи?

— Что случилось? Кто-то умер? Почему у тебя такой радостный вид? Ты избавился от жены? Она наконец допилилась и тебе это надоело? Чем ты ее? Ах, нет! Не понадобилось. Что? Ее утащили инопланетяне? Зависли на летающей тарелке, спустили серебристый луч и забрали ее. В свой зоопарк, наверное. Пусть в клетке сидит, там ей самое место. Таких, как она, надо подальше от людей держать. А! Тебе ее жалко! Ах, она несчастная женщина и жизнь обошлась с ней несправедливо. И в чем же это? Красотой бог обделил? Да нет, я так не считаю. Она вполне обыкновенная. Вот только, говорила она не затыкаясь. И всё гадости. Всегда и про всех. Честная? Не могла молчать и всю правду людям в глаза говорила? И ты ее за это любил? Да ты сколько раз говорил, что сбежать от нее хочешь, что повеситься готов. Если ты ее так любил, что ж ты ко мне такой радостный прибежал среди ночи? Да у тебя улыбка до ушей расползается. Ты думаешь, что мы до утра разговоры разговаривать станем? Ах, это ты за нее радуешься, думаешь ей там, у инопланетян, лучше будет? Ага, там лучший мир. А почему у тебя на морде царапины? И вон на руках? Рубашка порвана и в крови. Вы ведь с ней вроде не дрались никогда? Ты за нее цеплялся, когда ее забирали. Ага-ага. И она тебя в кровь расцарапала. Не хотела любимого мужа покидать. А по-моему, она тебе руки и лицо расцарапала, когда ты ее подушкой душил. Ты бы с ней не справился? Да, это верно. Она раза в два больше тебя, по весу точно. Ты ей, наверное, снотворное подсыпал в вечерний кофе. Чтобы она заснула пораньше, а ты мог, наконец, почитать в тишине. Почитал-почитал, почитал... А что читал-то? «Преступление и наказание» или «Отелло»? Ах, «Маскарад» Лермонтова. Так там герой жену отравил, вроде. Ты вчера его читал. А сегодня что? Уже отравил? Нет. Ее инопланетяне забрали. Она даже страховалась от этого. А куда забрали? На какую планету? Не сказали? Тебя, я думаю, тоже заберут. Нет, не пугайся, другие инопланетяне, серые в форме или белые в халатах. А за ней какие прилетали? В темноте не разглядел? Только луч света. А почему ты весь в земле? Что копал? Лопату куда дел? В помойку выкинул? Бомжи подберут. Им пригодится, ясненько.

А знаешь, я думаю, тебя оправдают. Ты только попроси, чтобы был суд присяжных. У тебя же запись есть, как ее, диктофонная. Помнишь, ты записал, как она тебя четыре часа пилила. Ну да, больше, но у диктофона батарея сдохла, только на четыре и хватило. И еще с ее прошлого дня рождения всех в свидетели позови, кто в гостях у вас был, за столом сидел. Она же тогда ни на секунду не затыкалась, даром, что не ела, не пила. Всем гостям по очереди рассказала своим сладеньким голоском, какие они гады и сволочи. Подумаешь, у нее день не задался и гусь в духовке подгорел. Так это ты там все-таки огонь на максимум вывернул или не ты? Молчишь, улыбаешься. Так что оправдают тебя, не боись. Присяжные тоже люди. У меня ноги замерзли, пошли на кухню, я тебя чаем напою. Герой ты мой. Войны с инопланетянами.

Ой, что-то холодно? Морозит вдруг. Свет какой-то холодный. Нет! Держись! За руку, за руку хватай. Не забирайте его! У него только новая жизнь начинается. Начиналась... Исчез.



Литературно-художественное издание

Астра Нова
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*
Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*
Александр Тишинин
Литературные редакторы: *Дмитрий Вересов, Григорий Панченко,*
Евгения Халь, Камелия Санрин
Корректоры: *Светлана Ушакова*
Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*
Художники: *Елена Нестерова, Ильмир Амиров, Галина Маас*

Подписано в печать 05.12.2019
Формат 60×90 1/16. Отпечатано
с готового оригинал-макета по технологии
Print-on-Demand. Усл. печ. л. 18,94. Уч.-изд. л. 16,76.

Заказ книг
fanni.old-land.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2019